

Евгений Михайлович Кожокин

ИСТОРИЯ БЕДНОГО КАПИТАЛИЗМА **Франция XVIII — первой половины XIX века**

Кожокин Е.М.

История бедного капитализма. Франция XVIII — первой половины XIX века. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. - 368 с., ил.

С исчезновением СССР капитализм как система обрел совершенно новое измерение. Исчезновение альтернативности в мировом развитии требует переосмысления истории капитализма в его самых классических проявлениях. Автор книги предлагает сделать это на примере Франции XVIII — первой половины XIX века.

Оригинальное с концептуальной точки зрения и в то же время прекрасно документированное исследование содержит новые ответы, на вопрос о том, что представлял собой капитализм в ранний период своей истории. В книге сделана попытка представить характеристику основных технологических операций в тех 10 отраслях промышленности, где было занято наибольшее количество рабочих. Рассматривается образ жизни рабочих Франции, прослеживаются типы народного сознания XVIII — первой половины XIX в., дается анализ политики государства по отношению к рабочему классу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. БУРЖУА И РАБОЧИЕ В ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ И МАНУФАКТУР

§1. Динамическое и архаическое в экономике старого порядка

§2. Французская буржуазия на исходе старого порядка

2.1. Капиталисты, негоцианты... буржуа

2.2. Гражданское общество

2.3. На пути к политике

§3. Ремесленные и мануфактурные рабочие

3.1 Социолингвистический экскурс

3.2 Социокультурный экскурс.

Глава II. ОПЫТ УЧАСТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ

§1. От революционной толпы к революционной организации

§2. Сангаолотизм: союз народного движения и власти

§3. Революция как событие в истории общественного сознания французских рабочих

Глава III. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ГОСУДАРСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§1. Экономический строй промышленности

Капиталистический уклад

А. Фабрично-заводское производство

Б. Мануфактурное производство

Мелкотоварный уклад

§2. О неоднородности рабочего класса

§3. Государство в поисках решения рабочего вопроса

Глава IV. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§1. Типы рабочего сознания

§2. Организации рабочего класса

§3. Идеологии и пропаганда в рабочей среде

Заключение

Источники и литература

Именной указатель

*Моим родителям
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Принцип делегированной ответственности историка в нашей стране полностью утратил свою жизненность. Гениальная схема мирового развития, в которую можно было легко встраивать свои эмпирические исследования, лишилась онтологических основ. Мы остались наедине с историей и со своей интеллектуальной ответственностью.

Большое, с надломами и срывами развитие капитализма в России заставляет изучать и переосмысливать становление капитализма в странах его «классической» истории. Особую значимость обретает вопрос о существовании и взаимодействии больших социальных групп в рамках общенационального развития.

Капитализм как система на протяжении своей истории многократно преодолевал накапливавшееся в обществе отчуждение. Более того, каждый крупный кризис подталкивал значительную часть граждан к попыткам избавиться от этой системы, создать принципиально новую. Капитализм на Западе давно пережил стадию нищеты, мы ее переживаем сегодня, но переживаем по второму кругу, так как Россия вкусила от прелестей бедного капитализма еще на рубеже XIX—XX вв. Чтобы *понять*, в каком обществе предстоит нам жить, необходимо рассмотреть разные фазы развития капитализма, специфику социально-экономических и социально-психологических процессов в эпоху ограниченных финансовых порывов к гедонизму, несложившейся культуры политического маневрирования, неумения пойти на уступки. Однако во Франции даже в эпоху бедного капитализма подчинение общественной жизни рациональным принципам конструирования обрело поразительные масштабы.

Французский капитализм не был похож ни на американский, ни на английский или немецкий. К тому же в отличие от современного периода начала XXI в. — периода глобализации — экономическое развитие XVIII — первой половины XIX в. осуществлялось в очень значительной степени, вписываясь в рамки национальных государственных границ.

Политический и социальный опыт Франции XVIII—XIX вв. имел исключительное значение для мирового развития, этот опыт

нередко выступал в виде модели для других стран и народов. Этому способствовало четкое и интеллектуально притягательное осмысление данного опыта такими мыслителями как Гизо и Тьерри, Сен-Симон и Маркс, Бенжамен Констан и Прудон, Токвиль и О.Конт, наконец, описание его гениальными писателями Гюго, Стендалем, Золя, Бальзаком.

Исследование конституирования больших социальных групп, прежде всего буржуазии и рабочего класса, их внутренней динамики, устремлений и борьбы находятся в центре нашего внимания. Трансформация гражданского общества, его взаимодействие с политической сферой, влияние государства на экономические и социальные процессы — сюжеты авторского исследовательского интереса.

Осмысление капитализма, которое осуществлялось в СССР, отчасти значимо и по сей день, но многие вопросы выпадали из поля зрения исследователей: в целях идеологического самосохранения (осознанно или неосознанно) они предпочитали не поднимать «опасные» вопросы.

Сегодня мы оказались беззащитными перед многими мерзостями капитализма, в том числе из-за нашей интеллектуальной недооруженности. Многое справедливое из того, что было сформулировано в рамках марксистской традиции, оказалось срочно забытым и отвергнутым по причинам резко изменившейся идеологической и политической конъюнктуры, с другой стороны, то, что не исследовалось в рамках этой традиции, не попало в фокус внимания и новых методологий.

В центре нашего исследования, во-первых, теоретическая и политическая необходимость осмысления проблемы автономности человеческого сознания. Мы все и на Западе, и на Востоке оказались перед новыми угрозами свободе личности и демократии из-за невероятно возросших возможностей манипулирования сознанием человека. Капитализм с «человеческим» лицом возможен только в том случае, если низшим классам удается добиться соблюдения в отношении себя не только законов, но и определенных неписаных правил. Демократия мало чего стоит, если ее инструментами не умеют пользоваться простые люди.

Во-вторых, перед российскими гуманитариями стоит вопрос о преемственности научной традиции. В-третьих, есть теоретическая проблема типологии капитализма, осмысления новейшего российского капитализма. Осуществляя исследование, приходилось бороться против новейших идеологических мифологем. Так как нельзя допускать в научном анализе ни фетишизации рынка, ни восприятия демократии как системы, имманентно присущей какой бы то ни было стране.

Осуществляя данное конкретно-историческое исследование, автор исходил из следующих методологических принципов: 1) признания эвристической значимости понятийного аппарата ученых-современников исследуемой эпохи; 2) самоценности исто-

рии как науки о жизни людей прошлого; 3) непрерывности российской научной традиции.

Признание особой значимости понятий прошлого для историка, хотя и не обрело аксиоматической формы, достаточно широко распространено среди практикующих историков. Стремительное обогащение исследовательского инструментария за счет привлечения методов других гуманитарных наук в настоящее время несколько замедлено, и историки все чаще оговаривают, что социальные группы прошлого они характеризуют, исключительно используя терминологию этого самого прошлого. Соответственно для нашего исследования мы вводим разграничение — те понятия, которые были известны в гуманитарной науке XVIII — первой половины XIX в., мы относим к органическим или историческим, те, что появились позже (особенно на исходе XX — в начале XXI в.) относим к неорганическим, т.е. современным. Добиваясь аутентичности в описании социальных феноменов Франции XVIII — первой половины XIX в., автор стремился, по возможности, не выходить за круг понятий исследуемого времени.

Но решая проблему соотнесенности органических и неорганических понятий, необходимо было не впасть в ошибку абсолютной архаизации исторического познания и поэтому была признана неизбежность использования новых понятий. Иначе затрудняется выявление ранее неизвестных пластов исторического бытия. Но не должно быть механического перенесения социологического или политологического инструментария в анализ прошлого. Во многом можно согласиться с подходом И.Валлерстайна, выдающегося исследователя, президента Международной социологической ассоциации, который говорил в своем обращении к делегатам 14-го Всемирного социологического конгресса в июле 1998 г.: «Социальные факты, с которыми мы имеем дело, социальны в двух смыслах: они являются восприятием реальности в большей или меньшей степени разделяемым группами средней численности, но имеющим свои оттенки для каждого отдельного члена этих групп. И это социально конструируемые восприятия. Но скажем со всей ясностью: интерес представляет не социальная конструкция мира, предполагаемая тем или иным исследователем, но конструкция социальной реальности, выработанная коллективно в результате совместной деятельности людей... Исследователь пытается разглядеть, каким образом коллективными усилиями создан мир, и при этом, конечно, он использует собственное социально сконструированное видение»¹.

Специфику исторического познания автор видит в том, что историк не может и не имеет права претендовать на изменение социальной (либо политической) реальности, и в этом его отличие от политолога, социолога, экономиста, которые анализируют живую ткань современного общества, воздействие на которую теоретически возможно и этически допустимо. Историк в ходе своего исследования подобен хранителю музея восковых фигур, он может

смахивать с них пыль, менять ракурс освещения, передвигать их в пространстве, но не может заставить восковые фигуры танцевать, а если попытается, обязательно разобьет.

К тому же история как наука имеет экзистенциальное, философское значение. Она помогает жить и выживать и человеку, и обществу в целом. Она служит преодолению страха перед неизбежностью смерти тем, что говорит о возможности сохранения личности в зафиксированной памяти других людей. Фридрих Ницше писал об истории: «Она нужна нам для жизни и деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности...»²

Попытки объявить историю не более чем «конструктом» сознания историков ведут к превращению ее в своего рода «игру в бисер» для узкого круга избранных. При этом игнорируется то, что феномен, обозначаемый словом история, выступает как минимум в трех ипостасях: как онтологическая реальность прошлого, как совокупность источников письменных и материальных (в том числе и не выявленных к настоящему моменту) и как всемирная историография. Даже самые радикальные «конструктивисты» не ставят под сомнение существование самих себя и своих современников, физически, а в значительной степени и духовно порожденных своими предшественниками. История как онтологическая реальность — это всего лишь признание существования в прошлом миллионов людей, особенности бытия и быта которых полностью не удастся познать никогда. Но огромное количество сохранившихся письменных и материальных памятников позволяет очень далеко продвинуться в познании того, как жили, как думали, как страдали, любили, воевали, болели... люди прошлого.

Обращаясь к третьему методологическому принципу, отмечу, что отнюдь не ставлю под сомнение универсальный характер исторической науки. В то же время, пытаясь достичь «высот универсализма», автор понимал, что неизбежно является заложником собственного человеческого (социального, политического и проч.) опыта, родного языка и ментальных традиций своей страны. Именно поэтому, стремясь получить максимальную интеллектуальную свободу, автор особенно пристально вглядывался в отечественную историографическую и методологическую традицию. Но не с целью императивного избавления от этой традиции, а с целью ее творческого использования. Относительная автономность развития российской историографии от западной не преодолена и, возьму на себя смелость утверждать, не должна быть преодоленной. Но российскую историографию сегодняшнего дня подстерегают особые опасности.

Ощущение деградации исторического процесса довлеет над сознанием многих наших соотечественников, это ощущение влияет на выбор методологических принципов, делает малопонятными проявления героического, нравственного и возвышенного в про-

плом. Тем более возрастает значение для нас познания того, как в других странах преодолевались пороки бедного капитализма.

Стереоскопическое видение истории стало нормой научного анализа. Субъективизация истории приводит к ее многомерности, а не к ее отмене. Для нас даже при изучении экономических и технологических феноменов исключительно важным было понять место человека в экономике и технических инновациях. Соответственно реалии жизни Франции XVIII — первой половины XIX в. мы старались увидеть, прежде всего, «снизу», глазами бедных и обездоленных, тех, кто называли себя рабочими. Их письма, воспоминания, наказы Генеральным штатам³, уставы организаций, прокламации, песни, высказывания, зафиксированные полицейскими, журналистами, политиками тщательно собирались.

В то же время объемность поставленных задач требовала обращения к источникам различного типа. Информация о характере производства, о трудовой деятельности рабочих разных профессий и разной квалификации была почерпнута из технологических трактатов⁴, промышленных словарей и энциклопедий⁵, а также из специальных исследований по истории техники⁶. Выводы о распространении того или иного типа производства были сделаны преимущественно на основе данных промышленных переписей, проводившихся в 30—60-е годы XIX в.⁷ Из всех обработанных статистических источников того времени наибольшую ценность представляет собой многотомное издание «Statistique de la France. Industrie», в котором охарактеризованы все промышленные предприятия Франции 40-х годов XIX в. (за исключением предприятий Парижа и департамента Сена) с числом рабочих более 12. О каждом предприятии приведены следующие данные: местонахождение, имя владельца, годовая стоимость продукции, количество рабочих (всех вместе и отдельно мужчин, женщин, детей), средняя заработная плата, соответственно, мужчин, женщин, детей, характер двигательной силы (наличие и количество водяных, ветряных, конных мельниц и паровых машин), количество и характер используемых промышленных печей и, наконец, количество машин и станков разного рода.

При изучении условий жизни пролетариев, уровня оплаты труда, характера их жилищ, одежды и питания особое внимание было обращено на анкеты Л.-Р.Виллерме, Э.Бюре, А.Бланки, Ш.Дюпена, А.Одиганна, работы некоторых анонимных авторов первой половины XIX в.⁸ И экономисты Бюре, Бланки, Одиганн, и врач Виллерме, помимо того, что представили ныне почти недоступные данные местной промышленной и медицинской статистики 30—50-х годов XIX в., в своих работах также зафиксировали личные впечатления от посещения фабрик, заводов, мастерских,

воспроизвели свои разговоры с предпринимателями, рабочими, чиновниками муниципалитетов промышленных районов.

Автором были предприняты значительные усилия по выявлению неизвестных документов по исследуемой теме в архивах России (СССР), и прежде всего в теперь уже бывшем Центральном партийном архиве. Из обнаруженных коллекций документов и отдельных материалов следует выделить фонд Пьера Венсара⁹, человека попытавшегося создать «наивную социологию» рабочего класса середины XIX в. Фонд П.Венсара является уникальной коллекцией документов по истории Франции. Он дает возможность воссоздать облик французских рабочих того времени — знакомит с их трудом, повседневной жизнью, их взглядами и привычками.

Архив Венсара позволяет уяснить, как он вел свой кропотливый труд, конечной целью которого было представить обществу истинный портрет пролетариата Франции. Впрочем, не в меньшей степени Венсар считал необходимым просветить и самих рабочих об условиях жизни их собратьев по труду. В предисловии к своей книге «Рабочие Парижа» он с грустью отмечал: «Рабочий, получающий более или менее приличную зарплату, не знает, в каких условиях рождается, живет и умирает бедный поденщик. Достаточно зарабатывающая работница не может поверить, что многие женщины за целый день тяжкого труда получают всего несколько сантимов»¹⁰. Задачи историографа рабочего класса тесно сплетаются у него с задачами социального преобразования. Венсар всерьез приступил к сбору материала о пролетариате осенью 1848 г. Он поставил перед собой, по существу, титаническую задачу: такой попытки во Франции еще никто не предпринимал. Венсар собирал информацию буквально по крупицам. Сведения о ремесле и ремесленниках прошлых времен он выискивал в доступных ему сочинениях (Ж.-Ж.Одолан-Десноса, Г.Понсе де ля Грера)¹¹. О некоторых из использованных Венсаром книгах можно составить мнение только по сделанным им кратким выпискам: самих книг нет даже в Национальной библиотеке Франции.

Каждый из намеченных очерков о профессиях Венсар планировал открыть историческим экскурсом. Но многое из задуманного ему не удалось реализовать. В ходе исторических поисков больше всего сведений он собрал о статутах, регламентировавших производственную и коммерческую деятельность корпораций¹², и о знаменитых умельцах-ремесленниках прошлого. Но если сведения первого рода он почерпнул исключительно из печатных источников, то информацию второго рода хранила не только письменная, но и устная традиция. Венсар мечтал создать историческую галерею выдающихся людей из народа. Еще в детстве ему приходилось слышать рассказы о ремесленниках — создателях великих шедевров, о мастерах, прославивших свое ремесло. Он прекрасно знал, что каждая профессия (корпорация, как говорили в его время) имела своего поэта-шансонье, гордилась им, пела его песни.

Изустно передаваемую историю пролетариата Венсар хотел перенести на бумагу. Как подлинный историк, он стремится соотнести смутные, когда-то услышанные рассказы со сведениями, имеющимися в литературе, которую Венсар тщательно изучал. В книжечке Агриколы Пердигье о компаньонажах, в газетах «Peuple» (31.03.1869) и «Nouvellist Parisien» (18.04.1860) он обнаружил краткие рассказы о Жаке Андре Рубо (1739—?), прославившем свое имя в столярном деле. «Документ по истории Людовика XIV» раскрыл ему страницы жизни мастера-краснодеревщика Буля (?—1732).

И все же Венсар стремился не только (и не столько) к воссозданию прошлого. Главная боль его была за современное положение пролетариата, и именно о современности ему более всего хотелось говорить и писать. Осознанно, а возможно, и неосознанно он пытался противопоставить свойственному буржуазному сознанию определению ценности той или иной профессии на основе того, насколько она выгодна, анализ особенностей самого процесса труда, свойственного для данной профессии. Венсар хотел поведать обществу о тяготах, усталости, риске, профессиональном умении - о всем том, чего образованное буржуазное общество не знало и знать не хотело, - добиться, чтобы к требованиям и нуждам рабочих людей относились с большим вниманием и пониманием. Его книги, статьи должны были служить серьезным подтверждением простой и справедливой мысли: за свой титанический, нередко каторжный труд рабочие заслуживают лучшей участи в этой жизни. Именно это является основным содержанием массы оставшихся после него материалов.

Технологическую характеристику производственных процессов Венсар заимствовал из энциклопедических словарей типа основательнейшего «Dictionnaire des Arts et Manufactures» под редакцией Лабуле¹³. Но если Лабуле и его соавторов интересовали исключительно станки и машины, то Венсар был озабочен тем, чтобы показать, как приводились в действие эти станки и машины, как они изматывали, обессиливали, калечили тысячи безымянных солдат огромной промышленной армии.

Не довольствуясь той информацией, которую он мог почерпнуть в технологических трактатах и словарях, в основанной на данных предпринимателей статистике, в немногочисленных брошюрах рабочих-публицистов, Венсар решил провести свою собственную анкету. И эти материалы составляют основную ценность его архива. В конце 1848 г. Венсар разослал письма своим знакомым, рабочим различных специальностей. Письма содержали длинный список вопросов, на которые предлагалось ответить как можно подробнее. Венсара интересовало, в каком возрасте начинается ученичество и каковы его условия, из каких местностей прибывают рабочие, нанимающиеся в ту или иную отрасль парижской промышленности, что представляют собой организации рабочих. Венсар спрашивал также о продолжительности рабочего

дня и величине оплаты, о характере безработицы и о том, что происходит с рабочими, которые больше не могут выполнять свои профессиональные обязанности вследствие старости или болезни. В анкете Венсара есть также вопросы о профессиональном жаргоне, об опасностях, которым особенно часто подвергаются труженники разных специальностей во время работы, об основных орудиях труда и о специализации в рамках профессии. Есть вопросы об обычаях и психологических особенностях, о том, часто ли работники ходят в театр, какие читают книги и какие поют песни, поддерживают ли отношения с рабочими других специальностей¹⁴. Присланные Венсару письма рабочих не представляют собой упорядоченной серии ответов на вопросник. Нередко работники сообщали о том, что им самим казалось важным в жизни их профессиональной корпорации. Наиболее подробные и развернутые ответы прислали краснодеревщики. Особенно интересно письмо хорошего знакомого Венсара — краснодеревщика Перно. Он подробно рассказал историю своего ремесла в XVIII — начале XIX в., поведал о его расцвете и кризисе. Начавшийся в 30-е же годы XIX в. экономический упадок мебельного дела он связывал с неудержимой конкуренцией немецких эмигрантов. Подобно Перно, многие рабочие-французы во всем винили «непрощенных гостей». Чрезвычайно интересны материалы, свидетельствующие о том, что сами рабочие-краснодеревщики постепенно осознают, что подобная междоусобица идет им только во вред¹⁵. Так у рабочих зарождаются мысли, которые позднее приведут к созданию Интернационала.

Сапожники вместе с ответами на анкету Венсара прислали дневник Беро, своего юного товарища, умершего от чахотки. Живая, непосредственная, подчас очень наивная хроника краткой жизни юноши является уникальным документом. Нечасто рабочие вели дневники, еще реже они сохранялись для истории¹⁶.

Письма рабочих к Венсару заключали в себе как бы сгустки живой жизни, подчас героической, чаще скучной и однообразной, порой пронизанной духовными поисками угнетенных, но свободолюбивых людей, иногда же бессмысленной и унижительной.

При работе над книгой из архивных источников в Российском государственном архиве социально-политической истории были изучены также фонды А. де Сен-Симона, Э.Кабе, Луи Блана¹⁷. В этих фондах содержатся документы, которые в той или иной степени характеризуют отношения, существовавшие в 30—40-е годы XIX в. между социалистами, коммунистами из числа интеллигенции и рабочими Франции. Наибольший интерес представляют собой: проект создания сенсимонистами бесплатной школы для рабочих, 5 списков сенсимонистов 1837—1839 гг., в которых встречаются имена рабочих, будущих редакторов пролетарской газеты «Ruche Populaire», письмо к Кабе типографского рабочего, коммуниста-революционера по убеждениям, Марколино-Пра и письмо самого Кабе редактору органа лионских ткачей «Echo de la Fabrique». В отделе письменных источников Государственного ис-

торического музея также были найдены листовки и документы, имеющие отношение к истории революции 1848 г. и к движению сенсимонистов¹⁸.

По существу, неизвестным до сих пор науке источником информации о мыслях и чаяниях рабочих 30-х годов XIX в. являются десятки писем, опубликованных в 1832—1833 гг. на страницах леволиберальной газеты «Bon Sens»¹⁹. Были изучены номера с 26 августа 1832 г. по 4 августа 1833 г. За этот период газета поместила 166 различных посланий пролетариев Парижа и провинции. В этой переписке приняло участие более 360 рабочих. Точное число указать невозможно, так как под некоторыми письмами стоят подписи следующего рода: каменщик А.Паливо от группы товарищей. Коллективные послания имеют особую ценность, так как они отражают воззрения и неграмотных работников²⁰. В 40-х годах XIX в. коллективные петиции, письма пролетариев, их выступления на банкетах довольно регулярно печатались республиканской газетой «Reforme» и уvrierистским ежемесячником «Atelier». На протяжении всех 10 лет существования «Atelier» его редакция, состоявшая исключительно из рабочих, печатала на страницах своего издания материалы, написанные только лицами физического труда.

Богатый материал о рабочей культуре 20—40-х годов XIX в., о путях создания рабочих организаций, об условиях быта, о путях проникновения идей утопического социализма и коммунизма в пролетарскую среду, о политических симпатиях работников Парижа и Лиона содержится в воспоминаниях резчика стульев Беде, каменщика Мартена Надо, ткача Жозефа Бенуа, рабочего активиста несколько более поздней эпохи Дюме, владельца крохотной мастерской и поэта-рабочего Жюля Венсара (дяди П.Венсара)²¹. Настоящей энциклопедией народной жизни, неистощимым источником сведений об обычаях и внутренней организации коммунажей являются мемуары и брошюры столярного подмастерья А.Пердигье²².

Ряд очень редких печатных источников: проспект существовавшей лишь несколько месяцев рабочей газеты «Артизан», брошюры лидеров стачек Гриньона, Эфраема, памфлеты парижских работников и уставы производственных ассоциаций 30—40-х годов XIX в. — стали в настоящее время доступны благодаря их переизданию, осуществленному в 1976 г. французскими историками Ж.Рансьером и А.Фором²³.

Особое место среди источников принадлежит песням рабочих тех лет. И песни безвестных авторов, фольклорные творения, и создания таких знаменитых рабочих шансонье, как П.Дюпон или Ш.Жиль, передают часто сокровенные мысли не только их создателей, но и тех пролетариев, что с удовольствием распевали эти простые, но выразительные куплеты²⁴.

Анализ судебной газеты «Gazette des Tribunaux», которая регулярно печатала отчеты о всех более или менее значительных про-

цессах как уголовного, так и политического характера позволил лучше уяснить подходы государства к рабочему вопросу. Желание увидеть изучаемые феномены с разных точек зрения обусловили обращение к воспоминаниям банкира и политического деятеля Лаффита, газетам самых разных политических направлений.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003. С. 324.

² Ницше Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т. 1. С. 159.

³ Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville d'Alençon pour les Etats Généraux de 1789. Alençon, 1929; Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille pour les Etats Généraux de 1789. Marseille, 1908; Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Généraux de 1789. Troyes, 1909. Т. 1—2.

⁴ Baudrimont A. Traité de chimie générale et expérimentale. P., 1844—1846. Vol. 1—2; Borgnis Y.-A. Traité complet de mécanique appliquée aux arts. P., 1818—1820. Vol. I—8; Burat A. Géologie appliquée ou traité de la recherche et de l'exploitation des minéraux utiles. P.—Leipzig, 1843; Dubrunfaut. Art de fabriquer le sucre de betterave. P., 1825.

⁵ Savary des Brulons. Dictionnaire universel de commerce. Genève, 1750. Vol. 1—2; Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale, et agricole. Paris—London: S. ed. 1833—1841. Vol. I—XII; Encyclopédie du commerçant, Dictionnaire du commerce et des marchandises. P., 1857. Vol. 1—2; Encyclopédie nouvelle ou dictionnaire philosophique, littéraire et industriel. P., 1836—1843. Vol. 1—8.

⁶ Eude H. Histoire documentaire de la mécanique française. P., 1902; Helot Y. Le sucre de betterave en France de 1800 à 1900. Cambrai, 1900; Sauzay A. La verrerie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1869.

⁷ Exposé de la situation du commerce et de l'industrie, soumis au roi, par le ministre du commerce et des travaux publics. P., 1832; Statistique de la France, publiée par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837; Statistique de la France (Industrie), publiée par le ministre de l'intérieur, de l'agriculture et du commerce. P., 1847—1852 (Vol. 1—4); Statistique de l'industrie à Paris. 1860. Enquête de la Chambre de commerce. P., 1864. Annuaire statistique et historique du département de la Haute-Saône. Vesoul, 1833.

⁸ Villermé L.-R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. P., 1840. Vol. 1—2; Buret E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. P., 1840. Vol. 1—2; Blanqui A. Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. P., 1849. Vol. I—II; Dupin Ch. Forces productives et commerciales de la France. P., 1827. Vol. I—II; Audiganne A. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX siècle. P., 1854. Vol. 1—2, Aperçu sur la condition des classes ouvrières et critique de l'ouvrage de M. Buret. P., 1844; Nouveaux tableaux de Paris ou observations sur les mœurs et usages des parisiens au commencement du XIX siècle. P., 1828.

⁹ О Венсаре имеется краткая, отличающаяся некоторой неточностью, биографическая справка в «Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français» (П., 1966. Р. 513—514). В связи с характеристикой деятельности пролетарской организации 1848 г. — Центрального Комитета рабочих делегатов департамента Сена — о нем писал А.Б.Резников в коллективной монографии «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». М., 1976. Ч. 1; и Gossez R. в книге «Les ouvriers de Paris» (La Roche-sur-Von, 1967). Как публицист и историк Венсар до сих пор не привлекал внимания исследователей.

¹⁰ Vinçard P. Les ouvriers de Paris. Р. XXVIII.

¹¹ Например, из книги Poncet de la Grave G. Memoires interessants pour servir a l'Histoire de la France... (Paris, 1788. Vol. 1. Р. 228, 320) Венсар почерпнул сведения о рабочих-каменотесах XVIII в. (см.: РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/2-5. Л. 59).

¹² См., например, его исторический очерк о корпорации парижских пирожников с 1270 до 1859 гг. в кн. Les ouvriers de Paris. Р. 73—96.

¹³ См.: РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7.

¹⁴ См. наиболее полный перечень вопросов в черновике письма Венсара к неизвестному рабочему-плотнику (РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 10. Л. 40).

¹⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7, 20/2 (в обложке с надписью Caractère, moeurs, habitudes).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 20/2.

¹⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 225, 226, 229.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 312.

¹⁹ Ф.В.Потемкин исследовал эту газету, черпая из нее информацию только о лионских восстаниях (см.: Потемкин Ф.В. Лионские восстания. М., 1937). Современный французский историк Р.Госсец в своей статье о прессе для рабочего класса упоминает о письмах пролетариев в «Bon Sens», но не анализирует их (см.: Gossez R. Presse parisienne a destination des ouvriers. 1848—1851. La presse ouvriere. 1819—1850. Р., 1966). Малоизученность этого ценного печатного источника, возможно, объясняется тем, что, по словам Госсеца, во Франции имеется лишь неполная подшивка этой газеты. В Государственной общественно-политической библиотеке (бывшей библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) хранятся, за исключением, все ее номера.

²⁰ В 1834 г. число неграмотных среди населения Франции составляло 47%, к 1848 г. благодаря реформе начального образования этот процент значительно снизился, но и в эпоху II Республики он равнялся 33%. (Chevallier P., Gropserrin B., Maillot J. L'Enseignement francais de la Revolution a nos jours. Paris—La Haye, 1968. Р. 72).

²¹ Nadaud M. Memoires de Léonard, ancien garçon maçon. Bour-ganeuf, 1895; Benoit J. Confessions d'un proletaire. Р., 1968; Un ouvrier en 1820. Manuscrit inédit de Jacque Etienne Bedé. Р., 1984; Dumay J.-B. Mémoires d'un militant ouvrier du Creusot (1841—1905). Grenoble, 1976, Vinçard aîné. Mémoires épisodiques d'un vieux chansonnier saint-simonien.

P., 1878; Perdiguer A. Biographie de l'auteur du livre du compagnonnages et reflexions diverses. P., 1846; *ibid.* Mémoires d'un compagnon. Moulins, 1914; *Ibid.* Les compagnons du devoir Origine, causes des dissensions, reconciliation generale. P., 1848.

²² Perdiguer A. Biographie de l'auteur du livre du compagnonnages et reflexions diverses. P., 1846; *Ibid.* Mémoires d'un compagnon. Moulins, 1914; *Ibid.* Les compagnons du devoir Origine, causes des dissensions, reconciliation generale. P., 1848.

²³ La parole ouvrière. 1830—1851. P., 1976.

²⁴ Несколько песен членов компаньонажей приведено в книгах Пердигье, наиболее же богатым собранием песен тех лет является публикация П. Броншона: *La chanson française. Le pamphlet du pauvre.* P., 1957.

Глава I

БУРЖУА И РАБОЧИЕ В ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ И МАНУФАКТУР

§ 1. ДИНАМИЧЕСКОЕ И АРХАИЧЕСКОЕ В ЭКОНОМИКЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Эпоха меркантилизма подходила к концу. Был разрешен ввоз ситца в страну, в 1769 г. ликвидирована монополия Компании двух Индий на торговлю с Вест- и Ост-Индией. Еще ранее, в 1764 г., была предпринята попытка разрешить свободную торговлю зерном. Королевский указ 1762 г. легализовал сельскую кустарную промышленность. Рассеянная мануфактура получила дополнительный стимул развития. Регламентация технических условий производства во многих сферах становилась более гибкой. Швейцарские банкиры открывали один за другим отделения своих банков в Париже: Перрего в 1781, Бидерман и Клавьер в 1782, Оттингер в 1785¹.

Благодаря физиократам, теоретикам экономического либерализма начал распространяться взгляд на внутреннюю торговлю как на средство сбалансирования потребностей и ресурсов общества. Попытки утверждения свободы торговли внутри страны означали не просто разрыв с теорией и практикой меркантилизма. Традиция жесткой регламентации внутренней торговли была гораздо более древней, чем меркантилизм. Еще в 1565 г. Парижский парламент декларировал, что дороговизна хлеба объясняется не недородом, а злым умыслом торгашей и перекупщиков². Регламентация являлась необходимым средством распределения продуктов питания, которых хронически не хватало для пропитания населения Франции.

В XVIII в., как и в XVII в., хлеб был главным продуктом питания миллионов французов, условия их существования и сама жизнь, особенно беднейших слоев, зависели от урожая, правда, в XVIII в. в не меньшей степени и от уровня цен на рынке. В ту пору не только горожане, но и очень многие обитатели деревень являлись уже постоянными покупателями хлеба. Плохой год означал взвинченные цены на хлеб, голод и, как следствие, бунты и эпидемии. Государство не имело возможностей предотвратить эту цепь бедствий. Голодные годы повторялись приблизительно раз в 10 лет: 1630—1631 гг. — голод и эпидемия в парижском районе, на

всем юго-западе, в Бурбонне, Бретани; 1639—1640 гг. — голод в Париже и на севере Франции; 1643 г. — вновь голод; страшный голод был в период Фронды; затем в 1660—1662, 1671 гг. — голод в Перигоре, 1675 г. — на юго-западе, 1679 г. — в Нормандии, катастрофа 1693—1694 гг.; 1699 г. — голод в Париже; в 1709 г. — бедствие охватило всю страну, но оно было последним, носившим всеобщий характер. Последующие голодные годы затрагивали уже только какую-либо часть Франции.

В 20—40-х годах XVIII в. в сельском хозяйстве наметился оп-ределенный перелом. Средняя урожайность пшеницы все чаще становилась сам-пять, а в благоприятные годы сам-шесть и сам-семь. Ранее государство и сеньоры фактически вынуждали крестьян значительную часть урожая продавать на рынке (все налоги государству и большая часть сеньориальных повинностей оплачивались в денежной форме). Часто происходило вынужденное отчуждение необходимого продукта. Теперь крестьянин имел излишки, которые ему самому было выгодно продать. Шло развитие мелко-товарного уклада.

Что послужило базой для этих изменений? На юго-западе по-лучило широкое распространение выращивание кукурузы, на севе-ре занялись улучшением лугов. Скот стал получать более обиль-ные, чем ранее, корма. Появились их некоторые новые виды. Стали использоваться минеральные удобрения. Расширилось тра-восеяние. Зброшенные в конце XVII — начале XVIII в. — в ката-строфический для Франции период — земли вновь распахали. Возрожденные залежные земли давали хорошие урожаи. Немало-важно и то, что волей случая погода благоприятствовала земле-дельцу начиная с 1730 г. Появление у крестьян денежной налич-ности позволяло приобретать улучшенный инвентарь.

Прогресс в сельском хозяйстве опирался не только на крес-тьянскую практику, но и на развитие агрономической науки, на экспериментаторство части крупных землевладельцев и арендато-ров. Усилия сторонников «новой агрономии» поощрялись осно-ванным в 1737 г. Французским сельскохозяйственным обществом. Сельскохозяйственные предприниматели и ученые совершали пу-тешествия в Англию для ознакомления с новыми методами земле-делия и животноводства.

Глубинные процессы, происходившие в жизни общества, в той или иной мере были известны философам и экономистам, страст-но размышлявшим о судьбах своей страны, и чиновникам государ-ственного аппарата, людям, информированным по долгу службы. В XVIII в., несмотря на явные успехи урбанизации, Франция ос-тавалась страной глубоко аграрной и сельской. Ритм экономичес-кой жизни подавляющего большинства городов определялся сель-скохозяйственной конъюнктурой. Тем более что больших городов со значительными финансовыми ресурсами было мало. Выделялся Париж с его полумиллионным населением. Около 100 тыс. населе-ния в конце XVIII в. насчитывали Лион и Марсель. Более 50 тыс.

имели также Бордо, Руан, Лилль, Страсбург и Нант. Еще приблизительно в десяти городах населения было от 10 до 25 тыс. Все остальные французские города не достигали этого масштаба³.

В экономической доктрине физиократов неизменно присутствовала теоретическая двойственность. С одной стороны, они первыми дали анализ современного им общественного производства как производства субстанционально капиталистического, с другой стороны, сама структура производства им виделась еще очень архаически: промышленность объявлялась непроизводительной сферой, совокупное национальное богатство, по их словам, создавалось исключительно в земледелии⁴. Противоречивость физиократической теории отражала реальное противоречие французской действительности XVIII в. Свободно-рыночные отношения имели под собой экономическое обоснование максимальной эффективности, правовое же оформление их безнадежно отставало. Регламентация феодального типа продолжала довлеть над многими сферами промышленной, финансовой и коммерческой деятельности. К тому же, используя отжившие формы организации производства, государство изымало немалые средства в пользу социальных групп, все более неспособных обосновать причины своего привилегированного положения. С каждым годом делаясь все менее «разумными», феодальные пережитки не становились от этого менее действительными. Ручной, малопроизводительный труд обуславливал сохранение и значимость мелкотоварных отношений. Море мелких производителей в сельском хозяйстве и промышленности во многом определяло экономический, а соответственно социальный, психологический и политический облик Франции XVIII века.

Свободный капитализм рождался из соединения подсобных крестьянских промыслов с торговым капиталом. Давно избавленные от мелочного надзора сеньора, вдали от придирчивого ока ремесленных корпораций, сельские хозяева, одни, бедствуя и стремясь получить дополнительный источник существования, другие, набирая силу и мечтая о небольшой сумме для покупки земли, во многих местностях занимались подсобными промыслами.

Сельский труд с промышленным совмещали крестьяне Литтри, Рансье, д'Аллевары, Сен-Мари-о-Мин. Бумажники Амбера, литейщики Шампенуа, Аннрое, Берри продолжали возделывать землю. В местности вблизи Больбека, отмечали современники, на каждой ферме имелся ткацкий станок; вокруг Ренна многие крестьяне занимались обработкой выращенной ими конопли⁵. В Севеннах, к северу от Але, местные крестьяне добывали уголь, прорывая так называемые «trous de renard» («лисий норы»). Попытка королевской администрации рационализировать разработки и привлечь специалистов закончилась неудачей. Нормандцу Тюбефу, получившему концессию, так и не удалось ею воспользоваться вследствие ожесточенного противодействия севенских крестьян⁶.

В самых глухих районах крестьянские промыслы не носили товарного характера и относились по своему типу к натуральному хозяйству. Но таких затерянных углов во Франции было сравнительно немного. Поселяне редко ограничивались тем, что пряли и ткали только для себя и своих ближних. Гораздо чаще они реализовывали излишки своей зимней промышленной деятельности на рынке или уступали по сходной цене свою продукцию ловкому торговцу-скупщику, периодически их навешавшему. В Руане существовал специальный так называемый «внешний рынок», где, несмотря на постоянные протесты корпораций, имели право продавать свои изделия сельские ткачи. Обороты «внешнего рынка» были значительно выше оборотов «бюро ткачей», места совершения торговых сделок корпорированных ремесленников — текстильщиков города. Правда, в столь развитой провинции, как Нормандия, сбытом «сельской» промышленной продукции занимались, в основном, не сами производители, а скупщики-предприниматели из числа горожан и сельских жителей. Среди товаропроизводителей шла дифференциация: некоторые собственники-землепашцы и зажиточные арендаторы раздавали беднякам заказы на изготовление промышленной продукции и даже предоставляли станки⁷. Крестьянские промыслы втягивались в сферу капиталистического производства через все более разветвленную систему рассеянных мануфактур.

Мануфактурные формы во французской деревне того времени были чрезвычайно широко распространены вблизи крупных городов. Формировались целые промышленные зоны: шелковое дело развивалось в районе Лиона, Сент-Этьена, Сен-Шамона, ножевой промысел — в окрестностях Тьера, производство парусины — в Анжере и его округе, льнопрядение в районе Аббевиля и т.д.⁸ Рассеянная мануфактура способствовала накоплению денежной наличности у предприимчивых дельцов, готовила кадры работников, психологически подготовленных к нудному станочному труду, способствовала распространению элементарных технических навыков. Наконец, сам тип предпринимателя складывался в значительной степени именно в сфере превращения традиционных крестьянских промыслов в звенья капиталистической производственной системы. Мануфактурист — это или прошедший школу гешефтмахерства крестьянин (из крестьянской среды постоянно выбивались наиболее активные, предприимчивые и чаще всего наименее обремененные нравственными табу индивиды), или городской торговец, подчинивший своему расчету, натиску, наглости массу крестьян-промысловиков.

В XVIII в. торговля (и особенно внешняя) была наиболее динамично развивающимся сектором французской национальной экономики. С 1716—1720 гг. по 1784—1788 гг., согласно различ-

ным подсчетам, объем внешней торговли Франции вырос приблизительно в пять раз. По темпам роста внешней торговли ей уступала даже Англия. С 1716 по 1776 г. внешнеторговый баланс Франции имел постоянно положительное сальдо, лишь в 1777 г. впервые за длительный срок наблюдался дефицит торгового баланса⁹. В 1787 г. на внешних рынках было реализовано на 326,1% промышленной продукции больше, чем в 1716 году¹⁰.

Внешняя торговля, неэквивалентная во многих отношениях, позволяла сколачивать чрезвычайно крупные состояния в короткие сроки. История сохранила имена крупнейших негоциантов XVIII в. — арматоров Бордо, Нанта, Марселя, Сен-Мало, Гавра, этих судовладельцев и купцов, финансировавших и снаряжавших большие торговые экспедиции в Америку, Азию, Африку. В середине века своего рода марсельской знаменитостью был Ж.Ру, по прозвищу Корсиканец. С 1733 по 1749 г. один или в компании с братом он снарядил 61 корабль. В Руане в XVIII в. коммерсанты чаще всего отправляли от 2 до 5 кораблей, но некоторые — по 24 и даже по 27 судов. Семейство Монтоденов в Нанте владело 17 судами и вело торговлю со всеми частями света. А.Вальш, богатейший работорговец, только в 1748 г. снарядил флотилию в 13 судов¹¹.

Сохранились данные о 6300 (60% из всех имевших место) морских торговых экспедициях, снаряженных в Нанте с 1694 по 1792 г. Большая часть экспедиций приходилась на 76 наиболее состоятельных семейств арматоров, каждое из них отправило более 20 экспедиций. Семейства не столь богатые (таких среди арматоров Нанта было около 120) подготовили 2200 экспедиций¹². Слово «экспедиция», подчеркивающее риск и определенную неповторимость предприятия, точно характеризует морскую торговлю XVIII века.

Часть капиталов, аккумулированных в торговле, инвестировалась в промышленность, и негоцианты выполняли одновременно функции мануфактуристов. В 1671 г. крупный коммерсант О.Мажи стал владельцем сахароварни в Марселе; знаменитое впоследствии марсельское производство мыла также было начато благодаря купеческим капиталам. Первую ситцепечатную мануфактуру в Нанте основали в 1729 г. три арматора¹³. Крупные негоцианты нередко широко диверсифицировали свою коммерческую деятельность. Хорошо известен пример братьев Жана и Пьера Пелле. Жан родился в Руэрге в 1694 г., несколько лет работы розничным торговцем на Мартинике, где он питался «заплесневелой маниоковой мукой, кислым вином и протухшим мясом»¹⁴, позволили ему с братом сколотить небольшой капитал. В 1718 г. он основал в Бордо компанию, которая занялась торговлей между метрополией и островом. В 30 годы Жан Пелле, накопив миллионы, уже не только арматор и негоциант, он — финансист, земельный собственник, производитель вин и виноторговец, он связан с Мартиникой, Сан-Доминго, Каракасом, Кадисом, Бискайей, Байон-

ной, Тулузой, Марселем, Нантом, Руаном, Дьепом, Амстердамом, Лондоном, Гамбургом, с банкирами — парижскими, женевскими, руанскими.

Внешняя торговля питала капиталами не только прибрежную зону, стимулировала не только промышленность портовых городов. Некоторые города внутренней Франции также работали на внешний рынок и обогащались за счет заморских экспедиций. Значительная часть продукции сукноделческих, шелковых мануфактур и мукомолен Монтобана поступала в Бордо для дальнейшей отправки в колонии. Многие торговцы Гренобля из числа суконщиков, галантерейщиков, бакалейщиков, гренобльские владельцы полотняных мануфактур имели интересы на Сан-Доминго; семейства Доллей и Раби владели там плантациями, экспортировали продукцию своей провинции через Бокер и Бордо, импортировали сахар и ром¹⁵. В сельских коммунах вблизи Эгля было сосредоточено игольное производство, рассеянные мануфактуры давали работу в этой местности 3—5 тыс. человек. Продукция шла в основном на экспорт: в средиземноморские страны, во французские и испанские колонии, в страны Леванта, организованное неогциантами из Эгля производство иголок сохранило свое значение и в начале XIX века¹⁶.

Даванзатти еще в XVI в. выделял особую информированность купцов и их способность постигать то, что другим не дано. Он писал: «Здесь на земле мы с трудом понимаем немногое из того, что нас окружает, мы приписываем цену вещам в зависимости от того, как нам видится спрос на них в каждом конкретном месте и в конкретное время. Торговцы обо всем этом знают особенно хорошо и наиболее надлежащим образом, именно поэтому столь исключительно они разбираются в цене вещей»¹⁷.

Ощущение, что коммерция — это особая область, наиболее быстрым способом обеспечивающая стране богатство и в то же время порождающая мировоззрение, отличное от традиционного, посещало наиболее проницательных французов уже в начале XVII в. В трактате, в названии которого впервые в истории появилось словосочетание «политическая экономия», врач и экономист А. де Монкретьен (1575—1621) писал: «Мы ныне живем золотом и серебром, они удовлетворяют потребности всех людей... Деньги, столь необходимые для государственных нужд, извлекаются из налогов, уплачиваемых с торговли, а поэтому для государства необходимы и полезны купцы». Далее Монкретьен объяснял, что купцы больше заботятся о своих прибылях, чем об интересах общества, но это понятно и допустимо: без жажды прибыли они не стали бы подвергать себя риску на море и на суше¹⁸. Позже, в начале XVIII в., Ш.Л.Монтескье четко сформулировал особое духовное кредо коммерсантов: «Дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабежам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать не-

уклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей»¹⁹.

Коммерсанты, которые брались за перо не только для того, чтобы расписаться на счетах, нередко подчеркивали значение своей деятельности в целом для страны. В конце XVIII в. Вев младший, негоциант, в трактате о торговле с французскими колониями в Америке утверждал, что эта торговля «загружает заказами наши мануфактуры, потребляет излишек продовольствия, дает работу тысячам матросов, поддерживает наш флот, приносит нам значительные средства из-за рубежа»²⁰. Более того за девять лет до начала революции Вев предупреждал, что французская монархия может пасть, если не сможет адекватным образом защищать интересы торговли. Другой негоциант Станислас Фоаш (1737—1806), выходец из известной в Гавре торговой семьи, непосредственно перед революцией опубликовал свой труд, в котором обвинил королевское правительство в том, что оно не признается в совершенных им ошибках и отвергает их свободное обсуждение. «Долг Администрации, — писал Фоаш, — бороться за благосостояние всех индивидов, составляющих общество, но под влиянием феодальных законов, действие которых ощущается и по сей день, заботы Правительства не распределяются справедливым образом, оно постоянно склоняется на сторону сильного в ущерб слабому»²¹. Вина администрации, если в стране человек столь мало значит, а в таких условиях и коммерция не сможет развиваться, заключал Фоаш. Этот негоциант обладал незаурядными способностями и эрудицией. Он утверждал, что стабильное развитие общества требует, чтобы личные интересы, мотивирующие деятельность коммерсантов, как впрочем, и всех остальных людей, подчинялись интересам общественным. А обеспечить это должна администрация, но делать это она обязана в соответствии с принципами и правилами, независимыми от сиюминутных желаний членов. Эти принципы и правила составляли, по мнению Фоаша, суть коммерческой системы²².

Прогресс капитализма во Франции обуславливался отнюдь не только усилиями энергичных, трудолюбивых и жаждавших прибыли индивидов. Абсолютистское государство, исходя из своих целей военно-политической стратегии, колониальной экспансии, экономической борьбы с другими странами и не в последнюю очередь просто из соображений национального престижа, поощряло развитие промышленности. Правда, во второй половине XVIII в. формы этого поощрения философы и литераторы, определявшие настрой общества, чаще всего либо не видели, либо считали неправильными и недостаточными.

Еще во времена Кольбера были созданы при прямом содействии государства крупные централизованные мануфактуры в кораблестроении, производстве оружия, сукноделии.

Значительная часть централизованных мануфактур в XVIII в. существовала как бы вне рынка. Приходя из года в год к отрицательному сальдо своего баланса, подобные предприятия были обречены на банкротство, но субсидиями, дотациями, премиями за нововведения государство неизменно спасало их от финансового краха²³. С точки зрения формально мыслящего экономиста, сторонника «laissez faire, laissez passer», эти искусственные образования не сыграли никакой роли в развитии французского капитализма. Поглощая капиталы, аккумулированные через систему фиска, «отвлекая» квалифицированных работников, централизованные, по сути государственные мануфактуры, казалось бы, лишь обескровливали свободное производство. Но становление капитализма отнюдь не являлось сугубо органическим, самопроизвольным процессом. В некоторых сферах промышленного производства частная инициатива без государственной поддержки оказывалась бессильной; подчас обнаруживалась и определенная экономическая рутинность частных предпринимателей. Существовал предел риска, за который решалось переступить только государство. Так, начавшееся в конце XVIII в. серьезное техническое перевооружение французской промышленности (первые шаги промышленного переворота) субсидировалось в значительной степени королевской администрацией и местными властями.

Исследователь проблем промышленной революции во Франции Ф.В.Потемкин, отнюдь не склонный преувеличивать экономическую активность абсолютистского государства, очень часто упоминает факты финансовой помощи администрации предпринимателям, пытавшимся перенести английские технические достижения на французскую почву. Опираясь на содействие правительства и прямую поддержку инспектора мануфактур Ролана амьенский коммерсант Мартен. В мае 1784 г. вместе со своим компаньоном Флесселем он получил денежную правительственную помощь и привилегию на устройство мануфактуры муслинов и других хлопчатобумажных тканей. Ему была дарована 12-летняя монополия на применение машин, действовавших по принципу системы Аркрайта. В октябре 1784 г. в Лувье конституировалась фирма, получившая королевскую привилегию на устройство прядильного предприятия. Оно благополучно пережило все перипетии революции и в 1810 г. в целостности и сохранности перешло в руки промышленника-миллионера Фонтенэ, имевшего четыре предприятия с 600 работниками²⁴.

В газетах того времени часто появлялись объявления о всевозможных технических и агрономических конкурсах. Призы выдавались различными академиями, литературными и агрономическими обществами, средства же чаще всего поступали из казны. «Gazette de France» в феврале 1786 г., например, сообщала, что «литератур-

ное общество Гренобля, желая как можно лучшим способом оправдать цель своего создания, решило первыми же трудами способствовать прогрессу сельского хозяйства и промышленности, используя две денежные премии, учрежденные интендантом провинции г-ном Де ля Бовом»²⁵. Известны настойчивые усилия ряда высокопоставленных чиновников привлечь во Францию английских специалистов²⁶. Несмотря на то, что английское правительство чинило всяческие препятствия вывозу из страны новейших машин и эмиграции специалистов, Франции путем промышленного шпионажа и переманивания мастеров, предпринимателей и простых рабочих удалось значительно ускорить процесс обновления своей индустрии. С благословения французского правительства десятки и сотни английских специалистов не только поступали на службу к французским предпринимателям, но и обзаводились собственным делом и становились крупными промышленниками. Уроженец Стретфорда (близ Манчестера) Джон Холкер основал во Франции несколько хлопчатобумажных текстильных и прядильных мануфактур, на которых под руководством английских «инструкторов» проходили курс технического обучения французские работники²⁷.

Пользовался правительственной поддержкой и другой английский предприниматель, Вилькинсон. Англичане Дэвич, Горранс, Моррисон и Роберт, основавшие в Бурже мануфактуру по производству английских материй, получали специальную премию за каждого иноземного рабочего, которого им удастся заманить во Францию²⁸. Большинство существовавших во Франции XVIII в. крупных мануфактур в той или иной степени поддерживались государством.

С точки зрения юридического статуса в конце XVIII в. существовало три вида централизованных мануфактур: государственные (*manufactures d'Etat*); королевские по названию (*manufactures royales*)²⁹, но частные фактически; частные, не имевшие определенного официального статуса и функционировавшие на основании простого разрешения полиции. К государственным мануфактурам относились знаменитые парижские предприятия Гобеленов, Савоннири, зеркальная мануфактура, Севрская фарфоровая мануфактура. Их непосредственным собственником считался король Франции, все они находились под прямым контролем дворцового ведомства (*batiments du Roi*). Рабочие государственных мануфактур находились в привилегированном положении: частично или полностью они освобождались от налогообложения, получали казенную квартиру, если же у администрации не хватало помещений, им выдавались особые квартирные деньги³⁰. На этих предприятиях существовал особый порядок получения звания мастера. Согласно действовавшим и в конце XVIII в. постановлениям 1608 и 1667 гг. после шести лет ученичества и четырех лет работы в качестве подмастерья каждый работник становился мастером, не уплачивая специального взноса и не подвергаясь экзамену. Тот, кто

приходил на мануфактуру, уже имея квалификацию, получал звание мастера после шести лет работы по рекомендации субинтенданта — члена администрации мануфактуры. Рабочие государственных мануфактур были неподсудны административным лицам ремесленных цехов, в XVIII в. часто именовавшихся корпорациями³¹.

На мануфактуре по производству зеркал (Париж, улица Нейи) было занято в 1783 г. порядка 500 рабочих, на Савоннри и мануфактуре Гобеленов — приблизительно по 200 рабочих³². В большинстве своем работники Савоннри, Гобеленов, Севра отличались высокой квалификацией.

Даже в смутное время предреволюционных весенних месяцев 1789 г. администрация считала рабочих государственных мануфактур людьми, не предрасположенными к беспорядкам. Когда после разгрома дома фабриканта Ревельона в апреле 1789 г. охваченный беспокойством директор Гобеленов обратился к властям с просьбой выделить охрану и глухо намекнул на жалобы собственных рабочих, маркиз д'Агу, майор полка французских гвардейцев, ответил, что беспокоиться нечего. «По правде, я не боюсь, — писал д'Агу, — что эти рабочие поддадутся подобным внушениям (к бунту. — *Е.К.*), так как большинство их — люди устроившиеся, имеющие жен и детей, имеющие маленькие милости короля, связанные с давностью службы». Маркиз уверял, что нужно принять меры только относительно возможного нападения посторонних на мануфактуру³³.

Обособленность «королевских» рабочих прекратилась только с концом «старого режима». «Маленькие милости» короля не смогли воспрепятствовать вовлечению этих работников в революционные события.

Королевские мануфактуры, владельцами которых являлись частные лица, создавались с разрешения правительства и находились под его покровительством. Формально это были независимые от государства предприятия, но они часто получали субсидии, беспроцентные займы, различного рода поощрительные премии. Постановлениями Государственного совета королевства и жалованными грамотами (*lettres patentes*) им предоставлялись монопольные права на производство той или иной продукции в определенном регионе. Так, некоему Саншу в 1784 г. было даровано право открыть в Амбуазе мануфактуру по производству из высококачественной стали напильников, кос, рессор. Продукция освобождалась от всех таможенных сборов при транспортировке по территории Франции. Санш за его вклад в развитие металлургии был избран членом Французской академии³⁴.

Частные централизованные мануфактуры, не имевшие звания королевских, вместе с рассеянными мануфактурами наиболее адекватно представляли капиталистический уклад в экономике Франции XVIII в. Этим независимым предприятиям постоянно приходилось защищаться от попыток реквизиции товаров, от судебных

исков, прямых вторжений в производственные помещения, без конца учинявшихся корпорациями, которые всеми силами боролись со своим смертельным врагом. Упомянутый выше Ревельон был типичным предпринимателем новой формации. Начав с простого рабочего, он постепенно сумел сколотить небольшой капитал, завел собственную мастерскую для выделки высших сортов бумаги. Первоначально Ревельон нанимал 10—12 человек. Он постоянно стремился расширить свое дело, но ему без конца приходилось преодолевать сопротивление цехов. В опубликованной в 1789 г. брошюре Ревельон писал: «Многие корпорации выступали с претензиями, что я нарушаю их права. То и дело меня обвиняли, что та или иная часть моего производства является узурпацией. Ничтожнейшее орудие труда из тех, что я использовал или даже сам выдумывал, мне якобы не принадлежало, а было орудием корпорации. Малейшую техническую идею, которую я пытался применить на практике, представляли уворованной у печатников, гравёров, ковровщиков или кого-нибудь еще...»³⁵ И все же в этой борьбе Ревельон неизменно выходил победителем. За сравнительно короткий срок его заведение значительно увеличилось: к 1789 г. на нем использовалось более 300 рабочих. Мануфактура получила звание королевской³⁶.

Следует отметить, что «независимые» мануфактуры отнюдь не игнорировали государство. Как, впрочем, и оно их. Статус королевской мануфактуры обеспечивал большую стабильность, поэтому «независимые» стремились добиться этого звания. Лионский купец-мануфактурист Ф.Перре, занятый производством шелковой материи, в 1780 г. решил наладить изготовление оригинальных, им самим разработанных сортов ткани из смеси хлопка с шелком. Получив разрешение на устройство прядильни и ткацкой мануфактуры, он набрал самых безработных работников: детей, стариков, бедняков, закупил машины типа мюль-дженни. В 1782 г. его заведение (уже во многом по своим характеристикам приближавшееся к фабрике) получило титул королевской мануфактуры³⁷. Предприниматели обращались к государству не только с просьбами разрешить промышленную деятельность или оказать финансовую помощь, но и оградить от конкуренции со стороны их же «собратьев». В 1759 г. Коттен, один из совладельцев ситцепечатного заведения, подал жалобу в полицейские органы на конкурентов, которые переманили у него специально выписанных из Нефшателя рабочих³⁸.

Поддерживая одной рукой технологический и экономический прогресс, другой рукой государство оберегало совершенно рутинные и архаические формы регуляции промышленности. Вплоть до 1776 г. государство неуклонно поощряло дальнейшее распространение системы корпораций³⁹. Так, в августе 1767 г. королевским

постановлением предписывалось всем торговцам и ремесленникам, сохранявшим свободный статус, объединиться в корпорации. Следуя верховному предписанию, в Париже в цехи вынуждены были объединиться кондитеры, изготавливавшие шоколад, прачки, мастера по изготовлению искусственных цветов, торговцы «новым деревом»⁴⁰ (так в XVIII в. называли свежесрубленную древесину в отличие от разного рода валежника)⁴¹. Заинтересованность администрации в корпоративном устройстве объяснялась довольно просто: для получения звания мастера и, тем самым, вступления в цех и приобретения права заниматься ремеслом необходимо было купить метризу — особый диплом, удостоверявший принадлежность к той или иной корпорации. Плата за метризую поступала в государственную казну. Вот государство и распространяло цехи, несмотря на проявлявшееся временами пассивное противодействие «благотельствуемых» ремесленников и торговцев. Вольтер с присущей ему беспощадностью оценок писал: «Все эти метризы и корпорации были выдуманы только ради того, чтобы вытягивать деньги из бедных рабочих, обогащать посредников и душить нацию»⁴². Стремясь увеличить финансовые поступления, администрация даже предоставила в 1767 г. право иностранцам вступать в парижские корпорации «искусств и ремесел». Цехи в лице своих уполномоченных — жюри и хранителей — особо противились распространению этого права на евреев. Но их антисемитизм, подогреваемый узкоцеховыми, экономическими интересами, был сломен.

Не только экономическими причинами объяснялась поддержка абсолютистским государством режима корпораций. Цехи представляли собой эффективное средство контроля над одним из самых беспокойных элементов городского населения — над учениками и подмастерьями. Превознося полицейские достоинства корпораций, первый президент парижского парламента⁴³ решительно выступал против их ликвидации. Он говорил: «Эдикт, запрещающий цехи, приведет к тому, что буйная и беспутная молодежь, едва сдерживаемая общественной полицией, внутренней дисциплиной корпораций и отеческой властью мастеров над подмастерьями, окажется без руля и ветрил, предоставленной самой себе и способной к любым крайностям. И все это грядет, как только она увидит себя освобожденной от пристального надзора и посчитает себя независимой»⁴⁴.

Тем не менее в 1776 г. попытка уничтожить цеховую систему была осуществлена. Вскоре после воцарения молодого короля Людовика XVI пост генерального контролера финансов, фактически высшую должность в бюрократическом аппарате абсолютистского государства, получил один из крупнейших французских экономистов того времени, физиократ А.Р.Ж.Тюрго. Ему удалось провести ряд буржуазных по своему духу и целям реформ: была введена свободная торговля зерном, уничтожены корпорации. Однако час фритреда еще не пробил. Решительная оппозиция парламента, части придворной камарильи и самих цехов привела к отставке

Тюрго и аннулированию его реформ. Восстановили и цеховую систему. Правда, за небольшим исключением, корпорации воссоздавались не в прежнем виде. Значительная часть родственных профессий, ранее имевших автономию, теперь объединялись в одном цехе. Десятилетия и даже столетия велась борьба именно между наиболее близкими по выпускаемой продукции корпорациями, теперь же они оказывались под одной административной крышей. Тем самым внутрицеховой сплоченности наносился сильный удар. Сложившееся в сознании мастеров и рабочих представление об их профессиональной общности теперь во многих случаях решительно не совпадало с официально установленными границами их ремесла. Вслед за королевским указом августа 1776 г., восстанавливавшим корпорации в Париже, последовали аналогичные указы, касавшиеся провинции: в январе 1777 г. — Лиона, в апреле — городов Иль-де-Франса, в феврале — городов Нормандии, в мае 1779 г. — городов Руссильона и Лотарингии и т.д. В провинции исполнение эдиктов натолкнулось на сопротивление. В Руане трикотажники, швеи, пивовары, бельевщицы требовали сохранения корпораций в их прежнем виде, веревщики ни за что не хотели объединяться с заготовителями пакли⁴⁵. Нередко объединение происходило сугубо формально, и внутри новых корпораций профессии сохраняли свою замкнутость. Так, сведенные в единый цех не в 1779 г., а еще Кольбером в 1681 г. корабельные плотники, конопатчики, разломщики старых судов сохраняли свои партикуляристские традиции и не допускали вполне официально дозволенного совмещения профессий до конца XVIII в.⁴⁶ Протесты против насильственного объединения продолжались вплоть до 1789 года⁴⁷.

Эдикты конца 70-х годов XVIII в. серьезно повлияли на профессиональный облик корпораций, их межцеховое разделение, что же касается их внутренней социальной структуры, то она оставалась неизменной на протяжении всего последнего века «старого порядка». Единственными полноправными членами цехов являлись мастера — специалисты своего дела, долгое время ему обучавшиеся, и к тому же обладатели метризы. Цена метризы значительно колебалась в зависимости от престижности и традиций цеха, от экономического произвола королевской администрации (впрочем, законодательно оформленного). Существовали различия в стоимости метризы в различных городах Франции. В Париже, чтобы стать мастером плотницкого дела, требовалось уплатить 1800 ливров, каменщики платили 1700 ливров, каретники, мясники, седельщики — 1500. В Руане вступление в корпорацию текстильщиков, согласно указу 1778 г., стоило 200 ливров⁴⁸. В государственную казну шли $\frac{3}{4}$ этой суммы, на внутренние нужды цеха — $\frac{1}{4}$ (из этой четверти $\frac{1}{5}$ отпускаясь на содержание синдигов и других должностных лиц корпорации). Помимо $\frac{3}{4}$ стоимости метризы, королевские чиновники Шатле взимали дополнительную сумму при регистрации мастера, принимаемого в цех⁴⁹.

Во Франции «старого режима» корпоративная система охватывала сферу торговли (за частичным исключением крупной оптовой негоции), ремесла и часть «свободных», по современным понятиям, профессий. Существовала негласная иерархия корпораций, строившаяся в зависимости от их экономического веса и степени влияния в глазах парижской или местной администрации. Иногда власти находили нужным узаконить эту иерархию. Так, муниципалитет Дижона в 1727 г. распределил все корпорированные профессии на четыре класса. К первому относились типографы, книгопродавцы, хирурги, аптекари, галантерейщики, ювелиры, торговцы-суконщики, пуговичники; ко второму — профессии пищевого производства (мясники, булочники, кондитеры и т.п.), а также седельщики, кожевники, сапожники, ковровщики; к третьему — ремесленники по металлу и занятые изготовлением мебели; к четвертому — строители, ткачи, холодные сапожники⁵⁰. В Париже в 1779 г. была введена гораздо более сложная 24-ступенная иерархия: к первой ступени относились члены корпораций, уплачивавшие 300 ливров и выше прямых налогов в год, к последней — платившие 30 су⁵¹. Тем не менее определенная общность, связанная с сознанием принадлежности к одному миру искусств и ремесел («des arts et metiers»), имелаась и у крупного торговца, и у бедного холодного сапожника. Более того, и тот и другой через систему пусть и эфемерных (для бедняка) привилегий были укоренены в почве французского королевства. Весь «старый порядок» можно представить как сложное сочетание сообществ, облеченных различными правами и привилегиями.

Ученики и подмастерья формально находились вне корпораций. Пребывание в качестве ученика, а затем подмастерья служило, согласно традиции и закону, обязательными ступенями к приобретению профессионального знания и умения, к становлению мастера своего дела, а затем к покупке метризы и тем самым легитимизации мастера в качестве члена цеха. Хотя в XVIII в. вступление в корпорацию было чрезвычайно сложным предприятием, и множеству подмастерьев на протяжении всей их жизни и не удавалось стать мастерами, тем не менее идея приобщения к привилегированному корпусу продолжала тревожить умы многих работников. Помимо того сам принцип корпоративизма глубоко пронизывал общественные представления учеников и подмастерьев. Создавая свои собственные организации, они осознанно или неосознанно во многом копировали внутреннее устройство корпораций.

Разрозненная, рассеянная, регулируемая бесчисленными, нередко противоречивыми установлениями промышленность «старого порядка» имела и соответствующий контингент рабочих. Отделение производителя от средств производства, хотя и осуществлялось как политэкономический факт (подмастерья и рабочие цент-

рализованных мануфактур в большинстве своем в этом плане являлись пролетариями), с точки зрения исторической социологии еще не представляло собой статистически массовое явление. Огромное число независимых ремесленников, не использовавших наемный труд, и работников рассеянных мануфактур оставались владельцами элементарных средств производства и даже участков земли.

Даже столь важный отличительный признак статуса пролетария, как наемный характер труда, в XVIII в. еще полностью не сложился. Рабочие централизованных частновладельческих и государственных мануфактур получали заработную плату, т.е. с формальной точки зрения их экономические отношения с нанимателем имели вид, соответствующий нормам буржуазного общества, но денежная плата у многих дополнялась вознаграждением натурой. Плата за труд рабочих конституировалась еще во многом на основе не меновой, а как бы «квазименовой» стоимости произведенной вещи или услуги.

Меновая стоимость приобретает всеобщность и тем самым становится аутентичной самой себе лишь в условиях развитого национального рынка. Во Франции же национальный рынок как единое экономическое целое сложился только в начале XIX в.⁵² Что же касается подмастерьев и учеников ремесленных производств, то в их оплате патриархально-натуральное возмещение за труд играло еще большую роль, чем у мануфактурных рабочих. Ученики и значительная часть подмастерьев продолжали жить и столоваться у своих хозяев. Ремесленные же мастера, считавшиеся рабочими, но являвшиеся хозяевами определенных средств труда, производили как бы саморасчет. Они вычитали из общей суммы денег, вырученных за произведенную ими и реализованную на рынке продукцию, приблизительную стоимость своей рабочей силы.

Экономическая неопределенность рабочих как особой социальной группы в эпоху «старого режима», естественно, дополнялась и социологической аморфностью. Лишь с очень приблизительной точностью можно определить численность этой группы. Высшие сановники королевской администрации хорошо понимали значение точной и исчерпывающей статистики, но не в силах были организовать широкое демографическое обследование⁵³. Приходилось довольствоваться подсчетами, основанными на различных косвенных данных. Министр торговли Людовика XVI Толозан, исходя из суммарных данных о приращенной стоимости во французской промышленности конца XVIII в., считал, что в стране было 1 218 773 рабочих, а включая членов их семей — 3 642 440⁵⁴, что, по мнению одного из лучших знатоков промышленной истории Франции того периода, французского исследователя П.Леона, являлось преувеличением. Сам Леон оценивает численность рабочего люда Франции перед революцией в 400—500 тыс., а считая женщин и детей — в 1200—1500 тыс. человек⁵⁵.

§ 2. ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗИЯ НА ИСХОДЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

2.1. Капиталисты, негоцианты... буржуа

Становление капитализма — всеобщий процесс, в который втягивались все социальные слои и группы: негоцианты, торговцы, ремесленники, крестьяне, духовенство, дворяне. Но были протагонисты и аутсайдеры капитализма. Одна из сложностей понимания истории становления буржуазии в том, что процесс «обуржуазивания», приобщения властвующей элиты, всех имущих к капиталистическому духу, к капиталистической культуре происходил на фоне старых и новых противоречий в этой среде.

Анализ социальной жизни XVIII в. затруднен тем, что привычные с XIX в. термины и понятия нередко имели в XVIII в. иные значения. К тому же они никем не были сведены в систему, хотя о классах, буржуа, буржуазии, капиталистах писали и говорили повсюду. Попытаемся распутать клубок понятий, представлений, образов, связанных с процессом формирования и развития класса буржуазии на исходе старого порядка.

Во Франции классы как реальность общественного сознания людей возникают в XVIII в., хотя термин «класс» получал социальное звучание иногда и в XVII столетии.

Абсолютистское государство, подчиняясь экономической необходимости, невольно способствовало разрушению сословий и вынуждено было, прежде всего в фискальных целях, вводить новые социальные разграничения.

В 1695 г. все французское общество было разделено королевской декларацией на 22 класса. Деление имело сугубо фискальную направленность и было вызвано тяжелейшим финансовым положением королевства, но факт остается фактом. Король, исходя из государственных интересов, отчасти презрел сословное деление. Так, к первому классу были отнесены дофин, другие принцы крови и генеральные откупщики, в десятом фигурировали знатные дворяне, нотариусы, банкиры и т.д. Классом в декларации называлось объединение людей, наиболее близких «по профессиональной деятельности, статусу и качеству»⁵⁶. Аморфно и малопонятно. Тем не менее это официальное освящение нового фискально-социального членения общества было симптоматичным.

Но классы невозможно создать государственным императивом. Они формируются спонтанно. Для их образования необходимо не принуждение, а свобода от него. Новый тип разделения труда, порождаемый капитализмом и порождающий капитализм, лежит в основе процессов классовобразования.

Не слово, не термин, а понятие «класс» («общественный класс») возникает под пером политэкономов. Это понятие рождается при анализе производительного труда. Всерьез о классах первыми во Франции заговорили физиократы⁵⁷. Нация, считал осно-

ватель этой наполовину школы наполовину секты доктор Кенэ, состоит из трех классов граждан: класса производительного, класса собственников и класса бесплодного⁵⁸. К первому относятся все лица, занятые обработкой земли. Создаваемое ими богатство распределяется на чистый продукт, или доход, и на средства для возмещения производственных затрат, в свою очередь распадающиеся на первоначальные издержки (*avances primitives*) и ежегодные издержки (*avances annuelles*). Первоначальные издержки, по существу, являются эквивалентом понятия «основной капитал», ежегодные — эквивалентом понятия «оборотный капитал»⁵⁹. Класс собственников, отмечает Кенэ, включает в себя государя, землевладельцев и получателей десятины, его существование обеспечивается получением чистого продукта. Бесплодный класс образуют граждане, занятые всеми видами неземледельческого труда, т.е. рабочие, ремесленники, торговцы, негоцианты, все предприниматели. Разбивая общество на специфические классы, Кенэ исходил не из принципа разделения труда, а из характера распределения в обществе продукта, произведенного в земледелии. Взаимоотношения между классами выступали у него не в качестве естественной, «богом данной» кооперации, а в качестве постоянно повторяющегося акта купли-продажи. Таким образом, согласно концепции Кенэ, общество представляло собой огромный саморегулирующийся рынок, из сферы его действия выпадало только самое первичное отношение между производительным классом и классом собственников. Вопросом происхождения и законности земельной ренты Кенэ не занимался, тезис о законности платы за пользование земельной собственностью он принимал как нечто само собой разумеющееся.

Всеобщность рынка была осознана Кенэ в самом первом приближении. Природу экономических отношений внутри выделенных классов он не рассматривал.

Теоретическую условность трехклассной схемы Кенэ в значительной степени преодолел (сам, впрочем, полностью не осознав этого) А.Р.Ж.Тюрго. Трудно выявить точное соответствие между общественным развитием и движением экономической мысли, объяснить, почему Тюрго оказался способным синтезировать концепции двух политэкономических традиций, представленных в первую очередь именами доктора Кенэ и почетного интенданта торговли Ж.К.М.Венсана де Гурнэ. Но очевидно, что движение экономической мысли является органической частью общественного движения, и процесс классообразования невозможно представить, абстрагируясь от форм осмысления этого процесса в теоретическом сознании.

В 1766 г. Тюрго написал свою самую знаменитую экономическую работу «Размышления о создании и распределении богатств». Исходные его построения почти не отличаются от концепции Кенэ. Ключевой тезис Тюрго: «Труд земледельца — единственный труд, производящий больше того, что составляет оплату труда.

Поэтому он единственный источник всякого богатства»⁶⁰. В соответствии с этим Тюрго считал, что общество разделяется на три класса, но гораздо больше, чем Кенэ, интересовался проблемой разделения труда. И хотя он в духе своего времени апеллировал к «природе вещей», его экономическое мышление было не лишено стихийного историзма. Поначалу, согласно концепции Тюрго, разделение труда приводит к возникновению двух классов. Первый класс «своим трудом... извлекает из земли богатства, постоянно воспроизводящиеся, доставляющие всему обществу средства к существованию и материалы для удовлетворения всех других потребностей; второй (класс) занят тем, что обрабатывает произведенные материалы и придает им формы, в которых они становятся пригодными для использования людьми; (этот класс) продает свой труд первому и получает от него в обмен средства существования»⁶¹. Но с возникновением собственности и неравенства происходит отделение землевладельца от собственника: возникает третий, «незанятый» класс, впрочем, также, по Тюрго, имеющий свое место в системе разделения труда. «Класс собственников, единственный, который, не будучи привязан к какому-либо особому труду необходимостью добывать средства к существованию, может быть призван к несению (таких) общественных обязанностей, как воинская и исполнение правосудия; (он может выполнять их) либо личной службой, либо выплачивая часть своего дохода, на который государство или общество нанимает людей для выполнения этих обязанностей»⁶². Но эти виды деятельности собственников не очень интересовали Тюрго. Способы получения дохода — вот проблема, которая более занимала его ум.

В соответствии с этим своим интересом Тюрго рассмотрел следующие способы извлечения дохода из земельной собственности: эксплуатация наемных работников, рабов, сервов, исполщиков и сдача земли в аренду. Но он не замыкался на политэкономическом анализе сельского хозяйства. Возможность получения дохода Тюрго усматривал и в других сферах. От анализа земли как источника богатства он шел к анализу движимого имущества, которое периодически называл капиталом. Более того, он сделал вывод, что «движимые богатства составляют необходимое предварительное условие всех прибыльных работ»⁶³.

Движимое имущество, писал Тюрго, выступает в роли функционирующего капитала, который распадается на авансы на постройку зданий, средства на закупку материалов и на заработную плату рабочим (постоянный и переменный капитал, по К.Марксу). Промышленный или бесплодный класс оказался разделенным надвое, распался на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов, обладателей больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, и на простых ремесленников, которые не имеют ничего кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к заработной плате⁶⁴. Но тут же обна-

ружилась частичная идентичность промышленных и сельскохозяйственных предпринимателей (арендаторов) с политэкономической точки зрения. «Владельцы крупных капиталов, стремящиеся извлекать из них доход путем вложения в земледельческие предприятия, берут земли в аренду, дорого платят собственникам за наем и принимают на себя обязательство совершать все предварительные затраты на обработку. Их участь должна быть схожей с участью фабрикантов: как и последние, они должны совершить первые вложения в предприятие, обеспечить себя скотом, лошадьми, пахотными орудиями, купить первые семена; как и фабриканты, они должны содержать и кормить возчиков, жнецов, молотильщиков, слуг, рабочих всякого рода, которые обладают лишь руками, авансируют только свой труд и добывают лишь заработную плату»⁶⁵.

Капитал, приносящий доход, Тюрго обнаружил также в торговле и в кредитном деле⁶⁶. Соответственно капиталистами оказались, в его представлении, также торговцы и заимодавцы (банкиры, рантие, буржуа). Отметим попутно, что торговцев он дифференцировал только с технической точки зрения, а не политэкономической. Ему казалось, что и розничный торговец, и крупный негодант равно получают прибыль, пропорциональную капиталу каждого из них.

Итак, Тюрго выдвинул концепцию классовой структуры, принципиально отличную от физиократической схемы. Но ему казалось, что его рассуждения о способах употребления капитала вполне вписываются в трехклассную систему Кенэ. Единственное сомнение у него вызвал вопрос о месте в ней «капиталистов, отдающих деньги взаймы». Это сомнение Тюрго разрешил, отнеся их к незанятому классу. Правда, он сделал оговорку: «...Капиталист — заимодавец денег должен быть рассматриваем как торговец товаром, который безусловно необходим для производства богатства и не может быть в слишком низкой цене... Отсюда можно заключить, что заимодавец денег принадлежит к незанятому классу как личность, ибо ему нечего делать, но не по природе своего богатства»⁶⁷. Остальных капиталистов Тюрго распределил по соответствующим физиократическим классам уже без колебаний: торговцев и мануфактуристов — в промышленный (он же коммерческий, незанятый) класс, фермеров-арендаторов — в земледельческий.

Мысль гениального экономиста нащупала контуры нового социального образования. Но формулировки Тюрго были еще слишком осторожны, слишком сложны и двусмысленны. Даже умнейшие люди из числа его современников их не поняли, не оценили. Словом «класс» продолжали обозначать социальные группы самого различного характера.

И тем не менее представление о буржуазии как о классе постепенно пробивало себе дорогу, о чем свидетельствуют некоторые случайно оброненные фразы людей конца XVIII в. Ходатайствуя о королевском адвокате, мечтавшем получить дворянское звание, интендант его провинции писал в 1775 г. Бертену, временно ис-

полнявшему тогда обязанности государственного секретаря по иностранным делам: «Среди ремесленников, в *классе буржуазии* (курсив мой. — Е.К.), так же как и в дворянском сословии, мало найдется семей, которые не были бы ему обязаны своим покоем и благополучием»⁶⁸. (Государственные люди в силу характера повседневной деятельности вынуждены пользоваться часто общими понятиями, но их «социологические» находки чаще всего умирают в бюрократической переписке и в официальных докладах начальству.)

Что же касается расхожих представлений о той или иной социальной группе то они даже у образованных людей всегда отличаются некоторой расплывчатостью и приблизительностью. Но наличие у группы часто употребляемого названия явно свидетельствует об устойчивости ее существования. На основании ряда различных свидетельств можно предположить, что в конце XVIII в. капиталистические предприниматели уже имели такое название. Именно в этом качестве слово «капиталисты» использовал Тюрго. А судя по художественной литературе, официальным документам и переписке, оно в ту пору имело во Франции уже широкое распространение.

В среде образованных его употребляли самые различные люди. Убеждая французских мореходов смело вести корабли в северные моря для установления прямых контактов с Российской империей, составители «Коммерческого атласа» отец и сын Леклерки писали: «Мы надеемся, что впредь наши негоцианты не будут прибегать к ненужной помощи английских и голландских компаний для сношения с Петербургом. Не следует думать, что торговлю с этой империей могут вести только капиталисты, там лично пользующиеся доверием...»⁶⁹ Хранитель печати французского королевства Гю де Миромениль, разрабатывая новый торговый кодекс, предлагал четко определить положения о юридическом статусе акционерных обществ, он видел в этих положениях «наиболее надежное средство расширить и увеличить возможности негоциантов и тем самым создать условия, при которых капиталисты могли бы с уверенностью судить о том доверии, которое они могут оказать своим торговым партнерам»⁷⁰. Слово «капиталисты» было столь расхожим во всей Европе, что российский посол в Париже князь И.С.Барятинский с уверенностью употребил его в послании к Екатерине II. «С некоторого времени американский кредит во Франции начинает падать, — описывал он в феврале 1780 г. перемену в отношении торговых кругов Франции к Северной Америке. Здешние коммерсанты с тех пор, как завели с сими колониями дела, не были еще никогда заплачены; в городах Бордо и Нант часть знатных капиталистов от сих дел объявились банкротами»⁷¹.

Конечно, массовые общественные представления дореволюционной эпохи о капиталистическом классе существенно отличались от послереволюционных. Политическая борьба в эпоху Революции привела к исключительной мобилизации огромной массы людей и

соответственно к кристаллизации их представлений о структуре общества. Гражданская война конца XVIII в. надолго обусловила и эмоционально окрасила классовый расклад во Франции.

Существует динамическое, относительное равновесие между научным знанием, обыденными представлениями и типом общества, а также уровнем его развития. Построения Тюрго — не только этап в развитии политэкономической теории, но и реальное свидетельство современника. В тезисах «Размышлений о создании и распределении богатств», по существу, содержится концепция капиталистического класса и дано его внутреннее членение: коммерсанты, мануфактуристы, фермеры, заимодавцы — все использовавшие капитал для извлечения прибыли.

В обществе никогда не существует четкого, совершенно однозначного представления о какой-либо социальной группе, но в определениях, которые случайно даются людьми или преднамеренно формулируются, почти всегда есть некий смысловой центр, точка распознавания, которая не позволяет спутать данную социальную группу с какой-либо еще. Впрочем развитие французского языка в XVII—XVIII вв. имело ряд существенных особенностей, отличавших его от развития немецкого или итальянского языков. Эти особенности были связаны с высокой степенью централизации французского королевства. Эдикты монарха не только вводили обязательные по всей стране юридические нормы, но и способствовали унификации языка.

В XVIII в. торговых людей во Франции обозначали с помощью двух слов: «негоцианты» («negociants») и «торговцы» («marchands»). Часто они использовались как синонимы. В конце века против этого со всей решительностью выступил инспектор мануфактур (в будущем один из лидеров жирондистов) Ролан де ля Платьер. Он писал в «Методической энциклопедии»: «Всегда и везде смешивают понятия "негоциант" и "торговец", даже корабейник присваивает себе первое из этих званий, а продающий ему какую-нибудь мелочь лавочник так и называет его негоциантом. В действительности Франция располагает определенным количеством предпринимателей, у нас много фабрикантов, много торговцев, негоцианты же очень редки. Из всех городов, что я знаю, они есть в Бордо, Нанте, Руане, Марселе. В Париже их нет, там имеются лишь денежные воротилы, спекулянты, банкиры, люди, торгующие ценными бумагами, облигациями государственных займов, они наживаются на наших общественных бедах, все это не более чем торговцы и дельцы. Истинная негоция родственна дипломатическому искусству; подобно дипломату, ведущему переговоры, негоциант вступает в разного рода отношения, имеет большие интересы, широкий взгляд на вещи; подобно политику негоциант должен понимать дух различных наций, их законы, обычаи, он должен уметь

распознавать чуждые интересы и, используя их, добиваться наибольшей выгоды.

Всякий же человек, занимающийся только покупкой и продажей, ведет ли он торговлю за наличные или с отсрочкой платежа, обменивает ли одни товары на другие, занимается ли комиссионными сделками, идет ли на заранее оговоренные поставки, ведет ли крупные или мелкие дела, все едино — перед нами не более чем торговец»⁷².

Очень значимое в глазах самих людей торговли различие между негоциантами и торговцами родилось задолго до рассуждений Ролана. Еще в мемуаре к Людовику XIV, составленном входившими в Торговый совет королевства крупнейшими негоциантами, со всей определенностью говорилось: «Поскольку Ваше Величество объявили, что они желают благоприятствовать процветанию торговли, депутаты торговли считают, что намерениям Вашего Величества в этом направлении могло бы способствовать оказание знаков уважения негоциантам... При условии положительного отношения Вашего Величества, так как термин "торговец" слишком общий, слишком широко его значение, желательно было бы отделить лиц, занимающихся оптовой торговлей на море и на суше, и называть их исключительно негоциантами; за теми же, кто занят розничной торговлей, сохранить название "торговцы"»⁷³.

В рескриптах самого Людовика XIV также иногда проводилось различие между негоциантами и торговцами. Так, в эдикте 1660 г. о составе муниципального совета Марселя король предписывал: «Первый эшевен должен быть избран из числа тех, кто входит в ложу (прообраз марсельской биржи. — *Е.К.*) и держит банк, или из числа негоциантов... последний — из числа буржуа или торговцев»⁷⁴. Королевский эдикт 1701 г. устанавливал определенные прерогативы негоциантов города Руана. Он относил к данной категории только лиц, торговавших крупными партиями товара, упакованными в тюки и баулы и не державших ни лавок, ни подворьев. Дворянам разрешалось становиться негоциантами без поражения в правах благородного сословия. Негоциантам предоставлялось право участия в управлении городом и в отправлении правосудия по имущественным вопросам. После 1735 г. негоцианты проводили свои собрания в залах и садах здания Биржи⁷⁵.

Французский историк Ш.Карьер, специально изучавший обозначения крупных коммерсантов в XVII—XVIII вв., считает, что приблизительно к 1716 г. в официальных документах повсеместно было принято четкое разграничение между торговцами и негоциантами.

Негоцианты занимались крупной, оптовой торговлей, торговцы преимущественно — мелкой, розничной. Негоцианты издавна пользовались большой свободой, находясь вне цеховой системы; значительная часть торговцев входила в корпорации.

Было и еще существенное различие: негоцианты вели приходные и расходные книги, имели упорядоченную бухгалтерию; мел-

кие торговцы обходились без записей, тем более что далеко не все из них владели грамотой.

Именно люди, занимавшиеся крупной торговлей, чаще всего выступали в роли предпринимателей, организовывавших производство, получившее название рассеянной мануфактуры. Под их началом оказывались не только рабочие-надомники, но и ремесленники, и мелкие торговцы. В конце XVIII в. инспектор мануфактур в Седане писал по этому поводу: «Безусловно, было бы оскорблением для предпринимателей, хозяев мануфактур по производству тонких шерстяных тканей в Седане, Лувье, Эльбефе, смешивать их с множеством работников, более занятых непосредственным трудом на фабрике, а не ее управлением. Последние не более чем рабочие, в то время как первые являются в равной степени негоциантами и мануфактуристами...»⁷⁶

Конечно, были исключения в виде самозванцев, принимавших громкое имя негоцианта ради эфемерного повышения социального статуса; видимо, так можно объяснить тот факт, что некоторые лица, назвавшие себя негоциантами при вступлении в брак, предпочли умолчать о размерах своего состояния, а состояния их избранниц были довольно скромными. Например, 9 парижских негоциантов из числа вступивших в брак в 1749 г. не указали размеры своих состояний; у одной из их невест имущество не превышало 500 ливров, у семерых колебалось от 2 тыс. до 15 тыс. ливров. Зато у пятерых негоциантов, чьи состояния были объявлены, они составляли от 50 тыс. до 300 тыс. ливров⁷⁷. Случаи появления самозванцев лишь подтверждают значимость звания негоцианта. Крупная торговля и с точки зрения ценностной системы старого порядка котировалась несравненно выше, чем мелкая, даже дворяне могли ею заниматься без ущерба для своего достоинства⁷⁸.

Правда, несмотря на официальную допустимость, торговлей занималось мало дворян. Зато эти нарушители сословных традиций обычно входили в число богатейших негоциантов, и с экономической точки зрения их вес был весьма значительным. Среди нантских арматоров было пять дворянских семей. Они снарядили 385 экспедиций, т.е. в среднем по 75 экспедиций на каждое семейство⁷⁹ — размах торговых операций очевиден.

Негоцианты представляли собой разнородную группу и по словесной, и по религиозной, и по национальной принадлежности. Еще в XVII в. торговые колонии голландцев обосновались в городах западной Франции, а также в Марселе. Для XVIII в. была характерна иммиграция швейцарских дельцов, вкупе с немцами они активно действовали в Марселе, Лориане, Бордо. Среди негоциантов Нанта было немало выходцев из Шотландии и Ирландии. В Марселе с 20-х годов XVIII в. все большее могущество приобретали протестантские торговые династии Сейманди, Юг и Рабо. Позже они укрепились и в Бордо. В число богатейших лиц Бордо входили также некоторые члены еврейской торговой колонии;

особенной известностью пользовались имена А.Градиса Ж.Н.Перейры⁸⁰.

Не представляя собой единой, сплоченной группы, негоцианты тем не менее вполне осознавали наличие общих интересов. Они добивались, чтобы королевский флот защищал их торговые флотилии, подталкивали государство к дальнейшей колониальной экспансии, пытались обосновать необходимость сохранения работорговли. Их разобщенность совершенно особого рода: сама конкурентная борьба, которую они вели между собой, служила условием того, что они прекрасно знали друг друга не только в рамках города или региона, но часто и в рамках страны, и шире. К тому же морская торговля XVIII в. самым своим характером была исключительно связана с политикой, и отношения с собственным государством и с другими государствами для негоциантов выступали в качестве составной части их профессиональной деятельности.

Пожалуй, именно негоцианты первыми стали писать и говорить о промышленности как о совокупном несельскохозяйственном национальном производстве. Французский негоциант, возражая против экспорта во французские колонии в Америке бижутерии, произведенной в третьих странах писал: «Это предмет очень серьезный, так как большая часть этих украшений покупается за рубежом, тем самым наша промышленность (*notre industrie*) лишается прибыли, которую она могла бы получить, производи их сама»⁸¹. В конце XVIII в. во Франции совершался переход от понимания «промышленности» как ловкости, умения к значению производительной деятельности. В 4-м издании «Словаря Французской академии» (1762) для пояснения слова «*industrie*» давались примеры: «Это ловкий человек (*homme d'industrie*). У него нет никакого определенного дохода, но он трудолюбив, он кормит семью своим трудом, своей ловкостью (*par son industrie*). Говорят: живет благодаря своему проворству (*d'industrie*), что означает "умеет находить плохие ли, хорошие ли средства к жизни"». Слово «*industrie*» употреблялось также в противопоставлении реальным фондам чего-либо нематериального. В этом случае оно принимало значения «труд», «торговля», «знание»⁸².

В конце XVIII в. слово обрело, во-первых, сугубо положительное звучание. Торговцы города Труа просили в своем наказе Генеральным штатам в марте 1789 г. не препятствовать фабрикантам из сельской местности продавать произведенные ими товары, мотивируя это тем, что: «свобода — это зародыш промышленности» («*la liberte etant le germe de l'industrie*»)»⁸³. Во-вторых, слово все чаще связывали с вполне материальными товарами и продуктами. Анонимный автор трактата о колониальной торговле выделял в 1790 г. три вида коммерции. По его мнению, «народ может обменивать плоды земли — это торговля излишним, — продукцию своих мануфактур — это промышленная торговля (*le commerce de l'industrie*), продукцию, произведенную другими народами — это экономическая торговля»⁸⁴.

И все же промышленность еще только вычленялась в самостоятельную сферу человеческой деятельности и не представляла собой единого феномена. В понятие «промышленность XVIII в.» приходится включать ремесла, горное дело, металлургию, мануфактуры, в том числе рассеянные. Но в XVIII в. типологическую родственность всех этих видов промышленного производства мало кто замечал, зато их различия были всем очевидны. Люди XVIII в. могли рассматривать мануфактуры как одну из отраслей торговли; ремесла входили в состав «искусств и ремесел» («arts et metiers») — исторически сложившегося комплекса, в котором соседствовали аптекарское дело, хирургия, торговля скобяными товарами, починка обуви и т.д. О горных разработках почти всегда говорилось как об особом и обособленном виде производства. Автор статьи «Торговля» в «Энциклопедии» Д.Дидро и Ж. д'Аламбера Ф.Верон де Форбонне назвал мануфактуры в числе семи отраслей торговли: наряду с земледелием, свободными искусствами, рыболовством, мореходством, колониями и вексельным делом⁸⁵.

Между тем в XVIII в. промышленность Франции развивалась намного быстрее, чем в предыдущем. Объемы производства увеличивались. С 70-х годов начались первые попытки внедрения машин. Темпы промышленного роста в 1700—1780 гг. в среднем превосходили 1% в год, а по некоторым подсчетам приближались к 1,9%⁸⁶. До 70-х годов Франция по этому показателю не уступала Англии.

Мало кто, подобно Тюрго, объединял хозяев промышленных предприятий в одну группу⁸⁷. Да и как обычный человек мог уловить сходство столь различных владельцев. По данным обследований 1771—1788 гг., из 603 металлургических предприятий, расположенных в 21 генеральстве, 57 (9,4%) принадлежали церкви, 304 (50,4%) — дворянам шпаги и мантии, среди владельцев из третьего сословия были финансисты и крупные негоцианты, торговцы и бывшие ремесленники.

В некоторых местностях доля «благородных» в составе хозяев металлургических предприятий была особенно высока. Во Франш-Конте она достигала 52%, в Алансонском генеральстве — 84%, в Реннском — 86%⁸⁸. Помимо металлургии, дворянство не считало для себя зазорными каменноугольные разработки. Шевалье де Солаж начал разработки в Кармо, герцог де Бетюн-Шарро — в Рот-ля-Мольер, маркиз де Серне и принц де Круа — в Анзене. Но дворянский капитал проникал и в отрасли, традиционно для него чуждые: в текстильную, в зарождавшуюся химическую. Первые полотняные мануфактуры в Эльзасе были основаны бароном де Вальднером и герцогом де Де-Пон; химическое производство в Жавеле субсидировалось графом д'Артуа; в текстильные и стекольные мануфактуры вкладывал деньги герцог Орлеанский.

Но численно среди промышленных предпринимателей преобладали, безусловно, ротюрье. Даже в металлургии и каменноугольной промышленности позиции ротюрного капитала были очень солидными. Шахты Сент-Этьена, Рив-де-Жье, Алеса принадлежали людям из третьего сословия, в металлургии Севера и Востока, в провинции Дофине и Сент-Этьене преобладали собственники из числа небогатых.

Многие из наиболее технически передовых предприятий были созданы и управлялись иностранцами, в первую очередь англичанами. В середине века из Англии во Францию переехала группа католиков-якобитов, среди них уже упоминавшийся Д.Холкер, приложивший впоследствии немало усилий для технического перевооружения французского бумагопрядения. В 1755 г. Холкер получил от короля Людовика XV звание «генерального инспектора мануфактур, действующих на иностранный лад, и всех рабочих-иностранцев»⁸⁹. Мануфактуры в г. Брив, в Сансе, в Невилле на Соне были основаны англичанами Т.Леклерком, Г.Хэллом, Ж.Мильном⁹⁰.

В конце XVIII в. имелись уже предприятия очень значительных размеров. Крупнейшим предпринимателем в металлургии был Дитрих, будущий мэр-фейян Страсбурга, владелец промышленного комплекса в Эльзасе, включавшего заводы в Жагертале, Нидербронне, Райхшоффене, Ротау. Более 800 рабочих обслуживали домну и четыре горна в Нидербронне. Металлургическое производство в Жагертале состояло из домны, пяти плавильных и пяти обжигательных печей, двух тяжелых молотов на приводе от водяного двигателя. В Райхшоффене были домна и плавильня, в Ротау — домна, плавильня, кузница, две точильные мастерские⁹¹. Создание и эксплуатация крупных, отвечавших техническим требованиям времени металлургических предприятий и каменноугольных шахт вызывали потребность в концентрации капитала. Появлялись коммандитные и первые акционерные общества. При поддержке королевской власти в 1782 г. было образовано акционерное общество Крез с капиталом в 10 млн ливров. Были выпущены 4 тыс. акций стоимостью 2500 ливров каждая⁹². Компаниями эксплуатировались шахты Кармо, Анзена, Литри, Алеса. Но эти компании были исключительным явлением, составлялись они чаще всего из родственников и близких знакомых.

Анонимный капитал не соответствовал ни нормам действовавшего торгового кодекса⁹³, ни хозяйственным привычкам самих деловых людей.

Наемные работники еще не создавали проблем, которые требовали бы от предпринимателей координации действий. Наоборот, борьба за привилегии, за государственную финансовую помощь, конкуренция разъединяли. Свои профессионально-экономические интересы каждый защищал в одиночку или в рамках семьи и семейных связей. Гражданские интересы промышленников, негоциантов, банкиров отстаивали в основном другие — литераторы,

члены парламентов, философы, либеральные бюрократы. Редко кто из предпринимателей увязывал гражданские и экономические интересы воедино.

Особое место в формировавшемся предпринимательском классе занимали фермеры⁹⁴. Значительная часть сельскохозяйственных угодий сдавалась в капиталистическую краткосрочную аренду в окрестностях Парижа (уже больше половины), во Фландрии, Эно, Кабрези, Пикардии, Северо-Восточной Нормандии, в областях Бос и Бри. Фермы нередко достигали очень больших размеров — в Нормандском Вексене были хозяйства в 137, 160, 243 га, в области Бос — в 153, 200, 229 га, в Пикардии — в 145, 185, 360 га⁹⁵. В податном округе Мо в конце XVIII в. в местностях Мюльтен и Франс на долю ферм площадью более 120 га приходилось более 40% земли. Правда, редко эти арендованные угодья составляли единый массив. В тех же местностях Мюльтен и Франс в 1771 г. земли крупнейших (имевших более чем по 200 га) арендаторов распадалась у тринадцати на две отдельные фермы, у четверых на три, у остальных на еще большее число⁹⁶.

Фермеры являлись собственниками сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и продуктивного скота, держали постоянную наемную силу, в страду нанимали сезонных рабочих.

Размеры ферм диктовались спецификой землепользования в том или ином районе, степенью близости к крупным городам, особенностями почвы. Во Французской Фландрии площадь фермы обычно не превышала 25 га, но такое хозяйство могло быть доходнее пикардийской или босской фермы размером в 130 га. Физиократ де Нефшато в комментариях к трактату XVII в. де Серра дал описание типичной фермы во Фландрии: площадь ее угодий — 22,3 га, производственный капитал — 6 тыс. ливров; доход — 10 016 ливров, из них 9730 ливров (97%) от зернового хозяйства; расход — 9240 ливров; арендная плата — 1920 ливров (20,8% всех расходов, остальные расходы шли на налоги, оплату поденщиков и разные производственные траты); чистый доход — 776 ливров (7,7% от валового)⁹⁷.

Чрезвычайное трудолюбие, бережливость, неутолимая жажда укрепления своего достатка были характерны для этих сельских предпринимателей. Им приходилось вести глухую, незаметную борьбу как против окрестных крестьян, так и против конкурентов в своей среде. «От жадности и властолюбия крупных фермеров страдают не только простые крестьяне, владельцы небольших участков земли, но и фермеры средней руки, которых они вытесняют. В податном округе Крепи насчитывается 43 заброшенных с 1728 по 1762 г. здания бывших ферм, их земли присоединены теперь к соседним угодьям крупных арендато-

ров»⁹⁸, — писал аббат Карлье, изучавший экономические порядки герцогства Валуа в 60-е годы XVIII века.

Использование категорий, разработанных Кенэ и Тюрго, позволяет выявить экономическую анатомию французской буржуазии XVIII в. и в то же время не слишком ее модернизировать, что было бы неизбежно при прямом сведении реалий XVIII в. к понятиям XX или XXI столетия. В идеале первоначальная историческая реконструкция всегда должна осуществляться с помощью научного аппарата соответствующей эпохи. Но, по-видимому, только первоначальная, только исходная реконструкция. Интерпретация понятий эпохи в конечном счете осуществляется с помощью понятийного аппарата, современного деятельности самого исследователя.

К «капиталистам, отдающим деньги взаймы» в XVIII в. относились банкиры, финансисты, рантье и традиционные ростовщики. С формальной точки зрения эти категории лиц занимались различными видами ссудных операций. Финансисты ссужали деньги государству; банкиры во Франции XVIII в. чаще всего обеспечивали кредит частным лицам и компаниям⁹⁹.

К сожалению, о традиционных ростовщиках и их полуподпольной деятельности известно очень мало. Ростовщики обслуживали нужды людей разного состояния и общественного положения, но ими интересовались и о них писали более всего чины парижской полиции. По их информации ростовщики очень часто прибегали к мошенничеству, стремясь увеличить свою прибыль. Они занижали стоимость вещей, приносимых им в качестве залога, подменяли заложенное на похожие вещи, но меньшей стоимости. Даже обнаружив подлог, жертвы ростовщической жадности не редко избегали обращаться в полицию, не желая, чтобы об их нищенском положении или о причинах, к нему приведшему узнали посторонние. Ростовщичеством занимались в XVIII в. отнюдь не только темные персонажи типа знаменитого Гобсека, выведенного на страницах «Человеческой комедии» Бальзака, им не брезговали богатые негоцианты, известные держатели ювелирных магазинов и даже банкиры-миллионеры¹⁰⁰. То что банкиры не гнушались ростовщичеством косвенно подтверждает известное суждение о том, что банковская система во Франции в ту пору явно отставала в своем развитии от банков Англии, Голландии, Швейцарии.

Считается, что период формирования во Франции первых элементов банковской системы и появление банкира как специфической профессии приходится на 1725—1770 гг. Действительно, к концу данного периода специфически банковская деятельность позволяла уже сколачивать во Франции крупные состояния. Банковское общество Туртон и Бор увеличило свой капитал со

175 тыс. ливров в 1740 г. до 1025 тыс. ливров в 1760 г., оборот банка Ванденивера составил в 1789 г. более 30 млн ливров¹⁰¹.

Второразрядный парижский банк Дюфура, Малле и Ле Руайе : 1770—1771 гг. имел 354 открытых текущих счета, всего же у него было 176 клиентов-корреспондентов во Франции и 179 — за рубежом (местонахождение еще 13 клиентов банка установить не удается). Внутри страны более всего клиентов этого банка насчитывали портовые города: 32 — Бордо, 15 — Марсель, 10 — Нант, 9 — Руан; что касается заграничных клиентов, то в Женеве их было 50, в Швейцарии — 34, в Англии — 26, в Голландии — 22, в Германии — 15 (из них 7 в Гамбурге и 4 во Франкфурте), в Испании — 14, в Португалии — 4, в Италии и Пьемонте — 8, в австрийских Нидерландах — 6, в самой Австрии — 1. Банк имел довольно узкую специализацию: он занимался конверсией и переводом государственных ценных бумаг, различными комиссионными сделками, получением за своих клиентов рентных платежей¹⁰². Этими операциями определялся круг информации, которой должен был располагать управляющий банка Р.Дюфур и его служащие.

Повседневная рутинная работа требовала от капиталиста-банкира прежде всего точности и оперативности. Знаменитый банкир Жак Лаффит (1767—1844) писал в мемуарах: «Я много работал на протяжении 65 лет, и сейчас, когда мне уже 77, я продолжаю работать с тем же усердием, будто мне еще только предстоит создать мое состояние. Каждый день с 7 часов утра до 6 вечера я в своей конторе, и я надеюсь продолжать в том же духе до 100 лет, если Бог продлит мне жизнь»¹⁰³.

Пожалуй, именно в банковской сфере наибольшее развитие получили рыночные отношения. Здесь, как нигде, рынок диктовал нормы труда, нормы поведения. В XVIII в. эти нормы были уже хорошо осмысленны и четко сформулированы, они не только передавались изустно, о них писали в трактатах, словарях, пособиях по коммерческой практике.

В многократно переиздававшемся на протяжении XVIII в. «Экономическом словаре», составленном Н.Шомелем и М.Данжу, говорилось, как обязан был вести себя маклер, или банковский агент, в функции которого входили различного рода посреднические операции (он не был банкиром и до современного брокера еще не дорос): «Банковские агенты должны быть скрытными, все видеть, все слышать и ничего не говорить; для них нет ничего более важного, чем коммерческая тайна, так как одним нектати сказанным словом банковский агент может разрушить кредит и, следовательно, привести к банкротству... в руках банковского агента состояние тех, кто пользуется его посредническими услугами, поэтому он должен быть всегда начеку: к примеру, он ни в коем случае не должен говорить о сделках, которые с его помощью собираются совершить какие-либо негоцианты и банкиры»¹⁰⁴. Размещающая векселя и банковские билеты, указывалось далее, маклер до получения согласия их принять должен воздерживаться от ответа

на вопросы негоциантов о том, кому принадлежат размещаемые ценные бумаги, дабы не разглашать информацию о своих клиентах, возможно, находящихся в стесненных обстоятельствах. Каждый день и желательно по нескольку раз маклеру следует навещать своих контрагентов, ибо валютный курс и курс ценных бумаг переменчивы, векселя постоянно падают и поднимаются в цене, даже с утра до полудня может произойти повышение или понижение денежного курса. Утром негоциант или банкир может помышлять о помещении своих денег и векселей в какое-либо дело, а в середине дня сам в них срочно нуждаться в силу событий, которые он не сумел предвидеть¹⁰⁵. Знаток коммерции Ж. Савари де Брюлон (1657—1716), характеризуя биржу, отмечал, что негоцианты посещали биржу с неизменной точностью, чтобы не вызвать подозрений в своем банкротстве или разорении. Деловому человеку даже при неимении конкретных дел следовало всегда посещать биржу для поддержания своего кредита¹⁰⁶.

Отношения в среде предпринимателей подчинялись правилам, знание которых было обязательным и передавалось от отца к сыну. Французская буржуазия пополнялась, конечно, за счет людей самостоятельно сколотивших состояние, неслучайно именно из французского в русский язык пришло слово нувориш (*nuveau rich* — дословно новый богатый), но они попадали в мир вполне упорядоченный, ранжированный и даже в определенной степени традиционалистский. Психологический облик делового человека XVIII в. составить можно благодаря письмам, дневникам, деловым записям, которые в сравнительно большем количестве сохранились до наших дней.

После того, как отец нотариально заверил разделение своих коммерческих интересов и интересов, и возможных доходов сына, младший Лакомб отправился в Бордо. Обо всех своих делах он в письмах регулярно отчитывался перед семьей. Своими письмами вольно или невольно он создавал образ честного, эффективного, трудолюбивого молодого человека. Лакомб лепил себя по трафарету, который был ему, вероятно, хорошо известен, и обычай требовал от него не уклоняться, чтобы не поставить под угрозу собственное будущее. Завоевание доверия потенциальных покупателей и потенциальных продавцов — постоянная забота Бенуа Лакомба. Так он писал отцу: «Своим поведением я заставил уважать себя, я не упущу ничего ради того, чтобы поддержать репутацию, которую вы завоевали»¹⁰⁷.

Капитализм «старого порядка», разрушая этот «порядок», в своих внешних второстепенных проявлениях следовал его нормам. Корпоративные перегородки воздвигали в своей среде и «свободные» предприниматели. Негоцианты отделялись от торговцев, финансисты боролись с банкирами.

Помимо чисто экономической конкуренции финансистов и банкиров эти два мира разделял религиозный принцип: финансисты — католики; банкиры (в значительной своей части) — протес-

танты. Отличались они и по характеру внешнеэкономической ориентации. Финансисты осуществляли операции с пиастрами Испании и испанских колоний, банкиры ориентировались на Англию, Швейцарию, северные страны.

По существу, финансисты входили в частную организацию, выполнявшую государственные функции. С 1726 г. действовала четко оформленная система государственных откупов. Сбор косвенных налогов был передан компании генеральных откупщиков, состоявшей из нескольких десятков крупнейших финансистов. В 1756 г. разрозненные бюро отдельных откупщиков были объединены в центральную контору генеральных откупов. Она возглавлялась «ассамблеей касс» (затем — «административным комитетом»), куда входили десять наиболее богатых и опытных откупщиков. Ниже стояли специализированные ассамблеи, каждая из которых имела в своем распоряжении бюро наемных служащих¹⁰⁸. Член компании входил в состав нескольких ассамблей сразу. В некоторых провинциях для сбора налогов имелся аппарат провинциальных штатов, который обычно также представлял собой компании финансистов.

В середине XVIII в. финансисты не ограничивались откупными операциями. Известны гордые слова генерального откупщика и придворного финансиста Ж.Ж. де Ляборда: «У меня двадцать кораблей в Америке, в Восточной и Западной Индии, в Гвинее. Сколько людей обеспечено работой! Сколько денег потрачено на пользу народу и дворянству!» Но постепенно экономическая активность финансистов свертывалась. Их капиталы или шли на покупку земельных угодий, или замыкались в рамках системы откупов. Финансисты оказались не способными верно адаптироваться к кризисным явлениям 70—80-х годов, увеличившийся риск производительных инвестиций испугал их. По своей психологии они были более рантье и администраторы, чем предприниматели¹⁰⁹. Именно в те годы, когда закладывались основы нового капитализма, гораздо более динамичного, чем прежний, финансисты начали сходиться со сцены большого бизнеса.

Некоторый взлет их экономической активности наблюдался в период пребывания Ш.А. де Калонна на посту генерального контролера финансов. Калонн имел большие и стабильные связи в этой среде. Его первая жена Жозефина Анна Марке происходила из семьи финансистов. Марке входили в финансовую группу, объединявшую Ж.-Ж. де Ляборда, австрийскую финансовую династию Неттинов, генеральных откупщиков Пари-Дюверне и Лявивов. Финансисты готовы были покрыть дефицит казначейства в том случае, если Калонн добьется от Ассамблеи нотаблей утверждения территориального налога и гербового сбора. Калонн потерпел фиаско; почти одновременно с этим крупнейшие финансисты Бодар, Серийи, Марке объявили о своем банкротстве. Крах, а впоследствии и физическая гибель финансистов приближались.

Ни один общественный класс ни в одну историческую эпоху не представлял собой экономически гомогенное образование. И среди французских предпринимателей конца XVIII в. было много лиц, получавших помимо предпринимательского дохода сеньориальные платежи, арендную плату или жалованье. Экономическая многоликость даже тех индивидуумов, которые основную часть своего времени посвящали коммерции или управлению банком, мануфактурой и т.п., — одна из отличительных особенностей класса буржуазии кануна революции. Буржуазия того времени — образование многослойное, имевшее капиталистическое ядро, и более или менее удаленные, но тяготевшие к нему по характеру доходов, по экономическим, политическим, культурным устремлениям социальные группы. Одну из таких групп необходимо рассмотреть особо, ибо в ходе революции и в послереволюционную эпоху ее название станет родовым для всего капиталистического класса. Это — «буржуа».

Словари, столь часто исследуемые в последнее время историками, содержат информацию очень разнородную и, пожалуй, не менее субъективную, чем все прочие источники. Если словарь составлял ученый человек, проводивший свою жизнь среди книг и манускриптов, то почти обязательно в обстоятельном словнике будут изобилывать устаревшие, архаичные значения слов; редко кто из заядлых латинистов, знатоков грамматик и этимологий питал интерес к просторечию, к ненормативной лексике рынков, военных лагерей, дворянских пирушек. Но иногда словари составлялись бойкими писателями, вездесущими авантюристами, которых случай наделил легким пером, и хотя трудно понять, когда люди этого склада успевали сочинять объемные фолианты, именно из их сочинений можно почерпнуть богатую россыпь значений живого языка эпохи.

Трудно сказать, откуда А.Фюретьер, непоседа и бонвиван, брал свои познания. Во всяком случае, воздух эпохи в его «Универсальном словаре», безусловно, ощущается. Пестрота воспроизведенных Фюретьером трактовок слов ставит подчас в тупик современного исследователя. Не исключение его истолкование слова «буржуа». Приведем из «Универсального словаря» полный список значений и примеров употребления этого слова: «Буржуа — (1). Имя коллективное, обозначает совокупность народа, живущего в городе. Не следует буржуа давать в руки оружие. Порядок на рынках требует, чтобы буржуа снабжались ранее, чем торговцы и перекупщики. Слово буржуа происходит от немецкого слова бюргер. (2). Буржуа называют также любое частное лицо, проживающее в городе. Этот торговец, этот адвокат — добрые буржуа (горожане. — Е.К.). (3). Слово буржуа обозначает также всех членов третьего сословия, отделяя их от дворян и духовенства, пользующихся особыми привилегиями, коих лишен народ. Государственные тяготы падают на буржуа. В этом же смысле говорится: это дворянин, а это всего лишь буржуа. Та женщина — демуазель, а та — простая горожанка

(буржуазка). (4). В некоторых кутюмах фигурируют королевские буржуа: это люди, имеющие привилегию быть подсудными только королевским судам, сеньориальная юрисдикция на них не распространяется, подобный статус оговорен в кутюмах Труа, Шампани, Шомона, Санса и Осера. (5). Рабочие называют буржуа человека, на которого они работают. Каменщик, ремесленник всегда стараются надуть буржуа. (6). Иногда слово буржуа употребляют для противопоставления куртуазного, светского человека человеку, не отличающемуся изяществом ни манер, ни ума, живущему и рассуждающему как простонародье... Слово буржуазия означает право получения определенных городских привилегий, это право приобретается по прошествии нескольких лет проживания в городе... Буржуазией называют также весь корпус буржуа»¹¹⁰. Приведенные Фюретьером значения большей частью оставались в ходу на протяжении всего XVIII в. Это подтверждают столь различные по авторам-составителям издания как «Словарь Академии наук»¹¹¹, «Словарь Треву» или Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера¹¹².

Фюретьер дал очень широкий, но самый общий обзор значений слова «буржуа». В каждом городе Франции это слово имело свои нюансы.

В Париже в XVII — начале XVIII в. звание «буржуа» мог носить горожанин, проживший в столице не менее года и одного дня, не служивший слугой, не проживавший в ночлежке, уплачивавший муниципальные налоги. Приобретение статуса парижского «буржуа» влекло за собой существенные привилегии: освобождение от уплаты прямого налога — тальи, право покупать в любом месте Франции фьефы без уплаты пошлыны так называемой фран-фьеф¹¹³, право носить оружие; парижский «буржуа» подлежал суду только парижских судебных инстанций, в его доме запрещалось расквартировывать солдат, он был свободен от призыва в ополчение (бан и арьербан), имел право беспошлинно ввозить в город сельскохозяйственную продукцию, полученную со своей земли, мог арестовать злостного неплательщика долга с помощью королевских людей¹¹⁴.

В Лилле, лишь в 1667 г. завоеванном Францией у Испании, среди жителей выделялись две категории: «буржуа» и мананы. Звание «буржуа» покупалось у эшевеннов, в ту пору выборных муниципальных чиновников города, за сумму порядка 15 ливров. Оно было наследственным в том случае, если сын буржуа через год после женитьбы выплачивал определенную сумму и тем самым подтверждал свой статус. Это звание «буржуа» мог получить и дворянин; духовным же лицам его приобретать запрещалось. Статус «буржуа» гарантировал в Лилле определенные права: гражданские и уголовные преступления «буржуа» были подсудны только эшевеннам; запрещалось накладывать арест на их движимое и недвижимое имущество; нельзя было арестовывать их за долги; только они имели право быть избранными в муниципалитет. В Лилле к этой категории населения принадлежали и лица очень скромного до-

статка — простые ремесленники, не имевшие в своей мастерской даже учеников или подмастерьев. При всем том в конце XVII в. лишь около 1/20 жителей города считались «буржуа»¹¹⁵. Звание «буржуа Лилля» покупалось и в предреволюционные годы. Все привилегии, связанные с ним, сохранялись вплоть до 1789 г. Во второй половине XVIII в., как и за столетие до этого, среди «буржуа Лилля» имелись ремесленники, мелкие служащие, негоцианты. Последние, согласно данным французского историка П.Пьерара, задавали тон. Всего накануне революции в Лилле было 2500 «буржуа»¹¹⁶.

Сохранилось любопытное суждение одного путешественника: «Жители Марселя подразделяются на два сорта граждан... Одних называют буржуа, других — негоциантами. Это будто два разных народа, которые под именем марсельцев составляют один. Буржуа скупы, негоцианты — расточительны; первые не отличаются учтивостью, вторые — сама вежливость; буржуа ведут незаметный образ жизни, негоцианты предпочитают роскошь. Манеры первых грубы и отдают деревенщиной; вторые стремятся к всеобщей любви и не скупаются на любезности. Единственно, что их объединяет, — это страсть к собственным загородным домам»¹¹⁷. На простоватость, некоторую грубость нравов, по свидетельству «Словаря французских пословиц» (1750), указывало и прилагательное «буржуазный». В этом же издании слово «bourgeoise» («буржуазка») приводится в значении «служанка»¹¹⁸.

Но в конце XVIII в. доминировали иные значения. Чаще всего слово «буржуа» употребляли по отношению к ротюрье, не занимающемуся какой-либо производительной деятельностью, по отношению к человеку, пользующемуся определенным достатком, живущему «на благородный манер», на государственную или частную ренту. По мнению французских историков А.Домар, Ф.Фюре, М.Вовеля, именно это значение с середины XVIII в. стало доминирующим¹¹⁹.

Во всяком случае, накануне революции в представлении нотариусов и судебно-административных властей «буржуа»-рантье составляли отдельную группу. Когда в 1766 г. в Шартре проводились выборы нотаблей, то в списке горожан, имевших право голоса, эти «буржуа» были выделены в особую рубрику. Во время выборов в Генеральные штаты 1789 г. «буржуа», «живущие по-благородному», входили в отдельную избирательную курию совместно со всеми гражданами третьего сословия, не принадлежавшими ни к какой корпорации¹²⁰. В Труа «благородных буржуа» в 1789 г. объединили в списках с так называемыми сотрапезниками, высшей прислугой королевской семьи, короля и епископата¹²¹.

Члены третьего сословия, не входившие ни в одну из корпораций города Коньяк, провели особое собрание и избрали двух депутатов, которые на совместном заседании всех депутатов корпораций Коньяка представляли «буржуа» этого города¹²². Такое же собрание состоялось в Шартре.

Дополнительных данных об имущественном положении, социальном статусе, семейных связях «буржуа» из Труа и Коньяка у нас нет, что же касается шартрских «буржуа», то благодаря исследованию М.Вовеля их облик вполне может быть описан.

В налоговых документах Шартра конца старого порядка фигурировали 250 «буржуа», что составляло приблизительно 5,6% населения города. Женщин среди них было в три раза больше, чем мужчин. Точные возрастные характеристики этой категории жителей неизвестны, но явно среди них преобладали люди зрелого и преклонного возраста. В Шартре в 1766 г. из 60 «буржуа», обязанных уплачивать налог в пользу бедных, было 18 человек, в прошлом занимавшихся торговлей, 15 бывших королевских чиновников и различного рода судейских людей, 4 ушедших от дел ремесленника, 3 зажиточных и богатых землепашца (*laboureurs*), на старости лет перебравшихся в город, чтобы жить на ренту¹²³.

Парижские буржуа «старого порядка» активно занимались ссудными операциями¹²⁴. Звание «буржуа» было более доступным и менее престижным в провинции по сравнению с Парижем. Но и на периферии, и в столице оно указывало на принадлежность к социальному слою, явно возвышавшемуся над массой бедного трудящегося люда. При составлении брачных контрактов и заполнении других официальных бумаг некоторые простолюдины стремились объявить себя «буржуа», особенно бывшие слуги, владельцы небольших пожизненных рент¹²⁵. Подобное самовозвышение отнюдь не вело к тому, что бывшие слуги получали доступ в дома настоящих «буржуа». Париж в XVIII в. четко делился на различные социальные сферы. Попасть из низшей сферы в высшую, даже всего лишь на один порядок высшую, было очень трудно. По этим соображениям А.Домар и Ф.Фюре исключили слуг из числа «буржуа». Исследование этих историков базируется на изучении подписанных в 1749 г. в Париже 2597 брачных контрактов, из которых 124 принадлежали «парижским буржуа» (правда, состояния невесты и жениха указаны в 112). Имущество большинства (54,4%) женихов-буржуа колебалось от 1 тыс. до 10 тыс. ливров, что приблизительно соответствовало достатку торговцев и ремесленных мастеров. В 17 случаях, вступая в брак, «буржуа» имели менее 1 тыс. ливров, впрочем во всех этих случаях точные сведения о размерах имущества жениха не были представлены. 34 жениха имели состояние более 10 тыс., из них трое — более 100 тыс. ливров¹²⁶.

В предреволюционном Мулене люди «третьего сословия» делились на работающих и не работающих. К последним относились «буржуа», рантье, а также вдовы и незамужние женщины, все они в налоговых документах в графе о профессиональном занятии ничего не указали. Среди домовладельцев и крупных съемщиков жилой площади в Мулене в 1778 г. имелось 342 лица, живших на ренту¹²⁷.

Не исчезло на протяжении XVIII и даже первой половины XIX в. и еще одно значение слова «буржуа», отмеченное еще Фюретьером. Рабочие продолжали называть своего нанимателя «буржуа». Подобного рода словоупотребление встречается на страницах воспоминаний парижского типографского подмастерья Комта¹²⁸, обессмертившего себя описанием «судебной» расправы над хозяйскими кошками, попадает оно и у столярного подмастерья, путешествовавшего по Франции в первой половине XIX века¹²⁹.

2.2. Гражданское общество

Вплоть до XVIII в. во Франции не было гражданского общества как такового. Правда, спорадически возникали его прообразы — на микроуровне, как проявление городской муниципальной жизни.

Гражданское общество конституируется лишь в связи с возникновением государства определенного типа. Государство предшествует гражданскому обществу. В социологических работах подчас трактуют гражданское общество как совокупность всего населения данной страны, но подобное определение препятствует выявлению многих существеннейших моментов в динамике исторического развития.

Гражданское общество не является данностью, функционирующей постоянно в одном режиме. Оно может погружаться в спячку, превращаться в инертную массу, озабоченную исключительно частными интересами. В этих случаях оно перестает быть самим собой. Гражданское общество возрождается и становится действенным в эпохи кризисов, когда выясняется, что государство не в состоянии выполнять свои задачи, когда государственный аппарат насилия нарушает баланс между обслуживанием и эксплуатацией общества, эксплуатация вырождается в паразитирование.

Первичные структуры, питающие гражданское общество, но не составляющие его, — это семьи. Даже внутри самого неразвитого гражданского общества семьи остаются и нередко оказываются ячейками сопротивления государственному насилию, но они же нередко способствуют атомизации общества, распаду его на нуклеарные кровнородственные объединения. Впрочем, в гражданском обществе частное и общественное постоянно взаимосвязано. Встречи друзей ведут к рождению политических организаций, спор в интимном кругу на религиозные темы — к появлению антиклерикальных памфлетов или атеистических трактатов.

Становление гражданского общества во Франции XVIII в. осуществлялось как в результате возникновения различного рода объединений, совершенно автономных по отношению к государству, так и в результате ослабления контроля государства (и церкви) над организациями и институтами, ранее этатизированными, но так и не вошедшими полностью в бюрократическую структуру. К первым относились салоны, масонские ложи, некоторые клубы и ли-

литературные общества, ко вторым — столичные и провинциальные академии, прочие узаконенные научные и литературные общества, отчасти торговые палаты.

Подобно тому, как в конце XX в. французские бизнесмены встречаются в привилегированных клубах «Серкль де Булонь», «Ротари» или «Жокей-клуб», в XVIII в. предприниматели посещали салоны, заседания научных обществ, являлись членами масонских лож. Эти внесловные объединения в каждом городе, в каждой провинции служили выявлению потенциальных лидеров, формированию интеллектуальных элит, просвещению; здесь устанавливались личные контакты интеллектуалов (философов, экономистов, публицистов) с государственными людьми и капиталистами всех мастей.

Расцвет философских салонов, которые все более становились политическими, приходится на 60—80-е годы XVIII в. В салонах мадам Жоффрен, мадам дю Деффан, мадам Тансен, мадемуазель Леспинас собирались лучшие умы Франции; во всей светской Европе были известны салоны Гольбаха и мадам Неккер¹³⁰. О салоне Гольбаха на улице Сен-Рош в Париже Д.Дидро писал: «Здесь собираются наиболее честные и дельные люди столицы. Чтобы переступить порог этого дома, недостаточно иметь титулы или быть ученым, нужно еще обладать добротой. Вот где устанавливаются надежные связи! Здесь обсуждаются вопросы истории, политики, финансов, литературы, философии. Люди достаточно уважают друг друга, чтобы вступать в открытые споры. Хозяин дома — подлинный гражданин мира. Он знает, как с толком использовать свое состояние. Он является хорошим отцом, другом, супругом. Всякий иностранец, который сколько-нибудь известен и обладает некоторыми заслугами, может рассчитывать на доступ в этот дом, на самый сердечный и учтивый прием»¹³¹.

Франкмасонство, как известно, возникло и получило первоначально развитие в Шотландии. В 20-е годы XVIII в. появились первые ложи во Франции. Следуя шотландским образцам, французские франкмасоны в причудливой форме соединили в своей деятельности республиканский дух, отсутствие сословных предрассудков, мистические обряды посвящения в таинства организации и ее специфического учения, в котором уживались мистика и рационализм. Королевский прокурор президиального суда в Орлеане писал канцлеру д'Агессо о франкмасонах: «Они образуют сообщество, имеющее свои градации и звания, но все без исключения масоны объединены узами тесного сотрудничества, которые не позволяют им называть друг друга иначе чем брат. У них самым неприличным образом перемешаны дворяне и ротюрье, офицеры и ремесленники, и все пользуются одинаковыми правами. Друг в друге они видят только людей, и это их делает равными в силу самой природы, заставляет забыть о различиях рода, звания, даже религии...»¹³² Формально открытые для всех, реально закрытые

для простого люда ложи объединяли дворян, священнослужителей, негоциантов, банкиров.

В Ниме в 1783 г. некто Рабо-Дюпюи учредил Филантропическую ложу. Ее главой, «преподобным», стал негоциант Рок, постоянное местонахождение ложи — дом негоцианта А.Шапеля. Вскоре в Ниме Рабо-Дюпюи основал ложу «Благотворительности» и сам возглавил ее. Помещение для собраний и ритуалов предоставила ей торговая компания. Приблизительно в те же годы в Ниме (население в 1789 г. — 54 тыс. человек) действовала ложа Генриха IV и Сюлли. Ее «преподобный» — негоциант Буайе де Вилла, местонахождение — дом адвоката Гриоле¹³³. Первые точные сведения о марсельских масонах датируются 1749 г. Тогда же с осуждением масонства выступил марсельский епископ, но результата его осуждения не возымело. К 1789 г. в ложах «Совершенной искренности», «Собрания избранных», «Любителей истинной мудрости», «Святого Иоанна Шотландского» состояло значительное число лиц. По заключению французских историков П.Гиралья и П.Амаржье, это были преимущественно негоцианты¹³⁴.

Подчас ложи различались по своему социальному составу. В 1785 г. в г. Лаваль ложа «Юньон» объединяла 5 священников и 34 мелких предпринимателя, а основанная в том же городе в 1786 г. ложа «Объединенных друзей» включала людей более состоятельных: дворян и негоциантов. О ложах г. Манта известно, что в 1788 г. среди 59 членов ложи «Мория» были адвокаты, нотариусы и монахи, а в ложе «Тесный союз святого Жюльена» — врачи, хирурги, негоцианты и судейские. Советники президиального суда, лейтенант ведомства вод и лесов и некоторые негоцианты объединились в Манте чуть позже в особую ложу «Святого Юбера»¹³⁵.

В Дижоне социально-профессиональные различия между масонскими ложами «Конкорд» и «Объединенные искусства Святого Люка» были еще более очевидны. В первой из них преобладали члены парламента, счетной палаты, дворянство шпаги. Ее посещали мэр города, интендант Бургундии, министр иностранных дел Верженн. Из неблагородных в эту ложу входили только лица свободных профессий. Торговцев в ней вообще не было, зато они составляли основной костяк «Объединенных искусств Святого Люка».

Перед революцией масонские ложи имелись в 363 городах Франции, а их общее число приближалось к 700¹³⁶.

В ложи приходили по разным причинам: следуя моде и стремясь продемонстрировать возвышенность духа, надеясь получить нужные связи и искренне желая услышать истины о совершенном обществе и совершенном человеке. В любом случае философские диспуты, которыми столь увлекались масоны, способствовали выработке основ критического мышления, свободного от почтительности к традиционным догмам католицизма, к ценностям сословно-монархического строя. Но было бы большой ошибкой усматривать в масонских ложах тайные организации революционеров. Ни-

каких политических целей масонство перед собой не ставило. Не случайно в одну из лож вступил даже король Франции Людовик XVI¹³⁷.

Провинциальные академии в конце XVIII в. были двух категорий. К первой категории относились те из них, которые не имели официального статуса. Они пользовались правом регулярно проводить свои заседания и обсуждать на них любые вопросы, лишь бы при этом не было прямой критики католической религии и правительства и не подрывались основы христианской нравственности. Автор «Универсального словаря полиции» адвокат Дез Эссар считал подобного рода академии объединениями друзей, имевших сходные вкусы и общие развлечения¹³⁸. Названия этих объединений были самыми разными, помимо академий, они назывались музеями, клубами, ложами, литературными обществами.

Деятельность академий другой категории санкционировалась королевскими патентами, которые регистрировались парламентами. Таким образом они становились как бы составной частью французского государства. Государственный Совет, министры, магистраты могли обращаться к ним официально за консультацией. Мнение этих академий имело силу заключения законом признанного учреждения, авторитетного в той или иной области науки.

В словаре Дез Эссара названо 27 «официальных» провинциальных академий и приравненных к ним литературных обществ. Хотя все они в своем внутреннем устройстве следовали образцу парижской Академии наук, некоторые имели существенную специфику, в том числе с точки зрения их социального состава и рода занятий. Академия Арля допускала в свои ряды только дворян и к тому же обязательно уроженцев города; академия Ла Рошели выделялась своим прагматизмом, ее члены занимались почти исключительно вопросами торговли. Академия наук, искусств и изящной словесности в Шалоне-на-Марне посвятила себя разработке юридических проблем, подготавливала пересмотр уголовного кодекса¹³⁹.

Самыми крупными и влиятельными были академии Суассона (основана в 1674 г.), Бордо (1712), Лиона (1724), Марселя (1726), Тулузы (1694)¹⁴⁰, Дижона (1749), Нанси (1750), Безансона, Гренобля, а также Королевское научное общество Монпелье (1707)¹⁴¹. В последние десятилетия старого порядка росла численность членов академий. Так, периодическое издание академии Руана назвало в 1744—1750 гг. 180 членов этой провинциальной академии, в 1751—1770 — 400, в 1771—1780 — 430. Многие из академий с 1750 г. все более проникались философическим духом, осмеливались присуждать премии вольнодумным сочинениям¹⁴².

Негоцианты, банкиры, мануфактуристы сравнительно редко сами принимали участие в работе академий или литературных обществ, не блистали в салонах. Но они видели определенный смысл во всех этих формах гражданской жизни и тратили деньги, поддерживая их.

Торговые палаты во Франции были учреждены Людовиком XIV 30 августа 1701 г., они должны были периодически направлять свои соображения в Совет по торговле. Деятельность торговых палат определялась королевскими ордонансами, но это не означало полного подчинения этих профессиональных органов королевской администрации. По целому ряду вопросов они могли выступать как группы давления, добиваясь принятия нужных им решений. В некоторых городах торговые палаты частично осуществляли функции муниципалитетов, обеспечивая необходимые условия для торговой деятельности: следили за порядком на пристанях, санитарным состоянием складов и надежностью охраны, а во время военных действий даже снаряжали конвои для защиты торговых судов. В обращениях торговых палат к центральной власти причудливым образом переплетены требования свободы торговли и защиты собственных старых привилегий, свободе в немалой степени препятствовавших¹⁴³. Вполне лояльные по отношению к властям на протяжении XVIII в. Торговые палаты по мере развития кризиса в конце 80 годов стали излагать свои претензии все более решительным и идеологизированным образом. Лионская Торговая палата в 1787 г. заявляла: «Торговля должна пользоваться свободой в той степени, в какой она способна ею разумно воспользоваться. И если негоциант не создает проблем общественному порядку, его деятельность должна быть не менее свободна, чем воздух, которым он дышит»¹⁴⁴. Таким языком говорила Торговая палата, которую возглавлял в ту пору Эмбер-Коломес, человек, в 1789 г. выступивший против Революции и вынужденный в 1790 г. покинуть Францию¹⁴⁵. Среди требований, сформулированных в наказах Генеральным штатам представителями торговых городов Франции, присутствует и предложение создать Торговые палаты абсолютно во всех городах с развитыми коммерческими интересами. Избиратели Сен-Мало поручали своим депутатам добиваться того, чтобы любое распоряжение властей, касавшееся торговли, любой торговый договор первоначально рассматривались бы Торговыми палатами¹⁴⁶.

2.3. На пути к политике

Общественный класс обретает реальность как феномен национальной жизни после того, как теоретическая идея, утратив элитарный эзотеризм, становится достоянием масс, а экономические условия существования класса столь определяются, что будут осознаны людьми. Но осознание увязанности индивидуальных экономических интересов с экономическими интересами тысяч других людей приходит чаще всего через политику, когда класс силой обстоятельств вступает в столкновение с враждебными ему социальными группами; именно тогда он становится активным действующим лицом исторического процесса. И массы мобилизуются на политическое действие вождями и партиями.

Партии как реальность политической жизни и как слово, обозначающее политическую группировку, известны во Франции по меньшей мере с эпохи позднего средневековья. Но религиозно-политические партии XVI в., «партии» фрондеров и мазаринистов 1648—1652 гг., различного рода придворные «партии» — все они не были партиями в современном значении этого слова. Партия в буржуазном обществе XIX—XX вв. — это политическая, иерархически построенная организация, имеющая идеологическую доктрину, отстаивающая интересы определенной социальной группы (групп), обычно автономная по отношению к государству и церкви¹⁴⁷. Существование подобного рода партий предполагает наличие гарантированной законом и стабильно соблюдаемой политической свободы. Государство эпохи старого порядка допускало различного рода личные, корпоративные, местные, сословные вольности. Политической свободы, как таковой, оно просто не знало. Политикой можно было заниматься только в той степени, в какой допускал это официальный статус индивида. Возникавшие «партии» имели строго определенное место в государственной системе. Лидер такой «партии» должен был обязательно иметь статус первого ранга в официальной иерархии: никак не ниже принца крови, герцога или кардинала. Соответственно эти «партии» не имели доктрин, выходящих за рамки официальной. Сам тип духовного единства общества не допускал возникновения политических теорий, оппозиционных по отношению к официальной доктрине, освященной авторитетом церкви. «Партии» состояли из вождей и их клиентелл, принцип верности заменял принцип единомыслия. Между типом традиционных «партий» старого порядка и первыми политическими объединениями буржуазии, безусловно, есть взаимосвязь, но роль ее в процессе формирования стабильных партий, характерных для буржуазного общества, очень невелика.

Процесс формирования политических партий во Франции растянулся почти на два века. О генезисе партийной системы в XIX в. написано довольно много работ. Но сам генезис начался не в XIX в. и даже не в годы Великой буржуазной революции, а еще в эпоху старого порядка.

По мере развития рыночных отношений во Франции явочным порядком устанавливалась и политическая свобода. Ее не санкционировали, но допускали. Абсолютистское государство оказалось достаточно гибким, чтобы дать развиваться гражданскому обществу, но исключительно косным в плане самореформирования. В итоге страна развивалась, а государство постепенно с большим опозданием под нее подстраивалось либо путем запоздалого официального признания уже давно сложившегося статус-кво, либо путем несоблюдения собственных же архаичных законов.

В подобной обстановке в гражданском обществе зародились объединения, имевшие довольно абстрактную философско-политическую программу. Ведь французское Просвещение всегда было в конечном счете ориентировано на политику. Энциклопедисты и

физиократы имели хотя и очень аморфную, но действительную форму организации и не традиционных, «статусных», а интеллектуальных лидеров. Постоянство контактов просветителей в значительной степени было связано с коллективной издательской и публицистической деятельностью. Таким образом, мы видим здесь форму политического объединения, характерную для XIX, а отнюдь не XVII в. Конституировавшаяся в 1767 г. школа, или, как называли ее враги, секта физиократов, издавала ежемесячник «*Ephemerides du Citoyen*» («Гражданский календарь») с подзаголовком «Национальная библиотека моральных и политических наук»¹⁴⁸.

«Экономисты, — писал о физиократах Башомон, — претендуют на открытие системы, которая будет призвана уничтожить все существующие принципы управления государством ради создания совершенно нового порядка вещей»¹⁴⁹. Характерно, что труды физиократов воспринимались современниками не столько как авторские сочинения, сколько как выражение точки зрения определенной группы и ее признанного лидера Ф.Кенэ. Уже в годы революции К.Г. де Малерб вспоминал о том впечатлении, которое производила школа физиократов: «Тогда несколько литераторов увлеклись идеями Гурне (оставим на совести Малерба суждение о том, что физиократы увлеклись идеями Гурне, во многих отношениях его идеи были противоположны физиократической доктрине. — *Е.К.*), одни с пылкостью их пропагандировали, другие стали их развивать в объемных и солидных трудах. Но на этом они не остановились, несколько простых истин они объявили новой наукой и стали ее излагать, прибегая к загадочному, малопонятному стилю, проводили собрания, называли себя сектой, а Кенэ ее верховным учителем... Эти достойные люди, столь исполненные рвения к общественному благу, считали, что истина нуждается в защите партии»¹⁵⁰.

Точно так же энциклопедистов воспринимали как определенное единство, в том числе организационное. В речи, ненадолго сделавшей его знаменитым, генеральный адвокат парижского парламента О.Жоли де Флери говорил: «Общество, государство и религия предстали теперь перед судом справедливости, чтобы принести ему свои жалобы... Нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения и для порчи нравов»¹⁵¹.

Большинство сотрудников «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера — безродные литераторы с более или менее скромным достатком. Но среди 125 ее авторов, известных на сегодняшний день, имелись и люди, пользовавшиеся немалым влиянием при дворе и в министерстве: Бюффон, ученый и крупный предприниматель, был вхож к маркизе де Помпадур, ходатайствовал за своих друзей перед генеральным контролером финансов; 8 человек являлись владельцами парламентских должностей; более четверти авторов

«Энциклопедии» занимали различные посты в государственном аппарате¹⁵².

Когда Тюрго стал в 1774 г. генеральным контролером финансов, это не было победой «партии», но победой определенного направления безусловно. Вполне в духе новых времен Тюрго привел с собой в министерство не людей из своей клики или клиентеллы, а единомышленников и просто опытных технических работников, поднаторевших в своем деле администраторов¹⁵³. Среди них наиболее заметными фигурами были П.С.Дюпон де Немур, А.Н.Кондорсе и А.Морелле, все трое — авторы «Энциклопедии», а первый к тому же один из активнейших физиократов. Они впоследствии разделили и опалу Тюрго.

К началу 80-х годов XVIII в. на смену группам, насчитывавшим десятки, в лучшем случае сотни людей, которых называли энциклопедистами, философами, экономистами, пришло столь же мало оформленное, но гораздо более широкое общественное движение. Неизвестный автор, написавший предисловие к «Секретным мемуарам» Башомона, так резюмировал это превращение: «Сначала энциклопедисты усовершенствовали метафизику, внеся в нее ясность, — лучшее средство для рассеяния мрака, которым окутала ее теология, — уничтожили фанатизм и суеверие. За ними следовали экономисты: занимаясь преимущественно вопросами морали и практической политики, они искали средства сделать народы более счастливыми, укрепляя общественные узы путем взаимных услуг и лучше поставленного обмена и побуждая человека к изучению природы. Наконец, время смут и гнета породило патриотов, которые, восходя к источникам закона и форм правления, доказали взаимность обязанностей подданных и государей и установили великие принципы»¹⁵⁴.

«Патриоты», «партия патриотов», «национальная партия» — о них все больше говорили в стране. Но чисто политические объединения вплоть до лета 1788 г. не создавались. Политикой, финансовыми операциями, наукой, литературой занимались с одинаковым рвением и часто одни и те же люди. Время профессионализации политики еще не пришло. Сфера политики, эта форма самоотчуждения гражданского общества в эпоху полностью утвердившегося капитализма еще оставалась, с одной стороны, растворенной в самом гражданском обществе, с другой — вознесенной над ним в традиционные институты государства в соответствии с нормами старого порядка.

В начале 80-х годов весь светский Париж, медицинский факультет Сорбонны, Академия наук, парламент обсуждали проблему животного магнетизма, открытие доктора Месмера. С целью пропаганды идей Месмера была организована подписка и образовалось общество, получившее название Ложа. (Что только не называли ложей в те годы!) Советник парламента Дюваль д'Эпремений, граф Шастене-Пюисегюр, граф Максим де Пюисегюр, лечащий врач графа д'Артуа (брата короля) доктор д'Элон, адвокат

Н.Бергасс — наиболее заметные фигуры этого общества. На почве месмеризма произошло знакомство и сближение Н.Бергасса, Ж.П.Бриссо, звезд публицистики тех лет¹⁵⁵.

Создать ли новую ассоциацию в целях ликвидации рабства или пропаганды идей заезжего афериста и шарлатана от науки, опубликовать ли самого скандального характера памфлет, открыть ли общественную подписку — все было возможно во Франции в 80-е годы. Честолюбцы политического склада предпочитали объединяться на почве месмеризма или защиты черных невольников. В Обществе друзей чернокожих встречались Лафайет, Мирабо, Бриссо, Карра, Серизье, Бергасс. Некоторые из этих же лиц (Лафайет, Карра, Бергасс, Бриссо) регулярно посещали политический салон банкира Корнманна¹⁵⁶, там же часто бывали д'Эпремениль, Ж.Петион де Вильнев, Э.Клавьер, Горса и М.Робеспьер¹⁵⁷.

От политических разговоров к выработке политических планов в полной мере перешли лишь с июля 1788 г., с момента обнародования постановления Государственного совета, в котором французам предлагалось высказывать свое мнение о лучших способах сделать создаваемые Генеральные штаты «действительно национальными по своему составу и по результатам». Теперь уже «партия» патриотов не довольствовалась салонами и двусмысленными объединениями. Осенью 1788 г. стали возникать клубы, куда входили люди, стремившиеся делать политику. Самым известным и влиятельным был Конституционный клуб, или, как его иначе называли, Общество, собиравшееся у Дюпора. Его членами являлись Мирабо, Лафайет, Кондорсе, Дюпон де Немур, Редерер, Талейран, герцоги де Бирон, Ларошфуко, Люин, Омон — либералы всех оттенков¹⁵⁸, в том числе те, кто в первые же месяцы революции окажутся консерваторами. Их сближала оппозиционность старому порядку. Вопрос, каким быть новому, все еще оставался второстепенным в политической борьбе. Прежде чем спорить о будущем, надо было расчитаться с прошлым.

Конституционный клуб не был единственным: в одном из ресторанов Пале-Рояля собирался клуб под председательством аббата Морелле. В своей «Истории Учредительного собрания» А.Ламет упоминает законспирированное Общество Вирофле¹⁵⁹. Клубы налаживали связи с провинцией, занимались переизданием и распространением брошюр. Будущие политики революции завоевывали известность в стране и в среде парижской элиты еще до того, как революция разразилась.

Формирование класса буржуазии проявлялось и в том, что шел процесс выработки форм политической организации класса, отбирались и обучались политическому искусству первые политические вожди французской буржуазии.

Но обеспечить гегемонию в обществе класс буржуазии мог лишь выступив представителем общенациональных интересов, представителем интересов большинства. На какой идеологической,

точнее, мифологической основе буржуазия могла объединиться с массой трудящегося люда? Ответ дала сама королевская власть.

Термин «буржуа» тяготел к обозначению социального феномена, а термин «третье сословие» — к обозначению феномена политического в той мере, в какой политическое и социальное расчленилось при старом порядке.

Обретение сословиями политической роли было связано с развитием государства, а точнее, королевской власти, являвшейся в средние века, по существу, единственной формой воплощения государственной идеи.

Изначально институт сословий не имел политического характера. Происхождение сословий восходит к древнему разделению труда: одни молятся, заботятся о душах ближних; другие защищают страну, воюют; третьи занимаются производительным трудом. В XI в. это разделение труда было осмыслено и освящено авторитетом церкви¹⁶⁰.

Но о первоначальном смысле сословного деления вплоть до XVIII в. почти никогда не вспоминали. Дальнейший прогресс разделения труда заставил забыть о его наиболее архаических формах, которые, оставаясь самоочевидными и официально санкционированными, долгое время не побуждали к их теоретическому рассмотрению. Лишь возникновение благодаря капитализму представления об абстрактном труде подтолкнуло к переосмыслению очевидного.

Экономические обоснования сословного деления плохо согласовывались с политической реальностью и потому оказались забытыми. Возникшие в XII—XIII вв. сословные учреждения: провинциальные и Генеральные штаты, сословные собрания герцогств, графств, виконтств — не допускали в свой состав крестьян. Крестьяне не обладали даже минимальным и фиктивным представительством, которое гарантировалось им во многих других странах Европы (особенно в ее северной части). Вещать о том, что сословие непривилегированных составляют те, кто трудится, или землепашцы (как говорили Адальберон в X в. и Жерар из Камбре в XI в., в эпоху Людовика XIII или Филиппа Красивого), было по меньшей мере неуместно. Даже само словосочетание «третье сословие» появилось лишь в конце XV в., когда была изменена система представительства на Генеральных штатах. До 1484 г. депутаты прибывали на Генеральные штаты по персональным приглашениям короля. В 1484 г. впервые была введена система выборов по судебным округам, баляжам, тогда же впервые на Генеральных штатах были представлены депутаты от третьего сословия, а не от «добрых городов», как ранее¹⁶¹.

В XVI—XVII вв. депутаты избирались на сословных ассамблеях баляжей. Депутатами третьего сословия являлись прежде всего королевские чиновники. Среди 187 представителей третьего сословия на штатах 1614—1615 гг. 121 человек — члены судебных присутствий, баляжей и сенешальств, 18 человек — муниципальные

чиновники, 8 — чиновники провинциальных штатов, 30 — адвокаты, всего лишь один земледелец, один богатый крестьянин и два торговца. 41 депутат владел сеньорией, а 31 — даже дворянским званием; правда, это было дворянство такого рода, что истинные дворяне не считали его обладателей своими¹⁶². В 1614 г. аноблированные включались в списки избирателей третьего сословия¹⁶³.

Третье сословие обретало реальность национального существования преимущественно во время политических кризисов. Королевская власть, лишь оказываясь в сложном положении, превращала политико-юридический фантом в плоть, слова и действия депутатов Генеральных штатов. Гораздо большей стабильностью отличалось существование третьего сословия в локальном масштабе. В пограничных, так называемых «иностранных», провинциях Франции провинциальные штаты продолжали регулярно созываться и в XVII, и в XVIII в. Из числа крупных провинций до конца старого порядка штаты сохранились в Бургундии, Бретани, Лангедоке; в Провансе провинциальные штаты были преобразованы в ассамблею общин, которая состояла почти исключительно из представителей третьего сословия.

Генеральные штаты — высшая форма реализации сословного принципа организации общества. В то же время реальное политическое значение Генеральных штатов в системе старого порядка было минимальным. В XVIII в. вплоть до 1789 г. они вообще не созывались, а на протяжении XVI и XVII вв. созывались всего четыре раза — в 1560—1561 гг., 1576—1577, 1588—1589, 1614—1615 гг.; в годы Фронды было объявлено о созыве Генеральных штатов, но то был лишь маневр королевской власти, представители сословий так и не собрались, хотя выборы во многих баляжах в 1649—1651 гг. прошли и были составлены наказы от сословий¹⁶⁴. В 1614 г. третье сословие едва успело о себе заявить как о политическом образовании, как Генеральные штаты были распущены.

Во время Фронды третье сословие по сравнению с другими наименее активно пыталось самоорганизоваться. Поднимался вопрос о созыве Генеральных штатов вскоре после смерти Людовика XIV. Но эту идею высказывали либо побочные сыновья почившего короля, отстаивая свое право на престолонаследие, либо лица из ближайшего окружения регента, обеспокоенные тяжелым финансовым положением королевства. Третье сословие на эти разговоры никак не откликнулось¹⁶⁵. Во время глубокого политического кризиса 1751 г. о Генеральных штатах заговорили уже не только в залах и кулуарах Версаля и дворца Пале-Рояль. За введение управления посредством провинциальных и Генеральных штатов высказывались и в публичных местах. Этими идеями, как с изумлением отмечал маркиз д'Аржансон, оказались пропитаны даже буржуа¹⁶⁶. Изумление маркиза вполне объяснимо. Политическая пассивность третьего сословия стала настолько привычной, что интерес буржуа к вопросам управления страной казался неслыханной новостью. Политические инициативы исходили от парламентов, аристокра-

тии, либеральных бюрократов, наконец, от просвещенческой интеллектуальной элиты, которая долго еще отнюдь не будет отождествлять себя с третьим сословием. Политическая инертность чаще всего объясняется особенностями социального бытия. Данный случай не исключение.

Проблема сословного неравноправия длительное время осознавалась как факт личного порядка. Если в XVII в. и задумывались о ее решении, то в сугубо индивидуальном ключе — применительно к себе. Каждый недовольный решал ее, исходя из своих личных возможностей. Наиболее активные, энергичные члены третьего сословия тем или иным путем приобретали дворянское звание. Дворянство усиливалось, третье сословие ослаблялось, статус-кво сохранялся. Проблема эта, по сути своей политическая, не мыслилась, как таковая, а успешно переводилась в план социальный и даже индивидуальный. Масштабность ее выявилась только с подъемом национальной гражданской жизни в эпоху Просвещения, когда и сама проблема личности обрела универсальный характер.

С другой стороны, еще незадолго до революции проблема дворянства стояла гораздо более остро, чем проблема эфемерного, как в ту пору казалось, третьего сословия. Третье сословие было всем и ничем. Мы привыкли к этой формуле Сийеса, интерпретируя первую ее часть в социально-экономическом плане, вторую — в политическом. Но в начале 80-х годов XVIII в. третье сословие и как социальный феномен еще мало что собой представляло. Следует отметить, что реальной социальной наполненностью оно никогда не отличалось, обладая не внутренней связью, а внешней оформленностью. Третье сословие представляло собой единство преимущественно в качестве отрицательной субстанции. Числившихся в его рамках буржуа, торговцев, мелких чиновников, ремесленников, крестьян, бродяг, нищих, контрабандистов ничто не объединяло, кроме сознания, что все они — не дворяне и не священнослужители.

Аграрно-корпоративная экономика в XVII — первой трети XVIII в. все еще успешно противостояла интегрирующим тенденциям рынка. Партикуляризм общественной жизни удавалось преодолевать лишь эпизодически и в локальном масштабе. Буржуа и торговцы объединялись с простым человеком в тех или иных массовых выступлениях не под сословными, а местническими знаменами. В то же время дифференциация внутри третьего сословия была очень значительной, осознанной и декларируемой. Автор «Трактата о дворянстве», опубликованного в 1678 г., некто Ля Рок, выделял, к примеру, в среде неблагородных три категории: почтенных, обывателей и чернь. Почтенные имеют призвание к существованию более высокому, чем обычное. Они занимают самые почетные должности в муниципалитетах. К ним относятся городские нотабли и буржуа, живущие на ренте. Вторая категория — обыватели, или мешане; их род занятий не столь благороден, но и не содержит в себе ничего низменного. В нее автор включил, в

числе прочих, членов шести наиболее привилегированных торгово-ремесленных цехов Парижа. К последней категории — к «подлым и презренным» — отнесены все лица, занятые механическим, т.е. физическим, трудом¹⁶⁷. Подобного же рода градации встречаются и в других трактатах XVII века¹⁶⁸.

Финансовые трудности заставляли и королевское правительство дробить третье сословие на имущественные классы.

Но, пожалуй, еще больше, чем вертикальная разобщенность, единству третьего сословия вредила разобщенность горизонтальная: корпоративный и местнический партикуляризм. Находясь в 70-е годы XVIII в. на посту генерального контролера финансов, Тюрго писал в секретном докладе королю: «Нация — это общество, состоящее из различных, слабо соединенных сословий и народов, между членами которого существует очень мало связей, и где, следовательно, каждый занят только своими частными интересами. Заметного общего интереса нет нигде. Села, города имеют так мало взаимных отношений, как и округа, к которым они причислены. Они не могут даже вступать между собой в соглашения для производства необходимых им общественных работ...»¹⁶⁹

Социальный распад третьего сословия продолжался необратимо, и это было одним из проявлений, в частности, формирования класса буржуазии, ее все большего разрыва с народными массами. Стачки, продовольственные волнения обнажали несовпадение жизненных интересов нанимателей и наемных рабочих, покупателей и оптовых торговцев¹⁷⁰. «Мучная война» 1775 г. показала глубокий раскол в крестьянской среде: батраки, беднота, крестьяне средней руки громили хлебные амбары, нападали на дома и усадьбы зажиточных фермеров¹⁷¹. Но сам факт неравенства состояний и противостояния бедных и богатых в эпоху «старого порядка» многими мыслителями объяснялся несовершенством деятельности королевской администрации. Казалось, что если бы торговле не чинились препятствия и, наоборот, оказывали бы всяческое содействие, достаток бы распространился и на народные массы. Тем не менее характерно, что некоторые наиболее прозорливые авторы уже подвергали анализу вопросы воздействия рыночной конъюнктуры на положение бедных тружеников. Негоциант С.Фоаш писал в трактате о коммерции, мореплавании и колониях: «Люди, которые не имеют никакой собственности, которые не имеют других средств существования, кроме своего труда, этот многочисленный класс имеет право на особое внимание со стороны Администрации. У них нет иных покровителей, иной защиты кроме как в лице Администрации, в свою очередь Администрация для обеспечения их существования может опираться на развитие Торговли. Если тружеников больше, чем спроса на их труд, они бедствуют и полностью зависят от милости богатого человека. Не получая достаточной зарплаты, они не могут нормально растить своих детей, и Народ испытывает все последствия нищеты. Если, наоборот, спрос на труд выше, чем количество тружеников, рабочий, ремес-

ленник, поденщик — вся эта масса людей, которая по большому счету и составляет население — живет в достатке»¹⁷².

И все же будничные проблемы бедных и бедности не дорастали в ту пору до масштабов национальной проблемы. За редким исключением ни лица свободных профессий, ни сами предприниматели не задумывались всерьез об угрозе снизу. Любая же несправедливость, шедшая сверху, воспринималась чрезвычайно болезненно. На всю жизнь запомнила мадам Ролан, будущая жирондистка, как в юности, приглашенная в дворянский замок, она была допущена только до буфетной. С годами не изгладилось у А.Барнава воспоминание, как аристократ, герцог Клермон-Тоннер, выставил его мать из театральной ложи¹⁷³. История была достаточно характерной. Мадам Барнав заняла место в свободной ложе, которая была зарезервирована губернатором провинции Клермон-Тоннером для какого-то его фаворита. Директор театра попросил ее покинуть ложу. В ответ на отказ прислал четырех солдат, появление которых не оказало воздействия на мадам Барнав. К ней на помощь поспешил ее муж. Тогда губернатор провинции приказал применить силу и выдворить упрямых буржуа. Семейство Барнавов покинуло ложу, не переставая протестовать против насилия. Все гренобльские буржуа, присутствовавшие на спектакле, в знак солидарности покинули театр¹⁷⁴.

Когда правительство утвердило в 1781 г. устав, по которому разночинцы не могли получать в армии чин поручика, а чин капитана допускался только для дворян в пятом поколении, это вызвало бурю возмущения. Граф Сегюр вспоминал впоследствии: «Это повеление умными людьми всех классов признавалось мерой несвоевременной, неприличной, совершенно не соответствующей духу времени и одной из наиболее существенных причин того всеобщего неудовольствия, которое предрасполагало умы к революции»¹⁷⁵. Другая мемуаристка, госпожа Кампан, отмечала еще более резко: «Нужно принадлежать к почтенному третьему сословию, чтобы понять злобу или, вернее, отчаяние, которое вызвал этот закон... Несправедливость и нелепость этого закона были одной из побочных причин революции»¹⁷⁶. Государство будто решило возратить третье сословие из социального небытия, чтобы потом наделить его и политическими функциями.

С 5 июня 1788 г., со дня обнародования постановления о созыве Генеральных штатов и начала избирательной кампании, третье сословие стало быстро обретать социальную плоть, социально-психологическое единство и политическую форму. Буржуазным элементам в значительной мере благодаря единодушным с ними лицам свободных профессий, прообразу интеллигенции, удалось осуществить духовную гегемонию в национальном масштабе. Возник грандиозный идеологический миф третьего сословия и о третьем сословии. Он выполнил свою политическую функцию и исчез навсегда. Буржуазия сумела использовать старинную оболочку

ку для самоконституирования и мобилизации масс и затем быстро ее отбросила за ненужностью.

Социология часто оказывается беспомощной там, где политэконом уверенно теоретизирует, располагая теми же самыми данными. Тюрго, устанавливая экономическую характерологию капиталистического класса, по существу, доказал наличие всех предпосылок для конституирования предпринимателей в класс, а социологам и теперь, более 200 лет спустя, чрезвычайно трудно определить степень сформированности класса буржуазии на исходе старого порядка. Безусловно, налицо было типологическое единство предпринимателей, но не в плане их психологической похожести, а в принятии ими всеми без исключения (исключение ведет к прекращению предпринимательской деятельности) определенного ценностного кода, культурных императивов, которым они подчинялись, особо не задумываясь. Макс Вебер свел сущность этих императивов к принципу рациональности. Он писал: «В конце концов создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику»¹⁷⁷.

Принцип рациональности действительно свойствен буржуазному сознанию как некий недостижимый, но постоянно искомый идеал. И в самом общем виде он остается неизменным вот уже на протяжении трех веков.

Деловых людей Франции конца XVIII в., рациональных в очень высокой степени, возмущал слишком традиционный и неразумный старый порядок. Его неразумность была тем более очевидна, что доказательством ее занимались лучшие умы Франции, а неблагодарный труд доказывать, что старый порядок был во многом рациональным и не так уж плохо выполнял многие из своих функций, никто на себя не брал.

Буржуазия вместе со всем французским обществом шла к революции, и вместе почти со всем обществом она ее не хотела.

Ведь революция — дело нерациональное.

§ 3. РЕМЕСЛЕННЫЕ И МАНУФАКТУРНЫЕ РАБОЧИЕ

3.1. Социолингвистический экскурс

Процесс классовообразования шел, преодолевая юридические барьеры, предрассудки традиционалистского сознания, профессиональную и земляческую замкнутость. Вопреки тому, что подмас-

терья, ученики, бедные мастера, работники централизованных мануфактур каждый в отдельности были включены в особую социальную группу, во французском обществе XVIII в. постепенно складывалось представление о типологически едином социальном облике всех этих тружеников.

Возникновение новой социальной группы можно проследить с точки зрения ее внутреннего конституирования или ее внешнего оформления.

Изучение внутренних процессов духовного формирования класса возможно только при наличии значительного корпуса источников, характеризующих сознание индивидуумов, членов данной социальной макрогруппы. В нашем распоряжении подобного рода собрание источников имеется только для 1830—1848 гг. Обращаясь к этому более позднему периоду формирования французского пролетариата, мы дадим и некоторую ретроспекцию. Более ранние этапы можно характеризовать преимущественно с точки зрения внешнего оформления, т.е. образования нового подразделения в совокупной общественной структуре и соответственно складывания представления об этой группе в общественном сознании. Происходит его постепенная легитимация в языке: или создается неологизм, или старое слово приобретает новый смысловой акцент, значимость которого увеличивается более или менее синхронно со скоростью формирования социальной группы.

Слово «ouvrier» в XVII—XVIII вв. имело следующий ряд значений: рабочий — труженик — ремесленник — мастер — мастеровой — делатель — создатель. В реальной речи слово почти никогда не аккумулирует все свои значения. Функциональную нагрузку чаще всего несет какое-либо одно из них. На основании известных нам текстов XVII—XVIII вв. можно выделить три основных значения слова «ouvrier».

Первый, по-видимому, наиболее архаичный уровень¹⁷⁸ восходит к переводам Библии на французский язык и во многом смыкается с кругом фигуральных значений, которые мы не рассматриваем, так как они не имеют отношения к процессу становления понятия (и самоназвания), обозначающего интересующую нас социальную группу.

«Жатва обильна, но работников мало». — «La moisson est grande, mais il y a peu d'ouvriers». Слово «ouvrier» в этом французском переводе библейского изречения обозначает вообще всех людей способных выполнять самую что ни на есть необходимую работу — собирать урожай. К «библейскому» значению тяготеет словоупотребление в маленьком стихотворении, помещенном в наказе одного сельского прихода 1789 г.:

Усердного работника (ouvrier), который обрабатывает землю,
Гражданин, уважай труды и заботы:

Сам Бог создал столь нужное искусство и передал

в трудолюбивые руки,

Что по сей день обрабатывают наши пашни¹⁷⁹.

Здесь слово «ouvrier» является не обыденным, общепринятым самоназванием крестьян, а высокого стиля определением, основанным явно на библейской образности. Ведь в XVII—XVIII вв. сельская книжность в основном базировалась на Библии и различного рода канонической литературе. Самой доступной, самой распространенной книгой была Библия. Человек из народа, особенно крестьянин, задумывающийся о смысле своего существования, о больших общественных проблемах, неизбежно обращался к священному писанию.

В наиболее широком и наиболее архаичном значении слово «ouvrier» на протяжении XVIII в. имело хождение в среде самых различных общественных групп. Так, в сентябре 1740 г. советник парижского парламента и министр иностранных дел Людовика XV маркиз д'Аржансон писал в дневнике: «...Король, отправляясь в Шуази, чтобы навестить кардинала, должен был проехать через предместье Сен-Виктор. Об этом стало известно. Собрался народ, но вместо обычных возгласов: "Да здравствует король!" — раздались крики: "Мы голодаем! Мы нищенствуем! Хлеба!" — Глубоко опечаленный открывшейся ему картиной нищеты, король решил отказаться от всех экстраординарных расходов и, приехав в Шуази, уволил рабочих (ouvriers), обрабатывавших его сады»¹⁸⁰. Хотя описанный д'Аржансоном эпизод представляет большой интерес для понимания очень своеобразной «доброты королевского сердца», лишавшего хлеба одних, чтобы дать подаяние другим, обратим внимание лишь на словоупотребление «ouvrier». В данном случае этим словом обозначены садовники, занятые на обработке королевских садов. Значение «ouvrier» как «человек, занятый ручным трудом, совершающий тяжелую работу»¹⁸¹, зафиксировано в 5-м издании словаря Французской академии, подготовленном в 80-е годы XVIII в. (до революции), но опубликованном только в 1798 г. Итак, не только в литературном, нормированном языке, но и в индивидуальной речи (дневник д'Аржансона очень разговорен) слово «ouvrier» продолжало функционировать в своем первоначальном значении; и для составителей академического словаря, и для поэта-крестьянина, и для маркиза, министра иностранных дел оно еще не было связано с обозначением какой-либо особой социальной группы. Им обозначали вообще всех работников физического труда. И все же то было уходящее словоупотребление.

Как прослеживается по источникам, в XVIII в. уже сложилось и более узкое понимание слова «ouvrier». Пожалуй, наиболее четко его определил составитель толкового словаря Ришле. «Тот, кто занимается каким-либо честным ремеслом. Работник физического труда. Тот, кто зарабатывает на жизнь в поте лица своего»¹⁸², — писал Ришле, характеризуя рабочего. Специфика второго значения выражается в ограничении сферы деятельности «рабочего»: это исключительно труженик промышленного производства¹⁸³ — ремесленных мастерских, мануфактур, рудников. Именно в этом значении слово «ouvrier» использовала «Gazette de France», сообщая, к

примеру, о несчастном случае (на одной из улиц Ренна обрушился дом, пострадало девять рабочих). Широко распространившиеся в XVIII в. газеты¹⁸⁴ вообще способствовали конкретизации языка и преодолению разрыва между литературным языком, продуктом культуры, по выражению Фердинанда де Соссюра¹⁸⁵, и языком разговорным.

Почти исключительно в значении «труженик физического труда, занятый в промышленности», использовали слово «ouvrier» лица, сами непосредственно связанные с индустрией различного рода. В круге рассматриваемых представлений оно содержало в себе две принципиальные характеристики индивидуума: его принадлежность к миру несельскохозяйственного производства и указание на физический труд, который обеспечивает средства для существования. К рабочим относили и независимых хозяев-ремесленников, и наемных работников, подмастерьев. Анализируя элементы, составляющие национальный доход, выдающийся военный организатор, человек поразительной эрудиции во всех областях государственного управления, маршал Вобан ставил вопрос о доходах мастеровых людей: «Сколько получают рабочие (ouvriers) в те дни, когда у них есть работа, и каковы их производственные расходы в том случае, если они мастера, хозяева мастерских?»¹⁸⁶ Как следует из этой выдержки, Вобан «рабочими» называл и наемных работников, и полноправных мастеров. Идентичное употребление слова «ouvriers» встречается у знаменитого мемуариста Луи де Ровруа герцога де Сен-Симона. Описывая визит Петра I во Францию в 1717 г., Сен-Симон упоминает о посещениях русским царем мастерских лучших парижских ремесленников¹⁸⁷. С высот придворного бытия Сен-Симону, аристократу по рождению, убеждениям и стилю жизни, мастера и подмастерья виделись очень смутно, они так низко стояли в общественной иерархии, что различия между ними в его глазах совершенно стирались. Но подобное словопотребление было характерно не только для высших слоев. Для обозначения некорпорированных ремесленников (владельцев мастерских и надомников, работавших в специально отведенных и защищенных особыми привилегиями местах) в XVIII в. существовал термин «свободные рабочие» («ouvriers libres»)¹⁸⁸. Сами мастера-хозяева иногда называли себя рабочими. В наказе Генеральным штатам 1789 г. от корпорации слесарей, жестянщиков, кузнецов, гвоздарей, шорников г. Алансона говорится: «Бывшие мастера (имеются в виду ремесленники, не купившие метризу нового образца. — Е.К.) в полном согласии с владельцами новой метризы просят разрешить им пользоваться привилегией... набирать учеников¹⁸⁹; нынешнее положение тем более печально, что рабочий, или мастер (ouvrier ou artiste), давно имеющий собственное дело, успевший приобрести необходимые в ремесле опыт и знания, оказывается лишенным права набирать учеников в пользу новичка, который сам часто еще только что вышел из учеников»¹⁹⁰. Ремесленные хозяева из Алансона не преминули после слова «ouvrier»

(«рабочие») поставить слово «artiste» («мастер», «умелец»). Подобное двойное самоопределение было, видимо, вообще характерно для многих мелких собственников, занимавшихся физическим трудом и придававших большое значение тому факту, что они не просто работники, а и умельцы, знатоки своего дела. Особенно хорошо известна практика двойного самообозначения лионских шелкоткачей, владельцев мастерских, которые вошли в историю XVIII—XIX вв. как мастера-рабочие. Именно так они называли себя в послании к генеральному контролеру финансов Неккеру¹⁹¹.

Любопытную характеристику лионских «каню» и рядовых мастеров, и их подручных оставил аббат Бертолон. Его суждение содержит в себе объяснение, почему люди XVIII в. часто не отделяли ремесленников, мелких собственников от наемных рабочих. В 1787 г. Бертолон писал: «Если и дальше рабочий люд будет жить в столь же жуткой нужде, мы, боимся, что эта часть работников шелкоткацкого производства Лиона... погибнет вскоре от истощения. Воистину и что за жизнь у рабочего! Всегда он встает до восхода солнца и работает целый день до глубокой ночи, и все ради того, чтобы продолжительностью своих трудов восполнить недостаток мизерной своей оплаты. Три четверти дня он не отходит от своего станка, работа на котором в тысячу раз тяжелее, чем на любом другом из-за неудобства позы ткача. Никогда ткач не достигает преклонного возраста; говорят даже, что рабочий никогда не бывает сыном и внуком рабочего. Труженики лионской фабрики обречены на нищенское существование..., они едят не для того, чтобы жить, а лишь для того, чтобы не умереть. Кто-то сказал, что ни в каком другом месте не удастся устроить производство подобное лионскому, так как нигде в другом месте не найти людей, способных не есть и не спать... Здесь семьи скучены в тесных помещениях, воздух в которых насыщен зловонием, от которого развиваются болезни; больные здесь идут в больницы не столько за помощью, сколько с целью избавиться там от тяжелого и печального существования. Что за жизнь!»¹⁹²

В первой половине XIX в. сохранялось употребление слова «ouvrier» по отношению ко всем работникам физического труда в промышленности: и мелким собственникам, и не имевшим собственности подмастерьям, и совсем обездоленным работникам фабрик и мануфактур. Правда, в разгар промышленного переворота это было или преднамеренно архаизированное употребление, или оно встречалось в тех случаях, когда речь шла о самых бедных ремесленниках, собственность которых была настолько эфемерной, что они с полным основанием зачислялись в состав пролетариата.

Но и в XVIII в. слово «ouvrier» подчас употреблялось в значении, ставшим доминирующим к 30–м годам XIX века.

Представление о рабочих как о лицах исключительно наемного труда складывалось первоначально, видимо, в ремесленной среде. Во Франции конца XVII в. иногда словом «ouvrier» обозначали только наемных работников. Так, в дневнике одного из современ-

ников Людовика XIV, лилльского рабочего-ткача Шаватта, отмечалось, что «рабочие-шерстоткачи в церкви Святого Мориса заказали мессу в честь Святого Жана, затем там же мессу заказали мастера»¹⁹³. Эта запись от 1665 г. свидетельствует, во-первых, что уже в XVII в. слово «ouvrier» в среде ремесленников обозначало (во всяком случае иногда) только подмастерьев, во-вторых, что хозяева и их работники подчас заказывали торжественную службу в день покровителя своего ремесла раздельно.

Составители словарей были далеки от этого мира пота, грязи, мозолистых рук и простых нравов. И тем не менее «народное» понимание слова «ouvrier» нашло отражение в одном из словарей XVIII в. Наемный характер труда представлялся отличительным признаком рабочего составителю французско-голландского словаря П.Морену. В этом словаре, изданном в 1720 г. в Амстердаме, рабочий определялся как «человек, получающий установленную плату»¹⁹⁴. Массовые выступления рабочих, случавшиеся и в начале XVIII в., также подводили внимательных наблюдателей к необходимости создания особой языковой дефиниции для выделения этой категории работников физического труда. Экономист начала XVIII в. Буагильбер с тревогой констатировал: «Дух бунта и непокорства настолько распространился, что в торговых городах приходится сталкиваться со случаями, когда 700—800 рабочих (ouvriers) одного производства вдруг покидают мастерские, бросают незаконченную работу единственно по той причине, что им хотели на одно су уменьшить оплату...»¹⁹⁵ Ясно, что в данном конкретном случае Буагильбер говорил только о наемных рабочих.

Избиратели портового города Сен-Мало в своем наказе 12 депутатам, которые должны были представлять их интересы на окружном собрании в Ренне, требовали, чтобы Генеральным штатам были переданы «их жалобы на бесчисленные стеснения, которые душат и сковывают промышленность, на множественные запреты, которые ставят перед угрозой обыска, преследований, притеснений служителя закона, негоцианта, купца, розничного торговца, ремесленника, рабочего, в конце концов любого человека...»¹⁹⁶ Невольно была составлена социальная иерархия, в которой рабочие заняли последнее место и явно отделялись от близко, но все-таки выше их стоявших ремесленников.

Особое место в понимании роли и значения рабочих в обществе и экономике занимает труд Станисласа Фоаша, опубликованный в 1787 г. Защищая интересы торговли, понимаемой как важнейшая экономическая система, автор представил развернутую критику деятельности королевской администрации, на которую он возлагал ответственность за судьбу простых людей. Этот негоциант призывал администрацию регулировать торговлю во имя интересов народа. Он считал, что «люди, которые не имеют никакой собственности, которые не имеют средств для существования помимо как посредством труда, этот многочисленный класс по праву должен пользоваться особым вниманием Администрации. Защитить

этих людей может только Администрация, а торговля для нее — это то средство, которое она может использовать для улучшения их благосостояния»¹⁹⁷. Далее он сформулировал основные принципы функционирования рынка труда. Фоаш отмечал, что если работников больше чем спроса на их труд, они страдают и оказываются полностью в зависимости от богатого человека. Не имея достаточной оплаты, они не могут прокормить своих детей, и народ испытывает все последствия нищеты. «Если, наоборот, работы больше, чем тружеников, рабочий, ремесленник, поденщик, вся эта масса людей, которая и составляет в конечном счете население, живет в достатке»¹⁹⁸. В ходе экономического анализа Фоаш по сути выделил особую социальную группу людей, живущих только за счет своего труда и не имеющих никакой собственности. Но в эту группу он включил не только рабочих и поденщиков, но и ремесленников.

В документах конца XVIII в. — наказах ремесленных корпораций Генеральным штатам обращает на себя внимание тот факт, что авторы наказов (*sahiers de doléances*), обладатели метризов и владельцы мастерских, обычно все же не называли себя рабочими. Это самоназвание было характерно или для подмастерьев и учеников, или для мастеров, занятых на предприятиях мануфактурного типа (например, в кораблестроении) и являвшихся по сути наемными работниками, хотя и имевшими звание мастера¹⁹⁹. Но и в немногочисленных известных нам текстах, авторами или вдохновителями которых являлись рабочие, слово «ouvrier» в ряду самоопределений не особенно выделяется²⁰⁰.

Наказы 1789 г. Генеральным штатам обычно имели заголовок, в котором указывалось, кем составлен данный наказ; таким-то приходом, корпорацией или просто группой свободных обитателей такого-то города. В заголовках документов, принятых собраниями рабочих Труа, значилось, что они составлены подмастерьями (*compagnons*). Трикотажники и в тексте наказа не говорили о себе как о рабочих, подмастерья же других профессий называли себя рабочими несколько раз²⁰¹.

Марсельские рабочие-сапожники в заглавии своего послания называли себя «подручными» («*garçons*»), но уже в первом же предложении характеризовали свое собрание как собрание рабочих²⁰². Представители рабочих-шляпников Марселя озаглавили свой наказ: «Перечень жалоб, которые депутаты всего сообщества подручных рабочих-шляпников обязаны внести на рассмотрение собрания депутатов третьего сословия города Марселя»²⁰³. Слова «*garçons*» и «*ouvriers*» здесь как бы уточняют друг друга.

Данные указы рабочих Генеральным штатам представляли особенно большой интерес вследствие того, что их происхождение не вызывает сомнения. Даже если допустить, что текст посланий был написан не рабочими, а каким-либо специально приглашенным грамотеем, то следует учесть, что, проходя утверждение собранием рабочих, текст так или иначе редактировался, к тому же

сам приглашенный скорее всего был либо бедным клириком, либо мелким служащим, человеком, близким к рабочей среде, знающим ее нужды, представления и язык.

В годы «старого режима» слово «ouvriers» употреблялось как самоназвание социальной группы, но это самоназвание еще отличалось очень большой распылчатостью. Более менее устойчивой связи между различными территориальными, профессиональными, диалектными группами рабочих не было. Даже простое узнавание и признание друг в друге находящегося в равном положении работника физического труда еще не стало обыденной, повседневной нормой. Ощущение определенной родственности экономического положения, интересов, страданий лишь иногда охватывало души рабочих различных мануфактур и ремесел. Это ощущение приходило чаще всего как озарение в дни восстаний и бунтов²⁰⁴. Акты массового насилия были единственной доступной для рабочего люда формой общественно-политической практики. Тем не менее при кажущейся имобильности в сознании работников происходили перемены, значимость которых станет ощутимой и очевидной в годы революции и последующую эпоху.

Так как рабочие в рамках корпораций и различных других производственных подразделений отделяли себя от мастеров, возникала потребность в особом названии. Но хотя это отделение и имело общенациональный характер, их участниками оно переживалось и осознавалось как сугубо локальное. С другой стороны, в обществе уже на макроуровне шло постепенное осмысление особенностей формировавшейся новой социальной структуры. Интеллигенты и государственные деятели отмечали специфику положения наемных работников и тем самым приходили к проблеме более четкого смыслового определения вызывавшей их беспокойство социальной группы. Массовое лингвистическое творчество в тысячах микрообщностей подкреплялось преобразованием языка, осуществлявшемся образованными людьми. Зафиксированное в текстах, оно становилось достоянием французской культуры и обретало общенациональное значение.

3.2. Социокультурный экскурс

Национальное единство Франции XVIII в. находило свою повседневную и всеобщую реализацию в институте королевской власти и соответствующих обязанностях каждого жителя страны по отношению к ней, в территориальной целостности, противостоящей иным, чужим землям, в признании французского языка как государственного и Парижа как столицы. На этих четырех китах зиждилось национальное сознание французов независимо от места их рождения и социального положения. Факт, что каждый житель страны является подданным французского короля, доводился до ума и самого бедного крестьянина из глухой альпийской деревни, и до яржки, перебивавшегося случайными заработками

на причалах портов Бордо или Гавра. Но национальное самосознание не исключало, а, скорее, наоборот, своим характером не гражданского, а подданнического самосознания предполагало в плане общественно-политической ориентации индивида из плебейской массы сохранение определенного партикуляризма.

Многоукладность экономики страны — переплетение капиталистических общественных отношений с формами мелкотоварного уклада и установлениями, покоившимися еще на феодальном праве, — через сложную цепь опосредований проявлялась в двойственности народного сознания. Прочно усвоенные, давно интериоризированные национальные символы уживались с архаическими, партикуляристскими представлениями. Экономическая разобщенность страны, невозможность проникновения национальной культуры во все страты, этнографические и региональные группы 25-миллионного населения на уровне сознания проявлялись в живучести различных патуа, диалектов, а также просто иноязычия. Согласно, возможно, несколько преувеличенным данным обследования, проведенного во Франции в 1790—1793 гг., 12 млн человек не говорили на французском языке и лишь 3 млн французов изъяснялись на нем свободно и правильно²⁰⁵. Деревня говорила на локальных патуа, малопонятных для жителей различных провинций. В городах же при бесспорном преобладании французского языка картина была очень пестрой. Выделялись города Руссильона: даже в крупнейшем из них — Перпиньяне — продолжали говорить на каталонском. Вплоть до революции совершенно замкнутым миром оставалась Страна басков²⁰⁶. В некоторых городах сохранялось двуязычие. Еще в начале XIX в. провансальский язык существовал не только как разговорный, но и как литературный. На нем писали поэты из народа Жасмен и Пейротт²⁰⁷. Впрочем, и в городах, вполне впитавших в себя французскую культуру и язык, простой люд продолжал говорить на патуа или местных языках: провансальском, каталонском, бретонском²⁰⁸. Ведь рабочее население постоянно пополнялось выходцами из деревни, которые нередко замыкались в среде земляков, в том числе и по причине своих лингвистических сложностей. Кроме того, имелись целые кварталы рабочих-иммигрантов, сохранявших свой язык и обычаи. В Марселе нередко итальянская речь заглушала французскую, а предместье Сент-Омера О-Пон представляло собой чисто фламандский анклав²⁰⁹. Немецкий язык оставался родным для многих ремесленников бывших городов Священной Римской империи.

Рабочий люд Франции эпохи «старого порядка» в своей повседневной жизни не обладал даже самым эфемерным сознанием своей общности. Как уже отмечалось, принципиально к иным общественным стратам принадлежали ремесленные рабочие и разного рода городские поденщики, все эти «bras nus», «gagne-deniers».

В XVIII в., говоря о рабочем человеке, чаще всего подразумевали мастерского из мира «искусств и ремесел»²¹⁰. Но к рабочим

относился также бедный трудовой люд крупных городов, без которого сама жизнь в городах была бы невозможной. Водоносы, крючники, посыльные, мусорщики, ветошники, фонарщики, десятки других профессий, названия которых давно исчезли из современного французского и русского языка, — составляли разнородную массу, которую, пожалуй, можно объединить под общим именем работников городского хозяйства. В официальных документах, например, при заключении брачных договоров этих работников, как и неквалифицированных рабочих мануфактур, часто обозначали словом «поденщик» («journalier», «manouvrier»). Мир, существовавший вне корпораций, обделенный метризами, отнюдь не был обделен вниманием полиции. Именно чины этого учреждения выдавали разрешение на формирование какой-либо простейшей ассоциации фонарщиков или водоносов²¹¹. Они предписывали регламент труда и правила обслуживания клиентов. Так, постановление от 9 апреля 1746 г. указывало, что грузчики-посыльные (gagne-deniers, дословно «зарабатывающие гроши») должны быть зарегистрированы в полицейских участках и носить особую бляху с надписью «грузчик» и номером. В случае, если gagne-denier грубил продавцу или покупателю, вмешивался в сделки, вступал в спор с товарищами по ремеслу, бляха отбиралась, грузчик лишался права заниматься своим делом; на основании жалобы клиента его могли даже отправить в тюрьму²¹².

Бесправные, не защищенные от жестокостей большого города ни общепризнанной организацией, ни силой денег, эти слои трудового населения находили средство самозащиты в своеобразной сплоченности. Каждая из квазипрофессиональных групп работников городского хозяйства отличалась внутренней гомогенностью. Существовало неписаное распределение сфер деятельности между различными провинциалами, прибывавшими в Париж на заработки. Американский историк Дж.Кэплоу, специально изучавший данный феномен, писал: «Все время пребывания в Париже они (отходники. — Е.К.) составляли особые группы, выделявшиеся произношением, обычаями, иногда даже манерой одеваться; безусловно, родом деятельности: овернец — почти всегда водонос, лимузенец — каменщик, уроженец Лиона — крючник или подносчик стула, нормандец — камнетес, мостильщик улиц или продавец ниток»²¹³. В большинстве своем уроженцы сельской местности, они с трудом адаптировались к городским условиям. Горожане третировали их как чужаков, деревенщину, они отвечали кореным жителям города настороженной недоверчивостью. Даже в официальном рапорте полицейского чиновника сквозит нескрываемое презрение к этому люду. В нем сообщается о грузчиках-посыльных, протестовавших против лишения их единственного средства существования: «Собралось человек 200, вооруженных палками. Внешний вид и манера поведения — темных крестьян. Толпились будто на базаре у себя в деревне»²¹⁴.

Остается пока без ответа вопрос о взаимоотношениях чернорабочих и квалифицированных работников даже на одном крупном предприятии. Во всяком случае, с юридической точки зрения они имели разный статус. Некоторые из числа квалифицированных работников мануфактур даже являлись членами корпораций. Так, работавшие на государственных верфях в Гавре плотники, конопатчики, разломщики старых судов, специалисты по установке мачт были объединены в единый цех, так же как и мастера по пошиву парусов. Корабельщики Гавра воспротивились уничтожению их корпорации в 1791 г. Реорганизовавшись, они создали общество взаимопомощи, которое во многом выполняло функции прежней корпорации²¹⁵. В то же время сохранились данные о том, что на некоторых мануфактурных предприятиях был задействован значительный контингент неквалифицированной рабочей силы. Сохранились данные об огромном ситцепечатном предприятии в Лионе. Под началом его владельцев Пико и Фази находилось около 900 рабочих (видимо, все-таки не все они были заняты непосредственно на самой мануфактуре). Большинство рабочих Пико и Фази в документах эпохи квалифицировались как «journaliers»²¹⁶.

Рабочий люд королевских и «независимых» мануфактур представлял собой очень пеструю социальную группу. На мануфактурных предприятиях были как работники, имевшие уникальную квалификацию, так и «bras nus» — люди без определенной профессии, перебивавшиеся случайными заработками, которых в официальных документах того времени называли даже не рабочими (ouvriers), а поденщиками (journaliers, manouvriers).

В ремесленной среде из поколения в поколение воспроизводились одни и те же установки, жизненные принципы, моральные максимы. Последовательный и подробный рассказ о существовании работников цеха башмачников Марсея или славных бочаров Бордо подчас наводит на мысль, что история останавливалась не только у аборигенов Австралии, но и в непосредственной близости от сердца европейской цивилизации. Действительно очень трудно поверить что Николя Конта, ученик-печатник, рассказавший о расправе подмастерьев и учеников над хозяйскими кошками²¹⁷, являлся современником Шарля Луи Монтескье.

Бытовой и в то же время экзистенциальный консерватизм рабочих людей не снизошел на них как прихоть или благодать, он был объективно обусловлен спецификой экономического уклада, законом которого подчинялось ремесленное производство эпохи «старого режима». Экономические отношения в мире «искусств и ремесел» во многом регулировались своеобразным представлением о собственности на определенное профессиональное знание и, соответственно, на тот или иной вид ремесла. Инструменты, материалы, помещения, т.е. все вещные компоненты производства, относились к личной собственности каждого мастера-ремесленника; само же умение, способность и возможность создавать вещь или

услугу выступало в виде коллективной собственности корпорации. Стоимостные отношения в ту пору еще не обрели своего всеобщего и обязательного характера. Измерение ценности различных элементов производства шло по иным параметрам. По этой еще капиталистической шкале ценностей наибольшей значимостью обладало профессиональное умение, набор навыков и практических знаний, а не находившиеся в личной собственности инструменты и материалы. Именно приобщенность к «высшей» собственности сплачивала более всего в тесное единое целое членов цеха²¹⁸. Они постоянно оберегали свое достоинство от посягательств посторонних. При этом в каждую свою петицию, каждый документ с протестом на узурпацию профессиональной деятельности члены корпораций обычно включали заявление о том, что непосвященные в тайны мастерства нарушители их прав будут выпускать скверную, низкого качества продукцию. Отзвуки борьбы исчезающих корпораций за уходящую из рук собственность слышатся и в наказах Генеральным штатам 1789 г. Члены объединенного цеха слесарей, жестянщиков, кузнецов, гвоздарей, шорников г. Алансона жаловались, что, приобретая королевские патенты, единые для нескольких специальностей, каретники получают формальное право с помощью кузнецов оковывать изготавливаемые ими экипажи, но каретники неизменно злоупотребляют предоставившейся возможностью и не только самостоятельно ведут металлоработы, связанные с каретным делом, но и подковывают лошадей, чем наносят ущерб широкой публике, так как не имеющий специальных познаний человек может искалечить лошадь²¹⁹. Марсельские мастера-медники (котельщики) требовали запретить жестянщикам и свинцовых дел мастерам посягать на их профессию, мотивируя требование запрета тем, что примешивание к меди других металлов, практикуемое их соперниками, портит качество продукции и идет во вред заказчикам. «Лудильные работы, что производят жестянщики и свинцовых дел мастера, не делаются в соответствии с истинными законами ремесла... только медники обладают секретом правильного лужения», — утверждалось в петиции марсельского цеха медников²²⁰.

Представление о коллективной собственности на профессию было свойственно мастерам как полноправным совладельцам. Оно способствовало конституированию и сохранению у них корпоративного, партикуляристского сознания. Рабочие же не входили в цехи. Тем не менее подобно тому, как для феодального землевладения была характерна иерархическая (двойная, даже тройная и более) собственность на землю, корпоративная собственность на профессию также имела двух коллективных хозяев. С должным на то основанием подмастерья считали себя носителями профессионального знания не в меньшей степени, чем мастера. Точно так же им представлялось, что чужаки, не прошедшие ученичества, работающие на свой страх и риск и отвергающие традиционные установления, ничего хорошего создать не могут. Препятствуя распы-

лению «собственности», они выступали против того, чтобы мастера набирали слишком много учеников. «Нет ничего печальнее для рабочего, — писали в наказе Генеральным штатам марсельские подмастерья-шляпники, — чем видеть, как нанимают невежд-учеников, которые портят продукцию, вредят клиентам, обесценивают наше ремесло»²²¹. Еще и в годы Реставрации у рабочих Франции сохранялась практика поборов с учеников, за «науку» брали до 150 ливров в год²²².

Право микрогруппы на профессию обосновывалось традицией и историческими легендами. В повседневности оно подкреплялось решимостью вступить в драку с любым нарушителем неписаных установлений. Микрогруппами, в рамках которых протекала вся жизнь рабочего человека, являлись производственные коллективы, которые, в свою очередь, были включены в сеть компаньонажей, братств, объединений земляков. Так как многие рабочие трудились в одиночку или вдвоем-втроем, то компаньонаж или братство были для них первичными коллективами.

Компаньонажи являлись, пожалуй, наиболее распространенной формой объединения у ремесленных подмастерьев. Скрупулезный исследователь их истории А.Озе отмечал, что в документах эти организации впервые упоминаются в начале XVI в.²²³ Сами компаньоны вели свое происхождение со времен постройки Иерусалимского храма царем Соломоном. Классическими компаньонажами, претендовавшими на наибольшую древность, были компаньонажи строительных рабочих. В соответствии с легендами о происхождении в среде компаньонажей выделялись две группы: одни считали своим основателем мастера Жака, руководившего строительством Иерусалимского храма, другие — отца Субиза, знатока плотницкого дела. Компаньонажи существовали у подмастерьев всех строительных специальностей, а также у кузнецов, токарей, седельщиков, жестянщиков, ножовщиков, изготовителей ключей, веревочников, игольщиков, шляпников и во многих других профессиях²²⁴.

Компаньонажи неслучайно вели свое происхождение от легендарных великих знатоков своего ремесла, мастера Жака и отца Субиза. Истинность профессионального знания и мастерства подмастерьев, входивших в компаньонажи, подтверждалась как бы самой историей. Все посторонние соответственно оказывались непосвященными в тайну, которая передавалась, согласно легенде, из поколения в поколение с VI в. до н. э.

На протяжении XVIII в. возникло много новых компаньонажей в тех профессиях, где их ранее не было. Акт создания новой организации совершался в виде мистического обряда: кто-либо из членов старого компаньонажа делился тайным знанием с новичками.

Компаньонаж нельзя было создать просто по обоюдному согласию нескольких рабочих одной профессии. К миру компаньонажей приобщали посвященные. Неслучайно франкмасонские

ложи и компаньонажи имели близкие истоки происхождения. Иначе говоря, подмастерьям, членам компаньонажей, было свойственно не просто представление о профессии как коллективной собственности, эта собственность к тому же носила мистический характер.

У компаньонов (членов компаньонажей) был свой особый тайный язык. Место своих собраний называли они Кайенной, ученика — зайцем, вступающего в компаньонаж, так называемого аспиранта — лисицей, компаньона — псом, хозяина — обезьяной²²⁵. В городах Тур де Франс, т.е. в тех, через которые традиционно проходили подмастерья, путешествуя по Франции в целях совершенствования мастерства, у компаньонажей имелись особые таверны и кабаки. Владельца или хозяйку заведения называли «отцом» или, соответственно, «матерью», то было доверенное лицо компаньонажа. Каждый компаньонаж, впрочем, как и каждая корпорация и профессия, имел своего святого. День этого святого отмечался торжественной мессой и шествием через весь город. Подмастерья украшали себя лентами цветов своего компаньонажа, пели песни, сочиненные также своим шансонье, братом-компаньоном.

Все условия жизни компаньонов, обычаи, традиции способствовали их обособленности от остального рабочего люда. Впрочем, эта тенденция к замкнутости в тесных рамках своей микрогруппы была свойственна подавляющему большинству людей того времени. Квалифицированные рабочие-горожане с презрением смотрели на необученную массу вчерашних земледельцев, зарабатывавших на жизнь трудом водоноса или грузчика-посыльного. Жан-Пьер Симар, лионский подмастерье-шляпник, арестованный полицией за участие в драке между рабочими, возмущался, что его ставят на одну доску с «деревенскими смутьянами, которые наводняют город и учиняют беспорядки в кабаках». О себе он говорил как о «мирном обывателе, человеке женатом и работающем на протяжении нескольких лет на одном месте», участие в потасовке объяснял законной самозащитой²²⁶. Рабочие, не вступавшие в компаньонаж, не жаловали компаньонов. В *cahier de doléance*, обращенном к королю, марсельские рабочие-столяры, составившие особый наказ исключительно от семейных, просили запретить все компаньонажи, которые, по их словам, «лишь устраивают беспорядки и даже приводят к покушениям на жизнь случайных прохожих»²²⁷.

В отношениях между различными компаньонажами царила откровенная вражда. И марсельцы правы в том, что случайному прохожему, если его по ошибке принимали за члена враждебного компаньонажа, приходилось туго. «Дети» мастера Жака и отца Субиза часто вступали в междоусобные драки.

Насколько столкновения между членами различных компаньонажей являлись обыденным делом, дает представление полицейская хроника г. Бордо середины XVIII века.

В 1754 г. камнетесы, «дети» отца Субиза, напали на появившихся в Бордо компаньонов-деворанов. Свое нападение они объясняли тем, что не смогли вынести, чтобы кто-то, не будучи настоящим компаньоном, украшал себя лентами так же, как они. Через неделю столкновения произошли у столяров и слесарей соперничавших компаньонажей. В 1759 г. вновь большая драка у бордосских слесарей. В полицейском докладе за 1761 г. сообщалось: «Постоянно в различных кварталах города и предместьях собираются подмастерья всяких профессий, вооруженные палками, тростями и инструментами своего труда. Члены враждебных компаньонажей подвергают друг друга самым худшим формам насилия... особенно часты потасовки в квартале Сен-Серен»²²⁸. (Сен-Серен был самым бедным кварталом Бордо.)

Между компаньонами случались и настоящие побоища наподобие того, которое произошло в долине Гро между Арлем и Салоном в 1730 г., когда обе стороны понесли значительные потери убитыми и ранеными²²⁹.

Господство традиции над жизненными установками и общественной ориентацией рабочего во многом объяснялось традиционностью ремесленного производства. В ту пору профессиональная деятельность работника не требовала каких-либо знаний сверх тех, что обеспечивала ему традиция, передававшаяся от мастера к подмастерью и ученику, от поколения к поколению. Подмастерья подчиняли традиции ход своей жизни, наследуя от предков как знания, так и предрассудки. Партикуляристский тип сознания, ориентированный на ценности и табу микромира, традиционалистский, консервативный и поразительно иммоильный, был свойствен большинству рабочего люда Франции XVIII в. Внешний мир воспринимался работниками как нечто предустановленное, не подверженное изменениям. Мысль о возможности целенаправленного действия по преобразованию общества еще казалась в народной среде опасной ересью. На небе Бог, на земле король вершили дела, и не маленькому человеку указывать им на несовершенство этого мира — именно подобного рода представлениями объяснялся тот факт, что работники, в том числе даже высококвалифицированные мастеровые, приняли минимальное участие в компании по выборам в Генеральные штаты, составили совершенно незначительное число наказов этому впервые созывавшемуся в XVIII в. национальному представительному институту страны. Безусловно, и центральная власть, и местная администрация прилагали усилия для того, чтобы отстранить рабочих и вообще неимущих от обсуждения насущных проблем. Но в условиях дестабилизации государственного управления, включая аппарат по поддержанию порядка, возможности для самоорганизации и составления петиций все-таки имелись. И некоторые рабочие сумели воспользоваться ситуацией, но таких было совсем немного. Большинство предпочитали выжидать. И бунтовать, когда жизнь становилась уж совсем невыносимой.

Осмысленное участие рабочего люда в большой политике осложнялось также тем, что представления о внешнем мире работника, особенно из провинции, несли в себе большую долю иррационального, фантастического и даже абсурдного. Человек, всеерьез веривший в «духа шахт» и «подземного петуха»²³⁰, с доверием относился и ко всяким небылицам, которые ему приходилось слышать о короле, парижских делах и кознях истинных и мнимых врагов народа. Более полутора столетия отделяло рабочего человека «старого порядка» от той грядущей поры, когда его потомок будет впадать в иррациональность, оглушенный и запутанный необозримыми потоками противоречивой информации. Пока же народ в своем духовном развитии страдал от ее хронического недостатка. Общефранцузские новости доходили до простых людей чаще всего в виде слухов, нередко сильно искажавших происшедшее в действительности, а то и просто фантастических. Летом 1789 г. английскому путешественнику А.Юнгу в Бургундии и Оверни доводилось слышать разговоры о том, что Мария-Антуанетта собирается отравить короля, регентство будет доверено графу д'Артуа, Париж подожен и Пале-Рояль взорван.

Ярмарка — вот традиционное окно в большой мир, которое открывалось для провинциального работника ежегодно и обрушивало на него массу новостей, новых впечатлений и сведений. В Нанте в 1773 г. демонстрировали двухголового ребенка с тремя руками, в Ренне некто месье Пеллетье знакомил с карликом-телепатом, читающим мысли на расстоянии и обнаруживающим, не глядя, спрятанные предметы; там же предлагались очки, позволяющие читать книгу, лежащую под мраморным столом. Правда, в ярмарочном балагане театр кукол, разыгрывая веселую буффонаду, обычно не мог удержаться от политических намеков²³¹.

Дешевые книжки, предназначавшиеся для народного чтения, пересказывали в основном сюжеты Нового и Ветхого заветов, сообщали о последних «явлениях Христа». Впрочем, иногда в них говорилось и о более реальных событиях: о взятии Гренады графом д'Эстеном и даже о попытке запуска аэростата в Сент-Антуанском предместье²³². Реальное, нереальное, фантастическое, откровенная нелепица перемешивались в голове простолюдина. Новости большого мира накладывались на рутину повседневности, мало что меняя в ней. И все же в глубинах массового сознания происходили процессы, подтачивавшие, казалось, чрезвычайно устойчивый тип партикуляристского видения общества.

Партикуляристское сознание было совершенно органично «старому порядку», но сам «старый порядок» все более утрачивал органичность. И хотя вплоть до революции 1789—1799 гг. партикуляристское сознание оставалось преобладающим типом массового сознания рабочего люда Франции, само оно постепенно деформировалось, «картина мира» рядового работника становилась более сложной и противоречивой, закладывались основы для рождения нового популистского сознания.

Особенно быстрыми темпами размывание партикуляристского типа сознания происходило в крупных городах, и прежде всего в Париже. Если для провинциала «большой мир» был чем-то внешним, таинственным и непонятным, то парижанин, даже простой рабочий, ощущал, что «большой мир» есть не что иное, как город, в котором он живет. История осуществлялась не где-то за тридевять земель, а здесь и теперь, у него перед глазами. И самые отчаянные могли даже в нее вмешаться. Как вмешался ремесленник Р.Ф.Домьен, совершивший в 1757 г. неудачное покушение на Людовика XV...

Социальные связи столичных жителей были более разнообразными, чем у провинциалов. Скопление сотен тысяч людей в одном месте уже само по себе служило важнейшим фактором диверсификации общественных контактов. Информация о мире здесь нередко поступала из столь неординарных для простого люда источников, как газеты, театр²³³. Серьезная, нелубочная литература²³⁴ для парижских рабочих была во много раз более доступной, чем для их собратьев из провинции. Знаток быта и нравов низших слоев общества, искатель приключений и популярный в XVIII в. писатель Ретиф де ля Бретон писал о парижанах: «С недавнего времени столичные рабочие стали ужасно несговорчивыми. Дело в том, что они вычитали в наших книжках слишком крепкую для их голов истину, что рабочий — это очень ценный человек»²³⁵.

В глазах части рабочих происходило обесценивание метризы. Появлялось стремление стать не членом привилегированного цеха, а свободным, независимым хозяином своего маленького дела. Подмастерья-сапожники Марселя в наказе 1789 г., единодушно поддержанном на их общем собрании, требовали «чтобы все метризы были уничтожены или представлялись бесплатно»²³⁶. В другом уже цитированном нами рабочем наказе, составленном столярами Марселя, имеющими семьи, выдвигалась просьба даровать «любому постоянно проживающему в городе семейному человеку полную свободу, работать по профессии без приобретения метризы». Далее столяры просили защищать их от преследований мастеров — членов корпорации, предоставить им возможность покупать необходимые товары и, главное, древесину без посредничества уполномоченных (jures) цеха²³⁷. Стремление к экономической независимости, к равенству возможностей в рамках профессиональной деятельности наводило на мысль и о необходимости юридического равенства.

О французских рабочих XVII—XVIII вв., а возможно и более ранних эпох, нельзя сказать, что это были покорные люди, спокойно смиравшиеся с любыми формами произвола²³⁸.

Сицилиец, посетивший Францию в эпоху апогея абсолютизма — во времена Людовика XIV, с изумлением отмечал: «Парижская чернь не дает спуска никому, они снимают шляпу только перед Господом Богом и не прощают и малейшего оскорбления. Более высокомерного и смелого народа нет в целом свете». Алек-

сис де Токвиль писал: «Часто совершают грубую ошибку, утверждая, что дух свободолюбия порожден во Франции революцией 1789 г. Во все времена он составлял одну из отличительных черт нашей нации, но этот дух проявлялся периодически, так сказать прерывисто. Он был хаотическим, слабым и чреватым насилием одновременно, являлся скорее инстинктивным, чем осмысленным»²³⁹. Свободолюбие, независимость, чувство собственного достоинства всегда подразумевают в человеке и сознание равноправия со всеми остальными индивидами. И тем не менее не будем идеализировать ни французских рабочих, ни весь великий французский народ (он в этом не нуждается). О том же парижском люде, о котором с таким страхом и невольным уважением отзывался неизвестный сицилиец в начале XVIII в., в конце того же века, незадолго до начала революции, французский писатель С.-Л. Мерсье, сам выходящий из низов, отзывался совсем в иных выражениях. «Что касается населения Парижа, — писал Мерсье, — то оно бросается врассыпную, завидев ружейное дуло, заливается слезами перед чиновником полиции и становится на колени перед ее начальниками. Для этого сброда начальник полиции — король»²⁴⁰. Но кто же из них прав — заезжий путешественник или знаменитый бытописатель, автор нашумевших в свое время «Картин Парижа»? Приведенное выше суждение Токвиля не совпадает ни с первым мнением, ни со вторым, одновременно включая в себя оба. Для народных масс эпохи «старого режима» были характерны еще не политические убеждения, а политические настроения. Бунт и возмущение несправедливостью существующих порядков сменялись настроением бессмысленности борьбы, смирения с неизбежностью своей тяжелой судьбы. Колебания эти определялись сложным переплетением различных причин, а в конечном итоге детерминировались превратностями экономического положения народных масс. Токвиль верно уловил как бы пульсирующий характер народного свободолюбия, но галльский «дух свободы» он представлял вневременным свойством, имманентно присутствующим французской нации. На самом же деле на протяжении веков происходили серьезные трансформации массового сознания как длительные, так и чрезвычайно стремительные.

Становление популистского типа сознания — это продолжительный процесс, в который вплетена история резкого всплеска радикализма (санкюлотское движение) в годы Великой буржуазной революции. Мелкотоварный уклад в городе и деревне — вот питательная среда популизма, его социально-экономический базис. И, безусловно, идеи эгалитаризма, столь характерные, более того, субстанциональные для популистского сознания, не могли получить широкого распространения в условиях производственных отношений, которые исключали принцип формального равенства для всех участников общественного производства. Свободолюбие как способность к бунту очень далеко от четко осознанной необходимости уравнивания всех граждан перед лицом государства, но

бунтарство служило в то же время одной из важных духовных предпосылок формирования правового эгалитаристского сознания. Эта взаимосвязь достаточно определенно выявилась в 1788—1789 гг., в пору составления наказов Генеральным штатам, когда беззащитные и незначительные по своей численности (если брать в отдельности каждое первичное собрание избирателей третьего сословия) группы людей открыто и очень откровенно заявляли о своих убеждениях, высказывали свои соображения о путях преобразования местных и общенациональных дел. Насчитывавшая всего 10 членов марсельская корпорация мастеров, производивших аркебузы, начала свой наказ с заявления: «Всякое звание, которое приносит благо одному классу граждан в ущерб другим, ложно по самой природе своей; все мы — подданные Короля, все мы имеем право быть им облагодетельствованными, и если кто-либо за свои заслуги действительно достоин выдающегося вознаграждения, пусть же не низкая выгода лежит в основе награды, ибо есть деяния, которые может оплатить только слава за их совершение. Следовательно, духовенство, сеньоры и многие другие должны отказаться от подобных вознаграждений — привилегий, и надо добиваться их (привилегий. — *Е.К.*) полного уничтожения»²⁴¹. Не менее решительно выступали против налоговых льгот двух первых сословий марсельские мастера-медники. Они писали: «Необходимо положить конец всем привилегиям и всем исключениям первых двух сословий и других корпораций и городов и распределить уплату налога на всех подданных и на все состояния в соответствии с принципом равного и индивидуального обложения»²⁴². Всего 11 человек утвердили на собрании 17 марта 1789 г. этот наказ. Он, безусловно, представлял собой акт гражданского бунта. В десятках городов Франции мастера и рабочие требовали уравнять перед законом дворян, священников и третье сословие, настаивали на уничтожении системы откупов, выступая против всемогущих финансистов.

Но популистское сознание не сводимо к правовому эгалитаризму. Этот тип сознания, возникающий в переходную пору от «старого порядка» к эпохе революций (включая промышленную) и конституционного монархизма, несет на себе и другие отпечатки своего времени. Пафос просветительства, охвативший в XVIII в. высшие классы общества, затронул и народные массы, особенно квалифицированных рабочих крупных городов. В этой среде грамотность если не считали еще необходимой, то, во всяком случае, находили полезной. По подсчетам современного французского историка Ж.Кеньяра, среди рабочих — сапожников, плотников, столяров, портных, пекарей в конце XVIII в. приблизительно 39% умели читать и писать, среди ткачей — от 25 до 30%²⁴³. Стремление к получению информации обо всем на свете становилось все более массовой «болезнью». Еще в феврале 1749 г. маркиз д'Аржансон отмечал в своем дневнике: «Пятьдесят лет тому назад широкая публика совершенно не интересовалась известиями о госу-

дарственных делах. Теперь все читают "Gazette de Paris", даже в провинции. Без всякого понимания вкривь и вкось рассуждают о политике, но говорят именно о ней...!» А в 1758 г. «Journal encyclopedique» констатировал с некоторым изумлением: «Прошли те времена, когда газеты создавались исключительно на потребу ученым людям. Сегодня все читают и все хотят читать обо всем»²⁴⁴. Даже люди с очень скромным достатком все чаще приобретали книги и брошюры. Если в начале XVIII в. в посмертных описях имущества парижских подмастерьев упоминаются книги только в 13 случаях из ста, то в 1780 г. владельцы печатной продукции среди умерших ремесленных рабочих составляют уже около 35%²⁴⁵.

Помимо экономического, социального, профессионального деления каждая микрогруппа имеет также внутреннее членение по почти неуловимому, но, тем не менее, столь существенному признаку, как интеллектуальные способности. Именно этот, пожалуй, наименее познанный фактор исторического процесса обречет большинство на протяжении десятилетий, а подчас и столетий, свято веровать в коллективные мифы своего времени, а меньшинство вести тайную или явную работу по их разрушению. Рабочие Франции «старого режима» также имели свое активное меньшинство, которое, прежде чем брать Бастилию, брало слово. В эпохи общественной стабильности и всемогущества высших властей духовная жизнь народа была подобна омуту, темные воды которого составлены из преданий, басен и пошлых, здравомысленных истин большинства. Холодные ключи трезвого рассудка народных мудрецов с трудом пробивали толщу и вызывали лишь легкую зыбь на поверхности. И популистское сознание, как и всякое новое, первоначально складывалось в умах у этих «мудрецов», наиболее развитых и смелых рабочих. Ведь даже грамотой владело хотя и значительное, но все-таки меньшинство. Только единицы всерьез интересовались политикой, читали газеты. Высказывания д'Аржансона или «Journal encyclopedique» насчет того, что «все читают», не следует переоценивать. Становление правового эгалитаризма, безусловно, процесс глубокий и широкий, но измерить эту глубину и ширину с математической точностью нам не дано. Наказы рабочих (и это, как мы уже отмечали, симптоматично) имели единичный характер.

Франция XVIII в. была католической страной. Незначительные религиозные меньшинства: протестанты и иудаисты, хотя и служили питательной средой для различных радикальных идей, играли слишком незаметную роль в жизни народных масс в целом; даже среди городского ремесленничества (в его составе процент протестантов и иудаистов был наибольшим) их влияние почти не прослеживается. Меньшинства обретут голос и даже станут заметным явлением лишь в условиях революционной свободы. Католическая среда, хотя бы в силу своего полного преобладания, отличалась гораздо меньшей восприимчивостью к новым идеям. Насколько

можно судить по данным новейших исследований, «качество веры» у подавляющего большинства рабочих-католиков оставалось неизменным на протяжении XVIII в. Кризис веры и массовая дехристианизация II года Республики подготавливалась исподволь, через растущую оппозицию не религии, а церкви. Антиклерикальные настроения накапливались: на традиции внеинституциональной религиозности простых людей накладывались постепенно проникавшие в народную толщу деистические и атеистические идеи просветителей. Экономические противоречия с привилегированным сословием духовенства еще более усиливали неприязнь и служили, пожалуй, самым серьезным основанием для антиклерикализма.

Сомнение в необходимости многих институтов «старого порядка» закрадывалось в души работников. Не оставалось неизменным даже отношение к королю и королевской власти.

В некоторой мере изменения политических настроений, пожалуй, охватывали все плебейское население, во всяком случае, в столице и наиболее крупных городах. Речь идет об отношении к королю и королевской власти. Монархизм подавляющего большинства французов XVIII в. был искренним и последовательным. Славословия в адрес Людовика XVI, которыми открывались все указы мастеров и подмастерьев, не только дань политической конъюнктуре, но и вполне чистосердечное изъяснение верноподданнических чувств. Но роялизм рабочего люда городов не представлял собой нечто непоколебимое. На протяжении XVIII в. голод, поражения во внешней политике, сопровождавшиеся экономическим ущербом, унижением национального достоинства, бессмысленной гибелью тысяч соотечественников, не раз подрывали веру в короля. Францию, и особенно Париж, охватывали антироялистские настроения. В 1749 г. парижане в открытую распевали: «Проснись же дух Равальяка!»²⁴⁶ Но то был антироялизм, направленный против конкретного короля. Неудачи, поражения, предательства, слишком явные и слишком известные, время от времени разрушали легенду о всеблаготворном и премудром отце нации. Непостижимый и отстраненный в своей непостижимости монарх тогда превращался в обычного человека, личность с ее слабостями и пороками, кривым носом и приметам старческого маразма. Этот антироялизм был преходящим и не имел ничего общего с республиканизмом, и все же исподволь он готовил для него почву.

Людовик XVI, которого так превозносили французы в первые месяцы 1789 г., также имел щербинки в своем облике «любимого» короля. Еще в 1780 г. в среде парижских работников пользовалась популярностью песенка про короля Дагобера. Добродушный, толстый и слабый Дагобер очень походил на Людовика XVI, а опекавший его мудрый святой Илья явно смахивал на добродетельного генерального контролера финансов Неккера²⁴⁷. Насмешка над королем не отменяла ни почтения, ни признания, ни смирения, она жила как бы сама по себе. Хотя в то же время простолудин, рас-

пева под хмельком веселую песню про короля Дагобера, был «на ты» со всеми владыками мира. Но свобода на миг еще не свобода, а лишь ее отблеск, ее летучий фантом. Уход кумира, крах его в народном сознании сопровождается смехом, но еще больше — страданием, горем, слезами и кровью.

¹ Gille B. La banque et le credit en France de 1815 a 1848. P., 1959. P. 37.

² Loughier L. Turgot ou le mythe des reformes. P., 1979. P. 21.

³ Sewell W.H. Work and revolution in France The language of labor from the old regime to 1848. Cambridge University Press, 1980. P. 17; Reinhard M. La Population des villes: sa mesure sous la Révolution et l'Empire, «Population». 1954. P. 279—288.

⁴ К.Маркс писал о физиократах: «Фактически это первая система, анализирующая капиталистическое производство и изображающая в виде вечных естественных законов производства те условия, в которых капитал производится и в которых он производит, но, с другой стороны, она выступает скорее как буржуазное воспроизводство феодальной системы, господства земельной собственности; промышленные же отрасли, в которых капитал раньше всего получает самостоятельное развитие, кажутся ей «непроизводительными» отраслями труда, всего лишь придатками земледелия» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 20).

⁵ Histoire économique et sociale de la France. Т. II. P., 1970. P. 652.

⁶ Les Cevennes de la montagne a l'homme. Toulouse, 1979. P. 158.

⁷ Bouloiseau M. Preface // Cahiers de doléances du tiers état du baillage de Rouen pour les Etats généraux de 1789. P., 1957. P. XLVII.

⁸ См.: Далин В.М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы» // Люди и идеи. М., 1970; Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. I. М., 1971. С. 79—81.

⁹ Markovitch T.J. L'industrie française de 1789 à 1964: Analyse des faits // Cahiers de l'JSEA. 1966. Mai. P. 42—43.

¹⁰ Léon P. Structure du commerce extérieur et évolution industrielle de la France à la fin du XVIII siècle // Conjoncture économique: Structures sociales: Hommage à Ernest Labrousse. P.; La Haye, 1974. P. 412.

¹¹ Histoire économique et sociale de la France. P., 1970. Т. 2. P. 613.

¹² Mayer J. L'armement nantais dans la deuxième moitié du XVIII siècle. P., 1969. P. 90—91.

¹³ Histoire économique et sociale de la France. Т. 2. P. 613.

¹⁴ Cavignac J. Jean Pellet, commerçant de gros. 1694—1772. 1967. P. 37; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 137.

¹⁵ Palmade G.P. Capitalisme et capitalistes français au XIX siècle. P., 1961. P. 18—19.

16 Cailly C. Mutations d'un espace proto-industriel: Le Perche aux XVIII—XIX siècles. Fédération des Amis du Perche, 1993. P. 41.

17 Цит. по: Foucault M. Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines. P., 1966. P. 185.

18 См.: Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965. С. 119.

19 Монтескье Ш. Избр. произ. М., 1955. С. 433.

20 Reflexions historiques et politiques sur le commerce de France avec ses colonies de l'Amerique, par M. Weuves, le jeune, negociant, A Geneve et se trouve à Paris. 1780. P. 9.

21 Foashe S. Reflexions sur le commerce, la navigation et les colonies. Sp. (1787). P. 1—2.

22 Ibid. P. 9.

23 Хроническая нерентабельность была свойственна государственным и многим «королевским» мануфактурам.

24 См.: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1. С. 146—148.

25 Gazette de France. 24.2.1786.

26 См.: Харрис Дж. Расхождение в технологии и промышленном развитии Англии и Франции до 1800 г. М., 1970. С. 7.

27 Vidalenc J. Quelques remarques sur le rôle des Anglais dans la Révolution industrielle en France, particulièrement en Normandie de 1750 à 1850 // Annales de Normandie. 1958. № 3. P. 275.

28 Ibid. P. 276—277.

29 Мануфактуры первой категории нередко тоже носили это название.

30 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 1. М., 1957. С. 621; Fremy. Histoire de la manufacture royale des glaces en France du XVII et XVIII ss. P., 1909. P. 298.

31 Martin Saint-Léon E. Histoire des corporations de métiers. P., 1909. P. 551.

32 Rude G. La population ouvrière parisienne de 1789 à 1791 // Annales historiques de la Révolution Française. 1967. № 187. P. 37.

33 См.: Тарле Е.В. Соч. Т. 1. С. 616.

34 Gazette de France. 17.3.1786.

35 Цит. по: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1957. С. 579.

36 См.: Тарле Е.В. Соч. Т. 2. С. 36; Лотте С.А. «Дело Ревельона» // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 77.

37 См.: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. 1. С. 144.

38 Chassagne S. Oberkampf. Un entrepreneur capitaliste au Siècle des Lumières. P., 1980. P. 22—23.

39 В 1762 г. подписывая указ, легализующий деятельность промышленности в сельской местности, Людовик XV вряд ли понимал, что тем самым он подписывал смертный приговор цеховой системе.

40 Martin Saint-Léon E. Op. cit. P. 514.

41 Roche D. Le peuple de Paris. Essai sur la culture populaire au XVIII siècle. P., 1981. P. 139.

42 Цит. по: La vie populaire en France du Moyen Age à nos jours. P., 1964. Т. 1: Le Travail. P. 172.

43 Парламенты — высшие судебные палаты, обладавшие также правом регистрировать королевские указы и тем самым подтверждать их законность.

44 Цит. по: Histoire économique et sociale de la France. Т. II. P. 680.

45 Martin Saint-Léon E. Op. cit. P. 595.

46 Cahiers de doléances du baillage du Havre... P. 61.

47 Picard R. Les Cahiers de 1789 et les classes ouvrières. P., 1910. P. 82.

48 Martin Saint-Léon E. Op. cit., p. 519; Cahiers de doléances du tiers état du baillage de Rouen... P. 204.

49 Martin Saint-Léon E. Op. cit. P. 588.

50 See H. La France économique et sociale au XVIII siècle. P., 1933. P. 106.

51 Martin Saint-Léon E. Op. cit. P. 541.

52 См.: Малов В.Н. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX вв. // Французский ежегодник. 1979. М., 1981.

53 Moheau. Recherches et considérations sur la population de la France. P., 1778. P. 78.

54 Tolosan. Mémoire sur le commerce de la France et de ses colonies. P., 1789.

55 Histoire économique et sociale de la France. Т. II. P. 659. А.Матьез считал, что накануне революции рабочих-мужчин было 600 тыс. (Mathiez A. Notes sur l'importance du prolétariat en France a la veille de la Révolution // Annales historique de la Révolution française. 1930. Novembre—décembre).

56 Perrot J.Cl. Rapports sociaux et villes au XVII siècle // Annales ESC. 1968. 2. P. 245.

57 Смутное ощущение необходимости вычлениить иные социальные группы, не сословия, при осуществлении экономического анализа общества приходило уже к талантливейшему французскому экономисту начала XVII в. Монкретьену. Он объединял в одну группу всех тех, кто «содержится в одном качестве и имеет сходство в образе жизни, в привычках, склонностях, действиях и в статусе» (Perrot J.Cl. Op. cit. P. 245).

58 См.: Кенэ Ф. Избр. экон. произв. М., 1960. С. 360.

59 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 405.

60 Тюрго А. Р. Избр. экон. произв. М., 1961. С. 98.

61 Там же. С. 99.

62 Там же. С. 102.

63 Там же. С. 122.

64 Там же. С. 129.

65 Там же. С. 129—130.

66 Кредитным делом можно лишь условно назвать все формы помещения капитала под процент (торговля деньгами), которые нерасчлененно рассматривает Тюрго, не выделяя особо собственно банковский кредит.

67 Там же. С. 155.

68 Цит. по: Perrot J. *Op. cit.* P. 243.

69 Atlas du commerce, dédiée au Roi/Publ. par M. Le Clerc, écuyer, chevalier de l'Ordre du Roi et pr M. Le Clerc, fils, écuyer. P., 1786. P. 178.

70 Цит. по: Levy-Bruhl H. Un projet de code de commerce a la veille de la révolution: Le projet Miromesnil: (1778—1789). P., 1932. P. 10.

71 Цит. по: Черкасов П. П. Генерал Лафайет. М., 1987. С. 30.

72 Encyclopédie methodique. Т. 2. P. 1—2; Цит. по: Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIII siècle: Contribution a l'étude des économies maritimes. P., 1973. Т. 1. P. 243.

73 De Boislisle. Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les intendants des provinces. P., 1875. Т. 2. P. 482; Carrière Ch. *Op. cit.* Т. 1. P. 240.

74 Цит. по: Carrière Ch. *Op. cit.* Т. 1.

75 Cahiers de doléances du Tiers Etat du baillage de Rouen. Т. La ville. P., 1957. P. 75.

76 Цит. по: Varley P. Entreprises et entrepreneurs du XVIII siècle au début du XX siècle. P., 1994. P. 16.

77 Daumard A., Furet F. Structures et relations sociales a Paris au XVIII siècle. P., 1961. P. 28, 31—32.

78 В «Совершенном коммерсante» Савари писал: «Всякий человек согласится, что оптовая торговля более почетна, чем розничная. Оптовая торговля ведется не только ротюрье, но и дворянами, но только оптовая! Так как в розничной есть что-то сервильное, в то время как крупной торговле присущи лишь благородство, приличие и порядочность».

79 Meyer J. *Op. cit.* P. 91.

80 Histoire économique et sociale de la France. Т. 2. P. 610—611.

81 Reflexions historiques et politiques sur le commerce de France avec ses colonies de l'Amerique, par M. Weuves, le jeune, negociant, A Geneve et se trouve a Paris. 1780. P. 35.

82 Dictionnaire de l'académie française. P., 1762. Т. 1. P. 925.

83 Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Généraux de 1789. Troyes, 1909. P. 69.

84 Du commerce des colonies. S.p. 1790. P. 1.

85 История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 139—140.

86 Leon P. *Op. cit.* P. 407.

87 В словарях XVIII в. даются противоречивые истолкования слова «мануфактурист». К примеру, в столь авторитетном издании, как «Универсальный словарь торговли», мануфактурист определяется сле-

дующим образом: «Человек, который учредил и создал мануфактуру, стал ее хозяином, руководит ее деятельностью, обеспечивает работой занятых на ней ремесленников. Эти ремесленники также называются иногда мануфактуристами, но чаще их называют рабочими-фабрикантами» (Savary des Brulons. Dictionnaire universel de commerce. Geneve, 1750. Т. 2. Р. 1219).

⁸⁸ Histoire économique et sociale de la France. Т. 2. Р. 618.

⁸⁹ Vidalenc J. Quelques remarques sur le rôle des Anglais dans la Révolution industrielle en France, particulièrement en Normandie de 1750 à 1850 // Annales de Normandie. 1958. № 3. Р. 275.

⁹⁰ Soboul A. La société française dans la seconde moitié du XVIII siècle: Structures sociales et modes de vie. P., 1969. Р. 177.

⁹¹ Ibid. Р. 179.

⁹² Ibid.

⁹³ Вплоть до революции продолжал действовать торговый кодекс 1673 г., и хотя, безусловно, на протяжении более чем ста лет после его принятия коммерческое право не оставалось во Франции неизменным, многие чрезвычайной важности вопросы требовали решения на совершенно иной основе, чем та, что была разработана Савари, автором кодекса. В частности, необходимо было изменить нормы, касавшиеся создания акционерных обществ, пересмотреть круг компетенции торговых судов. Еще в начале XVIII в. в годы Регентства, королевские власти обратились с предложением к Торговой палате Нормандии высказать соображения по поводу торгового кодекса. Синдики палаты не преминули представить его развернутую критику, соответствующие решения так и не были приняты (Levy-Bruhl H. Op. cit. Р. 8).

⁹⁴ См.: Лучицкий И.В. Аграрные отношения накануне революции в окрестностях Парижа // Журнал министерства народного просвещения. 1915. № 6; Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М., 1987. С. 39—64; Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978, С. 110—178; Goubert P. Beauvais et la Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1960; Deyon P. Contribution à l'étude des revenus fonciers en Picardie: Les fermages de l'Hôtel-Dieu d'Amiens et leurs variations de 1515 à 1789. Lille, P., s. a.

⁹⁵ Адо А.В. Указ. соч. С. 40.

⁹⁶ Brunet P. Structure Agraire et Économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960. Р. 284, 290.

⁹⁷ De Serres O. Théâtre d'agriculture et mesnage des champs. P., 1804. Т. 1. Р. 184—204; Люблинская А. Д. Указ. соч. С. 176.

⁹⁸ Цит. по: Moriceau Y.-M. Les vice-rois des campagnes? Autour des quelques dynasties de fermiers-laboureurs XVI-ème — XIX-ème siècles // Annales historiques compiégnoises. 1985. № 31. Р. 12.

⁹⁹ Д.Дессер, лучший знаток в мире французских финансистов конца XVII — начала XVIII в., считает, что совмещение банковской и финансовой деятельности чрезвычайно редко практиковалось во Франции старого порядка. Его точку зрения разделяет Н.Е.Копосов

(Dessert D. *Argent, pouvoir et société au grand siècle*. P., 1984; Копосов Н.Е. *Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований* // *Французский ежегодник*. 1985. М., 1987).

¹⁰⁰ A.Blaize. *Des Monts-de-Piete et des banques de pret sur gage en France et dans les divers états de l'Europe*. P., 1856. T. 1. P. 153.

¹⁰¹ *Histoire économique et sociale de la France*. T. 2. P. 631.

¹⁰² Lüthy H. *La Banque Protestante en France de la Révocation de l'Edit de Nantes a la Révolution*. P., 1961. P. 251, 259—262.

¹⁰³ *Mémoires de Laffite*. P., 1937. P. 1.

¹⁰⁴ *Dictionnaire économique*. P., 1740. T. 1. P. 31.

¹⁰⁵ *Ibid*. P. 32.

¹⁰⁶ *Dictionnaire universel de commerce*. Genève, 1750. T. 1. P. 564.

¹⁰⁷ См.: Cornette J. *Un révolutionnaire ordinaire*. Benoit Lacombe, négociant. 1759—1819. Champ Vallon, 1986. P. 24—25.

¹⁰⁸ См.: Копосов Н.Е. *Абсолютная монархия во Франции XVI—XVIII веков*. Л., 1984. Ч. 2. С. 19.

¹⁰⁹ Chaussinand-Nogaret 6. *Op. cit.* P. 261.

¹¹⁰ Furetière A. *Le dictionnaire universel*. La Haye et Rotterdam, 1690 (Rééd. P., 1978).

¹¹¹ *Dictionnaire de l'Académie française*. P., 1762. T. 1. P. 203.

¹¹² См.: Darnton R. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. N.Y., 1984. P. 113—114, 274—275.

¹¹³ Правда, этого права парижские буржуа дважды лишались в 1692 и в 1708 гг. (Marion M. *Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII siècles*, P., 1923. P. 52).

¹¹⁴ Vovelle M. *Ville et campagne au 18 siècle: (Chartres et la Beauce)*. P., 1980. P. 138; Marion M. *Op. cit.* P. 52.

¹¹⁵ Lottin A. *Chavatte, ouvrier lillois un contemporain de Louis XIV*. P., 1979. P. 13.

¹¹⁶ Pierrard P. *Lille et les lillois*. P. 1967. P. 32.

¹¹⁷ Цит. по: Carrière Ch. *Op. cit.* T. 1. P. 248.

¹¹⁸ *Dictionnaire des proverbes français*. Francfurt, 1750. P. 45.

¹¹⁹ Daumard A., Furet P. *Structures et relations sociales...* P. 34—35; Vovelle M. *Ville et campagne...* P. 139.

¹²⁰ Vovelle M. *Op. cit.* P. 139.

¹²¹ *Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Généraux de 1789*. Troyes, 1909. T. 1. P. 24—25.

¹²² *Cahiers de doléances de la sénéchaussée d'Angoulême et du siège royal de Cognac pour les Etats Généraux de 1789*. P., 1907. P. 474—475.

¹²³ Vovelle M. *Op. cit.* P. 141—142.

¹²⁴ Hoffman Ph., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-l. *Economie et Politique. Les marchés du crédit à Paris, 1750—1840* // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Janvier—février, 1994. № 1. P. 74.

¹²⁵ Daumard A., Furet F. *Op. cit.* P. 34.

¹²⁶ *Ibid*. P. 34—35, таблица «Fortunes des menages».

- 127 Naudin M. Structures et doléances du tiers état de Moulins en 1789. P., 1987. P. 94.
- 128 Darnton R. The Great Cat Massacre... P. 274.
- 129 Perdiguier A. Mémoires d'un compagnon. Moulins, 1914. P. 84.
- 130 Mornet O. Les origines intellectuelles de la Révolution française: (1715—1787). P., 1934. P. 145.
- 131 Oeuvres complètes de Diderot. P., 1876. T. 10. P. 379.
- 132 La franc-maçonnerie orléanaise au XVIII siècle // Annales historiques de la Révolution française. 1969. P. 426.
- 133 Pouthas Ch.-H. Une famille de bourgeoisie française de Louis XIV à Napoléon. P., 1934. P. 72, 74—75.
- 134 Guiral P., Amargier P. Histoire de Marseille. (P.), 1983. P., 187, 192.
- 135 Soboul A. La franc-maçonnerie et la révolution française // La Pensée, 1973. № 170. P. 23.
- 136 Vovelle M. La chute de la monarchie. P., 1972. P. 85.
- 137 Gaxotte P., Tulard J. La révolution française. P., 1975. P. 75.
- 138 Des Essarts. Dictionnaire universel de police. P., 1786. P. 8.
- 139 Ibid. P. 9—14.
- 140 В конце XVII в. в провинции было всего 6 академий (Mornet D. Op. cit. P. 145).
- 141 Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII siècles. P., 1923. P. 3.
- 142 Mornet D. Op. cit. P. 146.
- 143 Roche D. Le siècle des lumières en province. Académies et académiciens provinciaux 1680—1789. P.; La Haye, 1978. T. I. P. 151—165.
- 144 Цит. по: Leutrat P. Introduction à L'Ange F.-J. Ouvres. P., 1968. P. 19.
- 145 Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. I. Учредительное собрание (1789—1791), книга вторая. М., 1977. С. 14—15.
- 146 Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes pour les Etats Généraux de 1789. Rennes, 1911. T. III. P. 37.
- 147 В XXI в. партии становятся все менее различимы с точки зрения их идеологической направленности, они все более становятся инструментами не для мобилизации масс, а для манипулирования массами с помощью политехнологий.
- 148 Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. P., 1910.
- 149 Bachemont. Mémoires secrets. Т. 3. p. 299; Weulersse G. Op. cit. P. 137.
- 150 Цит. по: Weulersse G. Op. cit. P. 139—140.
- 151 Цит. по: Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке: 1715—1789 гг. СПб., 1902. С. 228.
- 152 Proust J. Diderot et l'Encyclopedia. P., 1962. P. 23—27.

153 Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979. С. 84—101.

154 Цит. по: Рокэн Ф. Указ. соч. С. 320.

155 Nicolas Bergasse, avocat au parlement du Paris, député du tiers état de la sénéchaussée de Lyon aux Etats Généraux: (1750—1832). P., 1910. P. 29.

156 Бриссо писал в своих мемуарах об этом салоне: «Невозможно подсчитать замыслы всех памфлетов, зародившихся там; в 1787—1788 гг. из этого очага вышли почти все антиправительственные брошюры, и надо воздать должное Корнманну, который потратил часть своего состояния на их опубликование» (Brissot. Memoires. T. 2. Ch. XXXVI).

157 Nicolas Bergasse, avocat... P. 39.

158 Egret J. La pré-révolution française 1787/1788. P., 1962. P. 326—330.

159 Lameth A. Histoire de l'Assemblée constituante. T. 1. P. 34—36, en note; Egret J. Op. cit. P. 330—331.

160 Согласно католической традиции первыми идею троичного деления общества сформулировали епископы Адальберон и Жерар из Камбре (Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978).

161 Bulst N. Vers les états modernes: le tiers état aux Etats généraux de Tour en 1484 // Représentation et vouloir politiques: Autour der Etats généraux de 1614. P., 1982. P. 12—13.

162 Mousnier R. La plume, la faucille et le marteau. P., 1970. P. 216.

163 См.: Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 31.

164 Formes observées en 1649 et pendant les années suivantes pour l'élection et la députation de certains citoiens du baillage de Rouen aux Etats généraux du Royaume. S. 1. s.a.; Mousnier R., Labatut J.P., Durand Y. Problèmes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse: 1649—1651. P., 1965; Najor Russell J. The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Westport, Connecticut, 1974.

165 Рокэн Ф. Указ. соч. С. 9.

166 Там же. С. 158.

167 Richet D. Autour les origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme // Annales ESC. 1969. № 17. P. 6—7.

168 Godefroy D. Abrégé des trois Etats. P., 1682; Menestier. Les diverses espèces de noblesse. P., 1685.

169 Цит. по: Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1905. С. 125.

170 См.: Коробочко А.Е. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в. // Французский ежегодник: 1965. М., 1966; Лотте С.А. «Республиканское» сословие: (Из истории французского предпролетариата XVIII века) // Французский ежегодник: 1960. М., 1961; Она же. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции: (По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем) // Французский ежегодник: 1962. М., 1963; Bonnassieux P. La

question des grèves sous l'Ancien régime. P., 1882; Kaplow I. The Names of Kings the parisian labouring poor in the eighteenth century. N.Y., 1972.

171 Bouton C.A. Les victimes de la violence populaire pendant la Guerre des farines // Mouvements populaires et conscience sociale. P., 1985. P. 391.

172 Foache S. Réflexions sur le commerce, la navigation et les colonies. S.p. (1787). P. 2.

173 Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973. P. 38.

174 Chaussinand-Nogaret G. La Bastille est prise. Bruxelles, 1988. P. 26.

175 Цит. по: Рокэн Ф. Указ. соч. С. 425.

176 Там же.

177 Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923. С. 221.

178 Первое употребление слова «ouvrier» отмечено во французских текстах конца XII в. [Dauzat A. et al. Nouveau dictionnaire etymologique et historique. P., (1979). P. 520].

179 Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de Barsur-Seine pour les Etats Généreaux de 1789. Vol. II. Troyes. 1909. № 30.

180 D'Argenson. Mémoires. — Цит. по: Les écrivains, temoins du peuple. P., 1964. P. 93.

181 Dictionnaire de l'Académie française. T. II. P., 1798. P. 208.

182 Richelet P. Dictionnaire de la langue française ancienne et moderne. T. 2. P., 1759. P. 786.

183 Правда, следует отметить, что в XVIII в. само понятие «промышленность» находилось в стадии конституирования. У людей того времени еще не сложилось представление о типологическом единстве мира «искусств и ремесел», мануфактурного производства и горного дела. Таким образом, говоря о промышленности как совокупности всех этих трех видов производства по отношению к XVIII в., мы совершаем вынужденную модернизацию (Harsin P. De quand date le mot «industrie» // Annales d'histoire économique et sociale. 1930. T. II. P. 235—242; See H. A propos du mot «industrie» // Revue historique, 1925. T. CXLIX. P. 58—61).

184 Histoire générale de la presse française. T. I. P., 1969. P. 171.

185 Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 60.

186 Vauban. Dixième royale. — Цит. по: Les écrivains temoins du peuple. P. 72.

187 «Il ne laissa pas l'après dinée d'aller chez plusieurs ouvriers de réputation». — «После обеда он (Петр I. — Е.К.) не преминул поехать осмотреть лучшие мастерские» (Saint-Simon. Memoires. Moscou, 1976. P. 333).

188 Verlet P. L'art du meuble a Paris au XVIII siècle. P., 1968, p. 31; Monnier K. Le Faubourg Saint-Antoine (1789—1815). P., 1981. P. 10.

189 Последовавшие после отмены реформы Тюрго эдикты о восстановлении корпораций в провинциях лишали права набирать учеников тех мастеров-хозяев, которые не приобретут метризу нового образца.

190 Cahiers de doléances des corps et corporations de la Ville d'Alençon pour les Etats Généraux de 1789. Alençon, 1929. P. 87.

191 Chassin Ch.-L. Le Génie de la Révolution. Les élections de 1789. T. I. P., 1863. P. 427—428.

192 Цит. по: Godart J. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. Lyon—Paris, 1899. P. 417.

193 Lottin A. Chavatte, ouvrier lillois. Un contemporain de Louis XIV. P., 1979. P. 83.

194 Morin P. Dictionnaire complet françois et hollandois. Amsterdam, 1720. P. 790.

195 Boisguillebert. Traite de grains. — Цит. по: Histoire économique et sociale de la France. Vol. II. P. 683.

196 Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes pour les Etats Généraux de 1789. Rennes, 1911. T. III. P. 37.

197 Foache S. Reflexions sur le commerce, la navigation et les colonies. S.p. (1787). P. 2.

198 Ibid.

199 Рабочими себя называли мастера по пошиву парусов, корабельные плотники, конопатчики, мастера по изготовлению весел (Cahiers de doléances du baillage du Havre... P. 61, 108—109; Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille pour les Etats Généraux de 1789. Marseille, 1908. P. 87—92).

200 В Труа и Марселе в 1789 г. муниципальные власти дали разрешение собраться и выработать указы не только полноправным мастерам-хозяевам, но и подмастерьям. В Труа состоялись два таких собрания: на одном были представлены рабочие всех основных ремесел, за исключением трикотажников (227 человек), на другом — только подмастерья трикотажного производства (20 человек). В Марселе в компании по выборам депутатов в Генеральные штаты участвовали рабочие-конопатчики, сапожники, столяры и шляпники. На своих собраниях сапожники, столяры и шляпники выработали указы исключительно от подмастерьев; указ конопатчиков или оказался утраченным, или не был принят (Cahiers de doléances du baillage de Troyes... T. I. Troyes, 1909. P. 177—178, 193; Cahiers de doléances de la de Marseille... P. 39, 67, 104, 174).

201 Cahiers de doléances du baillage de Troyes... T. I. P. 178—179, 193—194.

202 Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille... P. 104.

203 Ibid. P. 67.

204 XVIII в. не знал еще ни политических, ни всеобщих экономических стачек. Лионская стачка 1786 г., охватившая одновременно рабочих нескольких специальностей и переросшая в восстание, в этом плане чуть ли не единственное за весь XVIII в. исключение. Забастовки устраивались ограниченным числом работников одной профессии и оставались внутренним делом определенной корпорации, определенного компаньонажа. Общественное звучание стачка приобретала обычно в том случае, если в конфликт вмешивались центральные или муниципальные власти. Тогда стачка нередко вызвала симпатию и у

других работников. Но, пожалуй, чаще в XVIII в. стачки способствовали лишь укреплению микрогруппового единства рабочих и не вели еще к развитию макрогруппового сознания.

205 Guiraud P. Patois et dialectes français. P., 1968. P. 27. Это обследование осуществлялось по прямому предписанию Учредительного собрания. Депутат собрания аббат Грегуар разослал во все концы страны анкету с вопросами о степени распространенности различных говоров, об употреблении французского языка, о состоянии народного образования. Ответы были получены почти из всех областей и провинций Франции (М. de Certeau, D. Julia, J. Revel. Une politique de la langue. la Revolution et les patois. P., 1975; Gaziez. Lettres a Grégoire sur les patois en France // Revue des langues romanes, 1874—1879, 1. Ч. XV, serie 1—3; Ону А. Выборы 1789 года во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. I. СПб., 1908. С. 402—407).

206 Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. Т. III. P., 1947. P. 243—245.

207 Mary-Lafon M. Tableau historique et littéraire de la langue parlée dans le midi de la France. P., 1842. P. 194, 196—197, 210—211.

208 Так, даже из Бордо Грегуару сообщали, что в городе торговли селедками, носильщиками, прислуга и вообще низшие слои продолжают говорить на гасконском наречии, являющемся смесью латинского, испанского и английского языков и лишь постепенно приближающемся к французскому, в деревнях же гасконское наречие господствует (Ону А. Указ. соч. С. 404).

209 Brunot F. Op. cit. Т. III. P. 276.

210 В Энциклопедии Дидро и д'Аламбера рабочий определялся как «всякий ремесленник, который трудится в каком-либо из ремесленных производств» (Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. XXIV. Genève, 1778. P. 921).

211 Babeau A. La Ville sous l'Ancien régime. Т. I. P., 1884. P. 350—351.

212 Rouff M. Une grève de gagne-déniers en 1786 a Paris // Revue historique. 1910. Т. 105. № 1—2. P. 336.

213 Kaplow J. Sur la population flottante de Paris à la fin de l'Ancien Régime. — Annales historiques de la Révolution Française. 1967. № 187. P. 2—3.

214 Цит. по: Rouff M. Op. cit. P. 337.

215 Cahiers de doléances du baillage du Havre pour les Etats Généraux de 1789. Epinal, 1929. P. 56—57.

216 Garden M. Lyon et les lyonnais au XVIII siècle. P., (1973). P. 167. 194—195.

217 Nicolas Contat, Anecdotes Typographiques où l'on voit la description des coutumes, mœurs et singuliers des compagnons imprimeurs, présenté par Giles Barber. Oxford, 1980; Darnton R. Le grand massacre des chats. Attitudes et croyances dans l'ancienne France. P., s.a.

218 В коллективной собственности корпораций нередко находилось и вполне материальное имущество: складские помещения, дома.

Так, перед революцией корпорации марсельских грузчиков (*porte-faix*) принадлежали лавка на улице Монбрион и жилой дом на улице Соль (*De Regis de la Colombière M. Fêtes patronales et usages des corporations et associations qui existaient à Marseille avant 1789. P.—Marseille, 1863. P. 123—124*).

²¹⁹ *Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville d'Alençon... P. 87.*

²²⁰ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille... P. 85.*

²²¹ *Ibid. P. 71.*

²²² *Les patrons, les ouvriers et l'état. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. P., 1922. P. 9—11.*

²²³ *Hauser H. Les Compagnonnages d'arts et métiers à Dijon aux XVII et XVIII siècles. P., 1907. P. 6.*

²²⁴ Наиболее полный список профессий, в которых имелись компаньоны, см.: *Barret P., Gurgand J.N. Ils voyageaient la France. Vie et traditions des compagnons du Tour de France au XIX siècle. P., 1980. P. 401—404.*

²²⁵ Записи этого тайного языка сохранились в рукописных заметках одного из первых исследователей истории французских рабочих П. Венсара (см.: *РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 10. Л. 40*). В XIX в. он стал общеизвестным в рабочей среде, некоторые слова и выражения компаньонов прочно вошли в рабочий жаргон. Хозяина предприятия во Франции и сейчас рабочие очень часто в своем кругу называют обезьяной.

²²⁶ *Bluche F. La vie quotidienne au temps de Louis XVI. P., 1980. P. 264—265.*

²²⁷ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille... P. 174.*

²²⁸ *Cavignac J. Le compagnonnage dans les luttes ouvrières au XVIII siècle. L'exemple de Bordeaux // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. 1968. T. CXXVI. 2 livr. P. 380.*

²²⁹ См.: Брюа Ж. История рабочего движения во Франции. М., 1953. С. 79.

²³⁰ *Histoire économique et sociale de la France. T. II. P. 678.*

²³¹ *Queniat J. Culture et société dans la France de l'ouest au 18-ème siècle. T. I. Lille, 1977. P. 249.*

²³² *Ibid. P. 251.*

²³³ О посещении парижскими рабочими театра итальянской комедии см.: *Lagrange H. Le théâtre et le public à Paris de 1715 à 1750. P., 1972. P. 242.*

²³⁴ О будущем генерале революции Гоше, служившем в юности конюхом, его дядя Мерльер писал: «Он жил у нас два года, и мы все время замечали, что частенько днем или ночью он читал больших авторов вроде Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и прочих...» (Цит. по: *Mornet D. Origines intellectuelles de la Révolution française (1715—1787). P., 1934. P. 428—429*).

²³⁵ Цит. по: *Mornet D. Op. cit. P. 426.*

²³⁶ *Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille... P. 104.*

237 Ibid. P. 174.

238 Цит. по: Babeau A. Les artisans et les domestiques d'autrefois. P., 886. P. 53.

239 Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville. T. VIII. P., 1865. P. 44.

240 Мерсье С.-Л. Картины Парижа. Вып. 1. М.—Л., 1935. С. 54.

241 Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille... P. 3.

242 Ibid. P. 81.

243 Queniat J. Op. cit. P. 233—234.

244 Histoire générale de la presse française. T. I. P. 171.

245 Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution Française. P., 990. P. 88.

246 Rocquain F. L'esprit révolutionnaire avant la révolution. 1715—789. P., 1878. P. 131. Равальяк — убийца короля Генриха IV.

247 Bluche F. Op. cit. P. 18.

Глава II

ОПЫТ УЧАСТИЯ В РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. ОТ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТОЛПЫ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Вплоть до 1789 г. официально признанная и освященная многолетней традицией концепция абсолютистского государства во всех своих принципиальных моментах оставалась неизменной со времен Людовика XIV. В то же время и сам монарх, и его монархия становились все менее абсолютными. Хотя во всех официальных документах и на всех официальных церемониях звучали те же формулы, что и 50, и 100 лет тому назад, их значение подверглось сильной эрозии в умах даже тех людей, что произносили и слушали эти формулы. Абсолютизм подразумевает определенное единомыслие всех подданных короля, Франция же конца старого порядка представляла собой общество раздробленное, идейно разобщенное; эта разобщенность многими ощущалась, но так как она не была политически, т.е. зримо, оформлена, то о ней особо не задумывались. Абсолютизм превратился в фикцию, жизнеспособность которой поддерживалась тем, что продолжал функционировать мощный бюрократический аппарат. Конечно, аппарат может некоторое время держать в узде усталое, апатичное общество, но, во-первых, французское общество конца XVIII в. было динамичным, полным энергии и сил, во-вторых, само государство разрушалось изнутри. И дело даже не столько в том, что многие интенданты, члены высших суверенных судов, министры исповедовали различные политические взгляды, а в том, что противоречия раздирали сознание каждого из них. Тюрго был одним из немногих отличавшихся цельностью мировоззрения, и его фиаско усугубило духовную сумятицу в головах бюрократов.

Никто из интендантов, членов государственного совета, магистратов не собирался упускать власть из своих рук, она уходила как бы сама собой. Когда рушатся духовные, психологические основы власти, в арсенале государства остается лишь насилие. Но насилие должно быть целенаправленным. Для того чтобы к нему прибегнуть, требуются жертвы, силы порядка и лидер, способный принять на себя груз тяжкой ответственности. Лидера не было. Людовик XVI постоянно колебался в больших делах и малых. Он поочередно поддерживал и предавал то одного министра-реформатора, то другого. Будучи слабым человеком, король интуитивно

хотел опереться на кого-либо сильнее себя, но ощущение чужой силы вызывало в нем протест. Уязвленное самолюбие оказывалось хорошим союзником для интриганов, постоянно действовавших при дворе.

Нарушая традицию и законы, король назначил мэром в Нанте удобного ему человека, но, натолкнувшись на сопротивление муниципалитета, отменил собственный приказ...¹ Ликвидированная с согласия короля реформа Тюрго о замене натуральной дорожной повинности денежными выплатами явочным порядком была все-таки осуществлена интендантами большинства провинций². Людовик XVI жаждал популярности, но добивался ее лишь уступками, а нет ничего опаснее подобной политики дискредитации собственной власти. Бюрократия, армия, полиция готовы были подчиняться монаршей воле, но именно воли у короля не было.

Один из придворных с горечью писал в дневнике зимой 1787 г.: «В Версале политические системы и идеи меняются каждый день. Никаких руководящих правил, никаких принципов. Солнце не освещает три дня подряд в Версале одних и тех же мнений. Полная неизвестность, вытекающая из слабости и неспособности»³. Приходилось самим самоопределяться — решать, по какому пути вести страну и государство.

Армию лихорадило. Помимо того, что ее никак не укрепили реформы Сен-Жермена, военного министра в 1775—1777 гг., упразднившего привилегированные королевские войска — черных и серых мушкетеров, сократившего личную охрану короля и швейцарскую гвардию, отменившего смертную казнь за дезертирство, в армию проникли новейшие веяния. В некоторых полках образовались даже масонские ложи.

Усиление налогового гнета не вело к улучшению финансового положения монархии. Дефицит бюджета, являвшийся хронической болезнью королевства на протяжении XVIII в., достиг в результате Американской войны катастрофических размеров. Дисбаланс финансов можно было преодолеть только с помощью экстраординарных мер. Но никто не решался к ним прибегнуть. Госзаймы следовали один за другим. В апреле 1783 — займ в 24 миллиона ливров в виде лотерии, выплаты по нему должны были начаться в 1784 и завершиться за восемь лет. В декабре 1783 — госзайм на сумму в 100 миллионов в виде создания новых пожизненных рент. В декабре 1784 — новый займ в 125 миллионов ливров в виде рент, которые должны были быть выкуплены государством на протяжении 25 лет. В декабре 1785 создание новых наследственных рент, что должно было дать государству 4 миллиона. В мае 1787 г. последовало создание пожизненных рент на сумму в 6 миллионов ливров. Наконец, в ноябре 1787 г. была предпринята попытка займа в 420 миллионов, выплаты по которому было намечено осуществлять на протяжении пяти лет... Огромный государственный долг привел королевство на грань банкротства. 16 августа 1788 г.

за исключением процентов по займам все выплаты по их возмещению были приостановлены⁴.

Дворянство в полном объеме получало с крестьян традиционные платежи (баналитеты, серваж, чинш и пр.), само же в значительной степени перестало являться «военным сословием», защищающим страну от внешнего врага. Военная служба для дворян уже не являлась ни юридической, ни даже моральной обязанностью. С другой стороны, хотя основная часть офицерского корпуса была укомплектована дворянами, слишком многие, в том числе и сами офицеры, рассматривали воинские посты как своеобразную синекуру; взгляд на военное дело как на каждодневный, пусть и особого рода, труд не имел во французской армии широкого распространения. Ко всему прочему многочисленные военные поражения Франции на протяжении XVIII в. подрывали престиж офицерства. Более чем посредственно защищая интересы страны, армия пожирала огромные средства. Большая часть военных расходов шла на жалованье 12 тыс. офицеров: в общей сложности они получали порядка 44 млн ливров, т.е. значительно больше, чем вся солдатская масса⁵.

Церковь также продолжала регулярно взимать с крестьянства десятину, самую тяжелую повинность, составлявшую от 4 до 11% дохода, в то же время в процентном отношении значительно сократился ее вклад в филантропические мероприятия, которые ранее осуществлялись почти исключительно ею⁶.

Цеховые организации, конституировавшиеся в средние века с целью поддержания хрупкого экономического равновесия на очень узких локальных рынках, позднее имевшие свой *raison d'être* в обеспечении качества продукции и тем самым сохранения ее конкурентоспособности в рамках общеевропейской торговли, теперь слишком этатизировались, застыли в своем экономическом и техническом развитии, запутались во внутренних противоречиях. Новые, а также наиболее динамичные старые отрасли промышленности развивались вне архаической системы корпораций.

Усиливалось недовольство народных масс. Колебания цен длительного порядка, связанные с положением на мировом рынке ценных металлов, в конце XVIII в. имели явную тенденцию стабилизироваться на восходящей кривой. Цены на основные съестные припасы по сравнению с периодом 1726—1741 гг. возросли на 65%, индекс заработной платы поднялся только на 22%⁷.

Лето 1788 г. было отмечено сильнейшей засухой. В июле посевы в таких зерновых провинциях, как Пикардия и Иль-де-Франс, пострадали к тому же от обильного града. Градом были побиты фруктовые сады и виноградники, в деревнях были разрушены даже некоторые постройки. Неурожай 1788 г. был усугублен зимними бедствиями, зима 1788/89 гг. выдалась чрезвычайно суровой. Вымерзло много виноградников, оливковых, ореховых и фруктовых деревьев⁸.

Климатические катастрофы вслед за тяжелыми последствиями для сельского хозяйства нанесли удар и по промышленности.

Безработица достигла невиданных ранее размеров. Уже с августа началось повышение цен на хлеб⁹. Покупательная способность рабочего населения городов падала. Обнищанию способствовал рост налогов.

Недовольство в стране приобретало всеобщий характер. «Опасные» идеи расцветали в аристократических салонах, дружеских кружках, литературных академиях, их стали высказывать открыто в публичных местах.

Английский путешественник, знаменитый агроном Артур Юнг, писал о настроениях в высшем парижском свете: «Преобладало единственное мнение, что все накануне какой-то великой перемены в правлении и все на это указывает, что в финансах сплошная неурядица и дефицит нельзя возместить, не созывая Генеральные Штаты Королевства, что нет ни одного министра, таланты которого давали бы надежду на что-то большее, нежели полумеры, что на престоле государь с великолепными душевными качествами, но не обладающий теми ресурсами ума, кои позволяли бы управлять в нынешние времена без помощи министров, что двор погряз в наслаждениях и развлечениях, что среди людей всякого звания идет великое брожение, каждый хочет каких-то перемен, но никто не знает: к чему стремиться и на что надеяться, что закваска свободы ежечасно усиливается, благодаря американской революции. Все сие образует сочетание обстоятельств, которое в скором времени обещает перерасти в потрясения, ежели не найдется умелой руки, возвышенного таланта и непоколебимой смелости, дабы стать у руля и управлять событиями, а не оставаться в полной от них зависимости»¹⁰.

Полицейские информаторы сбивались с ног. Крамола чудилась повсюду, соответственно, шпионить надо было тоже повсюду. Острые уверяли, что особый шпион приставлен даже к парижскому полицмейстеру, державшему в руках самую мощную в стране сеть осведомителей. Свои шпионы были у каждого министра. Их набирали без разбору из всех слоев общества: среди писателей, адвокатов, врачей, слуг, проституток...¹¹ «Источники» сообщали, но большого смысла в сообщениях уже не было. Государство вступило в иную полосу развития. Кризис, длившийся десятилетия, приближался к своему исходу.

Мощная бюрократическая машина французского королевства оказалась неспособной к самореформированию. Накопилось слишком много социальных, экономических, политических проблем; и глубоко заблуждался Жозеф Фуше, министр полиции при Наполеоне, самоуверенно утверждавший: «В 1789 г. корона погибла вследствие ничтожества своей политической полиции, те, кто ее возглавлял в ту пору, не сумели раскрыть заговоры, которые угрожали королевскому дому»¹². «Заговор» общества против государства не могла ни раскрыть, ни подавить никакая полиция в мире...

Самонадеянному молодому адвокату старшие коллеги устроили импровизированный экзамен, предложив произнести на латыни речь о моральном и политическом состоянии страны... Новичок не растерялся. На хорошей латыни он поведал о том, что как гражданин своей страны и член корпорации, призванной защищать частные и общественные интересы, он желает, чтобы правительство почувствовало серьезность ситуации и изыскало бы простые и естественные средства для ее преодоления. Он говорил, что настала пора жертв: дворянство и духовенство, владеющие основными богатствами Франции, должны показать пример. Он обвинил парламент в том, что тот ничего не делает для народа, в то время как горизонт застилают зловещие тучи, и он чувствует, что надвигается гигантская революция... Прервать неожиданную импровизацию не удалось. Молодые адвокаты желали дослушать оратора до конца, у старых не хватило сил навести порядок¹³. Но летом 1787 г., когда молодой Дантон держал речь перед своими коллегами-адвокатами, мощь государства казалась еще непоколебленной. Каждый человек, открыто проповедовавший крамольные мысли, понимал, чем и как он рискует. Еще сравнительно далеко было до той поры, когда отмалчивавшиеся и отсиживавшиеся рисковали в той же степени, что и люди на авансцене политических событий.

Полностью сохранялось политическое бесправие людей из народа. Ползучая либерализация режима в 1786—1787 гг. еще не зашла так далеко, чтоб стать ощутимой и для простонародья. Многие из облеченных властью могли в салонах рассуждать о народном суверенитете, а при случае добиваться расправы над непокорной чернью. Желали свободы для себя и для тех, кого считали себе равными, от обездоленных, бедных и необразованных требовали покорности и усердия. И в этом бюрократы, дворяне и предприниматели мало отличались друг от друга. Так, орлеанские мануфактуристы с возмущением писали властям о своих рабочих: «Подвляющее большинство этих рабочих не умеет ни читать, ни писать. Многие столь бедны, что муниципалитет не облагает их даже налогом. Живут за счет благотворительности и раздач хлеба в их приходе. И эти люди претендуют на участие в жизни общества!»¹⁴ Автор мемуара о лионских мануфактурах доказывал, что как только нужда перестанет заставлять рабочего брать работу по любой предлагаемой ему цене, как только его доходы превысят его потребности и он сумеет некоторое время существовать, не продавая свои руки, то рабочий употребит это время для организации заговора¹⁵. Мемуар был составлен по свежим следам многодневных волнений в Лионе, которые закончились казнью трех рабочих, среди них и вожака подмастерьев-шляпников Пьера Соважа.

Не все выступления простого люда приводили к столь трагическому исходу, да и нельзя сказать, что репрессии надолго парализовывали волю к дальнейшей борьбе. П.Соваж был повешен 12 августа 1786 г., а в сентябре полиция вновь арестовала двух лионских шляпников: одного за то, что являлся «секретарем своих

товарищей», другого за то, что он распространял листовки с призывом добиваться повышения платы за труд¹⁶. Но борьба с государственными институтами простым людям не осознавалась как политическая. Хотя в то же время идеи о народном суверенитете не оставались достоянием только аристократических салонов и библиотек состоятельных людей. Имена Руссо, Вольтера, Рейналя, Дидро были популярны среди городских бедняков, их бюсты выставлялись на ярмарках, их книги продавали лотошники. Священник прихода Святого Тимофея в Реймсе жаловался властям, что сотни рабочих взяли за обыкновение собираться в трапезной одного из монастырей, монахи ввиду мирного характера собраний не возражали, а работники, сетовал кюре, предаются обсуждению политических вопросов, самый грамотный из них ткач Жан-Батист Армонвиль зачитывал и комментировал сочинения Руссо, Мабли, других философов¹⁷. Люди смелели и начинали говорить то, что они действительно думают. Самые решительные становились лидерами в среде своих коллег, соседей, знакомых. Не знатность, а смелость и внутренняя свобода способствовали теперь возвышению.

Все же вплоть до 1789 г. ход политических событий лишь в небольшой степени зависел от подспудных процессов, происходивших в толще народных масс. Многие из отчаянных оппозиционеров тех лет были так смелы именно вследствие того, что сохранялась иллюзия полной политической пассивности простонародья.

Необходимость глубокой реформы государственных институтов, кардинального изменения самого механизма управления осознавалась не только философами, экономистами, радикальными фразерами из аристократических салонов... Об этой необходимости говорили и писали высшие бюрократы, люди компетентные и осторожные. Генеральный контролер финансов Калонн в августовском мемуаре 1786 г. следующим образом излагал свое критическое суждение: «Я хочу показать, что несогласованность, разнообразность, противоречивость различных частей государственного механизма исходят из единого принципа конституционной порочности, конституционные пороки изматывают силы государства, приводят в расстройство всю его организацию, и нельзя уничтожить ни один из этих пороков, не выступив против всего принципа в целом, — принципа, который их породил и который их увековечивает... Королевство, состоящее из провинций, подчиняющихся провинциальным штатам, из провинций, подчиняющихся центральному управлению, из провинций с особой провинциальной администрацией, из провинций со смешанной администрацией, королевство, в котором области чужды друг другу, в котором внутренние таможенные барьеры отделяют подданных друг от друга, королевство, в котором одни провинции почти полностью освобождены от налогов, в то время как другие несут всю их тяжесть, в котором наиболее богатый класс платит минимальные налоги, — в этом королевстве невозможно иметь стабильный поря-

док, невозможно иметь общую волю; неизбежно это королевство очень несовершенно, изобилует злоупотреблениями, им невозможно хорошо управлять»¹⁸.

Проведение реформы, как и осуществление революции, требует изменения давно сложившегося баланса сил. Требуется особая концентрация власти.

На изменение структуры власти королевское правительство не могло отважиться. Реформаторская смелость бюрократов так далеко не простиралась, решили искать ресурсы в самой системе. Опыт прошлых неудач (Тюрго, Неккера) доказывал — реформировать общество силами исключительно государственного аппарата невозможно. Обращаться к самому обществу страшно. Ограничились паллиативом, созвали нотаблей. В феврале 1787 г. по личным приглашениям короля в Версале собрались принцы, герцоги, маршалы, высшие магистраты, епископы, мэры крупнейших городов, делегаты провинциальных штатов. Всего 144 человека.

22 февраля король открыл заседания. Речь его была короткой и невнятной, его почти не слышали. Затем выступил генеральный контролер финансов Калонн, он говорил час с четвертью. Нотаблям предлагалось утвердить широкую программу реформ: ввести налог на доходы, отменить поземельную двадцатину и вместо нее учредить налог под названием «территориальная субсидия», который планировалось распространить на всех землевладельцев, включая духовенство. Распределением налога должен был заняться новый выборный орган — провинциальные ассамблеи. Калонн предлагал также унифицировать внутреннюю таможенную службу, упростить систему косвенных налогов, сократить размеры самого непопулярного из них, налога на соль.

Нотабли не оспаривали необходимости реформ, но вместо того, чтобы утвердить программу Калонна, они потребовали от правительства отчета о его финансовой деятельности, раскритиковали систему пенсий, раздававшихся двором, наконец выдвинули идею созыва Генеральных штатов. Прения продолжались, страсти кипели, ни к какому решению прийти не удавалось. Король отправил в отставку Калонна. Возглавивший финансовое ведомство ранее яростно критиковавший Калонна, но силой обстоятельств унаследовавший его политику, Ломени де Бриенн также попытался осуществить фискальную реформу, распространив поземельный налог на все сословия.

6 августа 1787 г. предложенная Бриенном реформа была законодательно оформлена королевским указом. Личное вмешательство короля (процедура «lit de justice») позволило преодолеть оппозицию магистратов парижского парламента, не желавших регистрировать закон, частично уничтожавший фискальные привилегии дворянского сословия. На следующий день парламент объявил указ незаконным. «Бунт» был наказан ссылкой членов парламента в Труа. Но действия парижской магистратуры были поддержаны судебной аристократией провинций. Ломени де Бриенн капитули-

ровал. Возвращение магистратов в Париж приветствовали толпы народа. В конфликте между королевской властью и судебной аристократией, дворянством мантии часть парижского плебса заняла антироялистскую позицию, часть (например, плебейское население Сент-Антуанского предместья) осталась безразличной¹⁹.

В народном сознании был воспроизведен тот поворот, который уже не раз осуществлялся на протяжении XVIII в. Обнищание, угроза голода, да и просто участвовавшие голодные дни обратили гнев и негодование людей не только на непосредственных, по их мнению, виновников: владельцев булочных, сборщиков налогов, местных богатеев, но и на высших представителей администрации, отчасти и на самого короля.

Резкое повышение цен на хлеб, основной продукт питания бедноты, в августе—сентябре 1788 г. привело к тому, что к постоянным участникам парижских беспорядков 1787 г. — судебным клеркам и ремесленному люду центральных районов — присоединились неимущие жители предместий, а также работники и торговки больших рынков Парижа. При подавлении беспорядков власти все чаще обращались к помощи воинских соединений, которые для рассеивания толп прибегали к силе оружия. Так, в ночь на 28 августа 1788 г. отряд гвардейцев открыл огонь по демонстрантам на Пляс де Грев. Голос голода сливался с голосом мщения за кровь убитых.

Прежние мерки и представления мирного времени теряли свою силу. Внутренние противоречия в народной среде — между мастерами и подмастерьями, между кузнецами и каретниками, между членами враждующих компаньонажей — оказывались захлестнутыми ненавистью к общему врагу. Деление на «мы» и «они» приобретало совершенно новые очертания, принимало национальный масштаб и обретало политическое звучание.

Массовое сознание с трудом усваивает абстракции: ему свойственно или мифологическое, или сугубо конкретное видение мира²⁰. В сознании парижских простолудинов четко отпечатывалось: «они» — кровопийцы, тираны и угнетатели. «Они» — это бывший генеральный контролер финансов Калонн, фаворитка королевы графиня де Полиньяк, хранитель печати Ламуанен, вся дворцовая камарилья и защищающие их драгуны, гвардейцы и «проклятые швейцарцы».

Чрезвычайно тяжелая зима 1788/89 г. еще более обострила народные бедствия. Неурожай 1788 г. усугубил продовольственное положение. В феврале 1789 г. буханка хлеба стоила 14 с половиной су; год тому назад ее цена не поднималась выше 9 су²¹.

Невозможность разрешения кризиса между королевской властью и высшими слоями дворянства мантии, представленными в парламентах, провинциальных штатах и собрании нотаблей 1787 г., ни путем компромисса, ни путем возобладания одной из сторон вызвала необходимость апелляции к голосу нации — созыва Генеральных штатов. Затянувшийся институциональный кон-

фликт, в основе которого лежал вопрос о путях и средствах преобразования страны, создал ситуацию, контроль над которой с катастрофической быстротой ускользал из рук властей предержащих. Король, его администрация и традиционная, можно сказать квазиконституционная, оппозиция вступали в область непредсказуемого. Никто не мог предвидеть, чем явятся созываемые Генеральные штаты, но каждая из сторон надеялась приобрести в их лице союзника.

Министры, члены парламентов, знатные дворяне, епископы боролись с упорством, но соблюдая все правила хорошего тона. Когда мятежное бретонское дворянство направило ко двору двенадцать своих делегатов (они должны были представить королю рескрипт с гневным обвинением министров), глава Королевского совета финансов Ломени де Бриенн их арестовал и отправил в Бастилию, но при этом приказал наилучшим образом меблировать специально приготовленные для бретонцев помещения, разрешил им свидания с родными и свободную переписку²². Масса состоятельных людей третьего сословия лишь со стороны наблюдала разворачивавшиеся в 1787 — первой половине 1788 г. события. Для участия в политике того времени приглашали. Незванным гостям не было места ни в парламентах, ни на ассамблеях нотаблей. Положение начало меняться после событий в Дофине.

В борьбе с королевской администрацией аристократическая оппозиция пыталась адресоваться к низам, не останавливалась и перед прямым разжиганием народных волнений. В Бретани ей удалось вызвать бунты в городах. В Дофине и Беарне мятежные настроения охватили и крестьянство. 7 июня 1788 г. в Гренобле в защиту парламента, члены которого получили приказ о высылке, поднялись городские ремесленники, носильщики, рыночные торговки; к ним присоединились крестьяне окрестных деревень. Хотя на улицы было выведено 2 пехотных полка, восстание победило. 14 июня в ратуше Гренобля состоялось собрание представителей всех трех сословий, которое потребовало созыва провинциальных штатов, в коих число представителей третьего сословия было бы равно числу представителей духовенства и дворянства, вместе взятых, и депутаты назначались бы путем свободных выборов. Вскоре новые, по сути, революционные штаты в Дофине собрались на свои заседания.

Непосредственным стимулом для пробуждения активности широких кругов третьего сословия послужил призыв Людовика XVI присылать правительству меморандумы, предложения, записки о принципах созыва и порядке проведения Генеральных штатов. 5 июля 1788 г., день обнародования постановления о созыве Генеральных штатов, — рубеж, с которого началась невиданная ранее пропагандистская кампания. Свобода печати знаменовала собой первый шаг на пути к получению гражданских прав образованными членами третьего сословия. Отныне любое политическое событие порождало самые разноречивые отклики в тысячах брошюр,

листовок, памфлетов. Люди объединялись для того, чтобы сформулировать коллективное мнение по тому или иному вопросу. Гражданское общество быстро революционизировалось.

Пристальное внимание в Париже и провинции вызвало королевское решение о проведении в декабре 1788 г. второй ассамблеи нотаблей, на которой они должны были высказать свои соображения о механизме выборов в Генеральные штаты. Озабоченные тем, что их интересы некому будет отстаивать, деловые люди в прошенных на высочайшее имя в верноподданической форме, но настойчиво просили о включении представителей торговых палат и консульских присутствий (выборных арбитражных судов по торговым и промышленным вопросам) в число депутатов. Торговцы и промышленники Монтобана выражали беспокойство, что на ассамблеях нотаблей третье сословие представляли только мэры крупных городов: мэры, чаще всего бывшие магистраты или военные, «вряд ли смогут удовлетворительно судить о проблемах торговли и политической экономии своих провинций», — писали они²³.

В конце февраля 1789 г. начались собрания по выборам депутатов в Генеральные штаты и по составлению наказов. Согласно королевскому регламенту, правом голоса обладал всякий француз, достигший 25 лет и внесенный в податные списки, так что подавляющее большинство мужского населения страны имело возможность принять участие в выборах.

Весть о созыве Генеральных штатов дошла до самых глухих деревушек Франции. Во всех селениях были расклеены афиши с указом Людовика, объявлявшего, что он нуждается в содействии своих подданных для выяснения истинного положения вещей в королевстве, для устранения злоупотреблений и финансовых трудностей. Воззвание короля к народу читалось священниками во всех церквях.

За исключением бездомных и бедняков, все крестьяне допускались на первичные собрания по выборам делегатов и составлению наказов. Правда, для третьего сословия были установлены многоступенчатые выборы со сложной системой отбора делегатов в Генеральные штаты. У дворян выборы были прямыми, у духовенства — для одной части прямыми, для другой — двухступенчатыми. Администрация на местах, не имея прямых указаний сверху, руководила выборами на свой страх и риск. Более или менее единодушно отсекали городских бедняков: рабочих, подмастерьев, поденщиков. Особенно жестко эта политика проводилась в Париже. Регламент, устанавливавший порядок выборов в столице, гласил, что из членов третьего сословия к участию в первичных собраниях допускались полноправные члены ремесленных цехов и торговых гильдий, лица, занимавшие государственную должность либо имевшие университетскую степень, а также все уплачивавшие подушную подать в размере не менее 6 ливров в год. Лишь в Марселе, Труа, Реймсе подмастерья нескольких профессий провели со-

брация, составили указы и избрали делегатов на ассамблеи второй ступени.

Не обошлось и без эксцессов. В Реймсе получили право собираться лишь плотники и кровельщики; ткачи, рабочие самой массовой в городе профессии, были лишены такой возможности. 11 и 12 марта в Реймсе произошел бунт. Толпа рабочих разгромила хлебный склад, несколько пивоварен, бакалейных лавок и харчевен, затем ворвалась в зал, где заседали выборщики. Бунтовщики возмущались, что рабочие не будут представлены в Генеральных штатах²⁴. В Руане, как сообщала анонимная брошюра, в дни заседаний выборщиков у городских ворот собралась толпа, которая одобрила список требований и пожеланий, выброшенных из официального сводного наказа третьего сословия Руана и округи.

В Париже устранение наемных работников из политической жизни страны породило лишь скромный отклик в нескольких брошюрах. Автор одной из них шевалье де Море считал недопустимым тот факт, что самый многочисленный, самый полезный и самый драгоценный для государства класс столичного населения лишен представительства в Генеральных штатах; авторы остальных брошюр ограничивались тем, что указывали на лишения рабочего люда и призывали короля, Неккера и Генеральные штаты их облегчить. Сказывалось то, что подавляющее большинство людей из народа и не помышляло о каких-либо политических средствах воздействия на государство. Как отмечал знаток народного быта, писатель Луи-Себастьян Мерсье, простой народ производил впечатление обособленной единицы, отдаленной от остальных сословий²⁶.

Для многих и из числа допущенных к выборам — Генеральные штаты, депутаты, сами выборы являлись тайной за семью печатями. Видимо, учитывая этот факт, составители королевских рескриптов не приглашали, а обязывали людей третьего сословия принимать участие в редактировании наказов и назначении депутатов. Тем не менее столь новое и неожиданное дело далеко не у всех вызывало энтузиазм: случалось, что на собрание деревни в 230 дворов приходили 8 человек, деревни в 260 дворов — 16 человек²⁷.

В то же время усиление политической нестабильности, постепенно образующийся вакуум власти мгновенно были замечены народными массами, и в первую очередь рабочим людом. Ослабление постоянного контроля и карающей силы репрессивного аппарата государства немедленно привело к активизации наиболее обездоленных жителей городов. Они не только поспешили выступить со своими экономическими требованиями, начался процесс их стремительной политизации. Казалось бы, прирожденный и естественный партикуляризм сознания широких масс стал уступать место пробуждающемуся интересу к судьбам страны и государства. Сам король актом созыва полубыбых Генеральных штатов признавал, что дела идут неладно во французском королевстве. И

многие работники начинали осознавать, что виной тому не скверный хозяин мастерской и не ремесленники с соседней улицы, а нечто более важное и существенное.

Страсти обуяли страну. Казалось, час расплаты настал. Народ не задумывался, грядет ли за 1789 г. тысячелетнее царство счастья и изобилия, но то, что тысячелетнему царству «старого порядка» приходит конец, чувствовали все.

23 марта разразился бунт в Тулоне. Толпы народа явились к зданию ратуши, требуя выдачи архивариуса и бывшего мэра города, которых считали виновными во введении нового тяжелого налога на хлеб. Чтобы уменьшить число бунтовщиков, администрация военно-морского арсенала немедленно вызвала всех своих рабочих на верфи. Но прекратить бунт таким образом не удалось. Народ разгромил дома ненавистных представителей власти и налоговую управу. Подвергли унижению епископа, а его карету на глазах всего города сбросили в море. В тот же день многие каменщики и каменотесы потребовали от подрядчиков пересмотра оплаты труда; из тюрьмы освободили сына одного рыбака, которого народная молва считала невинно пострадавшим.

Командующий гарнизоном граф де Коэнси не решился использовать войска для подавления бунта. Возмущенный этим главнокомандующий средиземноморской эскадрой граф д'Альбер с горечью вопрошал: «На что теперь не решится чернь городов, в которых нет гарнизона, когда она узнает о том, что произошло в Тулоне на глазах у четырех тысяч вооруженных людей?»²⁸ И «чернь», действительно, решалась на многое. В Безансоне 30 марта были разграблены булочные, разгромлены дома президента парламента Тальбера де Нанкрэя и советника Бургона. В Гапе народ осадил дом епископа, которого обвинял в продаже зерна за пределы провинции. Прелата освистали и едва не забили камнями²⁹. В Руане толпа уничтожила усовершенствованные прядильные станки, так называемые «большие дженни». Рабочие разбили «английские» машины также в Аржантане и Фалэзе³⁰. Мятежи и бунты прокатились по всей стране. По данным новейших исследований, за первую половину 1789 г. в городах и бургах Франции произошло 370 различных народных выступлений³¹.

Администрация на местах была в растерянности. Кто-то с упорством обреченных, удесятеренным насилием, отвечал на насилие бунтовщиков. Кто-то как на панацею от всех бед уповал на введение «свободной торговли».

В Париж шли отчаянные депеши. «Бретань — одна из провинций... заслуживающих наиболее серьезного внимания, потому что здесь к волнениям, которые потрясают все королевство, прибавляется лютая ненависть, царящая между тремя сословиями», писали в июне 1789 г. из Ренна³². Будто в других провинциях между сословиями царили мир и любовь!

В политических настроениях городского плебейства происходили стремительные изменения. Парижский парламент терял свою

популярность, заняв в споре о нормах представительства и порядке голосования сторону привилегированных сословий. Последние требовали, чтобы в Генеральных Штатах все три сословия имели равное количество депутатов (как в 1614 г.), а голосование шло посословно. Третье сословие добивалось для себя количества мест, равного сумме депутатских мандатов дворянства и духовенства, и индивидуального голосования.

Рождались новые формы политической организации. Это были клубы, в которые объединялись депутаты Генеральных штатов и лица их поддерживавшие. Таким был Бретонский клуб, в дальнейшем более известный под именем клуба якобинцев.

В разгар новой фазы политического кризиса разразилось так называемое «дело Ревельона». В конце апреля 1789 г. в Париже разнесся слух, что на собраниях избирателей мануфактуристы Ревельон и Анрио предложили сократить заработную плату рабочих и при этом Ревельон кощунственно заявлял: «Хватит 15 су в день, чтобы рабочему жирно прокормиться», «15 су — плата достаточная, а пшеничный хлеб слишком хорош для них. Их надо питать мукой из картофеля»³³. Несколько дней в плебейском Сент-Антуанском предместье ощущалось смутное брожение, а 27 апреля по направлению к Гревской площади из предместья направилась толпа рабочих. Во главе ее шел барабанщик, рядом с ним несли виселицу с чучелами Ревельона и Анрио. На Гревской площади, традиционном месте казней, чучела Ревельона и Анрио были сожжены, после чего толпа вернулась в Сент-Антуанское предместье, где полностью разгромила дом Анрио. Около дома Ревельона была выставлена охрана из 50 гвардейцев, и его не тронули.

На следующий день утром в предместье вновь собралась огромная толпа. Принятое в тот день постановление Парижского парламента, запрещавшее собираться на улицах Парижа большими группами, призывать к насильственному вторжению в частные дома, оскорблять граждан, не возымело никакого результата. Современник событий Демишель писал, что восставшие рассеялись по предместью и принуждали рабочих уходить из своих мастерских и присоединяться к ним, они также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, кто находился в предместье по своим делам³⁴. Были разграблены две булочные и одна колбасная. Забрав в булочных хлеб, повстанцы выносили и раздавали его женщинам, стоявшим в очереди.

Кульминацией восстания явилось овладение домом и мануфактурой Ревельона. Пятидесяти гвардейцам не удалось противостоять натиску. Вооруженная палками, камнями, поленьями толпа отбросила их от дома и полностью его разгромила, после чего направилась к мануфактуре, вход в которую был указан торговкой Мари-Жанной Трюмо. Эта женщина в самых сильных выражениях призывала народ к опустошению мануфактуры Ревельона. Она кричала: «Идемте, да здравствует третье сословие!» — и собственноручно

уничтожала рулоны обойной бумаги, обнаруженные на предприятии.

Когда по приказу герцога дю Шатле подошедшие войска открыли огонь по восставшим, те оказали сопротивление. С криками: «Свобода! Мы не отступим! Да здравствует третье сословие! Да здравствует король! Да здравствует Неккер!»³⁵ — народ на выстрелы гвардейцев ответил градом булыжников и обломков черепицы. Неравное сражение продолжалось более часа. К восьми вечера все закончилось. Восстание голодавших парижских работников, выступивших против угрозы дальнейшего ухудшения их судьбы, было подавлено.

Полиция и войска арестовали 35 человек. Из них четверо были приговорены к смертной казни: грузчик-посыльный Пур, кровельщик Жильбер, переписчик Мари и Мари-Жанна Трюмо³⁶, пятерых присудили к вечной каторге с предварительным покаянием, стоянием у позорного столба с клеймением. В полицейских бумагах сохранились данные о социальном положении 71 участника восстания (из числа арестованных, раненых и убитых): 58 человек — наемные работники (рабочие зеркальной мануфактуры, подмастерья самых различных профессий, грузчики), преимущественно проживавшие в Сент-Антуанском предместье и близлежащих приходах; среди остальных — скульптор, виноторговец, мастер-драпировщик и рыцарь Священной Римской империи³⁷.

На первый взгляд подавленный бунт парижского люда очень напоминал многие волнения XVIII в. Народ «брел в потемках», обрушившая свой гнев подчас на далеко не самого виновного из своих врагов. И все же это восстание, внешне достаточно типичное для «старого режима» и по символике, и ритуалу действий толпы (сожжение чучел, демонстрация с барабанщиком во главе), и по случайности жертв народной расправы, и по бурному всплеску стихийного насилия, и по жестокости его подавления, выявило важный сдвиг в массовом сознании парижских работников. Мастеровой люд понял, что во французском королевстве появилась новая политическая сила — «третье сословие» («tiers état»). Ни намерения, ни цели, ни даже облик ее еще не прояснились. Но униженные и оскорбленные почувствовали, что перемены к лучшему могут произойти именно благодаря этой силе. Король, Неккер и «третье сословие» — вот троица, которой поклонялся простой народ Франции весной 1789 г. Парижский парламент уже никто не вспоминал, он канул в политическое, а вскоре и фактическое небытие. Новая вера в «третье сословие» сливалась с традиционалистской верой партикуляристского сознания в доброго монарха, но она же несла в себе и скрытый заряд, призванный разрушить культ старого кумира. Схема многовековых колебаний народного сознания была нарушена. Простейшим и в то же время бесконечно разнообразным противопоставлениям: хороший монарх — плохой монарх, хороший монарх — плохие советники, Людовик XVI хороший — графиня Полиньяк и Калонн мерзавцы, Неккер — хо-

роший... — приходило на смену понимание того, что государственными делами призваны управлять не только король, его приближенные и министры, но и «tiers état», т.е. народ в лице своих представителей.

На основании имеющихся в нашем распоряжении скудных и разрозненных данных трудно восстановить более или менее полную картину народных представлений о «tiers état». Тем не менее можно предположить, что для одних «третье сословие» являлось некоей высшей и малопонятной силой. Для других оно олицетворялось в господах буржуа, которые соберутся в Версале и перед лицом короля и с его помощью будут отстаивать народные интересы. Так, во время «дела Ревельона» при встрече бунтовавших работников с двумя выборщиками третьего сословия раздались возгласы: «Да здравствуют выборщики! Пусть они защитят наши интересы перед королем!»³⁸ У третьих прослеживается понимание значимости сословного деления страны. Они подразделяли всех на сторонников и противников «tiers état». Давая показания по поводу восстания, сержант Форстер рассказывал, что группа вооруженных палками и саблями напала на него и его товарища, а переписчик Мари спросил их, относятся ли они к «третьему сословию»³⁹. Политическое сознание как специфическое видение общества в понятиях отношений власти и осмысленного подхода к различным институтам, являющимся ее носителями, у рабочего люда Франции весной 1789 г. еще только-только конституировалось, проходя свою первую, наиболее наивную стадию. Тем удивительнее выглядят некоторые документы того времени, в которых рабочие проявили исключительную политическую прозорливость.

Не составляя особой корпорации (этой привилегией обладали только мастера), рабочие-сапожники Марселя собрались 29 марта 1789 г., чтобы составить свой наказ и избрать делегатов на собрание представителей третьего сословия марсельского сенешальства. Марсельские сапожники не только выдвинули троих своих товарищей — Капелла, Сабурлена и Сюше — для участия в дальнейшей кампании по избранию делегатов в Генеральные штаты, но и предложили кандидата в созываемое высшее представительное учреждение страны. В первом пункте их наказа говорилось: «Пусть аббат Рейналь будет депутатом третьего сословия в Генеральных Штатах». Далее в соответствии с общим требованием третьего сословия предлагалось проводить голосование в Генеральных штатах «par tête, non par ordre» («индивидуально, а не посословно»); предусмотрительно отклонялось право veto для какого бы то ни было из сословий. В преамбуле же наказа фигурировали традиционные для весны 1789 г. восхваления и слова благодарности в адрес короля и Неккера, «восстановителя Франции»⁴⁰.

«Дело Ревельона» представляет интерес не только с той точки зрения, что в ходе его выявилась политическая переориентация парижских плебейских масс. Это восстание разразилось в обстановке революционной ситуации, когда процессы в массовом со-

знании уже подчинялись иным механизмам, не характерным для мирных периодов истории. В обычной обстановке после подавления бунта большинство его участников вернулось бы к своей привычно беспросветной жизни, лишний раз усвоив простую истину, что плетью обуха не перешибешь. Тайная радость от сознания, что хоть раз удалось подпустить богачам страху, горечь от понимания собственного бессилия, надежда на мщение — все эти чувства постепенно растворялись бы в потоке каждодневного труда и страданий. Память о восстании и обо всем, что связано с ним, если бы и сохранялась, то только в виде редких устных рассказов от поколения к поколению и фольклорных творений. Совершенно новому воплотился в массовом сознании опыт «дела Ревельона».

После апрельской расправы брожение среди мастерового люда Парижа отнюдь не затихло. Открывшиеся 4 мая заседания Генеральных штатов, слухи о конфликтах между сословиями, о готовящихся реформах, о смелых выступлениях Мирабо и других быстро завоевавших популярность лидеров «tiers état» говорили народу о том, что «дело» не закончилось, а только начинается. Но не малое «дело Ревельона», а большое, неведомое дело всей страны. Безмолвствовать и спокойно ждать решения своей судьбы парижский плебс не собирался. Но весомость его слову должна была обеспечить сила. Несложные размышления об опыте 27—28 апреля наводили на мысль, что эту силу может дать оружие. Именно с мая—июня 1789 г. вопрос о вооружении народа становится одним из важнейших вопросов надвигавшейся революции. «В народе говорят, что раз в них стреляют, они тоже раздобудут себе огнестрельное оружие», — рассказывал об услышанном на улицах Парижа один из современников⁴¹. В то же время в сознании народа по-прежнему хороший король противопоставлялся скверным советникам. Кто такие эти советники, всем было хорошо известно. Антипатия к «австрийской партии» (т.е. приближенным королевы) уже давно утвердилась. О растраживании государственной казны и дурном влиянии Марии-Антуанетты и ее окружения (графини Полиньяк и др.) на короля начали говорить чуть ли не с 1774 г., года восшествия на престол Людовика XVI. Только ранее в представлении простолюдинов действующими лицами национальной истории, занятыми на ролях «злых гениев», были единственно высшие аристократы, придворная камарилья. Все частные, повседневные конфликты со своими «аристократами» имели совершенно иной характер. Социальный антагонизм, разделявший страну в мирное время, был для простолюдина разорванным на две не связанные части: на локальный конфликт со своим личным угнетателем (или угнетателями) и на сформировавшуюся на основе слухов антипатию к той или иной группировке в сфере высокой политики. В ходе революции этот антагонизм обретал целостность и тем самым принимал политический характер.

Происходило трудное усвоение новых реалий общественного, т.е. собственного бытия. Весной 1789 г. многие французы как бы

заново открывали свою страну, обретали новых духовных вождей. С каждым днем усиливалось противостояние государства и гражданского общества. 5 мая это всеобщее и уже поэтому абстрактное противостояние обрело политическую плоть — на первое заседание собрались Генеральные штаты. 17 июня собрание представителей третьего сословия объявило себя Национальным собранием. Развитие гражданского общества достигло своего пика — родилась новая государственная форма. Двойственность государственной власти грозила взрывом. И он последовал...

Нервное возбуждение жителей столицы летом 1789 г. непрерывно возрастало. Город казался наэлектризованным. Неимущим и особенно женщинам из простонародья каждый день приходилось часами простаивать в очередях за хлебом. Можно сказать, что революционная толпа, которая на протяжении всей революции будет наводить страх на богачей и правительство, формировалась в 1789 г. у дверей булочных. «То, что происходило в Париже со снабжением хлебом, подтверждало зловещие предсказания Неккера, — писал по свежим следам событий один из первых историков революции. — Чем более приближалось 14 июля, тем более нависала над городом угроза голода. Огромные толпы окружали каждую булочную, хлеб распределяли с мелочной скрупулезностью. Людей все время мучил страх — будет ли хлеб на следующий день. Страх усиливался под влиянием скорбных возгласов тех, кто, простояв целый день в очереди, так ничего и не получил...» Там же, в очередях, не только накапливалась ненависть к виновникам голода — к богачам, скупщикам, мироедам, как говорили тогда, но и осуществлялось первичное политическое образование многих людей, первый раз в жизни обратившихся к «большим вопросам». У народа не было ни клубов, ни салонов. Политические новости люди узнавали в очередях, на работе, нередко у хозяина, или в дешевых кабачках и тавернах.

Работников и их семьи не меньше чем угроза голода волновали слухи о сосредоточивавшихся вокруг Парижа войсках. Наемные полки немцев и швейцарцев расположились в Сен-Дени, Сен-Клу, Севре и даже на Марсовом поле. Цель концентрации войск мало у кого вызвала сомнения. Говорили о готовящемся избиении всех патриотов и разграблении их домов⁴². О настроениях в Париже в начале июля бедный февдист и будущий руководитель «заговора равных» Гракх Бабеф писал жене: «Когда я сюда прибыл, только и было разговоров, что о заговоре, возглавленном г-ном графом д'Артуа и другими принцами. Они собирались ни более ни менее, как уничтожить большую часть парижского населения, а затем обратить в рабство всех, кто во всей Франции избежит истребления, отдав себя покорно в распоряжение дворян и безропотно протянув руки к уже приготовленным тиранами оковам»⁴³.

Противостояние двух сил становилось невыносимым. Неккер получил отставку 11 июля, а 12 июля утром весть об этом разнеслась по Парижу. Люди вышли на улицы. Наступала развязка.

В ту пору сад Пале-Рояля, дворца герцога Орлеанского, служил политическим центром Парижа. Туда быстрее всего приходили новости из Версаля, там выступали наиболее популярные среди парижан ораторы, там открыто обсуждали планы противодействия аристократам. Как только пришла весть об отставке Неккера, настроение людей в миг переменялось. Группы благодушно прогуливавшихся исчезли, на их месте шумела грозная толпа⁴⁴. Пале-Рояль был переполнен 12 июля как никогда. В речах выступавших лейтмотивом звучал призыв «К оружию!» Отчаянный журналист-республиканец Камилл Демулен поднялся на неизвестно откуда взявшийся стул и с этой импровизированной трибуны произнес речь, точно выразившую мысли большинства людей, сгрудившихся у решетки Пале-Рояля: «Граждане, нация требовала, чтобы Неккер оставался у нее на службе. Его прогнали! Можно ли оскорбить вас более наглым образом? После этого шага они могут решиться на все... и сегодня ночью, возможно, уже обдумывалась, уже подготавливалась варфоломеевская резня патриотов!.. Так к оружию же, граждане! К оружию!»⁴⁵

Мирные манифестации быстро перерастали в столкновения с войсками. Совместно с парижанами против наемников — немцев и швейцарцев выступили французские гвардейцы. В ночь с 12 на 13 июля народный гнев обрушился на давно ненавидимые таможенные заставы: 40 из 54 застав подверглись сожжению и разрушению. Контроль над въездом в Париж был ликвидирован. Люди и оружие могли поступать в столицу свободно. Продовольствие и вино не облагались более высокими ввозными пошлинами. Полиции удалось арестовать некоторых участников разгрома застав. Из 80 человек 45 оказались рабочими: каменщиками, ткачами, грузчиками-посыльными, безработными из сен-мартенских благотворительных мастерских, остальные — мелкие ремесленники, вино-торговцы, контрабандисты⁴⁶.

Утром 14 июля с часу на час, с минуты на минуту парижане ожидали движения королевских войск на город. Предваряя действительно вскоре начавшиеся планомерные, как на войне, перемещения войск, простолюдины бросились к Дому инвалидов. В его подвалах хранились большие запасы оружия. Охрана не оказала сопротивления, и народ захватил около 30 тыс. мушкетов, 5 пушек, множество сабель, пик и палашей. Но порох и пули были обнаружены в незначительном количестве. Боеприпасы следовало искать в Арсенале и Бастилии.

Находившиеся вблизи Дома инвалидов воинские части не выступили против революционной толпы: офицеры не были уверены в надежности своих подчиненных. Город переходил в руки восставших.

Толпы народа устремились к Арсеналу и к Бастилии, куда, как вскоре стало известно, из Арсенала были перевезены пушки и значительный запас пороха. Впрочем, у Бастилии еще с утра было многолюдно, а накануне с ее охраной даже завязалась небольшая перестрелка. К Бастилии стягивались люди не только в поисках оружия. Парижане инстинктивно ненавидели тюрьмы: Бисерт, Венсеннский замок, Бастилию. И дело было не в количестве заключенных, содержавшихся в казематах. Мрачный серый массив крепости, вздымавшийся посреди города, постоянно служил напоминанием о бесправии и бессилии личности перед мощью государства. Порыв к свободе, что охватил французов, невозможно было совместить с каждодневным созерцанием этого символа деспотизма.

Бастилия была взята штурмом, и этот акт сразу же обрел величайшее политическое значение. Разрушение символов подчас стоит уничтожения вражеской армии.

Всю ночь с 14 на 15 июля в Париже раздавался звук набата. Вооруженные патрули обходили город. Раздавались залпы артиллерии, славившие победу парижан и возвещавшие об их готовности к дальнейшей борьбе.

Борьбы не последовало. По всей стране прокатилась победоносная «муниципальная революция». В Париж 17 июля прибыл король. Он утвердил новые городские власти. Мэром Парижа стал член Учредительного собрания Байи, командующим только что созданной Национальной гвардии — маркиз Лафайет. Огромная толпа встречала Людовика XVI. Во время церемонии вручения королю ключей от города раздавались крики: «Да здравствует нация! Да здравствует король! Да здравствуют господа Байи, Лафайет, депутаты, выборщики!»⁴⁷ Крики ликования сливались со звуками музыки и праздничного салюта.

Психологическое состояние парижского люда в ближайшие дни после взятия Бастилии очень точно охарактеризовал П.А.Кропоткин: «Мы видим народ, с его пылким энтузиазмом, с его великодушием, с его готовностью погибнуть за торжество свободы, но вместе с тем — народ, ищущий руководителей, готовый подчиниться новым господам, водворяющимся в городской ратуше»⁴⁸.

Впрочем, ликование длилось недолго. Уже 21 июля на улицах и площадях Парижа вновь стали появляться скопления негодующего народа. Раздавались требования уменьшить цены на предметы первой необходимости. Перед членами недавно конституировавшегося муниципалитета предстала многолюдная делегация от Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий.

В наиболее бедственном положении находились безработные. Часть из них — порядка 16 тыс. человек — была занята в благотворительных мастерских, сосредоточенных в Париже, главным образом в районе Монмартра. Платили им по 20 су в день. На такую сумму прожить с семьей было просто невозможно. Рабочие разбредались по окрестностям Парижа и воровали фрукты и

овощи в ближайших садах и огородах. Около 120 монмартрских рабочих 31 июля были схвачены солдатами и доставлены в тюрьму, всех их обвиняли в краже плодов⁴⁹. На Монмартре 15—16 августа начались беспорядки в связи с тем, что на субботу и воскресенье работы были прекращены, и рабочие соответственно не получили оплаты. Раздавались угрозы поджечь ратушу. Но когда к месту волнений с небольшим отрядом прибыл Лафайет, «бунтовщики» вышли с цветами приветствовать генерала⁵⁰.

Начавшаяся эмиграция аристократов привела к сокращению производства предметов роскоши, дорогих туалетов, париков. Рабочие процветавших ранее отраслей стали страдать от недостатка заказов и безработицы. На Елисейских полях 18 августа собрались подмастерья тупейных мастеров (так в XVIII в. называли ремесленников, изготавливавших парики)⁵¹. Работники требовали прекращения с них поборов, которые производились должностными лицами цеха. Подоспевший отряд национальной гвардии после небольшой стычки разогнал толпу возмущенных подмастерьев, но их делегация все же прорвалась в ратушу. Вскоре затем состоялось совместное собрание мастеров и подмастерьев, в результате которого было достигнуто соглашение о прекращении незаконных и чрезмерных платежей⁵². Конфликт в цехе изготовителей париков был улажен, но воспоминание о потасовке с национальными гвардейцами вряд ли быстро изгладилось из памяти работников.

С национальной гвардией, которую частенько бросали на подавление беспорядков, у парижских рабочих складывались достаточно напряженные отношения. Враждебность к этой новой вооруженной силе время от времени прорывалась в поведении участников массовых выступлений или в высказываниях отдельных рабочих⁵³.

Помимо тупейных подмастерьев и безработных в августе волновались парижские портные, башмачники, слуги⁵⁴. Выдвигались требования повышения заработной платы, улучшения снабжения столицы хлебом. Цена на хлеб несколько понизилась, но его не хватало, и у булочных по-прежнему стояли огромные очереди.

Второго августа разъяренной толпой был убит помощник мэра маленького городка Сен-Дени, близ Парижа. Он имел неосторожность на людях сказать: «Не следовало бы продавать хлеб этим канальям по два соля за ливр»⁵⁵. Его загнали на колокольню приходской церкви, там закололи и у мертвого отрубили голову. Следствием были привлечены к ответственности 39 человек, среди них большинство (21 человек) составляли наемные рабочие⁵⁶.

В парижских очередях стали поругивать новые городские власти, иногда доставалось и «герою двух полушарий» маркизу Лафайету. На улице Ферронри арестовали кровельщика, который громогласно обвинял его в подготовке заговора с целью повышения цен на хлеб. «Это предатель, он готовит себе виселицу, и он ее получит», — говорил рабочий⁵⁷. Стояние в очередях выводило людей из себя. И все же в ту пору гнев простого люда: рабочих,

розничных торговцев, ремесленников, мелких служащих был в большей степени обращен не против новых властей, а против дворянства, духовенства, придворной партии. Характерную в этом отношении петицию направили Учредительному собранию (которое они по старинке называли Генеральными штатами) рыночные торговцы Парижа. Под их диктовку писарь Жосс писал: «Книготорговцы Пале-Рояля и прочие люди, торгующие мыслями, что поставляют нам бумагу для упаковки масла, прислали нам... телегу книг, писанных по белому или вроде того... Везде говорится о Генеральных Штатах и всяких других подобных же штуках. Мы хотели было разобратся во всем, что поют эти тарбарские писания, и тем самым быть в курсе спора. Но у нас нет времени, чтобы копаться во всех этих бумаженциях..., и мы послали за г-ном Жоссом... Это умный парень: читает как букварь, а счета наши ведет — сам Король лучше бы не смог... В общем этот достойный человек, разобравшись во всем бумажном муравейнике, нам объяснил, что судейские крючкотворы, финансисты, попы и краснопятые аристократы упорно хотят вывести из себя бедняков, которых они в насмешку зовут третьим сословием, и поставить их, как бывало, пинком под зад на место, они хотят обойти и обмануть тех, кто их кормит и одевает с головы до ног. Мы узнали также, что они дошли до того, что тысячами дьявольских уловок принудили короля сделать ложный шаг, и в том черном деле были поддержаны придворной блудницей, бонной детей Королевы... Кто эта львица растрат, худшая во всем королевстве? Конечно же, мадам Полиньяк...»⁵⁸

Чтобы спасти короля от зловредного влияния «австрийской партии» и всей придворной клики и одновременно заявить протест против хронической нехватки хлеба, 5 октября колонны парижан отправились в Версаль.

Измученные голодом, трудом, нищенским бытом, страхом перед местью аристократов в случае их победы, рабочие, бедные ремесленники, мелкие торговцы и, пожалуй, в еще большей степени их жены не могли больше терпеть. Восстание 14 июля в их повседневной жизни ничего не переменяло. Изменение политической ситуации не повлияло и не могло повлиять в столь короткий срок на экономическую жизнь страны. Но были заложены важные предпосылки для продолжения борьбы, отстаивания своих экономических интересов в рамках нового буржуазного порядка, для которого свободное противоборство различных экономических и политических сил является одним из основополагающих принципов. К дальнейшей борьбе звали и новые вожди из «патриотов». Марат, Демулен, Дантон, редактор популярной газеты «*Revolutions de Paris*» Лустало пропагандировали идею похода на Версаль. Король должен быть в Париже, на разные лады повторяла демократическая пресса в начале осени 1789 года.

Последний сигнал к выступлению дала сама контрреволюция. В Версале 1 и 3 октября были устроены празднества в честь роя-

листски настроенных офицеров Фландрского полка. Во время банкета в порыве верноподданнических чувств офицеры срывали трисцветные национальные кокарды и на их место прицепляли белые королевские. Особой враждебностью к революции отличался отряд королевских телохранителей.

Слухи о банкете взбудоражили парижский простой люд. Ранним утром 5 октября неизвестные лица ударили в набат⁵⁹. Приблизительно в это же время на одном из парижских рынков большая толпа женщин собралась вокруг маленькой девочки, которая громко стучала в барабан, висевший у нее на шее, и пронзительным голосом жаловалась на нехватку хлеба. Скопление народа, и особенно женщин, наблюдалось и в Сент-Антуанском предместье. Эти толпы объединились и двинулись к ратуше. Чины городской администрации оказались захваченными врасплох. Женщины с парижских рынков и из предместий ворвались в ратушу. Они требовали оружия и боеприпасов. Не получив желаемого, они отправились на Гревскую площадь. Там к ним присоединился Ст.Майар, один из героев штурма Бастилии, с отрядом «волонтеров Бастилии». И уже в этом составе пестрая колонна — рыночные торговки, жены работников и даже «женщины из общества» — двинулась в Версаль.

К вечеру, запыленные и усталые, они добрались до Версаля. Изумленным депутатам Национального собрания пришлось выслушать резкую петицию, зачитанную Майаром. Смысл ее сводился к двум требованиям: обеспечить снабжение столицы хлебом и наказать королевских телохранителей за оскорбление национальной кокарды. Депутаты один за другим уверяли проникших в зал бунтовщиков в том, что их требования будут выполнены.

Тем временем в Париже на Гревской площади собрался отряд национальной гвардии. Лафайет, выгадывая время, произносил длинные речи. Однако в конце концов он под давлением собственных подчиненных отдал приказ, и национальные гвардейцы отправились в Версаль. Прибыв на место, они прекратили столкновения между дворцовой охраной и парижским людом. Но ситуация продолжала оставаться взрывоопасной. Национальные гвардейцы, хотя и стремились избежать кровопролития, были настроены решительно: потеряв целый день, они не хотели возвращаться в Париж без короля. Работники же, особенно подмастерья-слесари, прямо говорили, что «если король не поедет в Париж, а все его телохранители не будут перебиты, то голову Лафайета придется вздернуть на пику»⁶⁰.

С целью утихомирить народные страсти король и королева в сопровождении Лафайета вышли на дворцовый балкон. Толпа восторженно приветствовала монарха, и в то же время из тысяч глоток единым дыханием вырвался крик: «В Париж!»

Спустя некоторое время по дороге из Версаля в Париж двигались королевские экипажи с эскортом из национальной гвардии и торжествующих парижанок.

Походом на Версаль, существенным образом повлиявшим на расстановку политических сил в стране, по существу заканчивается первый этап революционной активности парижского простонародья.

Революция шла полным ходом. Структуры и функции государства стремительно менялись, обретая логическую выверенность и поразительную степень рациональности. Уровень соответствия законодательной деятельности Национального (затем Учредительного) собрания интересам страны и по сей день кажется недостижимым. Контраст с двойственной, постоянно колеблющейся политической абсолютной монархии получался разительный.

В ходе революционных преобразований радикальнейшим образом решался конфликт между государственной властью и гражданским обществом. Механизм противоборства заменялся механизмом четкого взаимодействия, а в структурном плане — механизмом органического взаимопроникновения. Шло формирование нового правящего класса, нового не в плане принципиально иного по сравнению со «старым режимом» персонального состава, а в плане его духовной направленности и организационных форм.

Первичные собрания избирателей, муниципалитеты, дистрикты, департаментские власти, Национальное собрание — взаимосвязанные органы, составлявшие государство и его гражданскую основу, оказались вполне эффективными с точки зрения управления страной.

Дворянство с формально-юридической точки зрения также служило социальным наполнителем этой системы. По своему имущественному положению подавляющее большинство дворян обладали избирательными правами, могли входить (и входили) в муниципалитеты, законодательный корпус и другие органы новой власти. Казалось бы, овладев правилами новой политической игры, используя свое еще немалое экономическое могущество и влияние в таких государственных институтах, как армия, полиция, большинство министерств, дворянство могло вполне успешно отстаивать свои интересы. Но хотя попытки использования новых инструментов политического влияния и действия предпринимались, они не были особенно удачными. Маловлиятельными остались политические клубы, созданные роялистами. Известны созданный в конце 1789 «Клуб непредвзятых» («club des impartiaux») и Монархический клуб, открытый в конце 1790 года.

В целом дворянство сделало ставку не на интеграцию в новую политическую систему, а на реставрацию прежней абсолютистской. Главным инструментом реставрации, ее основной движущей силой должна была послужить королевская власть. Из потрясений первого года революции королевская власть по сравнению с другими политическими институтами «старого порядка» вышла с на-

меньшими потерями. Полномочия короля оставались чрезвычайно широкими: право приостанавливающего вето на срок двух легислатур, неограниченное право назначения министров, наконец, 25-миллионный гражданский лист.

Перед лицом столь мощной исполнительной власти, к тому же постоянно подталкиваемой дворянством к государственному перевороту, лидеры нового правящего класса чувствовали хрупкость создаваемой ими политической системы. Именно поэтому буржуа не могли добиваться полной нейтрализации народных масс, обеспечивших победу нового порядка 14 июля и закрепивших ее походом на Версаль 5—6 октября. Складывалась противоречивая ситуация: с одной стороны, нормальное буржуазное хозяйствование требовало на раннем этапе развития капитализма устранения народных масс с политической арены, с другой стороны, поддержка крестьянства и плебейских элементов города была совершенно необходима. Благодаря походу на Версаль, повлекшему за собой переезд королевской семьи и Учредительного собрания в Париж, перевес сил в пользу буржуазии обозначился довольно явно. Тут же значение поддержки парижского мелкого люда стало падать в глазах либералов-конституционалистов, ведущей политической силы в Учредительном собрании и в стране. Среди буржуа-патриотов высказывалось даже мнение, что общественную активность простолюдинов следует уже не направлять в нужное русло, а полностью прекратить. Следуя этой логике, уже к концу 1789 г. рабочих и массу мелких собственников вновь вытеснили из сферы большой политики. Под тем предлогом, что они не платят налогов, декретами октября—ноября 1789 г. их отстранили от участия в выборах во все местные и центральные органы власти⁶¹.

В то же время, исключив рабочих и прочих бедняков из «*peuple legal*», политические деятели буржуазии отнюдь не решили предоставить массу неимущих самим себе. По мысли не только демократов, но и либералов-конституционалистов, просвещение и политическое воспитание должны были в перспективе превратить простонародье из союзника спонтанного, малоуправляемого и потому опасного в дисциплинированную наемную армию буржуазии, беспрекословно исполняющую ее волю при решении как хозяйственных, так и политических проблем. Но в подходе к политическому воспитанию масс между либералами и демократами имелось существенное различие. Первым оно виделось как постепенный, очень длительный процесс, в котором либералы отводили себе роль пастырей-культуртрегеров, а «темным» массам — роль пассивных слушателей. Демократы больше полагались на обучение на практике, практика же, по их мысли, должна была не только обеспечить просвещение масс, но и привести самих демократов к власти. Для них политическая активность народа являлась одним из важнейших условий их собственного политического триумфа.

После событий 5—6 октября обстановка в Париже несколько разрядилась. С ноября улучшилось снабжение города хлебом. В то

же время укрепившиеся новые власти стали беспощадно расправляться со всеми попытками волнений. С одной стороны, репрессии, закон о военном положении вселили страх и неуверенность в недовольных; с другой стороны, во многих крепко сидела уверенность, что Учредительное собрание сделает все необходимое для всеобщего благоденствия.

Париж будто вновь обрел свой прежний, дореволюционный вид. Аристократы устраивали балы и приемы. По вечерам светились огнями театры. В квартале Сент-Оноре число роскошных экипажей если и убавилось, то не очень заметно. Парижские магазины поражали воображение обилием и разнообразием товаров. Приехавший в декабре 1789 г. из Бордо студент писал родителям: «Какая роскошь! Богатство, выставленное напоказ в бесчисленных лавках, ослепляет глаза, уставшие от созерцания всего этого великолепия!»

К весне 1790 г. персональный состав высших классов все еще почти не изменился. Эмиграция была незначительной. Правда, теперь в официальных бумагах дворяне назывались «буржуа», но, потеряв титулы, они сохранили имущество, а нередко и посты в администрации. Впоследствии, анализируя ход революции, не лишенная проницательности светская дама писала: «...После великих бурь наступали периоды спокойствия, и это более всего вводило нас в заблуждение. Если бы ужасные события развивались непрерывно, люди (имеются в виду дворяне-контрреволюционеры. — *Е.К.*) собрались бы с силами и, возможно, в конце концов даже победили бы, но так как, преодолев первые препятствия, поток замедлял свое течение, мы расслаблялись, питая надежду, что все закончилось, и... забывали принять необходимые меры предосторожности»⁶².

Власти, юридические порядки были новые, для рабочего же человека мало что изменилось.

Оттесненные в духовное гетто сугубо материальных интересов, рабочие, даже подавая робкие протесты против своего полного политического бесправия, подчеркивали свою абсолютную лояльность по отношению к Учредительному собранию и новым вождям нации. В петиции рабочих Сент-Антуанского предместья от 13 февраля 1790 г. униженно излагалась просьба даровать неимущим гражданам право голоса и одновременно обложить их прямым налогом в 35 ливров в год (уничтожив при этом косвенные налоги). Обращались они к законодателям не как равные к равным, не раз повторялись заверения, наподобие следующего: «Ваши законы для нас — оракулы самой мудрости» или «Если ваша мудрость сочтет нужным благоприятно отнестись к нашей просьбе, мы будем счастливы... Если произойдет обратное, законодатели, наше непоколебимое усердие будет лишь более активным и более гражданственным; вы всегда увидите в нас своих усерднейших защитников»⁶³. В другой петиции от 9 сентября 1790 г. рабочие Сент-Антуанского предместья заявляли о своей предан-

ности «собранию, Королю, всем гражданам и военным начальникам и особенно генералу Лафайету»⁶⁴.

Даже в августе 1789 г. многие провинциальные города Франции производили на посторонних наблюдателей впечатление сонного царства. Местная пресса оставалась малоинформативной. Английский агроном А.Юнг, посетив столицу Бурбонне Мулен, писал: «Здесь состояние отсталости, темноты, глупости и бедности Нации: в столице большой провинции, где находится резиденция интенданта, в тот момент, когда парламент голосует за революцию, не находится газеты, которая сообщила бы Народу, кто находится на троне Людовик XVI или уже Мирабо или Лафайет»⁶⁵.

И тем не менее в период с конца осени 1789 г. до лета 1791 г. революционный процесс вовсе не остановился для рабочего люда, хотя и замедлился.

В некоторых городах провинции рабочих допускали в национальную гвардию. Первоначально многие из них вошли в ее ряды по той простой причине, что дни, затраченные на патрулирование города, оплачивались как рабочие (во всяком случае, так обстояло дело в государственных военно-морских арсеналах). Ходить с ружьем по улицам, как им представлялось, было менее утомительно, чем стоять у станка или верстака. Но не только сугубо материальные мотивы привели работников в национальную гвардию. Многим казалось, что революция дала им шанс, наконец, вырваться из рутины повседневности, шагнуть в иную жизнь, и тогда вступление в национальную гвардию обретало уже политический, мировоззренческий смысл. Отсюда становится понятным, почему рабочие не только несли патрульную службу, но и с готовностью отправлялись впоследствии в опасные походы в Вандею и Бретань на подавление мятежей⁶⁶.

Среди неимущих постепенно выкристаллизовывалось политически активное меньшинство. Многие же простолюдины предпочитали не лезть в политику без особой надобности. В ту же Национальную гвардию далеко не все стремились записаться.

18 июня 1790 г. Учредительное собрание приняло закон, который исключал пассивных граждан из состава Национальной гвардии, наоборот, все активные объявлялись обязанными нести в ней службу, если желали сохранить свои гражданские права. Вскоре выяснилось, что для многих гражданские права не такая уж большая ценность. В Боже более 85% активных граждан из числа земледельцев не записались в Национальную гвардию, у ремесленников и торговцев таких оказалось 33%, у состоятельных буржуа — 27%. В Сомюре земледельцы были не столь индифферентны — лишь 25% добровольно расстались с гражданскими правами, среди ремесленников и лавочников 27% не записались в гвардию, среди буржуа — 21%, среди наемных рабочих — 52%⁶⁷. Даже в эпоху революции народ надо было приобщать к политике, объяснять ее смысл и значение.

С июля 1789 г. у многих рабочих, во всяком случае парижских, сложилось понимание возможности воздействия на политическую ситуацию с целью улучшения своего экономического положения. Несравнимой с эпохой «старого режима» была информированность рабочих. Помимо официальных и роялистских органов прессы, широкое распространение имела демократическая печать, которая не могла не доходить до рабочих. Безобидные альманахи, календари, песенники, попадавшие в руки даже самых бедных горожан, после 1789 г. в значительной своей части обрели политическое содержание. Авторы-демократы, а среди них были такие люди, как Колло д'Эрбуа, С.Марешаль, Ш.-Э.Руи, распространяли через эту народную литературу свои взгляды⁶⁸. Некоторые бедняки-интеллигенты гораздо более решительно, чем сами труженики физического труда выражали свое несогласие с лишением неимущих избирательных прав. Еще до принятия Конституции 3 сентября 1791 г. лионский художник по тканям Франсуа-Жозеф Л'Анж опубликовал брошюру, в которой, опираясь на положения Декларации прав человека и гражданина, писал о недопустимости разделения французской нации на активных и пассивных граждан, выделения в ее составе «эксклюзивного класса». Л'Анж выступал против того, чтобы особыми правами наделялись люди, исходя из денежного состояния, при этом критерии человеческих достоинств и талантов отбрасывались бы⁶⁹.

Особую роль в политическом воспитании плебейских масс Парижа играл «Клуб прав человека и гражданина», более известный под именем клуба Кордельеров. Чтобы являться его членом, достаточно было уплачивать 2 су в месяц, но на заседания допускались и вовсе неимущие, у которых не было возможности уплатить даже эту скромную сумму⁷⁰. В хартии Кордельеров, принятой 27 апреля 1790 г., говорилось, что согласно своей главной цели клуб должен выявлять злоупотребления властей, вскрывать различные нарушения прав человека и подвергать их суду общественного мнения⁷¹.

Весной 1790 г. в Париже возникло первое «братское общество» — объединение, еще более демократическое по своему составу, чем клуб Кордельеров. Его основал безвестный учитель пансиона К.Дансар, который стал собирать в библиотеке монастыря якобинцев (там же, где заседал и Якобинский клуб) «ремесленников и разносчиков фруктов и овощей своего квартала с их женами и детьми, чтобы читать и объяснять декреты Национального собрания»⁷². Лишь 21 ноября, на десятый месяц существования «братского общества», одна из парижских газет поместила о нем заметку. К тому времени были созданы еще два объединения подобного рода: «Общество друзей секции Библиотеки» и «Общество победителей Бастилии». К лету 1791 г. таких обществ в Париже насчитывалось уже более десяти⁷³; получили они распространение и в провинции⁷⁴. По подсчетам французских историков, в городах Франции к 1792 г. от 2 до 8% мужского населения было охвачено сетью этих демократических организаций⁷⁵.

В Париже в большинстве своем они следовали политической линии клуба Кордельеров. А именно на заседаниях этого клуба подвергались критике кумиры, приверженность которым интересам народа оказывалась под сомнением. Когда Лафайет подал в отставку с поста главнокомандующего Национальной гвардией Парижа, многие секции обратились к нему с петициями, умоляя остаться. Кордельеры осудили сервильный дух этих петиций, неразумное превозношение достоинств честолюбивого генерала. Они не простили другому лидеру либералов-конституционалистов Барнаву его выступления в защиту сохранения рабства в колониях. «Клуб прав человека» поддержал суровые филиппики Ж.П.Марата против О.Г.Р.Мирабо, обвинившего знаменитого трибуна в продажности и предательстве⁷⁶. Благодаря демократической прессе и «братским обществам» сказанное на заседаниях клуба Кордельеров расходилось по всему Парижу. Закрадывавшиеся в умы простолюдинов сомнения находили подтверждение и поддержку. Незыблемые еще недавно авторитеты подвергались эрозии. Путь оказывался свободным для дальнейшей радикализации сознания, для поиска новых лидеров.

«Братские общества» и клубы являлись не только центрами пропагандистской деятельности. Постепенно они все более обретали значение организующего начала народного движения. Те члены или даже лидеры обществ, которые хотели ограничиться политико-просветительской работой, оказывались вне их рядов. Так, К.Дансар в марте 1791 г. был вынужден выйти из организации, им самим созданной⁷⁷. Избавлялись демократические организации и от людей, в том числе неимущих, которые либо за деньги, либо в силу прочно укоренившихся иллюзий, либо просто мечтая о возвращении любой ценой общественного спокойствия поддерживали Лафайета и других «умеренных». Проводя большую чистку своих рядов в декабре 1790 г., «Общество победителей Бастилии» прямо объявило, что эта чистка направлена против тайных агентов Лафайета⁷⁸.

В мае 1791 г. под председательством редактора газеты «Mercure National» республиканца Ф.Робера был создан «Центральный комитет народных обществ». В середине июня ЦК обратился к Национальному собранию с адресом, в котором потребовал отменить деление граждан на «активных» и «пассивных», адрес подписали председатели 13 «братских обществ»⁷⁹.

В основе объединения людей в «народных обществах» лежали два принципа: территориальный и политический. В каждое общество входили преимущественно граждане одного квартала. Все члены общества придерживались приблизительно одних и тех же политических взглядов.

В ту пору политическими кумирами парижского простонародья, в том числе объединенного в «братских обществах», были Мирабо, Робеспьер и Марат. Характеризуя этот политический синкретизм народных масс, Ж.Жорес писал: «В своем революци-

онном сознании, более широком, чем все партии со всей их ненавистью, народ примирял все силы Революции: Мирабо, Робеспьера, Марата. Народные общества ставили бюст «неподкупного» Робеспьера рядом с бюстом Мирабо, обвиненного в продажности...»⁸⁰ Несмотря на относительную умеренность «народных обществ» либералы в Конституанте опасались их дальнейшего развития. Осенью 1791 г. была предпринята попытка серьезно ограничить их деятельность. По представлению Ле Шапелье Учредительное собрание постановило запретить клубам предпринимать коллективные политические действия. Но этот закон не исполнялся и в ту пору не мог исполняться⁸¹.

По своему социальному составу «братские общества» не являлись рабочими организациями, в них преобладали ремесленники, мелкие лавочники, бедные служащие, неимущие интеллигенты, рабочие составляли лишь более или менее значительное меньшинство. Можно предположить, что в 1790—1791 гг. из рабочей среды выделились активные элементы, которые все свои надежды на улучшение жизни связывали с дальнейшим развитием революции, но многие люди этой категории оказались столь вовлеченными в бурю политических страстей, что их собственные экономические интересы или забывались, или оттеснялись на второй план. Для революционеров из простонародья особенно была свойственна этическая позиция, которую можно обозначить как альтруистический индивидуализм.

После событий 5—6 октября 1789 г. вплоть до февраля 1791 г. Париж не знал вспышек массового негодования.

Изменение политического сознания плебейских элементов происходило без эксцессов, мирно и «разумно». И казалось, процесс этот затрагивал лишь сравнительно небольшую часть граждан. Так, молодой Н.М.Карамзин, путешествовавший в 1790 г. по Франции, писал: «Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует, все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре»⁸². Быт и сознание широких масс, казалось, очень мало изменились в начальный период революции. Монархические чувства французов оставались внешне неизменными, более того, Людовик XVI был даже популярен. С этим считался даже столь отважный человек, как Марат, не боявшийся выступать против самых различных «святых» и широко распространенных политических предрассудков. В феврале 1791 г., склоняя голову перед народным мнением, он писал о Людовике XVI: «По большому счету это именно тот король, что нам нужен. Мы должны благодарить небо за то, что оно нам его даровало»⁸³.

Борьба с королевской властью в 1790 — первой половине 1791 г. часто принимала завуалированные формы.

Нередко политический расчет, тонкий политический ход очень трудно отличить от искренних мнений и поступков людей. Вплоть

до весны 1791 г. демократы редко осмеливались открыто выступать против института королевской власти и лично против Людовика XVI: их борьба приняла форму своеобразной заботы о короле. К стремлению максимально ограничить (в том числе путем народной «заботы») свободу действий короля примешивалось искреннее беспокойство демократов, что король может быть похищен аристократами и его имя и он сам будут использованы в контрреволюционных целях. Зимой 1790/91 г. эти опасения уже широко разделялись парижским населением.

В феврале 1791 г. распространился слух, что главная башня Венсеннского замка соединена с Тюильри подземным ходом, который будет использован для похищения или побега (возникло уже и такое подозрение) короля⁸⁴. Рабочий люд Сент-Антуанского предместья стал упорно поговаривать о необходимости разрушить эту «проклятую башню».

Более тысячи рабочих под командованием офицера Национальной гвардии пивовара Сантера отправились 28 февраля в Венсенн. Но Лафайет с отрядом в 1200 человек воспрепятствовал разрушению донжона. В качестве главнокомандующего Национальной гвардии он подверг Сантера дисциплинарному наказанию; 64 участника похода на Венсенн были арестованы⁸⁵.

В назлектризованной атмосфере революции ощущение опасности охватило не только рабочих. В тот же день, 28 февраля, встревоженные слухами о готовящемся нападении патриотов на королевскую семью, в Тюильри явились 400 молодых дворян, вооруженных кинжалами. Лафайет, как последовательный либерал, подавив народное выступление, теперь обрушился на контрреволюционеров. Он заставил дворян сдать оружие и уничтожил его во дворе дворца. История с «рыцарями кинжала» еще более укрепила народные подозрения по поводу готовящегося бегства или похищения короля. Демократическая пресса, и прежде всего «L'Ami du peuple» Марата, не давала этим подозрениям рассеяться. Весной 1791 г. все меньше говорили об угрозе похищения короля и все больше — о его планах бегства.

18 апреля 1791 г. народ и национальные гвардейцы не выпустили из Парижа королевское семейство, собравшееся присутствовать на пасхальной мессе в Сен-Клу. Не помогли и уговоры Лафайета. Ему отвечали бранью и клялись, что не дадут королю уехать.

Помимо постоянно просачивавшихся новых сведений о действительно готовившемся бегстве королевского семейства, плебейство Парижа весной и в начале лета 1791 г. волновали нехватка звонкой монеты и развившаяся на этой почве спекуляция. Так, утром 3 июня 1791 г. несколько женщин и около 150 рабочих столпились на тротуаре улицы Вивьен, почти напротив пассажа Радзивил, где по вечерам большие деньги спускались в бириби, модную в то время азартную игру. Рабочие возмущались: их труд оплачивался ассигнатами⁸⁶, которые невозможно было реализо-

вать по номинальной стоимости. Потери составляли до четверти зарплаты. Проходимцы же из пассажа Радзивил загребали звонкую монету, а потом ее продавали несчастным, живущим честным трудом. Услышав эти жалобы, человек в серой с красным куртке и помятой шляпе предложил: «Так как муниципалитет и Национальная гвардия ни черта не делают, надо самим навести порядок, разнести воровскую лавочку, — с этими словами он поднял над головой трость. — И если за мной последуют, я готов встать во главе, выгнать всех мерзавцев и вздернуть их, если они вздумают сопротивляться». Какой-то кожевник возразил энергичному незнакомцу, что это неподходящий способ добиваться справедливости, лучше обратиться к законным властям и донести им на мошенников. Большая часть рабочих с ним согласилась⁸⁷.

В Пале-Рояле, продолжавшем в 1791 г. играть роль общественного центра Парижа, постоянно говорили о финансовых аферах и спекуляции на ассигнатах⁸⁸. Но более всего парижан беспокоил все-таки вопрос о готовящемся бегстве короля. Именно по этому поводу разгорались особенно жаркие споры. Иной раз дело доходило почти до потасовок. Одни утверждали, что все это чепуха, ложные слухи, король никуда не собирается уезжать. Другие им тут же отвечали, что так могут говорить только люди, купленные Лафайетом⁸⁹.

Хотя современники с достаточным основанием говорили про Людовика XVI, что он «обладал храбростью женщины в момент, когда она рожает»⁹⁰, и сколько-нибудь серьезное решение королю было принять всегда чрезвычайно трудно, 20 июня 1791 г. Людовик XVI все-таки решился на отчаянный поступок: он попытался тайно покинуть столицу королевства. Немного в истории найдется государственных деятелей, которые совершили бы шаг, столь же катастрофический для своего дела и для своей собственной судьбы.

Утром 21 июня три артиллерийских выстрела оповестили парижан о бегстве короля. Улицы вскоре оказались заполненными возбужденной толпой. В местах наибольшего скопления людей появились отряды Национальной гвардии. Демократические клубы, общества, секции заседали почти непрерывно⁹¹. В некоторых секциях начали раздавать оружие рабочим и зачислять их в Национальную гвардию. Пассивные граждане пытались и самовольно захватывать оружие⁹².

Те же парижские работники, которые совсем недавно, в марте 1791 г., выражали искреннее беспокойство по поводу здоровья приболевшего тогда короля, теперь отпускали в его адрес нелестные выражения. От былой популярности вмиг не осталось и следа. Вполне в унисон с настроением парижского плебейства 22 июня Марат писал в своей газете: «С двух точек зрения Людовик XVI недостоин вновь вступить на трон: он либо опасный идиот, который должен быть низложен, либо опасное чудовище, которое надо

задушить, если только хотят обеспечить общественную свободу и благо народа»⁹³.

Клуб Кордельеров на заседании 22 июня принял составленный Ф.Робером адрес к Учредительному собранию с требованием «либо провозгласить немедленно, что Франция больше уже не монархия, что она республика, либо по крайней мере подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по этому важному вопросу, прежде чем во второй раз ввергнуть прекраснейшее государство в оковы и цепи монархизма»⁹⁴. Создавшаяся обстановка впервые за время революции позволила Роберу и его единомышленникам перейти от абстрактной пропаганды на тему желательности и теоретической возможности республиканского строя во Франции к формулированию политической республиканской программы.

И все же, несмотря на недоверие лично к Людовику XVI в среде патристически настроенных простолюдинов, летом 1791 г. республиканцам не удалось добиться преобладающего влияния среди парижских рабочих и мелких собственников, этой мобильной массы великих дней революции. Демонстрация на Марсовом поле 17 июля 1791 г. закончилась трагически во многом потому, что сила была на стороне муниципальных властей. Лафайету, Байи, Национальной гвардии противостояло хотя и значительное, но все еще меньшинство активных участников революции (даже если принимать в расчет исключительно население Парижа).

В тот период большой отклик республиканские идеи нашли у безработных. Именно в июне 1791 г. Учредительное собрание приняло декрет о закрытии всех благотворительных мастерских. Лишенные каких-либо средств к существованию безработные пытались протестовать. Но Учредительное собрание осталось глухо к их просьбам и угрозам. Находившиеся в совершенно отчаянном положении люди были поддержаны только демократами из клуба Кордельеров. К.Демулен представил одну из петиций рабочих благотворительных мастерских в Учредительное собрание: другая петиция была составлена при содействии «Центрального общества искусств и ремесел» — организации, присоединившейся к клубу Кордельеров⁹⁵. Неслучайно поэтому во время демонстрации на Вандомской площади, в которой приняли участие многие безработные, раздавались республиканские выкрики⁹⁶.

Политическая программа Кордельеров встретила понимание и среди рабочих, не лишенных регулярного заработка. Сколь ни скромной и робкой являлась поддержка этим клубом экономической борьбы парижских работников, она была единственной, а потому очень заметной и значимой в глазах бастовавших рабочих⁹⁷. Внимание демократов к народным нуждам в значительной степени обусловило одобрение рабочим людом их политической программы.

Петиция, составленная клубом Кордельеров и возложенная 1 июля на «алтарь отечества» на Марсовом поле для сбора подпи-

сей, содержала в себе основные моменты этой программы. До того как для расправы с республиканской демонстрацией прибыла национальная гвардия, поставили свои подписи около 6 тыс. человек. Авторы-составители «Парламентской истории французской революции» Ф.Бюше и Р.-К.Ру свидетельствуют, что значительная часть подписей явно принадлежала малограмотным людям; множество крестов на ней оставили и вовсе неграмотные⁹⁸. И первая, и вторая категории лиц с наибольшей вероятностью относились к миру физического труда. Сохранившиеся отрывочные данные об убитых и арестованных на Марсовом поле также указывают на значительный процент рабочих в числе демонстрантов⁹⁹. Характерно, что кое-кому из арестованных демонстрация на Марсовом поле виделась как рабочее выступление. Один чистильщик обуви, описывая сопротивление, оказанное вооруженной силе, говорил исключительно о рабочих. Арестованный портной обвинял Национальную гвардию, что она стреляла по рабочим, как по птицам¹⁰⁰.

События на Марсовом поле еще долго служили предметом споров и столкновений. Даже во вполне приличном кафе говорили, что во всем происшедшем виноваты муниципалитет и командующий Национальной гвардией¹⁰¹. Простонародье вообще не стеснялось в выражениях, высказываясь о предательских «синих мундирах». В начале августа в предместье Сент-Антуан арестовали владельца кабачка за рассуждения на тему, какие скоты национальные гвардейцы, раз они слепо повинуются своим начальникам. Три месяца спустя в тюрьму посадили грузчика-посыльного приблизительно за такого же рода высказывания¹⁰².

Расстрел на Марсовом поле, с одной стороны, обнаружил, что перевес сил все еще сохранялся за либеральными монархистами, с другой стороны, он ускорил их крах как политической партии.

Лафайет и другие либералы-конституционалисты (фейяны) уже давно не пользовались особыми симпатиями у парижских рабочих и мелких собственников, теперь же, после расстрела безоружной демонстрации, их имена вызвали откровенную ненависть. Былое третье сословие оказалось расколотым не только по социально-экономическому, но и по политическому признаку.

Недовольство установленными властями с логической последовательностью подталкивало людей с большим вниманием относиться к политическим оппонентам Лафайета, Байи и их единомышленников. Увеличивалось число республиканцев, их пропаганда находила все более сочувственный отклик. Наряду с голосами известных сторонников республиканского строя: Робера, Демулена, Кондорсе — теперь раздавались голоса десятков их недавно обращенных последователей.

В первые годы революции у французов, и особенно парижан, быстро сложилась привычка высказывать вслух свое мнение по любому политическому вопросу. И вот летом и осенью 1791 г. на улицах Парижа, в садах Пале-Рояля и Тюильри, в парижских кафе

все чаще стали звучать республиканские речи. Власти были бес-
силны бороться с этой спонтанной и даже непреднамеренной
агитацией. Хроникер повседневной политической жизни газета
«Babillard» то и дело сообщала о случаях подобной агитации.

В Сент-Антуанском предместье расклеивались афиши, в кото-
рых неизвестный автор призывал народ повесить короля, королеву
и все их семейство. Полиции удалось арестовать расклейщика. Им
оказался юный ученик сапожника, которому поручил распростра-
нять листовки его хозяин. В одном из кафе республиканские идеи
стал развивать депутат колониального собрания острова Гаити, но
завсегдатаи на него зашикали, и он вынужден был ретировать-
ся¹⁰³. По-иному развивались дискуссии на улице, где нередко в
них вмешивались рабочие, обеспечивая перевес одной из сторон
не только своими логическими построениями, но и другими спо-
собами. Осенью 1791 г. явно обозначился переход значительной
части парижских рабочих на позиции республиканизма. В этом от-
ношении характерна сценка, описанная газетой «Babillard». Собы-
тия развернулись перед листовкой «Крик петуха», имевшей либе-
рально-монархическое содержание. Кто-то из «добропорядочных
граждан» отметил, что «петух» может уже не столь усердствовать,
защищая монархию, республиканцы более не смеют высываться.
Ему тут же возразил человек в круглой шляпе и с коротко под-
стриженными волосами: «Республиканизм в сердцах всех патрио-
тов, штыки принудили его скрыться, но это ненадолго. (В это
время к говорившим приблизилась большая группа рабочих.) Я от-
лично понимаю, почему активные граждане любят «петуха» и ко-
роля. Монархия защищает состояния и предохраняет от народных
выступлений. Но что за дело неимущим до правительства, которое
заботится лишь о сохранении собственности, для них его деятель-
ность бесполезна, а часто и опасна. Большинство людей отнюдь не
являются собственниками, но суверенитет осуществляет именно
большинство. Мы хотим правительства, которое поделило бы бо-
гатства между всеми людьми и на всех жителей страны в равной
степени возложило бы общественные обязанности. Подобное
может дать только Республика. Те, кто отстаивают монархию,
враги народа и равенства». Воодушевленный этими словами под-
росток протянул руку, чтобы сорвать афишу «Крик петуха», но ему
помешали, а на оратора даже кто-то замахнулся тростью. Респуб-
ликанца загородили рабочие. Случайно оказавшийся вблизи пат-
руль Национальной гвардии предотвратил столкновение¹⁰⁴.

На споры и раздумья о государственном устройстве Франции,
об экономическом положении, об отношении к королю осенью
1791 г. все больший отпечаток стало накладывать ощущение неиз-
бежности войны¹⁰⁵. Либералы-конституционалисты, сторонники
Фейянов обвиняли демократов, что именно их бунтовщические
взгляды вызывают опасения европейских дворов и принуждают
монархов начать превентивную войну, пока «революционная зара-
за» не перекинулась на их страны. Характерно в этом отношении

высказывание одного либерала, который прямо выводил угрозу войны из республиканской агитации в среде рабочих¹⁰⁶. Сами же рабочие ожидали войну со смешанным чувством гнева и страха.

Осень и первая половина зимы 1791/92 г. прошли спокойно. В народе по-прежнему жаловались на нехватку серебряной монеты, поругивали Национальную гвардию. Изменилось разве что отношение к войне. Военственную декларацию лидера жирондистов Бриссо, произнесенную 20 октября в Законодательном собрании, многие восприняли с энтузиазмом¹⁰⁷. Спекуляция на чувстве национальной гордости приносит подчас большие политические дивиденды, но в то же время это один из самых опасных видов спекуляции, ибо он прямым путем ведет к войне.

Осенью 1791 г. воинственные настроения начали охватывать все большие массы населения, особенно в городах. Угар веры в спасительную роль насилия начал распространяться по стране. Сильные личности из правящих классов помышляли об экономических выгодах, территориальных приобретениях, удовлетворении личных амбиций. Простые же люди, в том числе рабочие, думая о свободе своей Родины, о защите очага, в то же время хотели помочь бедным и обездоленным в других странах бороться против тиранов. Ни те, ни другие не догадывались, что от войны потеряют все. Среди политиков-демократов Робеспьер чуть ли не единственный считал, что интересы революции требуют не разжигания войны, а наоборот, приложения максимума усилий для ее избежания¹⁰⁸.

Впрочем, вспышка энтузиазма осенью 1791 г. длилась недолго. Повседневные заботы заставляли даже самых воинственных бедняков забывать о героическом ради нормального удовлетворения своих простых человеческих нужд. Экономические неурядицы могут долго действовать людям на психику, вызывать возмущенные разговоры, пересуды... год, два, десять, но в один прекрасный момент наступает предел терпению. И от слов народ переходит к делу. Французы редко бывали склонны терпеть экономический маразм годами. Продолжавшееся в течение 1791 г. падение стоимости ассигнатов привело к серьезному обесцениванию зарплаты многочисленных категорий наемных работников. Возраставшая эмиграция дворян и духовенства вызвала хронический кризис в ряде ремесленных профессий. Непосредственным толчком к народным выступлениям в январе 1792 г. послужили перебои в снабжении столицы сахаром и кофе¹⁰⁹, приведшие к резкому повышению цен на эти продукты.

В предместьях Сент-Антуан, Сен-Марсо, Сен-Дени, в секциях Гравилье и Бобур женщины из простонародья врывались в магазины, заставляли торговцев продавать товары по прежним низким ценам. Лишь отряды полиции и Национальной гвардии сумели защитить буржуа от «народной таксации».

20 апреля 1792 г. Франция объявила «войну королю Богемии и Венгрии» (эта формула подчеркивала, что Франция собирается

воевать с королевским домом Габсбургов, а не со Священной Римской империей). Французские войска вступили на территорию Бельгии. Патриоты ожидали побед французского оружия и восстаний бельгийцев, но бельгийцы не восстали, а французская армия вскоре начала отступление. Даже тем, кто не читал газету Марата и не слышал речей Робеспьера, приходили в голову мысли о том, что военная неудача является следствием измены. Давно утвердившееся в общественном сознании мнение, что королева Франции — глава ненавистной «австрийской партии», не требовало дополнительных доказательств. Но теперь и Людовик XVI не внушал доверия. Королевская власть становилась невыносимой, нельзя было вести войну, пока во главе государства стоял изменник.

Отступление французской армии поставило страну перед угрозой иностранной интервенции. Требовались срочные меры по укреплению государственной безопасности. Законодательное собрание под влиянием широкого общественного негодования приняло в конце мая — начале июня три декрета: о высылке неприсягнувших священников, о роспуске королевской гвардии и о создании под Парижем лагеря федератов из 20 тыс. человек. Король, уверенный в близкой победе интервентов, согласился только на роспуск своей гвардии и отказался утвердить остальные декреты. Он уволил 13 июня министров-патриотов, пользовавшихся народной поддержкой, и призвал к власти фейянов.

Зрелость гражданского сознания патриотически настроенных парижан в годы революции не раз проявлялась в том, с какой легкостью и какой мужественностью они переходили от разговоров к делу. Негодование поведением двора вскоре вылилось в идею провести 20 июня массовую демонстрацию с подачей петиции Законодательному собранию и королю. 16 июня к мэру Парижа Ж.Петиону обратилась группа граждан из секции Гобеленов с просьбой дать разрешение на эту демонстрацию. Петион, дороживший своей популярностью, не решился отказать¹¹⁰.

20 июня батальоны Национальной гвардии Сен-Марсельского и Сент-Антуанского предместий, подмастерья с пиками, лавочники, женщины, дети прошли по улицам Парижа и передали свою петицию депутатам Законодательного собрания. А вечером демонстранты оказались в королевских апартаментах. Королю пришлось выслушать достаточно энергично выраженные требования национальных гвардейцев и простолюдинов. Раздавались возгласы: «Долой право вето! Вернуть министров-патриотов!» Коронованную особу заперсто называли «толстым Луи»; время от времени демонстранты выкрикивали: «Дрожите тираны, вот санкюлоты!»¹¹¹.

Прямых последствий события 20 июня не имели, если не считать неслыханного до этого в истории Франции унижения королевской власти. Последние остатки сакральности, во всяком случае в глазах парижского «мелкого люда», этот институт утерять. Многие еще чисто по-человечески снисходительно относились к королю: зная о его тяжких преступлениях против нации, ему их не

то чтобы прощали, а как бы отпускали. Какой-никакой, а все-таки король. Но личностью высшего порядка его не признавал уже никто. Политически активные простолюдины, те, которых летом 1792 г. уже повсеместно стали называть санкюлотами, считали Людовика XVI тираном, клятвопреступником, человеком, виновным во многих бедствиях и поражениях Франции. И судьба короля во все большей степени начинала зависеть именно от воли санкюлотов, ибо на их стороне теперь была сила.

10 августа явилось конкретной реализацией этой силы, воплощенной в победоносном восстании и установлении нового органа власти — повстанческой Коммуны Парижа. Коммуна 10 августа представляла собой первый институт власти, не только непосредственно порожденный народным движением, но и сохранивший с ним органические связи после победы. В провинции в короткий срок огромное большинство представителей местных властей — департаментских советов и директорий — примкнуло к перевороту. И это присоединение в значительной степени было вполне искренним. Так о стремительной трансформации своих политических взглядов писал депутат Законодательного собрания, в недавнем прошлом монархист и консерватор Рабюссон-Ламот: «Наконец, мои глаза открылись; повязка спала и к моему великому изумлению я признал, что короли неисправимы и что клятвопреступление — одна из наиболее знакомых им вещей. Я поспешил присоединиться к тем, с которыми я до сих пор расходился, и от всей души поклялся умереть, если это понадобится для защиты свободы и равенства»¹¹².

Итак, восстание 10 августа 1792 г. победило. Начинался новый этап в развитии революции. «Десятое августа разделило Францию на две партии, из которых одна привязана к королевской власти, а другая хочет республики. Последняя, крайнюю малочисленность которой в государстве вы не можете скрыть от себя — единственная, на которую можно рассчитывать в борьбе»¹¹³. Так говорил в сентябре 1792 г. Дантон, и в своем предчувствии грядущей борьбы он не ошибся. Только в эпицентре этой борьбы оказалось противостояние двух течений в среде республиканцев. Глубочайший кризис в стране и война против коалиции требовали экстраординарных действий. Признать это у многих политиков не хватило интеллектуального мужества и прозорливости.

Якобинство как радикальное политическое течение, почти партия, возникло в 1792 г. Оно было порождено особыми обстоятельствами. Впоследствии в годы консульства Наполеон как-то сказал: «Были хорошие якобинцы, и было время, когда всякий человек со сколько-нибудь возвышенной душой должен был быть якобинцем; я сам им был, как и вы, как и тысячи других хороших людей»¹¹⁴. Якобинцы обеспечили исключительную концентрацию власти. Исполнительная власть являлась непосредственной эманацией власти законодательной, законодатели же на короткий период времени присвоили себе и функцию высшей судебной власти.

§ 2. САНКЮЛОТИЗМ: СОЮЗ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ И ВЛАСТИ

История народного движения в годы революции до сих пор сохранила в себе множество белых пятен, и, возможно, часть из них не удастся заполнить никогда. Слишком мало писали о своей жизни простые люди, и слишком немного из написанного сохранилось. Тем не менее основные вехи развития народного движения проследить все-таки можно.

Новый правопорядок, установившийся в 1789 г. благодаря восстанию парижского люда, уже в силу своего происхождения обеспечил некоторую степень легальности, если не для самого народного движения, то, во всяком случае, для его вождей. Народным вожакам правосудие теперь угрожало в гораздо меньшей степени, чем ранее. После победы июньского восстания 1789 г. некоторые из народных вожаков обрели даже официальный статус: герои взятия Бастилии Сантер, Майар, Юлен, Фурнье Американец стали офицерами Национальной гвардии. Все они и в последующие дни массовых выступлений нередко оказывались во главе народа. Майар и Фурнье Американец были в числе людей, возглавивших поход на Версаль 5—6 октября 1789 г.; Сантер повел рабочих Сент-Антуанского предместья в Венсенн в феврале 1791 г.; Майар и Фурнье сыграли активную, но, впрочем, более чем бесславную роль в сентябрьских (1792 г.) избиениях заключенных¹¹⁵.

Журналисты-демократы Марат, Демулен, Робер, Лустало, Эбер занимали особое положение по отношению к движению. Являясь политическими просветителями и руководителями народа, эти интеллигенты все же не возглавляли непосредственно революционные колонны в дни восстаний и массовых манифестаций. Они хотели быть с народом, но не смешиваться с ним. Сознание духовного превосходства над массой отличало их от Сантера, Юлена, Теруань де Мирекур и других вождей из числа «неизвестных», как их удачно окрестил П.А.Кропоткин, первым из исследователей обративший внимание на эту категорию деятелей революции.

Еще далее, чем журналисты-демократы, от народного движения отстояли такие политические деятели, как Робеспьер или Мирабо. Но они постоянно приковывали к себе взгляды простых людей. Робеспьер и Мирабо обращались к буржуа, к депутатам Национального собрания, к членам закрытого, привилегированного в первые годы революции Якобинского клуба, но их речи всегда были слышны и за стенами зала заседаний. Огромная народная аудитория впитывала их политические декларации, обсуждала, истолковывала на свой лад.

Такова структура народного движения и непосредственно к нему примыкавших политических сил в первый период революции. С 1789 г. до лета 1792 г. народное движение проделало огромный путь. Вместе со всей страной оно совершило скачок из полуфеодального мира старого порядка в мир четко сформулиро-

ванных норм буржуазной политики. Простолюдины, штурмовавшие Бастилию, боролись под лозунгами: «Да здравствует Король! Да здравствует третье сословие!» Вместе с бюстом Неккера они несли по улицам Парижа бюст принца Филиппа Орлеанского. Представление о расстановке политических сил было столь же смутно, сколь и сама расстановка. Аморфной аристократической партии противостояло не менее аморфное, правда, гораздо более действенное третье сословие; королевский двор еще не успел опомниться от долгой борьбы с аристократами и лишь начинал осознавать, что аристократы — его единственная реальная опора в стране. В хитросплетениях политики 1789 г. народ разбирался как бы на ощупь, почти инстинктивно. Сама сфера политики, эта специфическая сфера борьбы за власть, претерпевала кардинальное преобразование: на смену борьбе клик приходила открытая борьба партий.

В 1792 г. третье сословие было уже глубочайшим образом расколото. Облик основных политических партий достаточно прояснился. Народное движение республиканизировалось, и уже один этот факт знаменовал собой гигантский скачок в его политическом развитии. Устранение фигуры короля делало политическую сцену гораздо более ясной и понятной. Простолюдины поддерживали ту партию, которая в наибольшей степени выражала готовность идти навстречу их требованиям. Социальное, народное движение превращалось в непосредственно политическое движение. К лету 1792 г. произошло оформление движения санкюлотов как политического движения. Категория «политическое движение» указывает на то, что данная форма социальной активности направлена на изменение или решительную замену существующей власти в обществе. Наиболее политически активные элементы парижского плебейства стали ставить перед собой подобного рода цели лишь после Вареннского кризиса. Республиканская демонстрация на Марсовом поле явилась первым политическим актом нарождавшегося санкюлотского движения. Характерно, что сам термин «санкюлот» (и производные от него) получил широкое распространение лишь с середины 1791 г.¹¹⁶ Но в то время это слово имело ругательное, pejоративное значение. Использовали его преимущественно сторонники аристократов и либералов-конституционалистов. Именно в этом значении слово «санкюлот» встречалось на страницах газеты «*Babillard*» летом 1791 г. Во время процесса над Сантером (по делу о походе на Венсенн) в июне 1791 г. ряд журналистов-демократов и народных вожаков развернули кампанию в его защиту. Об одном из эпизодов этой кампании в газете сообщалось: «Валле, один из редакторов так называемого "Друга народа" Марата, призывал граждан (в саду Тюильри. — Л.К.) отправиться в четверг к зданию суда и принудить судей оправдать Сантера. Санкюлоты поддерживали Валле»¹¹⁷. Но революционно настроенные простолюдины, стоявшие на позициях республиканизма, в тот период еще санкюлотами себя не называли¹¹⁸.

По-видимому, во второй половине 1791 — первой половине 1792 г. произошел сдвиг в семантике слова «санкюлот». Pejоративное значение было потеснено, а затем и вытеснено значением почти сакральным. Революция имела свои святыни. Неуважительное высказывание в адрес нации, Конвента или тех же санкюлотов могло дорого стоить человеку¹¹⁹. С весны 1792 г. о санкюлотах с огромным пиететом стала писать демократическая пресса. Именно с той поры устами папаши Дюшена Эбер начал призывать: «За пики, отважные санкюлоты! Наточите получше их и выпустите дух из аристократов!»¹²⁰.

Народное движение обрело имя, был совершен один из первых шагов на пути к политической самоидентификации, к осознанию сущности нового исторического феномена. Но события слишком опережали процесс познания. Если обозначение новых явлений происходило почти синхронно с их рождением, то процесс их теоретического осмысления явно запаздывал. Образовывался разрыв. Ряд — слово, термин, понятие — не имел завершения. Звена «понятие» не доставало. Слово не успевало обрести соответствующее ему понятие, как теоретическое осмысление обозначаемого данным словом явления, в значительной степени теряло смысл, ибо само явление исчезало.

Так было и с явлением санкюлотизма. Что значит слово «санкюлот», в 1792—1794 гг. знали все, теоретически же истолковать этот феномен не мог никто, а к исходу 1795 г. его уже можно было не истолковывать; движение санкюлотов стало историей.

Человек начала второго тысячелетия без труда вычленяет сферу политики. Участникам же и очевидцам Великой французской буржуазной революции политика как специфическая сфера общественных отношений и особый тип человеческой деятельности представлялась еще довольно смутно. Существовал разрыв между практической деятельностью людей и ее осмыслением, их практическим и теоретическим разумом.

Специфика санкюлотизма как одного из важнейших элементов революционного процесса состоит в том, что он представлял собой массовое политическое движение, а современники, даже из числа политиков того времени, обращали внимание прежде всего на его социальную сущность.

Санкюлотами часто называли просто бедных людей как бы вне зависимости от характера их политических убеждений. На заседании Якобинского клуба 29 вандемьера II года Республики член Конвента Лапланш рассказывал о своей миссии в Жер: «Священники пользовались всеми удобствами в местах своего заключения, санкюлоты же спали в тюрьмах на соломе. Первые снабдили меня тюфяками для последних»¹²¹. По существу идентичны представлениям Лапланша о санкюлотах представления видного жирондиста, мэра Парижа в 1791—1792 гг. Ж.Петиона, который утверждал: «Когда говорят о санкюлотах, то имеют в виду не всех граждан, исключая дворян и аристократов, а лишь тех, кто ничего не имеет

в отличие от всей массы собственников»¹²². Человек совершенно иной ориентации, будущий глава «Заговора равных» Г.Бабеф также считал санкюлотами бедных, неимущих людей¹²³.

Встречались и более определенные социальные характеристики. Среди городского плебейства цветом санкюлотства Эбер считал рабочих¹²⁴.

Иногда санкюлотов определяли путем противопоставления их противникам. В одном из донесений Комитету общественной безопасности описывались две партии секции Брута: первая — «санкюлотского народа», а вторая — банкиров, биржевых маклеров, толстосумов. Некто Серван в адресе Национальному Конвенту противопоставлял «отважным санкюлотам», помимо дворянства и духовенства, прокуроров, адвокатов, нотариусов, крупных фермеров, эгоистов, богатых торговцев¹²⁵.

Социально-экономические отличия санкюлотов виделись современникам гораздо более ясно, чем их политическое своеобразие. Конечно, Лапланш, Эбер, Бабеф не могли не видеть политической стороны санкюлотизма. Патриотизм санкюлотов подразумевался всегда как нечто само собой разумеющееся. Казалось, что человек из народа не может не быть патриотом, сторонником революции. Но совершалась невольная передержка — патриотизм отождествлялся с санкюлотизмом. Получалось, что санкюлоты — это просто последовательные республиканцы из простонародья, и каких-либо идей, отличных от идей якобинцев, они не имеют. Более того, союзники из числа буржуазных политиков воспринимали в 1792 — первой половине 1793 г. специфические установки формировавшейся санкюлотской идеологии как чуждые духу народа, духу санкюлотизма. Якобинцам-робеспьеристам, как никакой другой политической группировке времен Великой революции, была свойственна иллюзия, что истинные нужды и стремления народа лучше всех (в том числе лучше самого народа) понимают именно они, якобинцы. Санкюлотов признавали в качестве особой социальной группы, но не особого политического и идеологического течения.

Единой и неделимой республике должна была соответствовать единая и неделимая нация.

Но как часто бывает, идеологические мифы навязывали одно видение мира, а реальность прорывалась сквозь них совсем в ином обличье. Часть людей из народа осталась в стороне от революционных событий, часть — поддержала контрреволюцию. Пассивный консерватизм 1789—1791 гг. обернулся в 1792—1793 гг. пожаром гражданской войны в Вандее, мятежами Лиона, Тулона, Марселя и многих других мест. Крестьяне, ремесленники, лавочники, рабочие оказывались на стороне не только федералистов-республиканцев, но и роялистов. Впрочем, политический характер крестьянским бунтам придавали чаще всего те люди, которые пытались использовать народные выступления. Сами же крестьяне подчас бунтовали в том числе вследствие своей аполитичности. В Бретани в

марте 1993 г. восстания начались в связи с декретом от 24 февраля о мобилизации в армию дополнительно 300 тыс. человек. Крестьяне не хотели идти умирать за непонятные им цели. Слова — Свобода, Равенство, Республика в ту пору не находили отклика в крестьянских душах. Депутаты в миссии Бийо-Варенн и Севестр объясняли бретонцам смысл политики Конвента с помощью гильотины, установленной для постоянного использования на площади д'Арм в Ренне. Тогда же было введено ускоренное судопроизводство, и 24 человека были гильотинированы¹²⁶.

Якобинцы были с народом, но со своим, санкюлотским народом. «Revolutions de Paris», газета, близкая по духу установкам Робеспьера, весной 1793 г. вводила определенное разграничение между народом и санкюлотами и даже более того: она выдвигала обвинения против «ложных санкюлотов». В одном из мартовских номеров 1793 г. на ее страницах говорилось о бедствиях Франции: «Кажется, все силы объединились, чтобы заставить народ отдаться первому же авантюристу, который захочет им овладеть. О дьявольское наваждение! Что? Неужели у нас будет... нет сил закончить фразу, написать это кощунственное, мерзкое, богопротивное слово! Нет! Этого не будет... Не так ли, отважные санкюлоты?... Вы совершили революцию, вы ее защитите и завершите, несмотря на все происки королей, министров, дворян, священников, богатых эгоистов, всяких ничтожных и нейтральных людишек, ложных санкюлотов, которые пытаются затесаться в ваши ряды, подражают вашим манерам, вашей одежде, и все ради того, чтобы лучше вас обмануть»¹²⁷. Верно подметив явление, журналист (возможно, это был Сильвен Марешаль, редактировавший в 1793 г. газету), дал ему неверное толкование: для него «ложные санкюлоты» — это имущие элементы, подделывающиеся под санкюлотов. Преодоления идеологического мифа не произошло. Представление, что санкюлоты — это истинный народ, народ, поддерживающий якобинцев, лишь обрело дополнительное подтверждение и разъяснение. Конечно, мифологизм сознания якобинцев был особого рода. Удержаться у власти и благополучно прожить многие годы, не расставаясь с излюбленными мифами, удастся лишь бюрократам времен народной спячки. Якобинцы обладали счастливой способностью обретать свои мифы и забывать о них в зависимости от ситуации. Бесстрашные практики революции, они не продержались бы у власти и дня, если бы в практических делах не оставляли в стороне даже самые дорогие их сердцу и уму мифы. Безжалостно подавляя роялистские и федералистские мятежи, они уничтожали врагов, не изнурая себя метафизическими изысканиями: кто из противников на самом деле санкюлот, но сбитый с пути истинного священниками и аристократами, и кто враг, неумолимый и прирожденный. К побежденному врагу они подходили так же трезво и реалистически. Неустрашимый сподвижник Робеспьера Кутон говорил о плененных вандейцах: «Я думаю, что ни к каким пагубным последствиям не приведет, если мы избавим от смер-

ной казни женщин, детей, стариков и всех тех из землепашцев и рабочих, которые среди разбойников не занимали никакого гражданского или военного поста»¹²⁸.

Сохранились данные о политических кадрах парижских секций II года Республики. Среди деятелей секций периода наивысшего подъема революции различались три категории. Первая — это комиссары гражданских комитетов, вторая — члены революционных комитетов, третья — санкюлоты-активисты, группировавшиеся с осени 1793 г. преимущественно в секционных обществах.

Гражданские комитеты секций были созданы в соответствии с муниципальным законом 21 мая — 27 июня 1790 г. и занимались в основном административными вопросами. Во II году Республики в их сферу деятельности входили прежде всего контроль за распределением продовольствия и оказание вспомоществования. Они следили также за исполнением ордонансов и постановлений муниципалитета. За свою работу комиссары гражданских комитетов долгое время не получали никакого вознаграждения. Лишь 6 флореаля II года Республики Конвент постановил выплачивать им три ливра в день¹²⁹. До этого декрета должность гражданского комиссара могли отправлять только люди, имевшие досуг и определенный достаток.

Из 343 комиссаров, числившихся по спискам II года Республики, 91 человек (26,2%) жили на доходы от своей собственности (это рантье, отошедшие от дел лавочники, ремесленники, лица свободных профессий), 252 человека (73,8%) часть своего времени отдавали административным обязанностям, часть — основной профессии (среди них ремесленников было 120 человек, лавочников, мелких торговцев — 81, лиц свободных профессий — 42, предпринимателей — 8 человек; наемных рабочих не было)¹³⁰.

Созданные по инициативе санкюлотов революционные комитеты (законы от 21 марта и 17 сентября 1793 г. лишь зафиксировали уже сложившееся положение вещей) занимались выдачей свидетельств о гражданской благонадежности, проверкой документов военных, подвергали последних аресту, если их документы оказывались не в порядке, следили за иностранцами, арестовывали граждан, не носивших национальной кокарды. Революционные комитеты имели более демократический состав, чем комитеты гражданские. Из 454 комиссаров II года Республики 206 человек (45,3%) были ремесленники, 84 (19,5%) — лавочники и торговцы, 55 (12,1%) — подмастерья, слуги, поденщики (из них 22 — рабочие), 52 (10,5%) — лица свободных профессий, 22 (4,8%) — служащие, 20 (4,6%) — рантье, люди, живущие на доходы от собственности, 13 человек (2,8%) — предприниматели¹³¹. Среди наиболее многочисленной социальной категории комиссаров, обозначенной в документах словом «ремесленник», встречались люди с определенным достатком, но чаще это были бедняки, зарабатывавшие хлеб насущный исключительно своим трудом. О члене революционного комитета в одной из секций Сент-Антуанского предместья

сапожнике Эмбле говорили: «Работающий человек... кормит семью трудом своих рук»¹³². Известно, что он проживал с женой и двумя маленькими детьми в небольшой комнатухе на шестом этаже дома на улице Дюваль. Другой комиссар, горшечник Денель, имея пятерых детей, снимал комнату всего за 60 ливров в год. Цена красноречиво говорит о качестве этого жилья. Члены революционных комитетов были не только беднее, но и моложе гражданских комиссаров. В Сент-Антуанском предместье 18 из 23 революционных комиссаров не достигли возраста 45 лет. Были среди них и совсем молодые люди. Сапожнику Эмбле, пользовавшемуся большим авторитетом в секции, в 1793 г. исполнилось только 22 года; чуть постарше были комиссары Буайе, Анрие, Ваконе¹³³.

Из политических кадров движения санкюлотов самым демократическим элементом, безусловно, являлись секционные активисты. Лучший знаток истории санкюлотов А.Собуль располагал данными о социальном статусе 514 активистов, подвергшихся репрессиям в III году Республики за свою «террористическую деятельность» в 1793—1794 гг. Ремесленники преобладали и в этой категории. Их было 214 человек (41,6%), торговцев — 81 (15,7%), рабочих — 64 (12,4%), слуг, приказчиков, посыльных — 40 (7,7%), служащих — 45 (8,7%), лиц свободных профессий — 35 (6,8%), разного рода рантье — всего 10 (1,9%), предпринимателей — 4 человека (0,7%)¹³⁴.

Но, определяя социальный облик участников движения санкюлотов, нельзя ограничиваться характеристикой его политических кадров. Движение имело не только своих офицеров и сержантов, но и массу рядовых. Комиссары и активисты секций отличались решительностью, энергией, развитым для того времени политическим сознанием, но их было немного. Серьезную силу они представляли благодаря тому, что за ними стояли сотни и тысячи простых людей. Эта мобильная, к сожалению, безымянная для истории масса состояла в значительной степени из рабочих.

Согласно различного рода подсчетам, в Париже конца XVIII в. проживало порядка 524—640 тыс. человек¹³⁵. Рабочее население составляло приблизительно половину: 250 972 человека, считая детей и жен рабочих¹³⁶. Именно из этой среды вышло большинство участников великих революционных дней: 14 июля и 5—6 октября 1789 г., 17 июля 1791 г., 20 июня и 10 августа 1792 г. В моменты наивысшего подъема движения санкюлотов: 31 мая — 2 июня и 4—5 сентября 1793 г., 12 жерминаля и 1—4 прерияля III года Республики (1 апреля и 20—23 мая 1795 г.) плебеи (рабочие и мелкие собственники) будут вновь составлять революционные колонны.

31 мая и 2 июня 1793 г. в отрядах Национальной гвардии и революционной милиции, окруживших Конвент, стояли люди, для которых потеря одного рабочего дня была очень ощутимой; и секции, чтобы возместить ущерб, понесенный бедными участниками восстания, обратились к революционной Коммуне Парижа с

просьбой оказать санкюлотам определенное вспомоществование. Особенно много нуждавшихся в такого рода помощи оказалось в секциях Сент-Антуанского предместья, а также в секциях Круа-Руж, Гравилье, Монмартр.

Согласно представленным спискам, секция Монтрей имела 2946 нуждавшихся; секция Кенз-Вен — 2039; Круа-Руж — 1458; Гравилье — 1458; Монмартр — 1438; Бон Консей — 1400; Инвалидов — 1358; Попенкур — 970¹³⁷. Эти цифры позволяют представить, какая сила принудила Конвент радикализироваться, исключить из своих рядов 29 депутатов-жирондистов¹³⁸.

Если о социальном статусе участников выступления 31 мая — 2 июня нет прямых данных, то социальный характер движения 4—5 сентября 1793 г. определен достаточно четко. Газеты «*Moniteur*», «*Journal de la Montagne*» и «*Republicain francais*» единодушно отмечали, что среди манифестантов в эти дни преобладали рабочие. Движение санкюлотов достигло 4—5 сентября пика своего влияния в Париже и во Франции. Конвент не только одобрил политические меры, принятия которых добивались санкюлоты, но и согласился в принципе на введение всеобщего максимума¹³⁹. Очень точно охарактеризовал сентябрьские события, их внутренний механизм А.Собуль: «Движение зародилось в самой гуще народа... вожаки секций и клубов придали ему направление и возглавили его... Это именно они, сильные поддержкой народных масс, увлекли за собой Коммуну, Якобинский клуб, Конвент и, наконец, Комитет общественного спасения»¹⁴⁰.

Переворот 9 термидора нанес тяжелый удар санкюлотскому движению. Была отстранена от власти политическая группировка, опиравшаяся на это движение, и хотя формально переворот не был направлен против организаций санкюлотов, неслучайно вскоре после гибели робеспьеристов последовали репрессии и против активистов секций¹⁴¹.

Ослабленное, отчасти дезориентированное движение санкюлотов тем не менее не сошло с политической сцены в 1794 г. Несмотря на преследования властей, организации санкюлотов продолжали действовать. Собирались секционные «народные общества», проводили агитацию демократические клубы. Особой популярностью пользовались «Общество республиканской добродетели» в секции Обсерватории и клуб на улице Вер-Буа, о котором говорили, что его посещают в основном «рабочие и другие малообразованные люди, которых легко увлечь на опасный путь»¹⁴². Весной, когда экономическое положение народных масс стало совершенно невыносимым, санкюлоты попытались перейти в контрнаступление. Одно за другим последовали восстания 12 жерминаля и 1—4 прериала.

В требованиях, выдвинутых инсургентами в жерминале и прериале, явно прослеживается преемственность с лозунгами санкюлотов II года Республики. Когда 12 жерминаля восставшие ворва-

лись в зал заседаний Конвента, на тулях шляп у многих из них были написаны слова: «Хлеба и Конституцию 1793 г.»

Изучение истории движения санкюлотов позволяет говорить об автономности этого движения по отношению к якобинцам, политической партии, в наибольшей степени опиравшейся именно на санкюлотов. Даже народные восстания 10 августа 1792 г. и 31 мая — 2 июня 1793 г., обеспечившие переход власти: первое — в руки жирондистов в блоке с якобинцами, второе — непосредственно в руки якобинцев, подготавливались и осуществлялись с согласия якобинцев, но без их реального практического руководства¹⁴³. Выступления же 4—5 сентября 1793 г. имели целью оказать давление на власть, т.е. на Коммуну, Конвент и комитеты — органы, находившиеся под контролем якобинцев. Наконец, в прериале и жерминале, в период нисходящего развития революции, инсургенты-санкюлоты действовали почти исключительно на свой страх и риск.

Автономность движения санкюлотов по отношению к якобинцам предполагала и определенную самостоятельность санкюлотской идеологии. Если не сбиваться на чрезвычайно расширенное толкование идеологии, не отождествлять ее по существу с мировоззрением, то следует признать, что вплоть до Великой буржуазной революции сколько-нибудь разработанной, приведенной в систему идеологии городское плебейство не имело.

Родившаяся в эпоху кризиса религиозного сознания, оказавшись неспособным аргументировать необходимость установления политического господства буржуазии, идеология как форма отражения действительности охватывает прежде всего сферу политико-правовых отношений. Смысл ее существования и смысл ее специфики — оправдание реализуемых или уже реализованных претензий той или иной социальной группы на власть. Идеология отнюдь не относится к элитарным, эзотерическим формам общественного сознания, в ней всегда заложена неистребимая страсть завоевания новых adeptов. Интерпретация ее редко является делом свободного творчества, гораздо чаще за правильностью интерпретации следит специальный аппарат, выступающий как одна из важнейших составных частей политического движения, партии или государства¹⁴⁴.

При изучении духовных предпосылок становления санкюлотской идеологии следует обратиться к дореволюционным событиям. Например, к «мучной войне» 1775 г.¹⁴⁵, когда отцы участников революции, а частично и сами будущие санкюлоты требовали установления твердых цен (максимума) на хлеб и муку. Идеи жесткого регулирования экономики, государственного или муниципального контроля над колебанием цен пронизывали многие выступления городского плебейства конца XVIII в. От этих идей рабочие, мелкие ремесленники, лавочники не отказались даже в период наибольшего упоения словом «свобода» в 1789—1791 гг. А в 1792 г. движения «таксаторов» развернулись уже в полную силу.

За идеями регулируемой экономики скрывалось отчаяние изголодавшегося люда городов Франции. Бедняки в таксации цен видели единственное средство сделать доступными для них простейшие предметы потребления.

Решительные требования справедливых цен на продукты питания раздавались в январе 1792 г. И это были не просто слова. Толпы народа врывались в лавочки и магазины, силой заставляя владельцев торговать по назначенным бунтовщиками ценам¹⁴⁶.

Одновременно осуществлялось и осмысление идей таксации, делались попытки доказать их органичность новому революционному порядку, т.е. закладывались основы санкюлотской идеологии. «Гнусные скупщики и подлые капиталисты нам заявляют, что конституция утвердила принцип свободы торговли. Так ли это?.. Не говорится ли в четвертом параграфе "Декларации прав человека": "Свобода допускает совершение любых деяний, кроме тех, что наносят ущерб другому человеку", — и не гласит ли параграф шесть: "Закон не вправе защищать действия, направленные во зло другому человеку..." А теперь мы вас спрашиваем, законодатели, наши представители, разве не причиняется зло теми, кто скупает продукты для того, чтобы потом перепродать их как можно дороже?»¹⁴⁷ Ссылками на «Декларацию прав человека и гражданина» будущие санкюлоты обосновывали свои экономические требования, из которых постепенно вырастала целая экономическая программа, которая явится составной частью их идеологии.

Хорошо известно, что экономические устремления мелкого люда даже наиболее демократично настроенные якобинцы¹⁴⁸ вплоть до весны 1793 г. считали ложными и незаконными. Только в конце апреля — начале мая 1793 г. якобинцы поддержали требования плебейства об изъятии из обращения звонкой монеты и введении максимума цен¹⁴⁹. А еще в феврале находившаяся под их влиянием Коммуна подавила попытку самочинного установления максимума¹⁵⁰. Экономические воззрения якобинцев менялись под воздействием санкюлотского движения. Правда, следует указать, что якобинцы, в отличие от жирондистов (которые, как известно, ввели первый максимум, но не добивались его осуществления), действительно, сумели осознать необходимость регулируемой экономики в условиях острейшего кризиса. Жирондисты, уступив на миг силе, остались в душе сторонниками фритреда.

Различия между якобинизмом и идеологией санкюлотов имелись и в области политико-правовых представлений. Одно из важнейших различий заключалось в отстаиваемых концепциях демократии: якобинцы являлись последовательными приверженцами норм парламентской демократии (лишь изредка и с опаской признавая нормы демократии прямой), санкюлоты — сторонниками прямого народоправства.

Что касается идей и практики прямой демократии времен революции, то их истоки следует искать не в античной древности и даже не в трудах Ж.-Ж.Руссо. Парижские простолюдины, толпами

стекавшиеся в Пале-Рояль летом 1789 г., вряд ли задумывались о том, как голосовали в Афинах или Спарте; немногие из них и слышали-то эти названия. Практика прямой демократии рождалась в крике, шуме, порой в потасовках. Обрушившийся на людей режим свободы слова позволял экспериментировать вволю. И люди творили, не задумываясь о формах, в которых воплощалось их политическое творчество. Был Пале-Рояль: его сады, галереи, беседки. Отсюда, накричавшись до хрипоты, простолюдины отправлялись к Бастилии и в Национальное собрание, в Якобинский клуб и за оружием к Арсеналу¹⁵¹. Шли добиваться осуществления принятых ими решений. Прямая демократия подразумевала и прямое действие. Таковую же роль, как Пале-Рояль, спорадически играли рынки и просто очереди у магазинов.

А.Собуль, характеризуя «прямую демократию», писал: «Для этой системы характерно, во-первых, лишение политических прав граждан, подозреваемых во враждебном отношении к революции, и удаление их из общих собраний секций с применением, в случае надобности, силы. Во-вторых, провозглашенное санкюлотами право контролировать деятельность их представителей и лишать их полномочий в случае потери ими доверия избирателей, весьма показательны некоторые приемы... открытая подача голосов, выборы без голосования — простым выражением общего одобрения: тайную баллотировку санкюлоты считали признаком гражданской неблагонадежности и аристократизма. Эту политическую систему санкюлоты намерены были применить не только в коммунальном, но и в общенациональном масштабе»¹⁵².

К идее, что народ должен сам решать свою судьбу, французские простолюдины пришли стихийно. В выступлениях 14 июля 1789 г., 5—6 октября того же года, а также в ходе других бесчисленных выступлений в городах и деревнях, они кардинальным образом меняли социальный и экономический облик своей страны. В теориях Руссо рабочий люд плохо или вообще не разбирался. Но сама действительность наталкивала теперь простых людей на мысли, которые ранее были впервые во Франции провозглашены великим философом. Действие во многом предшествовало теории. Такое часто случается в бурные периоды революции. Идеологию создавали массы, точнее, их безвестные таланты, авторы петиций, прошений, эфемерных брошюр; признанные интеллектуальные авторитеты шли впереди их на полшага, а подчас и тащились у них в хвосте. Действия совершались под влиянием чувств страха, голода, ненависти. Лишь впоследствии революционно настроенные мастера и подмастерья, лавочники и рабочие поняли, что так и должно быть, что именно они и должны определять: каким образом должна развиваться Франция, какой политический строй ей более всего подходит.

Часто получалось так, что массы уже ощущали тот или иной новый революционный принцип, являлись его сторонниками, оставалось кому-нибудь только произнести слово, и здание новой

идеологии надстраивалось еще на один этаж. Уже в 1789 г. мелкий люд осуществлял принцип народного суверенитета на практике, а в 1792 г. санкюлоты стали его выдвигать осознанно и с присущей им категоричностью. Секция Сите 3 ноября 1792 г. заявила, что «любого человека, который сочтет себя облеченным народным суверенитетом, будет рассматривать как тирана, узурпатора общественной свободы, достойного смерти»¹⁵³.

Принцип народного суверенитета признавали и отстаивали и якобинцы, но они его интерпретировали в духе парламентаризма; по их мнению, народ передавал суверенитет своим избранникам, которые и выступали в качестве наиболее истинных и достойных выразителей народных чаяний. Разговоры о неотчуждаемости народного суверенитета они воспринимали как замаскированную контрреволюцию.

Прямая демократия — вот механизм политической власти, казавшийся санкюлотам идеальным. В полной мере она осуществлялась в их организациях, секциях, народных и секционных обществах.

Санкюлоты понимали народный суверенитет буквально и однозначно: народом они считали самих себя и потому в любой момент могли возложить на себя обязанность законодательствовать, управлять и судить. Вот принципы прямой демократии, доведенные до абсолюта. О санкюлотах нельзя сказать, что они были наделены чувством собственного достоинства, они были наделены гораздо большим — чувством исторического достоинства. Они не произносили слово «история», в ту пору оно не было в ходу, но ощущение, что история осуществляется здесь, в Париже, и они ее главные творцы, их не покидало.

Максимализм политического мышления — источник силы и слабости одновременно. А подчас источник преступлений. Когда 31 июля 1792 г. общее собрание одной из парижских секций объявило, что оно возвращает себе свои права и не признает более Людовика XVI королем французов, — то был величайший порыв революционной энергии, увлекший за собой тысячи людей, и ни противодействие Законодательного собрания, ни сопротивление швейцарской гвардии не смогли предотвратить взрыв: 10 августа 1792 г. монархия во Франции была ликвидирована. И те же санкюлоты в составе «революционной армии» казнили виновных и невинных в Лионе, их руками представитель в миссии, член Конвента Каррье в Нанте топил баржи с заключенными, с их помощью Тальен, Баррас и Фрерон в Бордо и Провансе устраивали массовые казни. В сентябре 1792 г. народный суверенитет получил свое санкюлотское воплощение в расправе над содержащимися в парижских тюрьмах. Конечно, в самих убийствах 2—4 сентября 1792 г. участвовало незначительное количество санкюлотов, по-видимому, не более 300 человек, но каждую тюрьму в те дни окружали огромные толпы народа, одобрявшего эти избиения и

готового выступить против любого, попытавшегося бы их остановить.

Движение санкюлотов оказало огромное влияние на судьбу Франции 1792—1795 гг., и в то же время нельзя не отметить существенную слабость этого движения — неспособность самостоятельно довести политическое действие до конца. Движение не обладало сколько-нибудь стабильной организационной структурой. За короткий срок несколько раз менялись его политические кадры: рядовые движения санкюлотов оставались теми же, а «офицеры» и «унтер-офицеры», поднявшись на волне того или иного народного выступления, завоевав известность, спешили интегрироваться в более «респектабельные» политические структуры. Первое поколение руководителей народных масс, «неизвестные» 1789 г., сделав многое для создания санкюлотского движения, ушли из него именно тогда, когда это движение в 1792 г. политически осознало себя. Ни тайная, ни явная история 1793—1795 гг. не сохранили следов сколько-нибудь заметной деятельности Юлена, Майара, Теруань де Мирекур, Сент-Юрюга, Сантера, Фурнье Американца. Восстанием 10 августа руководили уже другие люди. В большинстве своем народные лидеры «второго поколения» опирались на поддержку «братских обществ». Назовем некоторых из них: гравер Сержан, президент «братского общества» с улицы Мондетур (секция Моконсей); публицист Тальен, президент и основатель «братского общества» Миним (секция Палас-Рояль); журналист Луве, активист «братского общества» Ломбард; приказчик Паш, основатель «братского общества изучающих Конституцию» (секция Тюильри); актер М.-Ж.Шенье, руководивший вместе с Колло д'Эрбуа «братским обществом» секции Библиотеки; публицист Ж.-П.Одуэн из «братского общества» Карм¹⁵⁴. Большинство этих людей мы обнаруживаем в составе Революционной Коммуны 10 августа, но далее их политические судьбы расходятся. Очень многие из них уже в 1793 г. потеряли связь с движением санкюлотов: одни, уйдя от него вверх, в ряды якобинцев, другие — в сторону, в политическое небытие. Народное выступление 31 мая — 2 июня 1793 г. имело других руководителей. Непосредственной организационной подготовкой восстания вновь занимались новые «неизвестные». В составе Комитета девяти, заседавшего в Епископстве, не было ни одного человека, пользовавшегося широкой известностью в первые годы революции. Комитет девяти включал одного из лидеров движения «бешеных» Варле, а также Гузмана, Бономме, Симона, Вендлига, Митуа, Лорена, Фурнаро, Лебурсье. Впоследствии к ним присоединились председатель секции Сите Добсан и участник (но, отметим, рядовой участник) штурма Тюильри Луа¹⁵⁵. Летом 1793 г. наиболее верными выразителями интересов санкюлотов, их непосредственными политическими руководителями оказались «бешеные»: Ж.Ру, Леклерк, Варле¹⁵⁶. Заметную роль начали играть революционные комиссары секций, которых особенно быстро постаралось поставить себе на службу яко-

бинское государство. Якобинцы предприняли попытки упорядочить деятельность организаций санкюлотов, одновременно полностью подчинив их своему влиянию. Эти попытки лишь усилили рознь между союзниками. Но сколь ни серьезными являлись противоречия между якобинцами и санкюлотами, движение санкюлотов вне союза с якобинцами оказалось нежизнеспособным. Политическая обреченность санкюлотизма очень быстро выявилась после термидорианского переворота. Окончательно он прекратил свое существование в 1795 г., с поражением восстания в прериале. Секции, прежний оплот санкюлотизма, послужили в вандемере базой для контрреволюционного, монархического выступления. Усталость и разочарование в политических преобразованиях, распространившиеся в среде французских рабочих в годы Директории, способствовали изживанию санкюлотских убеждений. Плохо сочетался санкюлотизм и с бонапартистской легендой, прочно и надолго утвердившейся в народном сознании в 1799—1814 годов.

Тем не менее политический опыт санкюлотизма отнюдь не исчез бесследно. Идеи народного суверенитета, права на восстание, чувство гражданского достоинства, эгалитаризм не были полностью выхолощены из народного сознания ни в годы военной диктатуры Наполеона Бонапарта, ни в период национального унижения и политического безвременья Реставрации. Хотя кодексу республиканской чести оставались верны очень немногие, но эти немногие могли послужить политическим и нравственным идеалом, центром притяжения для всех думающих, для всех недовольных в рабочей среде.

Революция 1830 г., республиканские восстания 1832, 1834, 1839 гг., наконец, революция 1848 г. доказали, что революционная традиция прочно вошла в политическую культуру Франции, и опыт санкюлотского движения был одним из ее существенных элементов. Трудно определить все пути сохранения и передачи этого опыта. Частично о нем знали благодаря устным рассказам стариков, частично благодаря книге Ф.Буонарроти о «заговоре равных», работам Э.Кабе, Р.Лаотьера, Л.Блана. Опыт санкюлотов в превращенном и преобразованном виде и в XIX в. продолжал питать революционное движение во Франции.

§ 3. РЕВОЛЮЦИЯ КАК СОБЫТИЕ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ

Десять лет Францию сотрясали преобразования экономических отношений, бунты, восстания, смены политических режимов; простые смертные, еще недавно никому не известные, получали огромную власть и тут же теряли ее вместе с собственной головой;

перекраивались административное деление страны и ее границы, менялись летосчисление, календарь и манера обращения людей друг к другу, отменялась и вновь восстанавливалась религия.

Казалось, Франция прервала естественный ход истории и устремилась в неизведанные дали, которые одним виделись как тысячелетнее царство всеобщего счастья, другим — как полный крах одной из самых цивилизованных и прекрасных стран мира.

Революция вошла в дом каждого француза. Рабочие не были исключением. Одни из них считали революцию своим кровным делом. Все надежды на личный успех, на личное счастье они возложили на конечное торжество принципов Свободы, Равенства, Братства. Люди этого типа штурмовали Бастилию, заседали в «народных обществах», обличали умеренных в санкюлотских секциях II года Республики, уходили волонтерами на войну против эмигрантов, вандейцев, федералистов, герцога Брауншвейгского, томились в тюрьмах после поражений в жерминале и прериале. Другие, поддерживая революцию всем сердцем, все же не отрывались от жизни своей общины, состоящей из таких же, как они, работников. Заседания секции эти люди предпочитали вечер в кабачке с товарищами по ремеслу. Третьи, мало что понимая в происшедших событиях, бунтовали и громили лавки торговцев продовольствием, когда голод становился невыносимым, а наказание не виделось столь уж неминуемым, ругали власти, не вдумываясь особо, чем Лафайет отличался от Ролана или Баррас от Робеспьера.

Если рабочих первой категории следовало искать в толпах демонстрантов, участников восстаний, на заседаниях революционных обществ, то принадлежавших ко второй и третьей категориям скорее можно было обнаружить среди стачечников и членов традиционных объединений.

В годы революции продолжалась деятельность компаньонажей и других архаических рабочих организаций подобного типа. На причалах Бордо по-прежнему полными хозяевами чувствовали себя члены ассоциации портовых грузчиков¹⁵⁷. В том же городе вплоть до установления якобинской диктатуры открыто заявляли о своих требованиях компаньонажи. Весной 1791 г. члены компаньонажа Девуар пытались заставить владельца гвоздильной мастерской уволить рабочих, не входивших в их организацию¹⁵⁸. Несколько дней спустя, после принятия Учредительным собранием закона Ле Шапелье, запрещавшего какие бы то ни было профессиональные объединения рабочих, а также хозяев, бордоские плотники как ни в чем не бывало обратились в муниципалитет за разрешением отпраздновать день Святого Петра, патрона их профессии. Разрешение было получено, единственно на этот раз торжественная процессия прошествовала по улицам города без отличительных знаков компаньонажа¹⁵⁹. Через год в другом крупнейшем портовом городе, Марселе, владельцы столярных мастерских жаловались властям на беспокойство, которое им причиняют подмастерья-

девораны, даже и не думавшие распускать свою организацию. Тогда муниципальные власти Марселя запретили столярным подмастерьям собираться в их особых кабачках¹⁶⁰. Вплоть до мая 1793 г. компаньоны-камнетесы Парижа вели книгу записей дел своего компаньонажа, в которую, в частности, заносились данные о штрафах, наложенных на провинившихся¹⁶¹.

Только в период якобинской диктатуры компаньонажи не решались открыто о себе заявлять. Мистические обряды, корпоративный дух, независимость компаньонов слишком не сочетались с политикой всеобщего обезличенного братства, проводившейся якобинцами и их союзниками-санкюлотами. Спустя лет тридцать после революции столяр, член компаньонажа, писал о времени революционного правительства: «В годы Республики для компаньонов словно открылся ящик Пандоры, они вынуждены были бежать из городов и скрываться, они собирались тайно, соблюдая строжайшие меры предосторожности, их переписка была приостановлена»¹⁶². Но уже в 1795 г. компаньоны воспрянули духом, возобновились их стачки и праздничные шествия¹⁶³. Настоящее же их возрождение началось только после краха I Империи.

Изменился ли дух компаньонажей, этих бастиионов партикуляризма, под влиянием революции? Есть предположения, что часть компаньонажей пыталась подстроиться под новые революционные порядки. Так, крупнейший знаток их истории Э.Корнерт высказал мнение, что «Братский союз плотников», организовавший стачку в Париже весной 1791 г., послужившую непосредственным поводом для принятия закона Ле Шапелье, представлял собой замаскированный компаньонаж¹⁶⁴. Другой известный историк, почетный хранитель музеев Франции Л.Бенуа, высказал предположение, что одно из основных объединений компаньонажей с характерным названием «Девуар де Либерте» («Девуар Свободы») было образовано в 1804 г. отколовшейся от «Девуара» частью компаньонов и группой подмастерьев-камнетесов, воспринявших в свое время идеи революции вплоть до отказа от католической веры¹⁶⁵. У нас нет точных сведений о существовании «Девуара де Либерте» в эпоху «старого порядка». Мнения историков по этому вопросу расходятся. Так, составленные по данным новейших исследований две таблицы, претендующие на исчерпывающую характеристику структуры французских компаньонажей XVIII—XIX вв., дают прямо противоположные указания. В таблице, составленной П.Барре и Ж.Гюрганом, вообще нет упоминания о существовании «Девуара де Либерте» в XVIII в.¹⁶⁶ (косвенное подтверждение предположения Л.Бенуа). Таблица Ж.Кавиньяка, наоборот, открывается «Девуаром де Либерте». Это объединение, по мнению историка, в XVIII в. уже включало в себя компаньонажи камнетесов-подмастерьев (прозвище — лу-волки); плотников (прозвище — ренары свободы, или индейцы); столяров и слесарей¹⁶⁷. Эта точка зрения подтверждается тем, что в полицейских донесениях XVIII в., известных нам по выдержкам из работ историков, не раз упомина-

ются гавоты¹⁶⁸. А в XIX в. гавотами называли как раз членов объединения «Девуар де Либерте», особенно столяров-подмастерьев. Правда, возможно, что гавоты (и название, и исторический феномен), имея более раннее происхождение, чем «Девуар де Либерте», слились с ним в единое целое как раз около 1804 г. Сам Бенуа утверждает, что первый раскол в среде компаньонов произошел во времена религиозных войн: тогда «Девуар» объединил рабочих-католиков, а их противники-кальвинисты получили название «гавоты», являвшееся общим прозвищем южан-протестантов¹⁶⁹.

Наибольшую сумятицу в вопрос о возникновении «Девуара де Либерте», а во многом и в вопрос о влиянии революции на подмастерьев-компаньонов как наиболее партикуляристски настроенных рабочих вносит утверждение Э.Корнерта о том, что в 20-е годы XIX в. раскол среди компаньонов усугублялся различием в политических воззрениях деворанов и гавотов. Якобы девораны (члены «Девуара») придерживались либеральных убеждений, а гавоты были ультрароялистами и сторонниками клерикалов¹⁷⁰. Эти сведения вызывают особенно большие сомнения, так как явно противоречат совершенно точному свидетельству члена объединения «Девуар де Либерте» А.Пердигье, который, описывая компаньонажи именно 20-х годов, никогда не вводил четкого их разграничения по политическому признаку и, наоборот, часто отмечал их политическую индифферентность (компаньонажи традиционно не вмешивались в политику; политическая ориентация, как и религиозная, представлялась делом личным).

Исходя не из отрывочных и крайне противоречивых данных о влиянии революции на компаньонажи, а из основанного на источниках общего представления об этих организациях в XIX в., отметим, что в целом архаические рабочие организации пережили революцию, не изменившись ни в чем существенном. Обычаи, ритуалы, неписанные уставы компаньонажей остались прежними. Изменились не организации, а люди, входившие в них. В основе своей партикуляристское сознание пережило революцию, империю, реставрацию, но в духовную жизнь даже самых традиционалистски настроенных рабочих вторгались новые ценности и новые представления. И хотя даже в разгар промышленной революции тип партикуляристского сознания легко вычленяется как одна из господствующих моделей рабочего сознания, у реальных индивидов эта модель все реже выступала в своем чистом виде. Принципы гражданского равенства, единства нации, политической и духовной свободы, вошедшие благодаря Великой буржуазной революции в общенациональную политическую культуру, предопределили как будущий кризис компаньонажей, так и постепенное исчезновение самого партикуляристского сознания.

Говоря о непосредственном влиянии революции на сознание рабочих, необходимо в большей степени обратиться к тем их слоям, которые находились вне традиционалистских организаций.

При самом первом приближении обращает на себя внимание двоякое воздействие революции на умы «свободных» рабочих. Ускорившаяся в революционное время девальвация традиционных ценностей сопровождалась становлением во многом антикапиталистического популистского сознания и одновременно утверждением буржуазных ценностей и целей в среде рабочего люда. Притом эти два, казалось бы, взаимоисключающих процесса нередко осуществлялись в сознании одного и того же индивидуума. Популистское сознание могло формироваться как система убеждений, ориентирующих личность на определенную деятельность по преобразованию общества, и в то же время просто как система видения мира, притом эта система оставалась довольно нейтральной по отношению к целеполаганию и повседневной деятельности человека. В первом случае рабочий становился санкюлотом, во втором — пытался накопить денег для обзаведения собственной мастерской или лавкой.

Широко распространившаяся в первый же год революции идея свободы в повседневности трансформировалась в представление о праве заниматься любым видом профессиональной деятельности, праве зарабатывать деньги как тебе хочется. Как это ни покажется странным, даже «Декларация прав человека и гражданина» стимулировала предпринимательские наклонности некоторых работников. Когда корпорация тупейных мастеров воспротивилась тому, чтобы один из их подмастерьев открыл собственную мастерскую без соблюдения установленных правил приобретения метризы, рабочий, защищаясь, сослался на «Декларацию прав человека и гражданина»¹⁷¹.

Хотя ни 1789, ни 1790 г. не принесли никаких законодательных актов, касавшихся судьбы корпораций¹⁷², многие подмастерья и вовсе посторонние тому или иному ремеслу люди быстро смекнули, что цехи доживают свои последние дни; тому свидетельство — жалобы в Национальное собрание на несоблюдение прав корпораций. Так, парижские «цеховые» мясники в своей петиции писали об ущербе, наносимом им лицами, которые, ссылаясь на режим свободы, незаконно занимались мясной торговлей и продавали мясо по более низким ценам, чем члены корпорации¹⁷³.

Правда, приобщение к свободе не имело характера единовременного акта; кое-кто воспринял режим свободы лишь как новое пожалование. Понимание сути экономического либерализма даже наиболее практически мыслящим работникам далось не сразу, потому и обращался, к примеру, подручный ювелира из местечка Бриньоль (деп. Вар) к Учредительному собранию с просьбой разрешить ему обосноваться в качестве самостоятельного мастера¹⁷⁴. В 1790 г. он мог открыть свою лавочку свободно, но привычка к испрашиванию дозволения брала свое.

Дух делового, а подчас и деляческого практицизма проник и в отношения между рабочими. Последовали выступления против компаньонжей.

В марте и мае 1790 г. в Учредительное собрание были поданы две петиции, в которых выдвигалась просьба строжайшим образом запретить компаньонаж «Девуар»¹⁷⁵. Вольные подмастерья, желавшие просто получать хорошие деньги, поддерживать по мере возможности сносные отношения с хозяином, сколачивать понемногу капитал для обзаведения собственным делом, не хотели подчиняться диктату уравнилельности компаньонажей, их непрерываемым правилам корпоративной солидарности. Людям, вкусившим от плода индивидуализма, нормы коллективной дисциплины казались совершенно невыносимыми. Революция открыла широкие перспективы перед деятельной личностью. Доступность общественно-политической карьеры и возможность возвышения через предпринимательство возросли несравненно.

Свобода и равенство находили свое воплощение одновременно в словах и деяниях санкюлотов, лучших из якобинцев и в буржуазном предпринимательстве. Швейцарец Верн посетил Париж в 1793—1794 гг., и именно об этом времени господства революционной морали он писал: «Несчастный провинциал, приехав сюда искать счастье и богатство, вступает в борьбу с изощреннейшим эгоизмом, отличающимся всеми возможными пороками, лишенным начисто способности к сочувствию, готовности помочь ближнему... и счастлив тот, кто после стольких трудов и борьбы, столь же долгой, сколь и бесполезной, против соперников более опытных и ловких или более мошенников, чем он сам, не вынужден будет вернуться на родину с разрушенным здоровьем и столь же испорченными нравами, как те, жертвой и игрушкой которых стал он сам»¹⁷⁶.

Трудно представить себе тот мир, в который вступал рабочий, решивший заняться предпринимательством. Мелкая коммерция, ремесло, грошовые аферы мало привлекали внимание современников-хроникеров, еще меньше — внимание историков. Лишь по случайным воспоминаниям можно судить о судьбах некоторых незадачливых предпринимателей из рабочих в годы революции. Кому-то из них улыбалось счастье, и они достигали достатка, другие (таких было больше) после ряда неудачных попыток возвращались к прежнему занятию, разочарованные, усталые, опустошенные. Но нас интересует не коммерческая сторона дела (успех или неуспех того или иного новоявленного предпринимателя), а то, как в этих попытках проявилось новое мировоззрение части рабочих, их вера не в провидение, не в традицию, а в собственные силы.

Молоденькая крестьянка, совсем еще девчонка, уехала из дома и устроилась прислугой в Крее (деп. Уаза), городишке, находившемся вблизи ее деревни. Но это ей показалось недостаточным, и из Крея она последовала в Париж. Там она поступила ученицей в белошвейную мастерскую. Отработав пару лет, юная Мари-Виктуар Моннар оставила хозяйку, сняла себе комнату в мансарде и перебралась туда со всем своим скарбом, который состоял из мат-

раба, подушки, четырех простыней и 13 франков денег. С таким капиталом Мари-Виктуар в свои неполные 16 лет пустилась в бизнес. Она изготовила из простыней салфетки, аккуратно подшила их и продала в комплекте с нанковым платьем и подушкой. На вырученные деньги приобрела 10 локтей ситца, которые тут же перепродала, выгадав при этом 8 франков... Вчерашняя работница почувствовала вкус к спекуляции. Впоследствии она вспоминала: «С самого начала мне ужасно везло в делах; я была счастлива и не променяла бы свое место на место величайшего властителя в мире. Постоянное падение ассигнатов позволяло сбывать какие угодно товары, надо было только предлагать, и все немедленно раскупалось. Я была как в горячке, зарабатывала в четыре раза больше, чем тратила, купалась если не в золоте, то в бумагах...»¹⁷⁷

Характерная деталь: в своих воспоминаниях Моннар не говорит, кому она продавала. Ее не интересовали люди, перед ней мелькали только покупатели. Полудетским разумом ей удалось ухватить суть момента, суть конъюнктуры, и она преуспела.

Иная судьба в годы революции постигла отца известной сенсимонистки Сюзанны Вуалькен. Мать Сюзанны рассказывала ей про отца: «Мой дорогой Раймон всегда был аккуратным, терпеливым работником, думал только о благополучии своих детей, его честолюбие не простиралось далее желания избавиться от ненадежного положения наемного рабочего, но он был слишком доверчив и, пожалуй, недостаточно образован для того, чтобы преуспеть в делах»¹⁷⁸. Раймон Вуалькен, подобно маленькой Моннар, попытался добиться хозяйственной самостоятельности, используя ситуацию инфляции. Он купил небольшое предприятие по выпуску шляп, нанял нескольких рабочих и взялся за дело. Добиваясь расширения сбыта, он посещал ярмарки в Гибре, Кане, Бокере. То, что ему не удавалось продать, он оставлял на хранение у розничных торговцев. Постепенно количество нереализованной продукции накапливалось. Вуалькен вынужден был брать со своих контрагентов долговые расписки. Но часто на основании этих бумаг ему не удавалось вытребовать причитавшихся ему денег. В итоге он сам вынужден был прибегнуть к займам. Запутавшись в кредитных операциях, при первой же заминке в делах Вуалькен разорился: распродал по бросовым ценам свои товары, затем расстался и с самой фабрикой. Сломленный этим ударом, он тяжело заболел¹⁷⁹. Стремление выбиться в люди закончилось полным крахом. Порядочность в духе добрых старых времен мало помогала в делах, в которых поведение человека должно было подчиняться единственной цели и единственному правилу — извлечению выгоды любой ценой.

Конечно, и в прежние времена ученики мечтали стать подмастерьями, а подмастерья мастерами, но само это возвышение мыслилось как естественный ход развития жизни. Переход с одной ступеньки ремесленной иерархии на другую также связывался с действиями, не требовавшими от человека ни нарушения традици-

онных нравственных норм, ни насилия над собственной личностью для совершения поступков, которые самому индивидууму еще совсем недавно виделись как совершенно невозможные. Превращение рабочего в собственника представляло собой не прыжок в неизвестность, каким оно явится уже в годы революции, а проторенный, заранее хорошо известный путь, обставленный массой формальностей и условностей. Успех зависел не столько от изобретательности, нравственной раскованности и умения находить неожиданные решения, сколько от способности неукоснительно соблюдать от века положенные правила.

Вряд ли требуется, доказывать истину, что логика и реальное протекание исторического процесса представляют собой не тождество, а уравнивание с предельно сложно устанавливаемой функциональной зависимостью одного неизвестного от другого. Если в наиболее общем виде логическую цепь развития рабочего сознания конца XVIII — первой половины XIX в. можно представить в виде исторической типологии: от партикуляристского через популистское к классовому сознанию, то в действительности эта цепочка не раз нарушалась, не говоря уже о том, что развитие проходило отнюдь не однолинейно.

Становление популистского и классового типа общественного сознания происходило во многом одновременно (в годы революции эти процессы как бы накладывались друг на друга), но не синхронно. Популизм начал формироваться гораздо ранее; по-видимому, время его становления совпадает со временем формирования национального самосознания. Ранее популистское сознание обрело и законченную, четко выраженную форму.

Процесс выработки классового сознания относится, безусловно, к более позднему времени, преимущественно XIX — первой половины XX в. (при этом классовое сознание развивается как бы вновь и вновь с каждым новым поколением рабочих), но уже в XVIII в. в годы революции начались определенные преобразования сознания рабочих, которые не могут быть вписаны ни в рамки эволюции партикуляристского сознания, ни в схему конституирования сознания популистского.

Некоторые формы социального протеста рабочих, прежде всего стачки, выделяли их из остального трудящегося населения, выявляли им самим и окружающим их особое место. Правда, и во время стачек дух партикуляризма нередко давал себя знать. Так, хотя на протяжении XVIII в. известны десятки стачек, не встречаются сведения об актах солидарности со стороны рабочих, имевших иные специальности, чем бастующие¹⁸⁰. И наоборот, встречаются упоминания о забастовках, в которых выдвигалось требование устранения из города рабочих враждебного компаньонажа или просто чужаков (иностранцев либо уроженцев другой провинции).

В 1777 г. в Лионе подобного рода стачка шляпников привела к вооруженным столкновениям, в результате которых 6 человек получили тяжелые ранения¹⁸¹. В мае 1789 г. конфликт в шляпной мастерской Данлу Дюмениля в Париже разразился из-за того, что хозяин отказался уволить рабочих, принадлежавших к «Девуару», чего добивались подмастерья из конкурировавшего компаньонажа. Компаньоны «bons enfants» (так их обозначили в полицейских протоколах) покинули мастерскую и увлекли за собой рабочих, которые не были членами компаньонажа, причем последним компаньонаж за уход выплатил определенную сумму¹⁸².

Нельзя сказать, что в ходе самой революции стачки рабочих обрели иной смысл, чем при старом порядке. Требования бастующих остались прежними: рабочие добивались повышения заработной платы, устранения, как им казалось, незаконной конкуренции со стороны работников иных специальностей, облегчения условий труда, восстановления на работе несправедливо уволенных товарищей¹⁸³. Во II году Республики стачки порой случались из-за плохого снабжения продуктами питания¹⁸⁴. Тем не менее именно стачки побуждали рабочих в наибольшей степени к осмыслению специфических проблем их социальной группы. И хотя в ходе революции французские рабочие не пришли к общенациональному видению «рабочего» вопроса, революция создала многие важнейшие предпосылки для появления такого видения. Великая буржуазная революция для французского рабочего класса оказалась не только событием краткосрочным, ограниченным 10 годами бурных преобразований, но и феноменом «de longue durée», протяженным на длительную эпоху, временные рамки которой, как нам представляется, выходят за границы нашего исследования.

Первоначально новый взгляд на стачки родился у представителей государства. Столь свойственная законодателям революции способность видеть социальные и экономические проблемы в национальном масштабе проявилась и в их отношении к рабочим выступлениям. Забастовки многократно запрещались и при «старом режиме», но Королевский совет обычно принимал постановление, запрещавшее создавать объединения, устраивать собрания и «коалиции», заводить общую кассу и т.п. рабочим какой-либо одной специальности и к тому же определенной местности¹⁸⁵. Вотируемый 14 июня 1791 г. Учредительным собранием закон Ле Шапелле относился к рабочим всех профессий и всей Франции¹⁸⁶. Каждое его применение, каждая репрессия на его основе вдальблывала теперь в головы рабочих, что за «коалицию», за стачку ждет неминуемое наказание независимо от того, работаешь ты в Провансе или Эльзасе, Руэрге или Франш-Конте, столяр ты или ткач, краснодеревщик или шахтер.

Немалое значение для появления ростков классового сознания имели закон д'Алларда, ликвидировавший корпорации, и закон 2—11 марта 1791 г., вводивший систему патентов, обязательных для всех владельцев промышленных и торговых заведений.

С точки зрения социальных последствий два этих закона можно рассматривать как единое целое. Разрушив корпоративную замкнутость различных группировок предпринимателей, эти законы создали юридическую основу для консолидации класса буржуазии. Патент представлял собой документ, свидетельствующий об уплате налога за право заниматься определенной хозяйственной деятельностью. Он не имел ничего общего с метризой, так как никоим образом не ограничивал сферу приложений капиталов и энергии его владельца. Патент являлся исключительно инструментом налоговой политики государства. Документ, определявший принадлежность к той или иной профессиональной корпорации, был замечен документом о принадлежности к классу собственников¹⁸⁷. Имущественные и, соответственно, классовые различия приобрели в обществе, как никогда ранее, определяющее значение. Учредительное собрание, неведомо для самого себя, позаботилось о том, чтобы в недалеком будущем работники смогли ясно рассмотреть своего классового противника: камуфляж полуфеодалных юридических форм был отброшен полностью и окончательно.

Тем не менее непосредственное воздействие революционного законодательства на сознание рабочих на материалах стачек проследить не удастся, даже если обратиться к несколько более позднему времени бонапартистской диктатуры Консульства и Империи¹⁸⁸. Определенная трансформация рабочего сознания (в данном случае предикат «рабочее» указывает не только на субъект сознания, но и на его объект, на осмысление специфически рабочих проблем), правда, не только под влиянием законодательства, но и всей духовной атмосферы революции обнаруживается в деятельности по созданию профессиональных объединений нового типа.

Уже до революции определенный симбиоз партикуляристского и популистского типов сознания был свойственен части рабочих столицы и других крупных городов. При этом внутри этого симбиоза доминанта сохранялась за ценностями и установками профессионально-корпоративной микрогруппы, к которой принадлежал рабочий. Легко восприняв некоторые лозунги и символы Великой революции, люди данного типа сознания тем не менее решение своих жизненных проблем продолжали связывать не столько с событиями национальной истории, сколько с тем, как будет развиваться их микрогруппа. Реформисты коллективистского типа, они не грешили ни утопизмом, ни чрезмерным альтруизмом. Подобные настроения логично привели к идее попробовать использовать создавшуюся новую ситуацию «свободы» в своих групповых, профессиональных интересах. Летом 1790 г. парижские рабочие-печатники создали «корпус типографов». Комитетом, в который, по-видимому, входили инициаторы учреждения этой профессиональной организации, был разработан устав, принятый, в свою очередь, «генеральной ассамблеей» представителей печатников¹⁸⁹.

Устав определял, что членом «корпуса типографов» может быть человек, отличающийся хорошими нравами, здоровый духом и телом и уплативший вступительный взнос в размере 12 ливров. Предусматривалось, что организация будет выплачивать пенсию старикам, утеравшим трудоспособность, а также оказывать помощь заболевшим членам. Устав запрещал печатникам устраивать стачки без санкции «генеральной ассамблеи»¹⁹⁰. В ноябре 1790 г. «корпус типографов» был преобразован в клуб (его помещение находилось на улице Юшетт). Тогда же был налажен выпуск еженедельника «*La club typographique et philanthropique*». В заседаниях клуба, помимо рабочих, принимали участие некоторые демократически настроенные издатели и журналисты. Известно, что клуб типографов посещали издатель «*Journal de Versailles et Paris*» Ш.Перле и Л.-П.Курте де Вильнев, выпускавший несколько демократических листков в Париже и Орлеане, в том числе пользовавшийся определенной популярностью «*Thermometre de l'opinion ou Journal des sections de Paris*»¹⁹¹. Есть предположение, что с клубом поддерживал отношения писатель, автор кооперативных и коммунистических проектов переустройства общества Ретиф де ля Бретон, сам бывший типографский рабочий¹⁹².

По-видимому, близким по типу организации к «типографскому клубу» являлось парижское общество подмастерьев-слесарей. Делегация от этого рабочего объединения обратилась 19 декабря 1790 г. к «братскому обществу» секции Библиотеки с просьбой об аффилировании. Представители слесарей объяснили, что каждое воскресенье по вечерам члены их организации собираются, чтобы совместно разобраться в декретах Учредительного собрания, а также чтобы обсудить меры по оказанию помощи больным и безработным товарищам. Они просили, чтобы «братское общество» допускало на свои заседания двух делегатов от рабочих-слесарей и чтобы, в свою очередь, два члена «братского общества» приходили на заседания их объединения с целью помочь подмастерьям уяснить смысл декретов¹⁹³. «Братское общество» секции Библиотеки в аффилировании отказало; было дано согласие только на посещение представителями слесарей собраний секционного общества.

Существует спорный вопрос, являлись ли рабочие организации, существовавшие в Париже в 1790—1791 гг., организациями, созданными во время революции, или они были преобразованы из рабочих объединений, имевших давнее происхождение.

Что касается «корпуса типографов» и общества подмастерьев-слесарей, то были ли они созданы только в 1790 г., или возникли на базе преобразованных организаций еще дореволюционного времени, — в любом случае перед нами, безусловно, образования совершенно нового типа. Это не тайные союзы компаньонов с мистическими обрядами посвящения, клятвами и безнадёжно корпоративным духом, а свободные объединения свободных людей, которые не скрывали ни целей своей деятельности, ни ее характера.

Рабочие организации нового типа исчезают после принятия Учредительным собранием закона Ле Шапелье. В этом отношении закон от 14 июня 1791 г. решительным образом препятствовал развитию рабочего движения. К.Маркс справедливо писал о нем: «...Французская революция в самом начале революционной бури решила отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций. Декретом от 14 июня 1791 г. она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением активных прав гражданина на один год. Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий»¹⁹⁴. Но законы и то, как они исполняются или не исполняются, оказывают на общественные отношения в стране не только прямое (через систему институтов), но и косвенное воздействие. Понимание людьми правомочности лишь определенного рода действий ведет к формированию у них соответствующих психологических и мировоззренческих установок. Через систему принятых ими законов (в том числе посредством закона Ле Шапелье) законодатели-индивидуалисты непреднамеренно, но от этого с неменьшим упорством, навязывали рабочим массам индивидуалистическое мировоззрение. Согласно революционному законодательству не общность людей, не организация, а лишь свободная личность имела право на юридическое и политическое существование. Страдали от этого более всего рабочие.

Деятели Учредительного и Законодательного собраний четко определили для себя все допустимые формы диалога между государством и гражданским обществом: пресса, выборные местные и центральные представительные органы. Какие-либо еще каналы взаимодействия им казались излишними и вредными. Юридическое и идеологическое равенство при фактическом экономическом, образовательном и политическом неравенстве оборачивалось тем, что реально полноценной свободной личностью в новом обществе оказывался исключительно человек с достатком. Ущербность сугубо юридического понимания равенства была осознана лидерами якобинцев в период их пребывания у власти. И их чеканные формулировки реального эгалитаризма надолго вошли в левую политическую субкультуру Франции. Так план Лепелетье де Сен-Фаржо о национальном общественном воспитании, зачитанный 13—21 июля 1793 г. Робеспьером в Конвенте был планом для будущего. Представляя его Робеспьер говорил: «Революции, совершенные за последние три года, сделали все для других классов общества и пока еще почти ничего для наиболее, быть может, необходимого — для пролетариев, единственная собственность коих заключается в труде. Феодализм уничтожен, но не для них, потому что они ничем не владеют в освобожденной деревне. Налоги распределены более справедливо; но в силу самой их бедности они почти не подлежали обложению... Равенство граждан установлено,

но им не хватает образования и воспитания... Вот что такое революция для бедняков...»¹⁹⁵

После 1791 г. энергия рабочих оказалась направленной на осуществление целей, не имевших непосредственного отношения к судьбам их социальной группы. Их выступления влились в мощный поток популистского движения в его наиболее радикальной форме санкюлотизма.

Республиканская идея завоеует многочисленных сторонников в рабочей среде. Эгалитаристская утопия тружеников, желавших навечно утвердить мелкотоварный уклад, обретет завершенность. Якобинская республика с ее максимумом, принудительным курсом ассигната и порывами ее лидеров Робеспьера и Сен-Жюста к всеобщему благоденствию будет видеться как гарант существования мелкого ремесла и мелкой торговли. Не от корпораций, церкви и короля будет ожидать экономическая помощь, а от нового государства — Республики-Марианны.

В русле движения санкюлотов, этого первого массового политического движения народных низов, произошло слияние эгалитаризма, республиканской идеи и антиклерикализма: важнейших ценностных компонентов той политической культуры, которая на протяжении всего XIX и значительной части XX в. будет противостоять блоку консервативных, клерикально-католических ценностей. Санкюлотизм оставил глубокий отпечаток на политических традициях, методах борьбы, психологии французских рабочих...

Безусловно, в XVIII в. главным событием в истории рабочих Франции являлась Великая буржуазная революция, которая заложила юридические основы для формирования пролетариата как класса, но сам процесс конституирования пролетариата относится преимущественно к более позднему времени, и некоторые забегающие в будущее не могли изменить той общей закономерности, что возникновение этого класса является одним из важнейших социальных последствий промышленной революции, развертывание которой во Франции приходится, в основном, на первую половину XIX века.

Демократическое сознание на ранних стадиях своего развития пронизано авторитарностью, тем более неизбежной, что демократы на первых порах всегда выступают в качестве меньшинства, питающего иллюзии, что оно является большинством.

Сводим ли демократический опыт Французской революции к истории народного движения? Вряд ли. Активность народных масс — это условие существования демократии, но не сама демократия. Скорее ее можно охарактеризовать как динамическую систему власти, базирующуюся на трех видах политических гарантий: первая — гарантия свободного развития политического инакомыс-

лия в его идеологических и организационных формах; вторая — гарантия свободного избрания на все государственные посты, занятие которых обеспечивает возвышение над обществом; третья гарантия заключается в легализации всех форм протеста против проявления любого государственного произвола. Демократия это не государственная форма, не социальное движение, а тип политического механизма, тип функционирования власти, в минимальной степени отчужденной от населения. Демократия очень сложна по своему внутреннему устройству и в этом одна из причин ее хрупкости.

Демократия имеет свою метафизику, постулаты, в которые любой демократ верит, — иначе больше верить не во что. Есть Геркулесовы столбы, необходимость которых вынужден признать любой человек действия, — беспредельный скепсис в гуманитарной науке и политике обрекает на бессилие или безнравственность. Демократия же зиждется на балансе сил и признает значимость нравственности. С этой точки зрения вряд ли можно оспорить суждение Дж.Дьюи: «Основа демократии — это вера в способности человеческой природы, вера в интеллект человека и в силу накопленного совместного опыта людей. Это вера не в то, что все это имеется в наличии в окончательном виде, но в то, что, если способствовать, это может расти и быть в состоянии генерировать все в большей степени развитие знаний и мудрости, необходимых для направления коллективного действия»¹⁹⁶.

Путь Франции к демократии начался не в один из великих революционных дней (14 июля 1789, 10 августа 1792 или 31 мая — 2 июня 1793 г.). Становление правового государства — одна из важнейших предпосылок демократии. Это становление осуществлялось на протяжении веков, и следует признать, что абсолютистское государство не было первой ступенью в его развитии, его история восходит к сословной монархии и далее — к правовой регуляции отношений сюзерена и вассалов в рамках классического феодализма.

Есть еще одна грань проблемы. Экономической основой современной (т.е. от эпохи Великой французской революции до наших дней) демократии является рынок, рынок и демократия составляют как бы симбиоз, но если рынок определенное время может развиваться и в условиях политического авторитаризма, то демократия вне рыночной экономики просто невозможна, во всяком случае, это доказывает весь предшествующий исторический опыт.

Наконец, создание демократического механизма невозможно и в том случае, если в стране не выработана своя национальная теория демократии, отвечающая традициям и духу национальной политической культуры. Импортированные идеи, лишь пройдя очистительное горнило интеллектуальных мук и длительных размышлений патриотов, могут увлечь массы на исторические деяния. Без Монтескье и Жан-Жака Руссо прорыв Франции к демократии не мог бы осуществиться. Демократический механизм начинает рабо-

тать только тогда, когда народ проникается чувством кровной необходимости демократии для своего повседневного существования.

Демократия — феномен синкретический, она рождалась в борьбе роялистов и революционеров, фейянов и жирондистов, бунтарей из народа и якобинцев. Институализация этой борьбы, обретение ею легитимности — в этом заключалось превращение демократии из идеи в механизм управления обществом. Не без доли условности и упрощения движение революции в 1789—1792 гг. характеризуется как переход от авторитарности к олигархии и далее к демократии. Воздействие структур, действовавших в соответствии с принципами олигархии, было существенным и во времена кажущегося господства автократии Старого порядка. Провал реформ, подготавливавшихся просвещенными бюрократами, — лучшее тому доказательство. В своей борьбе с оппозиционным дворянством государство в 1789 г. попыталось использовать механизм наивной, противоречивой и непоследовательной демократии, породившей Генеральные Штаты. Но Генеральные Штаты не стали инструментом проведения политики абсолютистского государства. Палата общин (собрание представителей третьего сословия) сама конституировалась в автономный орган власти. В июне—июле 1789 г. произошло превращение совещательного органа сословного представительства в национальный представительный институт с чрезвычайными полномочиями. Началось становление государственности нового типа. Вехи этого превращения известны: 10 июня 1789 г. собрание третьего сословия приступило к проверке полномочий депутатов всех трех сословий; 17 июня собрание третьего сословия совместно с несколькими присоединившимися к нему депутатами от духовенства провозгласило себя Национальным собранием; 20 июня депутаты поклялись не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция; 9 июля 1789 г. Национальное собрание провозгласило себя Учредительным. Наконец, 26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина — гордый и прекрасный документ, написанный истинно свободными людьми, уверенными в своей силе и правоте. Декларация была и остается по сей день манифестом утопического либерализма. «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Источник суверенитета, — по существу сама нация. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника... Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому...»¹⁹⁷ — простые, ясные принципы, будто действительно воплотившие в себе непререкаемые начала политического рационализма. То, о чем авторы декларации не могли говорить раскованно и смело, они не говорили. Лишь в параграфы о свободе слова были введены ограничения, оставлявшие лазейки для

произвола и цензуры. О некоторых свободах — собраний, ассоциаций, торговли и промышленности, преподавания — в декларации вообще не говорилось (прагматизм законодателей был заглушен волной энтузиазма, но вовсе не покинул их). Против неопределенных ограничений свободы прессы протестовал Робеспьер, столь значимые умолчания прошли незамеченными.

Учредительное собрание, гарантируя политические свободы и обеспечивая своей властью их реальность (этим уже закладывались основы демократии), в то же время хотело придать режиму свободы стабильность и потому позаботилось об исключении неимущих слоев населения из политической жизни. Свобода для тех, кто ею умеет пользоваться! В итоге к числу полноправных «активных» граждан было отнесено порядка 4,5 млн французов, большая часть взрослых мужчин и все женщины были лишены избирательных прав. Еще меньшее число граждан получили возможность становиться выборщиками. Согласно Конституции 1791 г., выборщик должен был удовлетворять следующим требованиям: в городах с населением свыше 6 тыс. — владеть имуществом, приносящим доход, равный стоимости 200 рабочих дней по местным условиям, или нанимать помещение, приносящее доход не менее стоимости 100 рабочих дней; в городах с населением менее 6 тыс. — владеть имуществом, приносящим доход, равный стоимости 150 рабочих дней, или арендовать имущество, ценность которого по налоговым спискам равна стоимости 400 рабочих дней; для тех же, кто одновременно является собственником и арендатором, средства по всем этим различным титулам объединяются, и так определяется предел, необходимый для признания прав выборщика.

Но Конституция вырабатывалась и принималась на протяжении двух с лишним лет с 1789 г. по сентябрь 1791 г. К тому времени, когда она была принята, она уже устарела. Народные массы уже были включены в политический процесс, сама новая система не могла существовать без их поддержки, и попытка превратить их в сугубо вспомогательную, пассивную силу (до тех пор, пока сами массы не устанут от политики и не разочаруются в ней) подготавливала лишь дополнительный горючий материал. Развитие революции шло от кризиса к кризису, для их преодоления требовались государственные структуры и механизмы политической деятельности совершенно особого свойства, созданные не на «века», а только на время исключительных обстоятельств.

Революция порождала современное, т.е. демократическое государство, но в ходе своего развития все более множила примеры несовпадения реальной практики с теорией прав человека. Политика подчиняла гражданскую жизнь, хотя именно ради автономного, беспрепятственного развития гражданского общества во многом и осуществлялась революция. В то же время это временное господство политики над гражданской жизнью составляло один из характерных моментов революционного освобождения.

Порыв к демократии сопровождался отказом от некоторых ее основ, утвержденных в рамках олигархического режима, т.е. движение к демократии изначально выступало и как движение к диктатуре.

Понимание неизбежности войны с европейскими монархиями, борьба за популярность, неодолимое желание дорваться до власти, смутные реминисценции образованных честолюбцев на темы римской республики (не воображали ли себя жирондисты Бриссо или Верньо римскими сенаторами на парижской политической сцене?) — при всех этих комплексах и страстях как не стремиться к войне, которая могла все дать, утолить самые безумные желания? Только глубочайший кризис делал невозможное возможным. И жирондисты всеми силами вовлекали страну в такой кризис.

Бриссо ожидал, что война повлечет за собой «великие изменения». Они вскоре последовали...

Один из параграфов Конституции 1791 г. гласил: «Если король станет во главе армии и направит войска против народа или если он путем формального акта не воспротивится подобному предприятию, выполняемому его именем, то следует считать, что он отрекся от королевской власти»¹⁹⁸. Эмигранты пруссаки и австрийцы — действовали от имени Людовика XVI... Возникли легальные основания для отречения короля. Конституционный монарх по своей воле становился антиконституционным. Лицемерно прикрываясь Конституцией, Людовик XVI путем поражения и краха страны и государства надеялся восстановить собственное полновластие.

3 июля 1792 г. один из лучших ораторов Жиронды, Верньо, обнажил несовершенство Конституции, которая предоставляла королю законные средства вести антигосударственную деятельность. Но признание несовершенства Конституции логически должно было повлечь за собой призыв к ее пересмотру.

10 августа страна вновь вступила в полосу политической неизвестности. Олигархический режим конституционной монархии оказался непригодным ни для ведения войны, ни для руководства народными массами. В день восстания — 10 августа — был принят декрет о созыве Национального конвента, нового экстраординарного органа. Конвент должен был стать как бы вторым Учредительным собранием, сосредоточивая в своих руках не только законодательную, но также отчасти исполнительную власть. Шла война, и победить армии авторитарных европейских монархий можно было только с помощью революционной авторитарности.

При всем отвращении к любым формам автократии именно жирондисты заложили институциональные основы диктатуры. 10 марта 1793 г. Национальный конвент принял декрет о создании Чрезвычайного уголовного трибунала. Судьи этого трибунала избирались не рядовыми гражданами, а членами Конвента относи-

тельным большинством голосов, т.е. фактически назначались, назначались и входившие в его состав присяжные заседатели. Решения трибунала принимались к исполнению без права кассации. Одна из статей декрета предусматривала наказание граждан за преступления и проступки, не обозначенные, как таковые, в уголовном кодексе и других юридических актах Республики. Революционное правосознание тем самым признавалось законной основой для вынесения приговора. Революция, возвещавшая миру, что «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, надлежаще примененного, изданного и обнародованного до совершения преступления», начала отрицать самое себя. В декрете от 4 мая 1793 г. по продовольственному вопросу поощрялись доносители. 5 апреля были расширены полномочия общественного обвинителя Чрезвычайного трибунала: он мог теперь арестовывать и предавать суду без принятия Конвентом специального постановления о возбуждении дела. 25 марта 1793 г. был принят декрет об образовании комитетов общественного спасения и общей безопасности.

Конвент, в котором доминировали жирондисты, шел навстречу требованиям санкюлотов. Принимались соответствующие декреты, но осуществлять на практике их положения власти не спешили.

Жирондисты не имели силы, чтобы подавить народное движение (этот противник оставался во многом основой их собственной власти), не смогли они и подчинить народное движение своему влиянию.

Что послужило причиной политической слабости жирондистов? Их большая, чем у якобинцев, привязанность к имущественным интересам буржуазии? Меньшая гибкость политического мышления? Слишком устойчивая приверженность принципам либерализма? В чем-то Робеспьер оказался более глубоким и умелым политиком, чем лидеры Жиронды? Поражение не всегда признак слабости. Жирондисты сошли с политической арены еще и потому, что попытались воспротивиться объективному ходу вещей, который устремлял страну к диктатуре.

Как совместить всепожирающее честолюбие и стремление к общественному благу? Макиавелли писал: «Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость»¹⁹⁹. Неужели он прав? И один из величайших революционеров неподкупный Максимилиан Робеспьер подтверждает своей жизнью мысль Макиавелли. Осторожный политик, противник войн, народолюбец превратился в тирана, уничтожающего в борьбе за власть даже тех людей, политическое бытие которых служило гарантией существования политической тирании и самого тирана. Достигнув апогея могущества, Робеспьер ослеп. Он стал уничтожать противников, не представлявших реальной угрозы для его власти. Он, являвший собой на протяжении всех лет революции воплощение бесстрастного разума, превратился в жертву подсознательных импульсов. Декрет от 10 июня 1794 г., ради принятия которого Робеспьер использовал всю силу своего авторитета, с точки зрения государст-

венной необходимости абсурден. Он за пределами добра и зла. Уже гильотинированы Эбер, Шометт, Дантон, Демулен, уже армии Республики одерживают победы на всех фронтах, уже подчинено контролю Комитета общественного спасения движение санкюлотов. И тут принимается декрет о реорганизации Революционного трибунала, определяется, что он учрежден для того, чтобы наказывать врагов народа. А врагом народа, согласно декрету демократа Робеспьера, может быть признан любой без исключения гражданин Республики, ибо «врагами народа объявляются те, кто силой или хитростью стремятся уничтожить общественную свободу... Врагами народа объявляются все, кто пытается помешать снабжению Парижа продовольствием или же вызвать голод в Республике... Врагами народа объявляются лица, виновные в том, что ввели в заблуждение народ и народных представителей с целью склонить их к поступкам, идущим вразрез с интересами свободы. Врагами народа объявляются лица, пытавшиеся вызвать упадок духа, для того чтобы способствовать замыслам тиранов, составивших союз против Республики. Врагами народа объявляются лица, распространявшие ложные слухи с целью посеять в народе раздор и смуту. Врагами народа объявляются лица, старавшиеся ввести в заблуждение общественное мнение и препятствовать народному просвещению, а равно и те, кто старался развратить общественные нравы и общественную совесть, ослабить энергию и чистоту или остановить развитие революционных и республиканских принципов, будь то путем контрреволюционных и злостных сочинений или же путем всяких других махинаций...»²⁰⁰ Наказанием за все преступления, подлежащие ведению Революционного трибунала, являлась смертная казнь.

Робеспьер добился принятия чудовищного декрета и почти перестал вмешиваться в дела управления: он не появлялся ни в Конвенте, ни на заседаниях Комитета общественного спасения. Тем временем усиливались противоречия как внутри Комитета общественного спасения, так и между ним и Комитетом общей безопасности. Почти двадцатидневное отсутствие в политической жизни Робеспьер прервал в связи с попыткой примирения двух комитетов. И именно этому примирению воспрепятствовал. 8 термидора Робеспьер обрушился в Конвенте на ярых террористов. Но, отказавшись назвать имена обвиненных им депутатов, он испугал всех, кто мог себя в чем-то упрекнуть. Ночью был составлен заговор.

Переворот 9 термидора явился своего рода коллективным политическим самоубийством. Слабые победили сильных. Болото превзошло Гору. Добродетель Робеспьера оказалась сильнее его честолюбия. Он отказался от борьбы за власть, когда власть в его руках уже не могла служить добродетели. «Государственная власть, которая знает, что она есть, должна иметь существование целого, действовать совершенно тиранически», — писал Гегель, анализи-

руя природу якобинской диктатуры²⁰¹. Робеспьер действовал тиранически, отстаивая целое, и он его отстоял, но летом 1794 г. целое распалось. Террористы-взяточники Фрерон, Тальен, Баррас²⁰², бастовавшие рабочие, торговцы, неизменно нарушавшие максимум, — это было целое? Власть ради власти привлекает людей низменных, к их числу Робеспьер не относился.

Революция сняла конфликт государства и гражданского общества, привела к стремительной децентрализации власти. Правда, либеральные рациональные схемы — разделения властей (гармонии законодательной, исполнительной и судебной власти), равновесия между столицей и периферией — не были рассчитаны на алогичные условия гигантского кризиса. Либеральные структуры уже в 1792 г. были потеснены структурами демократическими. Жирондистская попытка осуществить синтез и создать либеральную демократию провалилась. Народ создал свои политические организации, свои ячейки власти. Санкюлоты отрицали либерализм во всех его обличьях. На смену либеральной представительной демократии пришла революционная демократия, которая силою обстоятельств и воли якобинцев и санкюлотов стала быстро утрачивать институциональный демократизм, сохраняя его лишь в пламенной идеологии. Народ в лице движения санкюлотов привел к власти политическую группировку, в наибольшей степени отличавшуюся вниманием к его нуждам, якобинцы-робеспьеристы были последовательными демократами, но волей обстоятельств именно они создали диктатуру. Ради утверждения демократии в будущем они начали искоренять демократию в настоящем. По сути своей Конвент после восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. уже не был просто законодательным органом, он превратился в сосредоточие всех видов власти.

Несовместимость революционной демократии и революционной диктатуры породила духовный кризис как Робеспьера, так и якобинской республики. В 1794 г. революционное меньшинство — якобинцы и санкюлоты — потеряло способность руководить страной и государством. Величайший эксперимент XVIII в. слияния государства и народа завершился.

¹ Pitre-Chevalier. La Bretagne moderne depuis sa réunion à la France jusqu'à nos jours. P., 1860. P. 149.

² Ардашев П. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774—1789. СПб., 1900. С. 263.

³ Цит. по: Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 49.

⁴ Aurejac J. Les emprunts sous la Révolution. // Cahiers de la Révolution Française. № VII. P. 3.

⁵ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962. P. 79.

⁶ См.: Люблинская А.Д. Французское крестьянство в XVI—XVIII вв. Л., 1978. С. 18.

⁷ Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. T. I. P., 1933.

⁸ См.: Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 29.

⁹ Soboul A. La civilisation et la révolution française. Part II La Révolution française. P., 1982. P. 214.

¹⁰ Юнг Артур. Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства. СПб., 1996. С. 91.

¹¹ Chassaing M. La lieutenance générale de police de Paris. P., 1906. P. 239—241.

¹² Цит. по: Buisson H. La police: Son histoire. P., 1958. P. 9.

¹³ Discours de Danton. P., 1910. P. 1.

¹⁴ Mousnier R. Les Institutions de la France sous la monarchie absolue P., 1974. T. I. P. 209.

¹⁵ Mayet. Mémoire sur les manufactures de Lyon. P., 1786. P. 60, Лотте С.А. «Республиканское сословие» (Из истории французского предпролетариата XVIII века) // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 55.

¹⁶ Jacque J. Vie et mort des corporations: Grèves et luttes sociales sous l'ancien régime. P., 1948. P. 137—138.

¹⁷ Laurent G. Jean-Baptiste Armonville, conventionnel ouvrier // Annales historiques de la Révolution française. 1924. № 3. P. 226.

¹⁸ Цит. по: Gaxotte P., Tulard J. La Révolution française. P., 1975. P. 79.

¹⁹ Rudé G. The crowd in the French revolution. L., — NY, 1967. P. 30.

²⁰ Мифы и крайний эмпиризм в массовом сознании составляют причудливый симбиоз, конкретными деталями подкрепляются легенды, и наоборот.

²¹ Rudé G. Op. cit. P. 31—32.

²² Ibid. P. 87.

²³ Toujas R. Le Tiers Etat montalbanais et la seconde assemblée des notables (6 novembre — 12 décembre 1788) // Actes du soixante-seizième congrès des sociétés savantes. P., 1951. P. 201.

²⁴ Laurent G. Op. cit. P. 228.

²⁵ Bouloiseau M. La mort du tiers état (Rouen, 29 Avril 1789) // Annales de Normandie. 1961. № 4. P. 309, 323.

²⁶ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М.; Л., 1935. Т. I. С. 52.

²⁷ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794. М., 1987.

²⁸ Brun V. Guerres maritimes de la France: Port de Toulon. Ses armements, son administration depuis son origine jusqu' à nos jours. T. II. P., 1861. P. 141—142.

29 См.: Чеканцева З.А. Народные движения во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII в. // Новая и новейшая история. 1981. № 5. С. 66; Чеканцева З.А. Народные движения во Франции в XVIII веке. Новосибирск, 1990; Reuss R. Le sac de l'hôtel de ville de Strasbourg (juillet 1789): Episode de la Révolution en Alsace // Revue historique. 1915. T. CXX. P. 26—55.

30 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 2. М., 1957. С. 368; Чеканцева З.А. Народные движения во Франции накануне буржуазной революции. С. 70.

31 См.: Чеканцева З.А. Народные движения во Франции в XVIII в. С. 63.

32 Цит. по: Чеканцева З.А. К истории народных движений во Франции во время революционной ситуации 1787—1789 гг. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978. С. 108.

33 Лотте С.А. «Дело Ревельона» // Французский ежегодник. 1958. М., 1959. С. 91—92.

34 Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г. (Из писем современника) // Красный архив. 1939. № 3 (94). С. 177.

35 Rudé G. Op. cit. P. 37.

36 Мари-Жанну Трюмо помиловали ввиду ее беременности.

37 Rudé G. Op. cit. P. 39; Лотте С.Д. Указ. соч. С. 99.

38 Les élections et les cahiers de Paris en 1789. Doc. recueil. et annot. par Ch.-L. Chassin. Vol. 3. P., 1889. P. 53.

39 См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 31.

40 Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Marseille pour les Etats Généraux de 1789. Marseille, 1908. P. 104.

41 Цит. по: Люблинская А.Д. Бастилия и ее архив // Французский ежегодник. 1958. М., 1959 С. 114.

42 Soreau E. Ouvriers et paysans de 1789 à 1792. P., 1936. P. 105.

43 Бабеф Г. Соч.: В 4 т. Т. I. М., 1975. С. 231—232.

44 Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. P., 1963. P. 373.

45 Godechot J. La prise de la Bastille. P., 1965. P. 235.

46 Ibid. P. 242.

47 Mémoires de Bailly // Godechot J. Op. cit. P. 417.

48 Кропоткин П.А. Великая французская революция. 1789—1793. М., 1979. С. 71.

49 См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 54.

50 См.: Там же. С. 56.

51 Rudé G. Op. cit. P. 65.

52 См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 53.

53 В двадцатых числах августа в Пале-Рояле за оскорбление национальной гвардии и призыв к мятежу был арестован безработный повар Э.Жерве. «Вся эта буржуазная гвардия и прочая публика, таскающая форму, — выкрикивал он, — не более чем куча дерьма; десятка слуг достаточно, чтобы устроить бал-карнавал всему этому отродью, вырядившемуся в синие сюртуки с белыми отворотами, все эти

буржуа, все без единого исключения — дерьмо! Если бы в Париже 60 тысяч слуг могли объединиться с рабочими всяких профессий, все эти типы попрятались бы по домам вместе со своей дерьмовой формой». Жерве был приговорен к девяти годам галер, хотя в прежние времена за тот же поступок он получил бы не более двух лет тюрьмы (Rudé G. Op. cit. P. 65).

⁵⁴ События Великой французской революции в литературной корреспонденции Блен де Сенмора / Публ. Е.И.Лебедевой // Французский ежегодник. 1981. М., 1983. С. 226.

⁵⁵ Rudé G. Op. cit. С. 67.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Rudé G. Op. cit. С. 68.

⁵⁸ Cahiers de plaintes et doléances des dames de la Halle et des marchés de Paris. P., 1789. P. 4—5.

⁵⁹ Fournier l'Héritier Cl. Mémoires secrets de Fournier l'Américain. P., 1890. P. 27.

⁶⁰ Цит. по: Rudé G. Op. cit. P. 77.

⁶¹ Французы, лишённые права участия в выборах, стали называться пассивными гражданами.

⁶² Цит. по: Gaxotte P., Tulard J. Op. cit. P. 130.

⁶³ Цит. по: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 154—155.

⁶⁴ Там же. С. 159.

⁶⁵ Young A. Voyages en France (1787—1789). P., 1933, réédition, 1976. Т. 1. P. 375. Цит по: Naudin M. Structures et doléances du tiers état de Moulins en 1789. P., 1987. P. 21.

⁶⁶ Hampson N. Les ouvriers des arsenaux de la marine au cours de la Révolution Française (1789—1794) // Revue d'histoire économique et sociale, 1961. № 3. P. 304.

⁶⁷ Dupuy R. Les paysans et la politique, 1750—1850 // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. 1982. Т. 83. № 2. P. 175.

⁶⁸ См.: Гобель Г., Собуль А. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма. По альманахам времен Великой французской революции // Французский ежегодник. 1978. М., 1980.

⁶⁹ Plaintes et representations d'un Citoyen decreté Passif aux Citoyens decretés actifs par M.L'Ange. A Lyon, 1790 // L'Ange F-J. Ouvres. P., 1968. P. 146—147.

⁷⁰ Williams G.A. Artisans and Sans-culottes. L., 1968. P. 28.

⁷¹ Mathiez A. Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ de Mars. P., 1910. P. 6.

⁷² Ревуненков В.Г. Парижские санкюлоты эпохи Великой буржуазной революции. Л., 1971. С. 16.

⁷³ См.: Там же. С. 17.

⁷⁴ О «Народном обществе друзей Конституции» в Лионе см.: Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 — 29 мая 1793 гг.) // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В.И.Ленина. М., 1949. Т. 58.

- 75 Vovelle M. La chute de la monarchie, 1787—1792. P., 1972. P. 199;
- Godechot J. La Société Française pendant la Révolution // Histoire de la société française. P., 1953.
- 76 Mathiez A. Op. cit. P. 26.
- 77 Ibid. P. 15. Ж.-П. Марат характеризовал К. Дансара как «усыпителя, который делает много шума по пустякам».
- 78 Mathiez A. Op. cit. P. 19.
- 79 См.: Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789—1792. Л., 1982. С. 97.
- 80 Жорес Ж. Социалистическая история французской революции, Т. 1. Кн. 2. М., 1977. С. 299.
- 81 Huard R. La naissance du parti politique en France. P., 1996. P. 38.
- 82 Сочинения Карамзина. Т. 3. М., 1820. Ч. 3. С. 126—127.
- 83 L'ami du peuple. 1791. № 374.
- 84 Aulard A. Histoire politique de la révolution française. P., 1909, P. 108.
- 85 Rudé G. Op. cit. P. 81.
- 86 Ассигнаты — бумажные деньги, обеспеченные национальными имуществами. С 6 мая 1791 г. казначейство начало выпускать мелкие купюры по 5 ливров. Подробнее об ассигнатах см.: Фальккер С.А. Бумажные деньги Французской революции (1789—1797). М., 1919; Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983.
- 87 Babillard. 3.6.1791. № 1. «Babillard», газета либерально-монархического направления, начавшая выходить с июня 1791 г., подробно освещала политические споры, столкновения, возмущения, что в ту пору так часто случались на улицах Парижа. Газета также уделяла много внимания политическим дискуссиям в парижских кафе и в садах Тюильри и Пале-Рояля.
- 88 Послушать ораторов Пале-Рояля постоянно приходили большие группы рабочих (Babillard. 5.6.1791).
- 89 Babillard. 5.6.1791.
- 90 Высказывание Талейрана. Цит. по: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 11. М., 1961. С. 33.
- 91 Papiers de Chaumette, publ. avec une introduction et des notes par F. Braesch. P., 1908. P. 106.
- 92 См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 181.
- 93 Марат Ж.-П. Избранные произведения. Ч. III. М., 1956. С. 14.
- 94 Цит. по: Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. С. 128.
- 95 Rudé G. Op. cit. P. 83.
- 96 Babillard. 25.6.1791.
- 97 Rudé G. Op. cit. P. 85.
- 98 Histoire parlementaire de la Révolution française ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. Т. XI. P., 1834. P. 113.
- 99 Rudé G. Op. cit. P. 90—91.
- 100 Ibid. P. 91.

¹⁰¹ Babillard. 6.8.1791.

¹⁰² Monnier R. Le Faubourg Saint-Antoine (1789—1815). P., 1981. P. 125.

¹⁰³ Babillard. 2.8.1791.

¹⁰⁴ Babillard. 7.8.1791.

¹⁰⁵ Уже в августе 1791 г. газета «Babillard» отмечала: «Все время ходят слухи о готовящейся войне» (Babillard. 4.8.1791). Но тогда эти слухи казались еще преувеличением.

¹⁰⁶ Он говорил: «Знаете ли вы, что подымает против Франции пол-Европы? Это мысль, что рано или поздно мы перейдем к республиканской системе, и тогда страна будет залита кровью граждан, погибнет собственность и следа не останется от королевского трона. Газеты за рубежом пишут, что горсть бунтовщиков навязывает свою волю нашей стране и Законодательному собранию, что эмиссары этих бунтовщиков проповедуют аграрный закон в городах и селах, что суверенитет народа узурпирован несколькими тысячами сбитых с толку людей, которые вообразили себя олицетворением нации. За рубежом справедливо боятся, как бы злодеи, подстрекающие рабочих на восстание, не привели к краху наше прекрасное королевство и зло этой чудовищной эпидемии не проникло бы и к соседним народам» (Babillard. 4.8.1791).

¹⁰⁷ См. подробнее: Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983 С. 117.

¹⁰⁸ См.: Робеспьер М. Избранные произведения. Ч. I. М., 1965. С. 182.

¹⁰⁹ В конце XVIII в. кофе являлся предметом массового потребления горожан. Утром, отправляясь на работу, парижские рабочие часто подкреплялись кофе с молоком. Прямо на перекрестках улиц им торговали (по 2 соля за чашку) «кофейные барышни» с большими белыми бидонами (Aubert R. En pantoufles sous la terreur. Reflexions et commentaires sur le Journal d'un bourgeois de Paris. 1791—1796. P., 1974. P. 23).

¹¹⁰ Rudé G. Op. cit. P. 107.

¹¹¹ Godechot J. Fragments des mémoires de Charles-Alexis Alexandre Sur les journées révolutionnaires de 1791 et 1792 // Annales historiques de la Révolution française. 1952. № 126. P. 176.

¹¹² Rabusson-Lamothe. Lettres sur l'Assemblée législative. publ. par Mege F. P., 1870. Vol. 8. P. 180, 186. Цит. по: Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789—1804. М., 1938. С. 281.

¹¹³ Цит. по: Олар А. Политическая история... С. 291.

¹¹⁴ Цит. по: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. С. 353.

¹¹⁵ См. о сентябрьских избиениях: Caron P. Les massacres de septembre. P., 1935.

¹¹⁶ Как утверждал Л.-С.Мерсье, слово «санкюлот» появилось еще до революции: некий поэт Жильбер, известный разве что своей исключительной бедностью, опубликовал пасквиль на философов; в ответном памфлете Жильбера обозвали санкюлотом (сочинение так и

называлось: «Санкюлот»). С тех пор в литературной среде некоторое время санкюлотами звали всех убого одетых авторов. Это уничижительное прозвище бедняков вновь появилось во время революции (Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. Т. IX. Р., 1937. Р. 716). Данной трактовке в целом не противоречит эпизод, случившийся во время заседания Национальной Ассамблеи и характеризующий появление слова санкюлот уже в качестве политического обозначения. Две дамы дворянского происхождения, но очень симпатизировавшие новым идеям, громко возмущались речью известного роялиста аббата Мори. В конце концов выведенный из себя депутат, показывая на дам пальцем, обратился к председательствовавшему с требованием «заткнуть двух беспортошных» (то есть санкюлотов). В зале раздался смех, а с тех пор наиболее экзальтированных революционеров стали называть санкюлотами, утверждал историк Гурдон де Желуйак. (Gourdon de Genouillac H. Paris à travers les siècles. Histoire nationale de Paris et des parisiens depuis la fondation de Lutèce jusqu'à nos jours. Р., 1882. Т. IV. Р. 208—209.)

¹¹⁷ Babillard. 7.6.1791.

¹¹⁸ Газета «Babillard», возможно, несколько утрируя факты, рассказывала следующую незатейливую историю, происшедшую в августе 1791 г. Некто А.Кретьен, торговец лимонадом, известный своими пламенными речами в саду Тюильри, как-то раз пришел в баню, но свободных мест не оказалось. Возмущенный, он стал ругать владельца бани, а затем обрушился и на власти: муниципалитет, департамент, Национальное собрание. Банщик попросил посетителя утомиться. На это Кретьен с еще большим возмущением возопил: «Утомиться!? Кому? Мне? Да ни за что. Я якобинец, кордельер, бешеный!» Затем он вытащил из кармана пистолет и объявил, что эту игрушку он приберегает на тот случай, если кому-нибудь взбредет в голову его оскорбить (Babillard. 4.8.1791). Как видим, Кретьен, явный санкюлот и по отношению к властям предержащим, и по манерам, в 1791 г. называл себя якобинцем, кордельером, бешеным, а не санкюлотом.

¹¹⁹ Характерную в этом отношении историю рассказал в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзин. В марте 1790 г. жители маленькой деревушки в горах Юры чуть не убили трактирщика за неосторожные слова о нации. Трактирщик спяну объявил, что он «плюет на нацию». «Все патриоты взволновались и хотели его повесить: однако ж, наконец, умиловались, дали ему проспать и принудили его... публично в церкви на коленях просить прощения у милостивого Господа» (Сочинения Карамзина. Т. 3. Ч. 3. М., 1820. С. 46).

¹²⁰ Цит. по: Vovelle M. La chute de la monarchie... Р. 249.

¹²¹ Цит. по: Тэн И. История французской революции. Ч. 5. Харьков, 1912. С. 114.

¹²² Цит. по: Tonneson K. D. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise de l'an III. Oslo—Р., 1959. Р. XVIII.

¹²³ В письме от 7 мая 1793 г. к А.Шометту, прокурору революционной Коммуны Парижа, Бабеф, характеризуя депутатов Конвента, через ряд отрицаний косвенно определяет свое представление об ис-

тинных санкюлотах: «Депутаты! Нет среди вас настоящих санкюлотов!.. Почти ни один из вас не происходит из подлинного третьего сословия!.. Третье сословие не представлено в ареопаге. Нет, почти ни один из вас, это видно, никогда не испытал раздирающей боли нужды...» (Бабеф Г. Сочинения. Т. 2. М., 1976. С. 378).

¹²⁴ В своей газете «Pere Duchesne» Эбер писал: «Хотите увидеть цвет санкюлотства, отправляйтесь на чердаки, где ютятся рабочие» (Цит. по: Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года — 9 термидора II года. М., 1966. С. 233).

¹²⁵ Soboul A. Problèmes du travail en l'an II // Annales historiques de la révolution française. 1956. № 144. P. 241.

¹²⁶ Enaud F. Les émeutes de mars 1793 en Ille-et-Vilaine // Actes du soixante-seizième congrès des sociétés savantes. Rennes, 1951; P., 1951. P. 94—95, 108.

¹²⁷ Révolutions de Paris. 23—30.3.1793.

¹²⁸ Цит. по: Morineau M. Mort d'un terroriste... // Annales historiques de la Révolution française. 1984. № 252. P. 332.

¹²⁹ См.: Собуль А. Указ. соч. С. 298—300.

¹³⁰ См.: Там же. С. 239—240.

¹³¹ См.: Там же. С. 240—241.

¹³² Monnier R. Op. cit. P. 134.

¹³³ Ibid.

¹³⁴ См.: Собуль А. Указ. соч. С. 241—242. По социальному составу Якобинский клуб существенным образом отличался от кадров санкюлотского движения. См.: Ташева Р. Якобинците въ Френската революция 1789/1794. София, 1989. С. 167—175.

¹³⁵ По переписи 1789 г., проведенной в связи с созывом Генеральных Штатов, население Парижа составляло 524 186 человек; по данным парижских секций за II—III год Республики, в городе было 640 504 жителя; продовольственная администрация Парижа, исходившая в своей работе из числа едоков, насчитала в III год Республики 636 772 человека (см.: Собуль А. Указ. соч. С. 234).

¹³⁶ Braesch F. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791 // La Révolution française. 1912. Т. 63. P. 288.

¹³⁷ Rudé G. Op. cit. P. 123.

¹³⁸ О восстании 31 мая — 2 июня см.: Гордон А.В. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня 1793 г. // Французский ежегодник. 1963. М., 1964.

¹³⁹ См.: Тонкова-Яковлева Р.М. Движение народных масс Парижа в сентябре 1793 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.

¹⁴⁰ Собуль А. Указ. соч. С. 119.

¹⁴¹ Cobb R. Note sur la repression contre le personnel sans-culotte de 1795 a 1801 // Annales historique de la Révolution française. 1954. № 134.

¹⁴² Rudé G. Op. cit. P. 146—147.

143 Существовало как бы негласное разделение функций: идеологическое обоснование необходимости реорганизации власти брали на себя якобинцы, они же (в первом случае совместно с жирондистами) после того, как выявлялась в Париже и в стране новая расстановка сил, добивались ее законодательного освящения. Санкюлоты и их неизвестные или малоизвестные вожаки готовили восстания и добивались их победы, чтобы затем уступить власть более умелой и последовательной политической группировке.

144 Историки неоднократно отмечали органическую взаимосвязь между идеологией и политической организацией. «Партии, — пишет А.С.Маныкин, — появились вместе с общенациональными задачами, реализация которых требовала сравнительно большого времени и программы, сформулированной в той или иной форме, или, говоря иными словами, идеологической базы. Именно наличие последней цементирует ряды партии, делает ее более стабильной организацией. От того, насколько эта база соответствует объективным задачам, стоящим перед обществом, в первую очередь и зависит судьба партии...» (Маныкин А.С. История двухпартийной системы США. М., 1981. С. 3. См. также: Дементьев И.П., Согрин В.В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США // Новая и новейшая история. 1980. № 6).

145 См.: Люблинский В.С. Народное движение 1775 г. и проблематика ранних плебейских и крестьянских выступлений // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962; Rudé G. La taxation populaire de mai 1775 a Paris et dans la région parisienne // Annales historiques de la Révolution française. 1956. № 143/2.

146 Mathiez A. La vie chère et le mouvement social sous la terreur. P., 1927. P. 37.

147 Петиция парижской секции Гобеленов от 23 января 1792 г. Цит. по: Mathiez A. La vie chère... P. 42.

148 Одна из сложностей анализа политических процессов времен Великой революции заключается в том, что политические группировки за предельно короткий срок меняли свой состав и свою программу, сохраняя одно и то же название.

149 См.: Гордон А.В. Указ. соч. С. 42.

150 Sainte-Claire Deville P. La Commune de l'an II. P., 1946.

151 Этот первый механизм прямой демократии многократно описывался историками. К примеру, в статье Н.И.Владимировой рассматривается такой факт: обсудив декрет, снимавший вину с «беглеца» Людовика XVI, возмущенная толпа из цирка Пале-Рояля направилась в клуб якобинцев, чтобы добиться осуждения короля-клятвопреступника (см.: Владимирова Н.И. Якобинский клуб в дни Вареннского кризиса лета 1791 г. // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 255).

152 Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. С. 54.

153 Там же. С. 268.

154 Mathiez A. Le dix aout. P., 1931. P. 72.

¹⁵⁵ См.: Гордон А.В. Указ. соч. С. 49, 53; See A. Le proces Pache. P., 1914. P. 147.

¹⁵⁶ См.: Захер Я.М. Движение «бешеных». М., 1961.

¹⁵⁷ Soreau E. Op. cit. P. 138.

¹⁵⁸ Ibid. P. 160.

¹⁵⁹ Coornaert E. Les compagnons en France du moyen âge à nos jours. P., 1966. P. 56.

¹⁶⁰ Soreau E. Op. cit. P. 230.

¹⁶¹ Coornaert E. Op. cit. P. 56.

¹⁶² Цит. по: Ibid. P. 57.

¹⁶³ Ibid. P. 57.

¹⁶⁴ Ibid. P. 55

¹⁶⁵ Benoist L. Le compagnonnage et les métiers. P., 1975. P. 36—37.

¹⁶⁶ Barret P., Gurgand J.N. Ils voyageaient la France. Vie et traditions des compagnons du Tour de France au XIX siècle. P., 1980. P. 401—404.

¹⁶⁷ Cavnac J. Le compagnonnage dans les luttes ouvrières au XVIII siècle. L'exemple de Bordeaux // Bibliothèque de l'Ecole des chartes. 1968. T. CXXVI. 2 livr. P. 379.

¹⁶⁸ Встречается и другое название членов этого компаньонажа — «дети Соломона». Согласно легенде о происхождении этого деуара, он, как и все прочие истинные компаньонажи, был создан во время постройки Иерусалимского храма, а его основателем был царь Соломон (см.: Брюа Ж История рабочего движения во Франции. М., 1953. С. 79).

¹⁶⁹ Benoist L. Op. cit. P. 31. Правда, следует отметить, что следов каких-либо конфессиональных различий между компаньонажами в XVIII—XIX вв. не осталось. Столярный подмастерье, автор нескольких книг и брошюр о компаньонажах А.Пердигье писал в начале XIX в.: «Компаньон — космополит, он всюду чувствует себя как дома, и все члены его компаньонажа — ему земляки. Не важно, где ты родился, белое твое лицо или черное, желтое, красное, медное; Моисей ли, Ману, Магомет или Иисус — твой пророк, твой Бог, все это не важно; в своем компаньонаже ты земляк, соотечественник, брат. Мне приходилось видеть, как испанцы, немцы, американцы, бельгийцы, швейцарцы, итальянцы, савояры, марокканцы на наших выборах одерживали верх над французами и становились первыми компаньонами, капитанами, дигнитариями нашего общества...» (Perdiguier A. Mémoires d'un compagnon. Moulins, 1914. P. 104).

¹⁷⁰ Coornaert E. Op. cit. P. 80.

¹⁷¹ Soreau E. Op. cit. P. 140.

¹⁷² Корпорации были ликвидированы законом от 17 марта 1791 г. Этот закон, безусловно, также способствовал укреплению индивидуалистических настроений и тяги к предпринимательству у части рабочих.

¹⁷³ Soreau E. Op. cit. P. 139.

¹⁷⁴ *Procès-Verbaux des comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention* / Publ. par P. Gerbaux, Ch. Schmidt. T. 1. P., 1906. P. 426.

¹⁷⁵ См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 104—109.

¹⁷⁶ Vernes (de Genève). *Le Voyageur sentimental en France sous Robespierre*. T. I. Genève—P., an VII de la République. P. 20.

¹⁷⁷ Цит. по: Robiguet J. *La vie quotidienne au temps de la Révolution*. P., 1938. P. 140.

¹⁷⁸ Voilquin S. *Souvenirs d'une fille du peuple ou la saint-simonienne en Egypte — 1834 a 1836 par Madame Suzanne* Vol. P. 1866. P. 29.

¹⁷⁹ Ibid. P. 29—31.

¹⁸⁰ Иногда происходили забастовки у рабочих разных специальностей или разражались бунты, в которых участвовали различные слои трудового люда того или иного города, но при этом срабатывал скорее механизм заражения, чем чувство солидарности.

¹⁸¹ Jacques J. *Vie et mort des corporations. Grèves et luttes sociales sous l'ancien régime*. P., 1948. P. 99.

¹⁸² См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 2. С. 104.

¹⁸³ В каменноугольном бассейне Литтри в марте 1792 г. пятеро откатчиков отказались работать в штреке, затопленном водой, а также потребовали уменьшить размеры корзин для переноски вырубленного угля. Их уволили, но на следующий же день на шахте, где они работали, объявили забастовку (Lefebvre G. *Les mines de Litrtry sous l'ancien régime et pendant les premières années de la Révolution (1744—1793)* // *Annales historiques de la Révolution française*. 1926. X 13. P. 31).

¹⁸⁴ Lefebvre G. *Les mines de Litrtry de 1793 a l'an VIII* // *Annales historiques de la Révolution française*. 1926. № 14. P. 120.

¹⁸⁵ См.: Коробочко А.Е. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в. // *Французский ежегодник*. 1965. М., 1966. С. 47, 49.

¹⁸⁶ Полный текст закона приведен в кн.: Жорес Ж. *Социалистическая история французской революции*. Т. 1. Кн. 2. М., 1977. С. 219—221. О законе Ле Шапелье см.: Сытин С.Л. *Закон Ле Шапелье в оценке современников* // *Новая и новейшая история*. 1969. № 4.

¹⁸⁷ Levasseur E. *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France*. T. I. P., 1903. P. 27—29.

¹⁸⁸ Lanzaс de Laborie L. de. *Paris sous Napoléon. Le Monde des Affaires et du Travail*. P., 1910. P. 318—340; Votière G. *Les ouvriers de Paris sous l'Empire* // *Revue des Etudes napoléoniennes*. 1963. Juillet—septembre.

¹⁸⁹ Chauvet P. *Les ouvriers du livre en France de 1789 à la constitution de la Fédération du livre*. P., 1964. P. 9; Bourdin J. *Les sociétés populaires à Paris pendant la Révolution*. P., 1937. P. 117.

¹⁹⁰ Bourdin J. *Op. cit.* P. 117.

¹⁹¹ Ibid. P. 117—118.

¹⁹² См.: Иоаннисян А.Р. *Коммунистические идеи в годы Великой буржуазной революции*. М., 1966. С. 221—222.

- 193 Bourdin J. Op. cit. P. 119.
- 194 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 751—752.
- 195 Соболев А. Первая республика. 1792—1804. М., 1974. С. 74.
- 196 Dewey J. The Public and Its Problems. NY, 1927. P. 211; цит. по: Мигранян А.М. Политическое участие в буржуазных теориях демократии // Рабочий класс и совр. мир. 1988. № 1. С. 146.
- 197 Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. М., 1957. С. 250.
- 198 Там же. С. 261.
- 199 Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 371
- 200 Конституции... С. 371.
- 201 Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 359.
- 202 О коррумпированности этих членов Конвента см.: Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 387.

Глава III

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, РАБОЧИЙ КЛАСС И ГОСУДАРСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Великая буржуазная революция XVIII в. обеспечила правовые, политические, во многом социально-психологические условия для превращения капиталистического экономического уклада в доминирующий. И все же не политические преобразования, а технологический переворот, позже названный промышленной революцией, превратил капитализм в господствующую систему общественных отношений.

Определения капитализма появляются во Франции в 40-х годах XIX в. Историк, теоретик социализма и неудачливый политик Луи Блан считал, что капитализм — это присвоение капитала одними с исключением других¹, другой социальный мыслитель Прудон определял капитализм как «экономический и социальный строй, при котором капиталы — источник дохода — в целом не принадлежат тем, кто приводит их в действие собственным трудом»². Слово капитализм имело чаще всего отрицательную коннотацию в отличие от слова капиталисты, в устах многих французов звучавшее вполне нейтрально. О капиталистах в развитие идей и представлений XVIII в. говорили в палатах парламента и в прессе, в теоретической литературе и в сатирических листках и подписях под гравюрами. Защищая интересы предпринимателей, банкир и депутат от департамента Сена Жак Лаффит обвинял в 1817 г. правительство, что оно намеревается изъять в пользу казны «из рук капиталистов» не 314 млн франков, как оно объявляло, а 409³. Другой банкир, некоторое время примыкавший к сенсимонистам, Ж.Перейра в 1832 г. ратовал за то, чтобы банкиры стали посредниками между капиталистами и трудящимися и эта посредническая функция позволила бы им снизить процентную ставку⁴.

Несовершенства новой экономической системы были очевидны для всех людей, способных к критическому мышлению. Но одни предлагали от нее полностью отказаться и создать принципиально иную, другие искали пути ее усовершенствования. Видный либерал и один из наиболее прозорливых банкиров своего времени Лаффит добивался уменьшения ренты и высвобождения капи-

талов для использования их в промышленности и транспорте. Эту идею поддерживали сенсимонисты, в частности в декабре 1824 г. Анфантен составил проект, касавшийся технических деталей предложения Лаффита. Проект он направил Лаффиту, и тот предложил ему встретиться. Когда в июне 1825 г. Анфантен создал акционерное общество для издания «Producteur», то в числе его акционеров были Лаффит, Ардуэн и другие французские банкиры: Терно, Андре, Агерман, Одье, Блан-Колен, Вассаль⁵. Впоследствии «Producteur» выступал за развитие кредита, превознося его как род необходимого доверия тех, кто владеет, в отношении тех, кто действует. Идеи о значении кредита как средства, способствующего развитию производства, сенсимонисты развивали и на страницах других изданий. 6 сентября 1830 г. братья Перейра опубликовали в «Journal du Commerce» проект, который они предварительно согласовали, по их словам, со многими парижскими банкирами⁶. Они предлагали создать мощную ассоциацию, которая могла бы путем своих кредитов способствовать развитию промышленности и торговли. Ее создание должно было быть утверждено законом.

Идеи о необходимости стимулирования промышленного развития путем удешевления кредита и создания инвестиционных банковских структур даже в период Реставрации имели отнюдь не только теоретический и пропагандистский характер. Банк Франции и частные банковские структуры пытались воздействовать на ситуацию в промышленности особенно во время спадов экономической активности. Во время кризиса 1826—1828 гг., наиболее остро отразившегося на ситуации в Эльзасе, Банк Франции принял решение, впрочем, официально не объявленное, не принимать ценные бумаги, гарантированные подписями только из Эльзаса. Это негласное решение последовало после того как на совете управляющих Банка выступил с докладом о ситуации в Мюлузе парижский банкир Одье⁷. Нараставшие проблемы в промышленности Мюлуза могли привести к цепной реакции и, чтобы избежать катастрофы, парижские банкиры решили вмешаться. В конце января 1828 г. синдикат банковских домов Лаффита, Ротшильда, Фульда, Давийе, Гро, Тюре выделил займ в 5 млн франков, из которых 4 пошли крупнейшим эльзасским предпринимательским структурам: Дольфюсу, Мигу и компании, а также Кехлину, и один миллион другим наиболее крепким предприятиям⁸.

Во Франции первой половины XIX в. менялись правительства и режимы, но экономическая политика поразительным образом сохраняла преемственность. Более того, в кризисные моменты частные лица, государственные и муниципальные структуры неизменно находили взаимопонимание для осуществления согласованных действий. Так для преодоления тяжелейшего кризиса конца 40-х годов Временное правительство 7 марта 1848 г. постановило создать учетные бюро, получившие средства от государства и местных органов власти. Капитал этих организаций составлялся на одну треть из звонкой монеты, предоставленной частными учреди-

телями, на 1/3 — из обязательств муниципалитетов и на 1/3 из бонов, выпущенных казначейством⁹. В тот же день 7 марта в Париже было учреждено Учетное Бюро с капиталом в 20 млн, в его создании участвовали известные банкиры А.Фульд и Э.Перейра. Подобного же рода банки были созданы и в 63 провинциальных городах. В Мюлузе в административный совет Национального Учетного бюро вошли крупнейшие местные предприниматели Манц-Блех, Кехлин, Кюльманн, Миг. Впоследствии учетные бюро были преобразованы в анонимные общества и в коммандитные акционерные общества¹⁰.

Тем не менее регулирующая роль правительства и банков в первой половине XIX века была малозначимой из-за финансовой и технической невозможности воздействовать на массу мелких частных владельцев. Бюрократический инструментарий воздействия на экономическую жизнь был довольно ограниченным. В годы Реставрации в системе исполнительной власти экономикой занималось министерство внутренних дел. С 1815 г. в его рамках существовала дирекция сельского хозяйства, торговли и мануфактур, иногда торговлю и мануфактуры отделяли от сельского хозяйства. В январе 1828 года было создано специальное министерство торговли и мануфактур (как это было при Наполеоне после 1812 г.), просуществовавшее до августа 1829, когда вновь вопросы коммерции и промышленности были возвращены ведомству внутренних дел¹¹. После Июльской революции эти вопросы чаще всего были отнесены к компетенции особого министерства, хотя объем его полномочий и соответственно название не раз менялись¹².

Воздействие правительства и банков было затруднительным и вследствие того, что в периоды кризисов экономическая жизнь быстро архаизировалась. Хождение ценных бумаг оказывалось затруднительным, кредитные операции сворачивались, расчеты в значительной степени производились наличными, что порождало еще больший хаос.

Правительство в лице министра сельского хозяйства и торговли в конце 30-х годов и министра общественных работ, сельского хозяйства и торговли в конце 40-х годов пыталось проинвентаризировать всю французскую промышленность в провинции, но французскому правительству, опиравшемуся на централизованную административную систему, удалось получить объемную, но далеко не исчерпывающую статистическую картину.

Анализ производственных структур: фабрик, заводов, мануфактур, ремесленных мастерских — первой половины XIX в. позволяет понять специфику нового способа создания богатства, характерного для эпохи «бедного капитализма». Но о количестве фабрик, заводов и мануфактур во Франции первой половины XIX в. судить очень трудно вследствие большой неточности и неполноты статистики тех лет. Так в подготовленном по указанию министра общественных работ, сельского хозяйства и торговли официальном издании «Statistique de la France, publiee par le ministre des travaux

publics, de l'agriculture et du commerce»¹³ отсутствует информация о промышленности такого индустриально развитого департамента, как Нижняя Сена, нет сведений о департаментах Тарн и Вандея. Непонятен и сам принцип классификации промышленных предприятий. В одну колонку выделяются фабрики, мануфактуры и заводы (*fabriques, manufactures et autres usines*) общей численностью 27 965 единиц, в другую — различные печи промышленного назначения и плавильни, их число — 3325¹⁴. В 30-е годы в статистических справочниках металлургические предприятия подчас называли просто домной (*fourneau*) или сталеплавильней (*acierie*)¹⁵. И тем не менее нельзя сказать с полной уверенностью, являлись ли учтенные в названном издании печи и плавильни отдельными предприятиями, которые следует приплюсовать к 27 965, или это лишь дополнительная характеристика «фабрик, мануфактур и заводов».

Согласно данным статистических обследований 40-х годов, во Франции в тот период насчитывалось 71 497 промышленных предприятий в провинции¹⁶ и 10 168 в Париже¹⁷. Об индустрии в провинции известно благодаря статистическому обследованию 1839—1845 гг. В ходе этого обследования учитывались промышленные заведения, которые по своему характеру, размерам и стоимости годовой продукции выходили за рамки ремесла. Основным же критерием выделения крупной промышленности, т.е. фабрик, заводов и мануфактур, для них служило наличие на предприятии 12 и более работников¹⁸. В исследовании Моро де Жоннеса, откуда почерпнуты данные о парижской промышленности, также приводятся сведения лишь о крупных предприятиях. Таким образом, можно констатировать, что во Франции в 40-е годы насчитывалось приблизительно 81 665 фабрик, заводов и мануфактур. Что же представляли собой эти предприятия? Для ответа необходимо, во-первых, вычленить важнейшие отрасли промышленности тех лет¹⁹, во-вторых, дать описание типичных предприятий данных отраслей. Отрасль промышленности XIX в. можно определить как «совокупность промышленных предприятий, однородных по назначению вырабатываемой ими продукции, характеру перерабатываемого сырья или характеру технологического процесса»²⁰. Французские статистики середины XIX в. при выделении отраслей руководствовались единым и единственным критерием — характером перерабатываемого или добываемого сырья. В соответствии с этим они делили все промышленное производство на три большие группы: I — предприятия, добывающие или перерабатывающие минеральное сырье; II — предприятия, перерабатывающие сырье растительного происхождения; III — предприятия, перерабатывающие сырье животного происхождения. Исходя из того же критерия, внутри указанных трех подразделений выделялись отрасли. Итоговая, наиболее обобщенная классификация включала 77 отраслей. В таблице 1 названы 10 отраслей с наибольшим количеством рабочих.

Таблица 1

**Крупнейшие отрасли французской промышленности
(по переписи 1839—1845 гг.)**

Отрасль промышленности	Число предприятий	Число рабочих	Количество паровых машин	Станки	Прочие машины
Хлопчатобумажное производство	2394	244 819	416	116 154	15 487
Шелковое производство	1459	165 115	145	88 864	8894
Шерстяное производство	2424	144 146	267	38 498	20 242
Черная металлургия и металлообработка	2443	125 933	422	2075	6839
Мукомольное производство	34 079	78 540	53	8	2486
Производство изделий из льна и конопли	5576	56 167	90	20 901	2263
Карьеры	2690	29 681	13	17	139
Каменноугольная промышленность	258	23 402	225	7	62
Солеварение	538	21 736	18		172
Сахароварение	335	20 098	276	3	298

В рамках каждой отрасли предприятия значительно различались по своему техническому уровню. Это обстоятельство объяснялось рядом факторов. Во-первых, система путей сообщений во Франции была еще очень неразвитой. Вплоть до второй половины 40-х годов медленно разворачивалось железнодорожное строительство. К 1835 г. эксплуатировалось всего около 150 км железных дорог²¹. Мало было глубоководных каналов. Трудность и дороговизна транспортировки товаров способствовали сохранению местных рынков, на которых могла реализовываться продукция, которая ни по своей себестоимости, ни по своим качествам не выдержала бы конкуренции с продукцией наиболее передовых предприятий Франции. Во-вторых, система протекционизма способствовала сохранению отсталых предприятий. Поэтому во Франции даже в 30—40-е годы XIX в. в одной и той же отрасли часто сосуществовали предприятия фабрично-заводского, мануфактурного, а иногда и ремесленного типа. Тем не менее в каждой отрасли в той или иной степени преобладал один из этих типов производства. Характеризуя капиталистический уклад, мы сначала рассмотрим отрасли, в которых доминировал фабрично-заводской тип производства, затем те, в которых превалировал мануфактурный тип. Ремесленные предприятия будут анализироваться при рассмотрении мелкотоварного уклада. При рассмотрении 10 крупнейших отраслей внутри них выделялись более мелкие подразделения, в основном, в соответствии с принципом единства технологического процесса.

1.1. Капиталистический уклад

А. Фабрично-заводское производство

В 30—40-е годы XIX в. прядильное производство во Франции далее всех продвинулось по пути механизации. Из имевшихся в 1837 г. во Франции 1749 паровых машин 491 приходилась на прядильные фабрики²². А из всех прядильных производств ранее всего и в наиболее полном виде фабричный тип сложился в хлопкопрядении. Уже в период Реставрации в этой отрасли имелись предприятия, на которых были механизированы все основные технологические операции. Хлопок последовательно обрабатывался с помощью трепальных и трепально-настилательных машин, чесальных, вытяжных и бранкоброшных станков, наконец, мюль-дженни или ватерных машин контину. Даже упаковка готовой пряжи на некоторых фабриках осуществлялась машинами²³. В 30-е годы паровые машины в хлопкопрядении стали появляться даже в совсем маленьких городках, удаленных от основных транспортных путей. В междуречье Мэна и Нантского Севра в городе Клисоне, насчитывавшем согласно переписи 1836 г. 2563 жителя, уже в 1834 г. в местной хлопкопрядильне была установлена паровая машина мощностью в 14 лошадиных сил²⁴. Англичанин Юр, дополнивший французский перевод своей известной «Философии мануфактур» ценными указаниями, относящимися к Франции, утверждал, что к началу 30-х годов XIX в. «в отношении тех номеров пряжи, которые составляют $\frac{9}{10}$ потребления», эльзасские фабриканты ни в чем не могли позавидовать англичанам. За исключением наивысших номеров, эльзасская пряжа была не хуже английской. А эльзасский промышленник Шлемберже (из Гебвиллера) даже англичан удивлял качеством своей тонкой пряжи. Эти показания вполне совпадают с оценкой эльзасского бумагопрядильного производства Коннелем, одним из лучших английских фабрикантов тонкой пряжи. Коннель лично сообщил д-ру Юру, что в Гебвиллере имеются такие машины мюль-дженни, как и его собственные. Да и сам Юр, посетив фабрики эльзасских предпринимателей Дольфюса и Мига, убедился в их равенстве и даже превосходстве по сравнению с обычными английскими фабриками²⁵.

В 40-е годы во Франции в среднем на каждой бумагопрядильной фабрике насчитывалось 29 прядильных станков и 18 различных машин для предварительной обработки хлопка и упаковки пряжи. Эта система машин практически на всех 566 хлопкопрядильных страны приводилась в действие водяными (478) или паровыми (244) двигателями. Лишь в наиболее отсталом регионе Франции, на юго-западе, на двух предприятиях использовались ручные станки. Среди предприятий бумагопрядильной промышленности встречались и крупные фабрики подобно бумагопрядильне Мотт-Боссю в Рубе, на которой в 40-е годы работало 530 человек персонала²⁶. Подавляющее большинство работников бумагопрядильных

фабрик выполняли очень простые операции, не требующие ни специальной выучки, ни значительной физической силы. Это обусловило и структуру рабочей силы в хлопкопрядении, где приблизительно 64% занятых составляли женщины и дети²⁷. В бумагопрядильном производстве, как и в большинстве других текстильных отраслей, перестроенных на фабричный лад, лишь около 10% рабочих обладало довольно высокой квалификацией. То были наладчики станков и различные ремонтники: столяры, токари, слесари²⁸.

Перестройка производства на машинный лад в шерсто- и льнопрядении осуществлялась несколько медленнее, чем в хлопкопрядении. Первые дженни в области шерстопрядения появились незадолго до 1789 г. Центром фабричного шерстопрядения стал Амьен с близлежащей округой. Но на амьенских фабриках был механизирован лишь процесс прядения, все же подготовительные операции осуществлялись вручную. Видимо, этот факт, а также несовершенство первых механических прядильных станков послужили причинами того, что в том же департаменте Соммы еще и в эпоху Реставрации во многих сельских коммунах продолжалась выделка шерстяной пряжи с помощью ручной прялки²⁹. Внедрение машин в обработку шерсти перед прядением осуществилось в 30-е годы. Автор знаменитого промышленного обследования тех лет, врач Л.-Р.Виллерме дал подробное описание выработки пряжи из шерсти.

Весь технологический процесс в шерстопрядильных подразделялся на 8 основных операций: 1) на деревянных решетках шерсть очищали от особо крупного мусора и делили ее на 4 или 3 сорта (эта грязная грубая, ручная работа производилась обычно стоя); затем шерсть 2) мыли, 3) сушили и обезжиривали, 4) красили (красильщики и мойщики шерсти работали в постоянной сырости); 5) потом следовала отбивка шерсти, осуществлявшаяся специальными палками или машиной, которая называлась «волк» или «дьявол» (ручная отбивка всегда была делом мужчин, так как требовалась значительная мускульная сила); 6) шерсть смачивали маслом с помощью машины «волк»; 7) осуществлялось машинное чесание, cordage (для тонкой пряжи расчесывание — *reignage*, а не cordage — производилось вручную; лишь на фабрике Д.Коллье в Париже эта операция была механизирована)³⁰; 8) шерсть пряли с помощью машин. Итак, из 8 важнейших операций на всех шерстопрядильных фабриках в 30—40-е годы 4 осуществлялись вручную, на некоторых же без применения машин выполнялись 5 и даже 6 операций.

В 40-е годы во Франции насчитывалось 507 шерстопрядилен, станки на них приводились в действие 142 паровыми механизмами, 368 водяными двигателями, а также конной, воловьей тягой и в одном случае ветряным двигателем³¹.

Обилие паровых машин и водяных двигателей явно указывает на господство механического прядения. В то же время на подавля-

ющем большинстве фабрик имелись машины и для предварительной обработки шерсти: в среднем на каждой фабрике их насчитывалось более восьми.

Таким образом, данные промышленной переписи 1839—1845 гг. и обследования Виллерме показывают, что в 30—40-е годы XIX в. в шерстопрядении возобладал фабричный тип производства. Но хотя на многих фабриках уже сложилась развитая кооперация машин, по-прежнему огромное место в производстве занимал ручной труд.

Во французском льно- и пенькопрядении³² получили довольно широкое распространение станки континю, еще очень несовершенные. Двигателем для них служила рука человека. В 40-е годы они сохранились приблизительно на трети всех льно- и пенькопрядильных предприятий северо-востока Франции — региона, где было сосредоточено почти 99% предприятий этих отраслей. В 1836 г. во Франции в льнопрядильной промышленности было лишь 6 тыс. льнопрядильных механических веретен, в 1840 г. — 25 тыс.³³

На 62 льнопрядильных департаментов Нор, Па-де-Кале, Арденны, Верхний Рейн (остальные северо-восточные департаменты не имели льнопрядильного производства) было установлено 32 паровые машины и 6 водяных двигателей³⁴. В целом по Франции на льно- или пенькопрядильную фабрику в 40-е годы в среднем приходилось приблизительно 5 машин для предварительной обработки льна или пеньки и 19 прядильных станков³⁵. Несмотря на заметное отставание по темпам механизации от хлопко- и даже шерстопрядения, в льно- и пенькопрядении также преобладал фабрично-заводской тип производства.

На протяжении первой половины XIX в. машинное производство постепенно складывалось в ткачестве. О темпах этого процесса могут свидетельствовать следующие цифры: в 1827 г. в департаменте Верхний Рейн насчитывалось 426 механических ткацких станков, в 1834 г. — 3090³⁶. Правда, об исчезновении ручного ткачества к концу 40-х годов говорить не приходится. Даже в более передовой Англии в хлопчатобумажной промышленности в 1849 г. наряду с 225 тыс. механических станков продолжали действовать 60 тыс. ручных³⁷. О Франции же русский «Журнал мануфактур и торговли» писал в 1850 г.: «В выделке бумажных и льняных материй машинное тканье заметно вытесняет во Франции тканье ручное. В Реймсе, Лилле, Руане и Эльзасе есть большие заведения, имеющие до 400 механических станков. Материи шерстяные и шелковые продолжают изготовлять на ручных станках»³⁸.

Вначале же 40-х годов даже в наиболее передовой отрасли — хлопкоткачестве с высокомеханизированными фабриками — продолжали конкурировать не только централизованные мануфактуры, но и домашнее ткачество. Так в уже упоминавшемся Клиссоне, маленьком городке, расположенном на границе между Бретанью, Анжу и Пуату торговцы из Нанта и Шоле раздавали ткачам уже готовые нити, для дальнейшей их обработки на дому³⁹. Если

в департаменте Нор на 5 фабриках, где осуществлялось и прядение и ткачество, 180 станков и 77 машин для предварительной обработки хлопка приводились в действие 6 паровыми машинами, то на ткацких предприятиях Па-де-Кале или Меза имелись только ручные станки.

К 40-м годам определенных успехов фабричное производство достигло в ситцепечатании. Уже Виллерме писал об употреблении механических станков в этой отрасли как о явлении типичном.

В ситцепечатании, как ручном, так и машинном, было занято три категории рабочих: граверы, печатники и разнорабочие. Профессия гравера была исключительно мужской. Труд этот носил сугубо ремесленный характер, к тому же требовал определенных художественных навыков. Во много раз более однообразной являлась работа ситцепечатника, независимо от того, стоял ли он за механическим станком — машиной с вертящимися барабанами — или непрерывно накладывал деревянные рамы с нужным рисунком или просто краской на полотно. Разнорабочие занимались сушкой, стиркой, дополнительной подкраской материй⁴⁰. О степени распространения машинного ситцепечатания у нас имеются лишь отрывочные сведения. На 13 верхнерейнских ситцепечатных фабриках имелось 290 станков и 887 различных машин (их приводили в действие 4 паровые машины, 6 водяных двигателей и свыше 10 лошадей). В департаменте Нор ситцепечатание осуществлялось параллельно с выделкой батистовых тканей на одних и тех же предприятиях. На 9 подобных предприятиях использовалась 131 машина с вертящимся барабаном. В качестве двигателей применялись 4 паровых механизма, конный привод; в нескольких случаях ситцепечатные машины приводились в действие воловьей силой. Машинное производство в целом преобладало, но следует учитывать, что Нор и Верхний Рейн были в те годы одними из самых развитых департаментов Франции.

При всей неполноте созданной нами картины можно предположить, что из 969 863 работников, занятых в 1847 г. в текстильной промышленности⁴¹, очень значительный процент приходился на фабричных рабочих.

Вытеснение ручного труда машинным в каждой отрасли имело свою специфику. Особенно заметной была она в металлургии. Попробуем представить схему технологического процесса, типичного для металлургических предприятий Франции 30—40-х годов XIX века.

1. Выплавка чугуна

1. Подготовка руды, флюсов, древесного или каменного угля к доменному процессу. До середины 30-х годов древесный уголь производился непосредственно в лесах, а впоследствии — на заводах в специальных печах, куда поступали колошниковые газы. Перед загрузкой древесины в обжигательные печи, например, на заводе Сеню (деп. Арденны) 30 человек занимались ее ручной рас-

пилкой⁴². С другой стороны, для размельчения руды издавна уже использовались специальные машины — толчеи⁴³.

2. Загрузка руды, угля и пр. в домну. Осуществлялась при помощи простейших механизмов или вручную.

3. Доменный процесс. К 1835 г. почти повсеместное распространение получили вертикальные мехи, обычно приводившиеся в действие паровой машиной и значительно ускорявшие плавку. Если контроль за доменным процессом осуществлялся постоянными рабочими, высококвалифицированными литейщиками, то первые две операции входили в обязанности «внешних» рабочих, которые от случая к случаю подрабатывали на заводах. Часто этих подсобных рабочих набирали среди лесорубов, шахтеров, возчиков⁴⁴. Грубый, неквалифицированный физический труд был их уделом. Подобный труд занимал огромное место в черной металлургии. Об этом свидетельствует процент «внешних» рабочих в составе персонала традиционных металлургических предприятий. В Сен-Монтиньи (Кот д'Ор) они составляли — 69,9%, в Сен-Фуа (Аржес) — 80, а в Ларруа (Кот д'Ор) даже 95,6%⁴⁵.

4. Слив шлака и расплавленного чугуна. В романе «Труд» Э.Золя описал плавку в доменной печи очень устарелого образца. Вот каким образом представил он завершение выплавки чугуна: «Пти-Да с силой молодого колосса с размаху вонзил лом во втулку из огнеупорной глины, закрывавшую отверстие домны; затем четверо рабочих ночной смены, схватив тяжелую бабу, принялись равномерными ударами бить ею по лому, чтобы глубже вогнать его в глину. Очертания их фигур терялись во мраке, слышались только глухие удары. Вдруг показалась ослепительная звезда — крошечное отверстие, за которым пылал огонь. Но пока сквозь отверстие пробивалась лишь тонкая струя... Пти-Да пришлось взять другой лом, вонзить его в глину и повернуть богатырским усилием, чтобы увеличить отверстие. Тогда наконец произошел прорыв: металл хлынул бурным потоком...»⁴⁶ В конце 30-х годов на считавшемся передовым по техническому оснащению металлургическом заводе близ местечка Аббенвиль домны выдавали в день не более двух плавок⁴⁷.

II. Выплавка железа

1. Пудлингование. Тяжкая работа пудлинговщика требовала незаурядной физической силы, ловкости, профессионального мастерства. Она не раз привлекала внимание писателей. Ее описание есть у Э.Золя и Л.Рейбо⁴⁸.

Пудлингование, открытое англичанином Кортон в 1784 г., было не только гораздо производительнее старинных способов передела чугуна, до этого осуществлявшегося в закрытых горнах, но и несколько упрощало функции литейщика. Французские инженеры писали об этом: «Труд при пудлинговании несколько легче, чем при переделе чугуна в закрытом горне... так как рабочий-пудлинговщик всегда может видеть то, что происходит в печи,

в то же время этот труд более тяжок, так как рабочему приходится перемешивать металл, чтобы каждая его частица пришла в соприкосновение с воздухом»⁴⁹.

О постепенном вытеснении традиционных методов передела говорит тот факт, что число сталеваров на предприятиях, применявших пудлингование, с 1835 по 1846 г. увеличилось на 39,7%, на традиционных предприятиях их число сократилось на 41,5 %⁵⁰.

2. Выемка крицы. Очень трудоемкая и тяжелая операция. Повсеместно совершалась вручную.

3. Проковка крицы ручным, паровым молотом или же молотом, приводившимся в действие водяным двигателем. Первый в мире паровой молот был установлен в 1842 г. на заводе Крезо⁵¹, в 1843 г. паровой молот начал действовать также в Террнуар, в 1849 г. — в Лоретте⁵².

4. Дополнительный прогрев металла в калильной печи.

5. Прокат. Механизированная операция. В 1826 г. во Франции насчитывалось 45 прокатных станов. Их имели тогда заводы 23 департаментов, к 1845 г. они появились еще в 5 департаментах⁵³.

Несмотря на то, что внедрение машин в черную металлургию осуществлялось медленнее, чем в прядильную промышленность, можно признать, что крупнейшие металлургические комплексы типа Крезо, Деказвиля, Террнуар, Фуршамбо, Але являлись заводами в том смысле, в каком термин «фабрика» употребляется для легкой промышленности. Подобные предприятия во Франции 30—40-х годов XIX в. называли «les forges a l'anglaise». Но таких передовых промышленных заведений было всего несколько десятков, тогда как во Франции 40-х годах имелось 483 только чугунолитейных и железоделательных предприятия, не считая предприятий, занимавшихся выпуском специальных сортов железа и фасонного литья. Но и на средних, «заурядных» предприятиях процесс механизации, усложнения и укрупнения производства зашел довольно далеко. По данным «Statistique de la France», в вышеуказанных промышленных заведениях Франции в 40-е годы имелось 419 различных машин, которые приводились в действие 153 паровыми и 532 водяными двигателями⁵⁴.

Все это в совокупности дает право считать, что становление фабрично-заводского типа производства в металлургии шло в годы Июльской монархии полным ходом.

Правда, следует отметить, что складывавшаяся на металлургических предприятиях кооперация машин несла с собой несколько иные последствия для рабочих, чем механизация в текстильном производстве. Кооперация машин в металлургии в середине XIX в. еще не вела к облегчению (в плане снятия больших физических нагрузок) и упрощению труда. Скорее, наоборот, повышение эффективности доменных печей, увеличение их размеров, внедрение пудлингования, паровых молотов и блюмингов требовали от рабочих большей сноровки, большей выучки, ловкости. Крупнейший предприниматель в металлургическом деле Э.Шнейдер говорил:

«Тот, кто имеет дело с быками, может думать медленно, кто же имеет дело с паровой машиной, должен думать и действовать быстро»⁵⁵. В то же время, как показал анализ технологического процесса, значительная физическая сила также оставалась одним из обязательных условий труда в металлургической промышленности

У нас нет возможности рассмотреть все многообразие производств металлообрабатывающей промышленности. Остановимся лишь на характеристике машиностроительных предприятий. Этот выбор определяется как первостепенным значением машиностроительной отрасли в ходе промышленной революции, так и факторами социально-политического характера, и прежде всего активным участием рабочих-машиностроителей (*mecaniciens*) в революционных событиях 1848 года⁵⁶.

Согласно «Statistique de la France», во Франции (без Парижа) в 40-е годы насчитывалось 133 предприятия, на которых производились машины различного рода. На них было занято 12 334 рабочих⁵⁷.

Первые машиностроительные предприятия во Франции возникли еще в XVIII в. В 90-е годы в промышленных заведениях Перье, Рамю, Куржолле изготавливались паровые машины, во Вьенне и Дуэ отливали зубчатые передачи и другие детали насосов и подъемных машин для угольных шахт, на предприятии Суппа производили цилиндры прокатных станков, а у Мильнов — прядильные станки⁵⁸. Имеются сведения, говорящие о том, что в 20 — начале 30-х годов. Франция не только ввозила, но и вывозила различные станки и машины.

Таблица 2

Данные о легальном ввозе и вывозе машин⁵⁹

Год	Ввезено машин на сумму (фр.)	Вывезено машин на сумму (фр.)
1820	357 500	216 500
1823	842 486	566 436
1827	1 045 293	1 319 303
1833	797 876	1 668 376

В 30—40-е годы XIX в. французское машиностроение во многом обеспечивало спрос промышленности страны на двигатели, станки и другие машины. В 1836 г. из использовавшихся на французских предприятиях 1749 паровых машин 1393 были отечественного производства⁶⁰.

У Моро де Жоннеса имеется перечень машин, выпускавшихся французской промышленностью. Этот перечень представляет собой двойной интерес: во-первых, благодаря ему отчасти выясняется номенклатура производимой французским машиностроением продукции, во-вторых, на основании его можно представить, что понималось статистиками середины XIX в. под термином «маши-

на». Моро де Жоннес писал: «Машины, выпускаемые нашей промышленностью... это прежде всего двигатели, обеспечивающие работу мануфактур: турбины, гидравлические колеса, а также паровые мельницы; самодвижущиеся станки, молоты огромного веса, которыми может управлять и ребенок, механические устройства, которые способны перенести с места на место гранитную глыбу высотой 100 футов и весом 23 000 кг, механические прессы, выпускающие бумагу бесконечной лентой, буровые установки, способные пробить земную толщу глубиной 524 м»⁶¹. Производство столь сложной продукции требовало значительной концентрации рабочей силы и техники. В провинции на машиностроительном предприятии трудилось в среднем 93 человека. В Париже в среднем (если верить Моро де Жоннесу) машиностроительные предприятия были мельче, но также имелись крупные заводы. В пригороде Парижа Гренеле заведение Дерона и Кая в 1837 г. насчитывало 250 рабочих, в 1845 г. — 570, а в 1848 г. уже 1500 рабочих⁶². Помимо двух действовавших по существу как единое целое крупных заводов в Гренеле компании Дерона и Кая (впоследствии «Société I.-F. Cail et Ce») принадлежали заводы в Денене (деп. Нор) и Брюсселе, а их головное предприятие находилось в Париже на улице Шайо.

Типичный для 30—40-х годов технологический процесс и, соответственно, трудовые функции рабочих-машиностроителей воссоздать очень сложно из-за нестандартности производства. Например, в 30-е гг. тогда еще единственный завод Дерона и Кая специализировался в основном на выпуске сахароваренного оборудования, в 1844 г. в его цехах были построены 8 паровозов⁶³, а несколько ранее, в 1843 г., владельцы этого предприятия заключили контракт с изобретателем Шоссено о предоставлении им исключительного права на изготовление оригинальной конструкции предохранительного клапана для паровых машин⁶⁴. Соответственно, каждый из этих видов продукции имел особый способ изготовления. Поэтому технологический процесс на машиностроительных предприятиях Франции мы представили в обобщенном виде, не связывая его непосредственно с производством той или иной машины.

Основными стадиями изготовления любого сложного агрегата (локомотива, паровой машины, механического ткацкого станка) выступают: 1) получение металлических заготовок, различных полуфабрикатов; 2) производство деталей с помощью развитого парка металлорежущих станков; 3) сборка, наладка.

Первая стадия. На особенно крупных машиностроительных предприятиях имелось собственное литейное производство. Чаще же нужные заготовки производились из готовых металлических болванок. Для подобной первичной обработки металла служили ковочные молоты, прокатные станы, прессы, волочильные станы. В конце XVIII — начале XIX в. эти машины для обработки металлов давлением претерпели значительные изменения⁶⁵. В большой

степени увеличилась точность их работы. В основном они стали действовать на приводе от паровой машины, а не от водяного колеса. В провинции в 40-е годы на 133 машиностроительных предприятиях приходилось 113 паровых машин⁶⁶.

Вторая стадия. Литые, кованные или штампованные изделия подвергали обработке на металлорежущих станках. Важнейшим из них являлся токарный станок. Его использовали как универсальную машину для резания металла. Автор основательного учебника по токарному делу Е. де Валикур писал: «Токарное дело в некотором роде выступает как основание или, по крайней мере, как необходимое дополнение всех других механических работ, и каждый день появляются новые сферы применения токарного станка — этой удивительной машины»⁶⁷. Помимо продольного обтачивания и нарезания винтовой резьбы на токарном станке совершались самые различные операции: от распилки металлических брусков и правки фланцев до сверлильных, шлифовальных и долбежных работ. Соответственно и рабочий-токарь был своего рода универсалом.

Помимо токарного широко применялись сверлильно-расточные станки, также имевшие механический суппорт⁶⁸, и масса механических, но узкоспециализированных станков: типа станка, предназначенного исключительно для насечки напильников, или станка для нарезания зубьев⁶⁹. В целом французские машиностроительные предприятия отличались высокой технической оснащённостью; на 133 промышленных заведения приходилось 2137 различных механических станков и прочих машин⁷⁰. Правда, и в этой отрасли, как и во многих других, Англия опережала Францию. «Сопоставляя английскую и отечественную фабрику, — говорилось в сравнительном исследовании французской экономики и других европейских стран, — следует отметить, что наши механики по своей изобретательности ни в чем не уступают иностранцам, но по сравнению с огромными заводами англичан наши заводы отнюдь не оснащены всем необходимым оборудованием для производства с наименьшими издержками. Слишком часто еще встречается использование ручного труда, не везде правильные, шлифовальные и сверлильные станки заменили собой ручную шлифовку и сверление, не везде еще получили распространение большие токарные станки с механическим суппортом»⁷¹.

Третья стадия. На машиностроительных предприятиях Франции сборка вплоть до середины XX в. осуществлялась преимущественно вручную. Только в XIX в. на сборке стояли наиболее высококвалифицированные механики, а в XX в. стандартные машины собираются на конвейере специализированными рабочими. Транспортировка готовых деталей к месту сборки осуществлялась частично вручную, частично с помощью кранов, работавших по принципу лебедки. При анализе степени вытеснения ручного труда машинным в ходе промышленной революции следует учитывать, что в ряде производств ручной труд и не мог быть устранен

в XIX в., а иногда сама промышленная революция создавала потребность в ручном труде (например, механика-сборщика на машиностроительных предприятиях). С другой стороны, даже на самых совершенных машиностроительных заводах Франции в середине XIX в. сохранялись значительные элементы труда ремесленного и мануфактурного типов⁷². И тем не менее высокий уровень механизации первых двух стадий машиностроительного производства говорит о том, что уже в 30—40-е годы XIX в. фабрично-заводской тип производства в целом утвердился во французском машиностроении.

О высоком уровне развития французского машиностроения может свидетельствовать тот факт, что некоторые виды продукции этой отрасли в конце 40-х годов могли успешно конкурировать с английскими изделиями. Прежде всего это относится к оборудованию для сахароваренных заводов. Французское машиностроение обеспечило эту динамично развивавшуюся отрасль первоклассной для своего времени техникой. По данным Ж.-А.Шнитцлера, в 1828 г. во Франции насчитывалось всего 58 предприятий по переработке сахарной свеклы и 31 строилось, через пять лет действовала 361 сахароварня, в марте 1837 г. их было уже 543 и 39 строилось⁷³. После 1840 г. число сахароваренных заводов начало сокращаться, хотя объем годовой продукции отрасли неуклонно увеличивался.

Технологический процесс производства сахара из сахарной свеклы подразделялся на 10—11 операций: 1) свеклу вручную чистили, освобождали от крупного мусора. Эту работу выполняли обычно женщины или дети. В среднем две женщины за 12-часовой рабочий день должны были обработать 3—3,5 т свекловичных корней⁷⁴; 2) очищенную свеклу помещали в специальную машину, которая превращала корни в мелкую пульпу; 3) из пульпы механическими прессами выдавливали сок. Если в годы Реставрации большинство прессов приводилось в действие от конных приводов, то начиная с 30-х годов во Франции преимущественно использовались прессы с приводом от паровой машины. В следующем десятилетии приблизительно 82% оборудования сахароваренных предприятий приводилось в действие паровыми двигателями⁷⁵; 4) далее в паровых котлах сок подогревали до 60° и очищали с помощью альбумина и известкового молока⁷⁶. Вторая, третья и четвертая операции осуществлялись механически: рабочие только загружали свеклу или пульпу в соответствующий механизм и непосредственно в механической или химической переработке не участвовали; 5) сок проходил через фильтры из шерстяной материи, затем через фильтры из костного угля; 6) в специальных котлах сок концентрировали путем выпаривания из него воды. В 40-е годы для этой операции использовались уже достаточно совершенные котлы со змеевиком, например, конструкции де Бегрателя⁷⁷; 7) вторичная фильтрация и обесцвечивание осуществлялись в так называемых мешочных фильтрах; применялись уже и комбиниро-

ванные фильтры из костного угля с кремнеземом; 8) путем уваривания сиропа в агрегатах наподобие выпаривательных котлов получали utfель. Уже в конце 30-х годов для этих целей начали использовать вакуум-аппараты. «Появление вакуум-аппаратов для концентрации и уваривания, — писал французский историк техники Ж.Эло, — стало важным моментом в техническом развитии сахароварения. Эти аппараты позволяли снижать температуру кипения до 60 градусов и тем самым получать гораздо менее окрашенный сироп, чем ранее»⁷⁸. Эло отмечал также, что конструкция котлов для уваривания в основных своих чертах сохранилась почти неизменной вплоть до конца XIX в.; 9) с помощью рефрижераторов Ховарда, Рота, Дерона охлаждали utfель. Чем меньше в utfеле было примесей, тем быстрее он начинал кристаллизоваться. Если кристаллики сахара не образовывались длительное время, даже при снижении температуры до 40°, то в utfель для ускорения кристаллизации добавляли уже готовый сахар. Технический прогресс, который позволял получать все более чистый utfель, тем самым устранял операцию (по добавлению сахара), которая выполнялась только вручную. Прогресс в некоторых отраслях измеряется количеством необходимых операций: чем их меньше, тем эффективнее технологический процесс и меньше себестоимость продукции.

Сосуды, в которых осуществлялось охлаждение utfеля, были обычно конической формы с отверстием в нижней суженной части; после того как происходила кристаллизация, из отверстия вынимали затычку — содержавшаяся еще в сахаре влага сцеживалась; 10) на части заводов полученный сахарный песок просушивался, после чего его передавали на специальные предприятия для рафинирования. На других предприятиях сахарный песок промывали клерсом (предельно чистым, подогретым и насыщенным углекислотой сиропом), после чего его вновь сушили и теперь он мог поступать к потребителю.

Специфика сахароварения в том, что почти все технологические операции данного производства представляют собой не механические, а физико-химические преобразования вещества. Трудовая деятельность человека заключалась в подготовке условий для осуществления этих преобразований, а также в контроле над ними. То есть труд в сахароварнях изначально по многим признакам соответствовал труду машинного типа. Но этот факт отнюдь не означает, что сахароварение не знало мануфактурной стадии. Лежащие в основе производства сахара физические и химические превращения были приблизительно теми же и в XVIII в., и во второй четверти XIX в., изменялись лишь технические условия протекания этих превращений. Вместо ивовых корзин с обтянутым полотном днищем стали употребляться мешочные фильтры, костры под выпаривательными котлами были заменены змеевиками с горячим паром. Более чистый, равномерно подогреваемый сок давал меньше осадков, реже сырье оказывалось испорченным из-за не-

совершенства технологии. В итоге устранялась необходимость множества дополнительных операций (наподобие упоминавшейся выше добавки готового сахара к кристаллизовавшемуся утфелю), объем ручного труда становился меньше. И этот переход от мануфактурного к фабрично-заводскому типу производства в сахароварении осуществлялся, как нам представляется, на рубеже 20—30-х годов XIX в. В 30—40-е годы подавляющее большинство сахароваренных предприятий представляло собой уже заводы. Правда, действовали они 3—4 месяца в году. Лишь механика-наладчика обычно нанимали на год и 2—3 специалистов по получению утфеля — приблизительно на 240 дней, остальных рабочих — в среднем на 120 дней⁷⁹.

Если для ряда отраслей, таких, как хлопчатобумажная промышленность, машиностроение, сахароварение, вопрос о доминировании того или иного типа производства поддается решению, то тип производства, господствовавший в других отраслях, имеющиеся в нашем распоряжении источники установить не позволяют.

Особенностью шелковой промышленности являлось то, что почти все важнейшие технологические операции были выделены в самостоятельные производства: нам неизвестны предприятия, на которых одновременно сматывалась бы с коконов нить и осуществлялась крутка, не говоря уже о чесании и прядении коконной путанки. Исходя из последовательности технологического процесса, первым производством следует назвать шелкомотальное. Для получения шелковой нити коконы шелкопряда предварительно нагревали в специальных котлах. Нагревание осуществлялось до строго определенной температуры, малейшие отклонения приводили к тому, что при сматывании нити она рвалась или спутывалась.

Вследствие неправильного температурного режима шелк мог потерять эластичность и блеск. В 30-е годы во многих местностях (деп. Воклюз, Гар, Эро, Ардеш, Буш-дю-Рон, Мозер) рядом с каждым котлом устанавливалась печка. Размотчица с помощницей снимала нить с кокона и сматывала ее посредством ручного мотовила. Тогда же стала получать все большее распространение система парового отопления котлов⁸⁰, которая обеспечивала более равномерный и экономичный подогрев, избавляла от массы подсобной работы. Ручные мотовила стали вытесняться механическими. Работа размотчицы значительно упрощалась, исчезала надобность в помощнице⁸¹. Виллерме считал, что уже в конце 30-х гг. шелкомотальное производство механизированного типа преобладало. Но приведенный им частный статистический пример свидетельствует об обратном. Из имевшихся в городе Салоне (деп. Буш-дю-Рон) 280—300 мотовил лишь 34 являлись механическими⁸². По словам Рейбо, к середине 50-х годов «возникли огромные предприятия, на которых пар приводит в действие сотни котлов и мотовил. Чудом сохранилось... несколько домашних мастерских, на долю которых приходится выработка самых простых сортов шелка...»⁸³ Правда,

это свидетельство вызывает определенные сомнения, так как, согласно данным официальной статистики, в 40-е годы на 1459 предприятий шелковой промышленности приходилось всего 145 паровых машин⁸⁴. Итак, можно предположить, что хотя в 30—40-е годы имелись шелкомотальные фабрики и число их быстро росло, все-таки доминирования фабрично-заводского типа производства в этой отрасли еще не было.

Представляется дискуссионным и вопрос о преобладании того или иного типа производства в шелкокрутильном деле. Ш.Балло утверждает, что шелкокрутильное производство носило фабричный характер уже в конце XVIII в.; Ф.В.Потемкин считает, что Балло ошибся приблизительно на 50 лет. Техническая «революция» в шелкокрутильном производстве совершается во второй четверти XIX в.⁸⁵ Отсутствие необходимых источников для решения вопроса о том, когда шелкокрутильные мельницы стали машинами, не позволяет присоединиться ни к одному из вышеуказанных мнений. Можно только констатировать, что шелкокрутильное производство осуществлялось не на дому, а в специальных мастерских. Число рабочих в них в 30-е годы, по словам Виллерме, колебалось от 8—10 до 30—40⁸⁶. Этой оценке соответствуют статистические данные по округу Турнон (деп. Ардеш), в котором в 1836 г. на 24 крупных и мелких крутильных предприятиях трудилось общей сложностью 750 рабочих, т.е. в среднем по 31 человеку на предприятие⁸⁷. В отличие от сезонного шелкомотального производства шелкокрутильные заведения действовали круглый год.

Б. Мануфактурное производство

Понятия мануфактура и фабрика в XVII—XIX вв. часто употреблялись как синонимы. В.Зомбарт указывает на то, что не было естественного последовательного и обязательного перехода от мануфактуры к фабрике⁸⁸. Вместе с тем случаи такого перехода также существовали. При конкретно-историческом анализе критериями отличия централизованной мануфактуры от фабрики, по-видимому, могут служить: во-первых, механизация основной операции данного производства (пряжения в прядильном производстве, металлорезания в машиностроении, пошива в изготовлении одежды и т.д.); во-вторых, степень механизации всех существенных операций. В некоторых производствах невозможно выделить важнейшую операцию, в этом случае первый критерий оказывается неприменимым.

При изучении угледобычи вопрос об основной операции не является спорным. Совершенно ясно, что по отношению к вырубке и отбойке угля все остальные операции выступают как вспомогательные. Но именно вырубка особенно долго производилась вручную, с помощью кайла и обушка. В письме в рабочую газету «Atelier» шахтер из Анзенских копей так описывал работу забойщика: «После спуска на глубину 300 или 400 метров шахтер долго

добирается до пласта, который он должен вырабатывать. Затем часто в очень неудобной позе: на коленях, а то и лежа на животе — забойщик загоняет деревянным обухом в пласт кайло или металлический угольник и отделяет огромные глыбы угля, рискуя каждую минуту быть ими раздавленным»⁸⁹. Именно тяжелый ручной труд забойщика и определял в конечном итоге темпы угледобычи. Правда, в некоторых шахтах, а особенно при открытом способе разработки использовалась взрывная техника, но она имела ограниченное применение. К тому же шурфы при подготовке взрыва выдавливались вручную.

Существовало множество способов транспортировки угля от места добычи до колодца, по которому уголь поднимался на поверхность земли, но все их различие заключалось в том, что человек либо переносил уголь в мешках за спиной, либо толкал его перед собой в вагонетке, либо тащил за собой на санках-волокуше. «В большинстве шахт, — отмечал горный инженер А. Бюра, — человек — это единственная двигательная сила»⁹⁰. Обычно лишь по центральным галереям наиболее крупных шахт поезда вагонеток тянули лошади.

Подъем вагонеток или бадей с углем на поверхность земли осуществлялся с помощью паровой машины, лебедки с конным приводом или даже ручной лебедки. Во всяком случае, из книги Бюра явно следует, что даже в 40-е годы применялись еще все три вида подъемных механизмов⁹¹. Но преобладающим, согласно данным статистики, являлся подъем с помощью парового двигателя⁹². На крупных шахтах паровые машины также широко применялись для откачки воды. Помимо вырубки угля, его подземной транспортировки и подъема на поверхность земли к важнейшим технологическим операциям угледобычи относятся также крепежные и ремонтные работы в шахтах. Наскоро устанавливали подпорки сами забойщики и рабочие, занятые погрузкой угля в вагонетки. Основательным же оборудованием шахты, креплением потолков и стен галерей и штреков, ремонтом рельсовых путей занималась специальная смена рабочих, спускавшаяся в шахту после окончания вырубki угля. Труд крепежников и ремонтников подвергся серьезным изменениям лишь в XX в., когда начали вводиться средства малой механизации. В первой половине XIX в. это был тяжелый ручной труд.

Итак, в каменноугольной промышленности из четырех важнейших операций лишь одна была механизирована, вручную выполнялась и самая основная операция этой отрасли. Таким образом, можно заключить, что, несмотря на ряд серьезных усовершенствований (использование паровых машин при подъеме угля, при откачке воды, применение шахтерской лампочки Дэви)⁹³, в ней еще доминировал мануфактурный тип производства. Рост производства достигался за счет ужесточения дисциплины труда, новых форм его организации и оплаты⁹⁴.

Из 10 важнейших отраслей промышленности Франции 30—40-х годов XIX в. только в угледобыче было столь явным преобладание производства по типу централизованной мануфактуры. Рабочие в карьерах в основном работали по принципу простой кооперации. Элементарная кооперация работников, выполнявших набор приблизительно одинаковых, не требовавших специальной квалификации операций, господствовала и в солеварении.

При рассмотрении мануфактурного типа производства не меньшую сложность, чем вопрос об отличиях централизованной мануфактуры от фабрики, представляет собой проблема дифференциации первичных подразделений рассеянной мануфактуры и ремесленных мастерских. К.Маркс отмечал в «Капитале», что «мануфактура... отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»⁹⁵, т.е. он допустил, что на начальном этапе своего развития мануфактура с технической точки зрения отличается от ремесла только количественно, только в отношении массы используемого труда. Далее, раскрывая содержание понятия мануфактуры с исторической и логической точек зрения, Маркс ввел различие мануфактуры и ремесла и по уровню разделения труда. При этом следует остановиться на проблеме различий в уровне разделения труда внутри производственных единиц (мануфактур, ремесленных мастерских) и между ними (между ремесленниками различных специальностей, различных цехов; между работниками первичных подразделений рассеянной мануфактуры). Универсальность ремесленного рабочего всегда была относительной. Уже во времена Э.Буало существовало значительное межцеховое разделение труда⁹⁶. Например, специализация в изготовлении тканей лишь определенного сорта не несет в себе ничего специфически мануфактурного. Также и деление на красильщиков, аппретурщиков, сукновалов известно еще с эпохи Древнего Рима⁹⁷. Видимо, для каждой данной профессии можно установить определенный минимум операций, который являлся бы демаркационной линией, отделяющей ремесленный труд от мануфактурного.

Дифференцируя ремесло и мануфактуру, мы использовали критерий самостоятельного участия в рыночном обмене. Мы устанавливали, являлись ли хозяева ремесленных мастерских независимыми товаропроизводителями или мелкие мастерские были лишь первичными подразделениями некоего единого целого (подчиненного капиталу).

В первой половине XIX в. масса тружеников, работавших на дому или в мельчайших мастерских типа тех, которые в России назывались светелками, зависела часто не от торгового капитала, что было характерно для XVII—XVIII вв., а от капитала промыш-

ленного. Взаимосвязь рассеянной мануфактуры и фабрики или централизованной мануфактуры являлась одной из характерных особенностей развития французской промышленности XIX в. Во многих отраслях фабрики или централизованные мануфактуры выступали одновременно в качестве раздаточных контор сырья и пунктов, куда стекались полуфабрикаты и готовая продукция. Работу на дом подчас брали сами труженики данного предприятия, чаще же ее раздавали жителям окрестных сел. Такая система была очень распространена даже в столь передовой отрасли, как хлопчаточество. В департаменте Эна, где на фабриках осуществлялось и прядение, и ткачество, было занято в среднем по 151 работнику⁹⁸. В то же время А.Одиганн отмечал, что в Сен-Кантене (деп. Эна) из 8—10 тыс. занятых в производстве хлопчатобумажных тканей 7 человек из каждых 8 работали на дому и жили вне города⁹⁹. Приблизительно такое же положение сохранялось и в Нормандии, где в общей сложности около 129 тыс. рабочих и работниц было занято выработкой хлопчатобумажных тканей руаннери и калико. Большинство ткачей работало на дому на своих станках, но пряжу они получали от предпринимателей¹⁰⁰. Правда, вопрос о технической оснащенности надомников остается открытым. Известно, что именно в Сен-Кантене с первых же лет Июльской монархии стало утверждаться машинное ткачество. Виллерме, проводивший свое обследование в середине 30-х годов, отметил, что в те годы преобладали ручные станки, но указал, что их все более вытесняли станки механические¹⁰¹.

Взаимодополняющее сосуществование централизованной и рассеянной мануфактур было свойственно для оружейной промышленности. Только в этой отрасли в отличие, скажем, от хлопчаточества в роли владельца головного предприятия выступало не частное лицо, а государство. В оружейных мануфактурах административными делами и контролем качества занимались офицеры, находившиеся на действительной службе. В крупном центре военной промышленности — Сент-Этьене — производство оружия почти полностью осуществлялось на дому, в централизованной мануфактуре оружие лишь собиралось и подвергалось окончательной шлифовке¹⁰². В других оружейных центрах — Мезьере, Тюлле — господствовала приблизительно та же система производства.

В первой половине XIX в. во Франции в изобилии продолжали существовать и рассеянные мануфактуры традиционного типа. В этом случае торговый и промышленный капиталы выступали еще в нерасчлененной форме. Так, предприниматели в шерстоткацком деле обычно через своих посредников, одновременно осуществлявших контроль за методами производства надомников, поставляли ткачам станки и пряжу, получая от них готовое полотно. На одного дельца подчас работало несколько тысяч ткачей. Некто Брико из Като-Камбрези заявлял в 1834 г., что он предоставляет работу 22—25 тыс. надомников, проживающих не только в депар-

таменте Нор, но и в Па-де-Кале¹⁰³. На севере Франции в годы Июльской монархии количество шерстоткачей, работавших на дому, не только не сокращалось, но даже значительно увеличивалось. Рассеянные мануфактуры Рубе, очень крупного центра шерстоткачества, в 1829 г. обеспечивали работой 11 тыс. человек, а в 1845 г. — 40 тыс. Этот факт, видимо, объясняется тем, что рассеянная шерстоткацкая мануфактура постепенно превращалась в своеобразную рассеянную фабрику. Ткачи-надомники «выживали» вследствие установления все большей зависимости от предпринимателей, которые предоставляли им взамен несовершенных ручных станков механические жаккарды. Шерстоткачи Рубе и округи в 1835 г. имели 2,5 тыс. станков подобного типа, а в 1839 г. — уже 8 тыс.¹⁰⁴ Система шерстоткацкого производства, характерная для департамента Нор, была распространена и в департаменте Марна, не менее важном с точки зрения развития данной отрасли. Именно в Реймсе производился наиболее широкий ассортимент шерстяных тканей: фланели, кашемиры, наполитэны и др. По данным Левассера, в департаменте Марна шерстоткацкое производство также имело рассеянный характер и также к концу 30-х годов большинство станков составляли жаккарды. Из 1660 станков, на которых изготовлялись ткани для реймских предпринимателей, приблизительно 1000 — были механическими¹⁰⁵.

Во Франции начала XIX в. имелись уже и шерстоткацкие фабрики централизованного типа. Еще во времена Кольбера была создана королевская мануфактура Ван-Робе по производству драпа. В эпоху Реставрации она превратилась в высокомеханизированную фабрику, использовавшую труд 600 рабочих: мужчин, женщин, детей¹⁰⁶. Преимущественно централизованный характер имело производство драповых материй в Лодеве (деп. Эро), где в этой отрасли было занято около 8 тыс. рабочих¹⁰⁷.

Тем не менее данные источников склоняют скорее к предположению, что в начале XIX в. в шерстоткачестве преобладало рассеянное производство. В 30-е годы только в деревнях, лежавших в 25—30 лье от Реймса, ткачеством шерсти занималось около 20 тыс. надомников¹⁰⁸. Согласно другому источнику, на предпринимателей Реймса работало более 50 тыс. ткачей, проживавших не только в департаменте Марна, но также в департаментах Эна и Арденны, причем $\frac{3}{4}$ из них являлись сельскими жителями¹⁰⁹.

Приблизительно по тому же пути, что и шерстоткачество, развивалось и знаменитое французское шелкоткацкое дело. Доминирующее положение в этой отрасли рассеянной мануфактуры является фактом установленным и доказанным¹¹⁰. Даже в 50-е годы XIX в. А.Одиганн писал о шелкоткацком производстве в Лионе, что там очень редко в мастерских работало более 4—5 человек¹¹¹. Несмотря на тяжелые периодические кризисы, поражавшие эту отрасль, число ткацких станков в начале XIX в. неуклонно увеличивалось. В 1827 г. в Лионе насчитывалось 27 тыс. ткацких станков, в 1837 г. — 40 тыс., в 1848 г. — 50 тыс.¹¹² В эпоху лионских

восстаний подавляющее большинство этих станков являлись полумеханическими жаккардами¹¹³. На тот момент это были лучшие шелкоткацкие станки в мире, поэтому за ними шла настоящая охота не только иностранных предпринимателей, но даже дипломатических агентов, особенно отличались этим представители Англии и России¹¹⁴. При этом для работы на лионских жаккардах требовалась высокая профессиональная выучка и немалая физическая сила. Более совершенные станки, в том числе действовавшие на приводе от паровой машины, хотя и получили некоторое распространение в мастерских ткачей-хозяев, даже в 40-е годы еще составляли меньшинство.

1.2. Мелкотоварный уклад

Важнейшим отличием мелкотоварного производства от капиталистического является то, что в мелкотоварном производстве элементом функционирующего капитала выступает и рабочая сила самого хозяина. К тому же часто эта рабочая сила является единственной. Непосредственная задействованность хозяина в процессе физического труда приводит к двойственности самого характера производства, которая проявляется в одновременном тяготении к капиталистическому расширенному воспроизводству и к простому воспроизводству, к производству ради потребления.

Участие или неучастие хозяина в производстве (правильнее было бы сказать, характер участия, так как выполняемые хозяином функции, допустим, по организации производства также являются специфической формой участия в производстве) зависит не от его произвола, а от общеэкономических условий, определяющих размеры того минимального капитала, который позволил бы мелкому собственнику освободиться от физического труда¹¹⁵.

Русский статистик Исаев установил определенную закономерность участия мелких хозяев в производстве и тем самым предложил количественный критерий отделения мелкотоварного производства от капиталистического. Исаев писал: «Два—три работника дают хозяину столь небольшой излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает уже себя от ручного труда... и исполняет главным образом две последние хозяйские роли (т.е. покупку материала и сбыт товаров). Коль скоро число наемных рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими...»¹¹⁶

Безусловно, выведенный Исаевым критерий может иметь только ограниченное применение. Не говоря уже о различии между российскими и французскими экономическими порядками и психологическими привычками, заметим, что число рабочих, которые могли обеспечить хозяину ремесленной мастерской такую при-

быть, чтобы сам он мог отстраниться от физического труда, колебалось в зависимости от вида производства.

Но при рассмотрении мелкотоварного уклада необходимо не только определить ту грань, за которой происходит внутреннее перерождение мелкотоварного ремесленного производства в капиталистическое, но и решить вопрос о степени независимости мелкого производителя — не превратилась ли ремесленная мастерская лишь в одно из подразделений рассеянной мануфактуры. Существование в рамках одной экономической системы, допустим, большого города, мелкого и крупного капитала обычно предполагает какую-либо прямую или косвенную форму зависимости первого от второго. Но есть водораздел между независимым ремеслом и мануфактурой даже в самом простейшем ее виде. Гарантией независимости мелкого производителя выступает его непосредственная связь с потребителем через механизм рынка.

В 1848 г. в Париже из 64 816 владельцев промышленных заведений около 50% нанимали всего одного рабочего или вообще не использовали наемной рабочей силы¹¹⁷. Приблизительно такое же положение сохранялось и в годы II Империи. В 1860 г. из 101 171 владельца промышленного патента (документа, предоставлявшего право содержать промышленное заведение какого-либо рода) 62 199 не использовали наемного труда или нанимали одного рабочего, 31 480 — предоставляли работу 2—10 лицам¹¹⁸. Значительная часть городского населения в период Июльской монархии еще не обладала сколь-либо значимой собственностью. То было время воистину бедного капитализма. Даже в столь промышленно развитом городе, как Руан, более 75% населения ничего не оформляли в качестве наследства, так как либо завещать было просто нечего, либо остававшееся имущество было столь незначительным, что не имело смысла тратить деньги и время на завещание¹¹⁹.

Неравномерность экономического развития различных регионов Франции в XIX в. — факт уже давно установленный и доказанный¹²⁰. Юг и особенно юго-запад, несмотря на наличие нескольких крупных торгово-промышленных центров, значительно отставали от северной части страны. При изучении мелкотоварного уклада во французской промышленности следовало бы обратиться к департаментам с застойным типом развития, с явным преобладанием в их экономике сельскохозяйственного производства (Авейрон, Жер, Ланды, Арьеж). Но именно об экономической жизни этих территорий известно меньше всего. Один из лучших специалистов в области социально-экономической истории Франции XVIII—XIX вв., Ж.Видалян, считает, что в первой половине XIX в. на большей части территории Франции сохраняло свои позиции мелкотоварное и даже натуральное хозяйство. Именно так можно понять его утверждение, что «в провинции традиционные ремесленные производства полностью сохраняли свое значение и, за исключением, возможно, департаментов Сена и Рона, большинство населения носило одежду из тканей местного производства.

Одежда провинциала была из материи, которую или ткал он сам, или кто-нибудь из родственников, или он получал ее от соседа в обмен на какую-либо услугу»¹²¹.

Натуральное хозяйство действительно в некоторых глухих местах Франции сохранялось еще и в XIX в. Где-нибудь в Ландах или в горных районах Пиренеев или Альп деревни жили замкнутой, слабо связанной с внешним миром жизнью. Крестьяне предпочитали все необходимое изготавливать своими руками. Подмастерье А.Пердигье во время своего Тур де Франс встречал крестьян из Ланд в одежде из плохо выделанной овчины явно домашнего производства. «Их можно было принять за жителей Гренландии, — писал Пердигье, — что-то дикое ощущалось в их костюмах и лицах»¹²². Современник А.Пердигье, нотабль из Канталя, который по роду своих занятий хорошо знал французскую провинцию, писал: «В хозяйствах большинства мелких землевладельцев зимними вечерами... женщины прядут, хозяин дома разматывает пряжу или накручивает ее на катушки, батрак ткет, укрывшись от холода в овчарне. Даже те, кто занимается ткачеством, посвящают ему время только с Нового года до мая месяца... Такое положение наблюдается в департаментах Ло, Авейрон, Тарн, Дордонь, Пюи-де-Дом и даже Сарта»¹²³. Правда в свидетельстве овернского нотабля нет указаний, как же реализовывалась изготовленная сельскими жителями ткань. Вовсе не обязательно она раздавалась родственникам и соседям. Возможно, крестьяне-ткачи работали на скупщика или продавали свою «зимнюю» продукцию на рынке близлежащего городка. Именно так поступали льноткачи департамента Нор. Уделяя время как сельскому хозяйству, так и ткачеству, в то же время они сами привозили свой батист на рынки Камбре, Эстера, Бассе. Если их не устраивали цены, они забирали свой товар и отправлялись в свои деревни в ожидании более благоприятных дней¹²⁴. В данном случае перед нами типично мелкотоварное хозяйство.

В экономической жизни городов сохранялись архаические явления иного рода. Хотя корпоративная система организации ремесла была разрушена в эпоху Великой буржуазной революции, полностью она все-таки не исчезла. Несмотря на действовавшее во Франции законодательство, отстаивавшее принципы «laissez faire» и запрещавшее любого рода профессиональные корпорации, попытки регламентации ремесленного производства со стороны самих же ремесленников продолжались и в годы Реставрации, и в годы Июльской монархии. 1 января 1808 г. в Париже было создано Общество шляпников. Его устав гласил, что еженедельная сумма продаж шляпника не должна превышать 40 франков. Только в том случае, если в мастерской не оставалось более места, разрешалось реализовать продукцию стоимостью в 50 франков. Все суммы, полученные сверх установленного максимума, подлежали сдаче в казну Общества шляпников. За нарушение данных положений полагался штраф в 10 франков. Устав 1808 г. не изменялся

до 14 августа 1840 г., когда максимум был повышен до 50 франков, но при этом оговаривалось, что реализация столь значительного объема продукции допускается только тогда, когда среди шляпников нет безработных¹²⁵. Сохранявшиеся в рабочей среде особенно в период Реставрации традиционные обычаи стесняли предпринимателей, отчасти лишали их свободы манипулирования ценами.

Если Общество шляпников было открытой организацией, вступление в которую не представляло собой каких-либо особых трудностей, то, например, прием в ассоциацию марсельских грузчиков¹²⁶ был затруднителен. Эта ассоциация владела почти полной монополией на погрузку и разгрузку судов в марсельском порте. Никакой посторонний рабочий не допускался на важнейшие причалы от Сен-Жана до оконечности Рив-Нев и острова Каналь¹²⁷. Но и вне этих мест чужакам разрешалось переносить тяжести только с помощью специальных приспособлений, называвшихся подушкой, все грузы в мешках члены ассоциации оставляли за собой. Корпорация строго следила за выполнением этих правил: с нарушителей взымался штраф (30 франков), который поступал в кассу ассоциации. Шесть высших должностных лиц корпорации, так называемые приеры, не только решали все спорные вопросы в среде самих грузчиков, но и осуществляли полицейские функции в интересах корпорации вне ее. Мощные кулаки многочисленных членов ассоциации портовых грузчиков¹²⁸ служили надежной гарантией уважения ее устава и решений ее приеров. Судя по размерам вступительного взноса и взымавшихся штрафов, она обладала и немалыми финансовыми средствами.

Три пункта устава строго регламентировали прием в ассоциацию. Во-первых, в нее категорически не допускались иностранцы. Во-вторых, приемом занимался совет, состоявший из 60 уполномоченных, которых периодически избирали грузчики. Предварительно приерами специально назначались 4 комиссара, которые наводили справки о добропорядочности кандидата. С помощью аргументов из области морали и нравов всегда можно было отклонить кандидатуру неугодного человека. В-третьих, вступительный взнос равнялся 8 франкам — немалой сумме для рабочего человека¹²⁹.

О том, что пункты устава строго соблюдались, свидетельствуют следующие данные за 1847—1848 гг.: 90% членов организации являлось уроженцами Марселя, 73% — потомственными грузчиками и всего 2% пришли в ассоциацию из наиболее обездоленных слоев населения — из крестьян и чернорабочих¹³⁰. Именно условия приема в совокупности с монополией на профессиональную деятельность и дают право называть ассоциацию грузчиков корпорацией.

Корпорация обеспечивала своим членам довольно стабильный заработок. Подобно Обществу шляпников, организация грузчиков препятствовала обогащению одних членов в ущерб другим. В специальном пункте устава отмечалось: «Любой грузчик, виновный в

получении какой бы то ни было суммы за труд другого, на первый раз будет оштрафован на 300 франков, которые пойдут в пользу бедных корпорации, в случае повторения наказанием ему будет служить исключение из корпорации»¹³¹. Не менее строгим образом запрещалось использование труда посторонних лиц. Корпорация пыталась пресечь появление субподряда в своей среде как элемента, который мог разрушить почти идиллическое равенство марсельских грузчиков.

Эта ассоциация — уникальное явление в социально-экономической жизни Франции первой половины XIX в. Уникальность его в том, что портовые грузчики, отстаивая свои интересы, сумели эффективно использовать целый комплекс традиционных методов защиты мелких ремесленников и ремесленных рабочих от капитализма, разрушавшего устои их экономического существования. Суть естественного, «чистого» существования мелкотоварного уклада заключается в хроническом разложении. Только юридические насильственные меры внеэкономического характера могут притормозить этот постоянный распад. Идущие из средневековья традиции французского городского ремесла представляли собой богатейший арсенал подобных средств. Но более или менее успешно их можно было использовать только в том случае, если рабочие и большинство мелких хозяев той или иной отрасли выступали совместно. Наряду с некоторыми другими факторами (прежде всего полным господством ручного труда) именно это составляло секрет относительно успешной деятельности на протяжении десятилетий и парижского Общества шляпников, и марсельской ассоциации грузчиков. В подавляющем большинстве других ремесленных специальностей дифференциация мелких хозяев и рабочих зашла слишком далеко. И хотя попытки некоторых рабочих организаций, прежде всего компаньонажей и товариществ в нестроительных производствах, контролировать рынок труда¹³² объективно способствовали консервации мелкотоварного уклада, эффект этих попыток был несравним с достижениями в этой области марсельских грузчиков.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках есть лишь одно свидетельство, указывающее на подобный же феномен «закрытой» профессии. Историк времен II Империи А.Созе утверждал, что вплоть до конца 40-х годов XIX в. стеклодувное дело во Франции оставалось строго наследственным¹³³. «Закрытость» же указанных современным американским исследователем В.Сьюеллом профессий представляется нам достаточно проблематичной. Так, Сьюелл среди «закрытых» профессий, подобных ремеслу «portefaix», называет кораблестроителей, кожевников, бочаров, но в их среде процент пришлых, непотомственных работников был намного выше, чем у грузчиков. Среди бочаров лишь 31% унаследовали профессию отца, среди кожевников — 38, среди кораблестроителей — 41%¹³⁴. Об очень высокой социальной мобильности и соответственно «открытости» ремесленных профессий свидетель-

ствуют подсчеты французского историка Абукайя. По его данным, в лионской агломерации в конце 40-х гг. среди ремесленников лишь 26% наследовали профессию отцов¹³⁵.

Можно предположить, что ремесленное производство первой половины XIX в. в значительной степени функционировало в соответствии с принципами мелкотоварного уклада. Согласно данным статистических обследований Парижской торговой палаты, в столице в столь важных отраслях, как производство мебели, одежды и обуви, лишь в 10 видах производства из 53 на предприятиях в среднем имелось 10 рабочих¹³⁶. Производство мебели сохраняло ремесленный характер и вплоть до 60-х годов XIX в. «В мебельном деле, — отмечали современники, — разделение труда практически отсутствует... Вся работа осуществляется исключительно руками человека, и обычно один работник изготавливает тот или иной предмет домашней обстановки от начала до конца»¹³⁷.

Подавляющее большинство мастерских краснодеревщиков и столяров-мебельщиков представляли собой крохотные заведения; даже в 1860 г. в них трудилось в среднем по 5 человек. Как свидетельствуют письма рабочих к Венсару, а также в газету «Le Pays», значительное число ремесленников этой профессии вообще не использовало наемной силы¹³⁸. В Сент-Антуанском предместье, центре мебельного производства в Париже, имелось несколько торговцев, к которым независимый ремесленник обычно отправлялся первым делом, чтобы предложить свою продукцию. Но если продажа не осуществлялась, что случалось довольно часто, тогда ремесленник шел на улицы Клеры или Тампля, где находились мебельные рынки, или пытался продать свою продукцию, обходя дома в городе: подобная практика называлась «троль»¹³⁹. Мебельное дело никак не регламентировалось, и конкуренция в этой отрасли была очень жестокой.

Размеры ателье парижских портных были еще меньше, чем размеры мастерских краснодеревщиков: в среднем на каждое из них приходилось около 3 рабочих. Пошив одежды вплоть до 50-х годов XIX в. осуществлялся исключительно вручную¹⁴⁰. О сохранении мелкотоварного уклада в швейном деле свидетельствует также тот факт, что в Париже, даже в мастерских, имевших 6—7 рабочих, хозяева непосредственно участвовали в процессе производства. Обычно они занимались самой ответственной операцией — кройкой фраков¹⁴¹.

Воспоминания А.Пердигье дают право предположить, что в провинциальных городах Франции в 20—30-е годы XIX в. и в столярном деле сохранялось мелкотоварное производство. В Марселе Пердигье пришлось недолгое время проработать в убогой мастерской совсем юного хозяина по имени Мишель. Хозяин и его единственный подмастерье совместно изготавливали большую деревянную квашню для теста. Самый первый мастер — хозяин автора воспоминаний, хотя на него работало несколько подмастерьев, оставил за собой выполнение некоторых операций, прежде всего

чертеж изделий и их сборку. В Монпелье у хозяина Пердигье было прозвище Дожине-ле-Рампан (Ползучий) за то, что он умел обрабатывать искривленные, неправильной формы, «ползучие» куски дерева¹⁴². Каких-либо даже косвенных указаний на то, что кто-либо из этих мастеров в Марселе, Монпелье, Авиньоне работал на подрядчика, в воспоминаниях Пердигье нет. Наоборот, есть неоднократные упоминания о том, что мастера-хозяева непосредственно договаривались с заказчиками.

Итак, одна часть французских рабочих первой половины XIX в. была включена в структуру капиталистических производственных отношений (рабочие фабрик, заводов, мануфактур), другая часть — в структуру мелкотоварных производственных отношений. Согласно данным Моро де Жоннеса, к концу 40-х годов работников крупной промышленности вместе с членами их семей насчитывалось 2,5 млн, мелкое же производство обеспечивало жизнь 3,8 млн человек¹⁴³. Но эти данные отнюдь не свидетельствуют о преобладании мелкотоварного уклада. Современники, руководствуясь чисто внешними характеристиками, зачисляли в разряд так называемых работников «искусств и ремесел» и тружеников рассеянных мануфактур (например, лионских шелкоткачей).

Мелкие ремесленные производители в основной массе сопротивлялись введению капиталистических новшеств. Одновременно многие из них пытались любой ценой приобрести новое — капиталистическое качество. И все же мелкотоварный уклад обладал еще определенной устойчивостью. Частично искусственно сохраняемый благодаря регламентации, частично выживающий вследствие технической слабости французского капитализма (даже на предприятиях передовых отраслей 50 и более процентов производительного труда приходилось еще на неквалифицированный и немеханизированный физический труд), мелкотоварный уклад существенным образом влиял на сознание рабочего класса во Франции XIX века.

§ 2. О НЕОДНОРОДНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Социальные структуры, не зафиксированные в сознании множества людей, являются незначимой фикцией. Как это ни парадоксально звучит, в истории субъективное восприятие миллионов выступает в роли критерия объективности. Макрогруппы возникали и исчезали, но реальность их существования неизменно отражалась в языке, который так или иначе хранит память о социальных образованиях. Ту или иную эпоху подчас объявляют лабораторией исторического познания. Представляется, что лаборатории вообще противопоставлены исторической науке. Одни и те же методологические подходы только в самом общем виде могут быть использованы для разных исторических периодов.

Анализ западно-европейского общества XIX в. с точки зрения его классовой структуры свидетельствует не о принадлежности исследователя к той или иной методологической традиции, а всего лишь о признании им значимости теоретических и повседневных суждений людей того времени. В отличие от времен «старого порядка», когда о классах писали и говорили почти исключительно теоретики-экономисты, в XIX в. о них стали писать и говорить отнюдь не только люди теоретического склада мышления. Возможно, ожесточенная политическая борьба в эпоху Великой революции, вовлекшая в свой круговорот огромные массы людей, предопределила необходимость использования именно слова класс для обозначения больших общенациональных социальных групп.

Необходимость осмысления Революции и социально-политических реалий Реставрации, политическая борьба, которая для элиты при Бурбонах уже имела вполне легальный характер, подталкивали к использованию понятия класс.

В октябре 1820 г. мгновенно приобрел скандальную известность памфлет молодого историка и государственного деятеля в опале Франсуа Гизо. Памфлет назывался «Об управлении Францией в эпоху Реставрации и о нынешнем правительстве». За два месяца он был переиздан 4 раза. Либеральный автор предельно жестко обрисовал раскол нации, внутреннюю социально-политическую борьбу и призывал признать ее окончательный результат — победу простолюдинов-галлов над дворянами-франками. «Даруя Хартию Франции, король признал Революцию. Признать Революцию — означает стать союзником ее друзей, противником — ее врагов, — писал Гизо. — Я использую именно эти слова, так как они ясные и точные. Революция представляла собой войну, настоящую войну, какой она бывает между двумя разными народами. На протяжении более чем тринадцати веков во Франции было два народа: народ-победитель и народ-побежденный... В наши дни состоялась решающая битва, ее называли Революцией... Франки и Галлы, помещики и крестьяне, дворяне и простолюдины еще задолго до Революции стали называться Французами и в равной степени считали Францию своей родиной. Когда в 1789 году представители всей Франции собрались вместе, два народа поспешили возобновить старую борьбу. Час ее завершения пробил... Результат революции не вызывает сомнения. Побежденный народ стал победителем»¹⁴⁴. Гизо боролся против попыток пересмотра результатов Великой революции, он призывал королевскую власть и в ее лице французское государство быть на стороне победителей, в своей аргументации он говорил о двух макрогруппах как о некоей данности не вызывающей сомнения. Другой историк Огюстен Тьерри тогда же в 1820 г. в одном из своих «Писем об истории», опубликованном в «*Courrier français*», рассматривал как «долг сыновней почтительности рассказ о бурной жизни предшественников французской буржуазии... Я добивался... своего рода реабилитации для средних и низших классов, для предков третьего сословия, забы-

тых нашими современными историками... Разночинец по происхождению, я требовал, чтобы разночинцам была возвращена их доля славы в нашей истории»¹⁴⁵.

Но уже вскоре во Франции заговорили и о других социальных группах, на которые распадалась нация. И все чаще эти группы называли классами.

О классовой структуре общества писали и говорили Сен-Симон и его ученики. В конце 20-х годов сенсимонисты в своих лекциях, впоследствии изданных под общим названием «Изложение учения Сен-Симона», рассказывали об эксплуатации человека человеком в форме рабства, продолжение которому они обнаруживали «в отношениях, между собственниками и трудящимися, между хозяевами и наемными рабочими». Базар, Анфантен, Родриг и их единомышленники утверждали, что «существует, конечно, большое расстояние между соответствующим положением этих классов в настоящее время и тем положением, какое занимали в прошлом господа и рабы, патриции и плебеи, сеньоры и крепостные. На первый взгляд кажется даже, что нельзя делать между ними никакого сопоставления, тем не менее приходится признать, что одно есть лишь продолжение другого»¹⁴⁶.

Человек сугубо либеральной ориентации, ловкий журналист и издатель Сен-Марк Жирарден делился с читателями своей газеты, людьми в подавляющем большинстве вполне состоятельными своим ощущением опасности создавшегося положения. Его не особо волновали социологические категории, его волновали вопросы безопасности жизни и имущества. Он писал 8 декабря 1831 г. в «Journal des Debats»: «Каждый производитель живет на своей фабрике как колониальный плантатор среди своих рабов, один против сотни, и свержение властителя сродни восстанию в Сан-Доминго... Дикари, являющиеся грозой общества, живут не на Кавказе и не в татарских степях, они в трущобах наших промышленных городов... средний класс должен ясно понимать природу создавшейся ситуации, он должен знать, где он находится»¹⁴⁷.

В Мемуарах о собственности, появившихся в начале 40-х годов П.-Ж.Прудон выдвинул концепцию коллективных сил, которые, по его мнению, были несводимы к совокупности сил индивидуальных. Он утверждал, что капиталисты оплачивали только трудовой вклад индивидуальных сил рабочего, что же касается участия рабочего в коллективных силах, производящих основной объем экономических ценностей, то это остается неоплаченным, в чем и заключается эксплуатация рабочих¹⁴⁸. В работе 1846 г. «Système des Contradictions économiques» Прудон развивал социальные аспекты этой концепции, исходя из того, что общество разделено на два социальных класса: класс — предпринимателей, капиталистов, банкиров, которые обладают «монополией на все средства производства и на все объекты потребления» и на класс наемных работников или трудящихся, которые могут оплачивать лишь половину

стоимости предметов потребления, что делает для них потребление и воспроизводство невозможными.

В 40-е годы, но еще до того, как разразилась революция 1848 г., противопоставление интересов буржуазии и рабочих стало общим местом публицистики самых различных направлений. Расхождения начинались с того, как разные течения общественной мысли предлагали снять это противоречие.

Вычленение пролетариата как особого класса кажется банальным, учитывая уровень конфронтационности социальных отношений, характерный особенно для 30—40-х годов. Конфликты действительно организуют политическое и социальное видение людей в гораздо большей степени, чем масса нейтральных по своей сути фактов. Как раз нейтральное рассмотрение производственных процессов и экономических реалий показывает, что рабочие первой половины XIX в. были включены в систему капиталистических и мелкотоварных отношений, они были заняты простейшими операциями по обслуживанию механических станков и изготавливали ремесленные изделия, которые вполне можно было отнести к произведениям искусства, задыхались в крохотных мастерских и сутками в любую погоду трудились в карьерах или на строительстве железных дорог. Условия их жизни и труда столь разительно отличались, что возникает даже вопрос: почему всех их относили к одной социальной группе. Рассмотрение этого разнообразия позволит лучше оценить значимость наивной социологии Пьера Венсара и увидеть как она в совокупности с социально-экономическими теориями сенсимонистов, Прудона, других мыслителей первой половины XIX в. служит для понимания специфики бедного капитализма.

При рассмотрении пролетариата Франции первой половины XIX в. с точки зрения выявления в его среде различных образов жизни выделяются три группы, тяготеющие, соответственно, к трем видам трудовой деятельности и нормам потребления. Это рабочие, систематически совмещавшие промышленный и сельскохозяйственный труд, городские неквалифицированные и городские квалифицированные рабочие.

В первую из рассматриваемых социальных групп французского пролетариата входили работники, сохранявшие еще очень тесную связь с сельским укладом жизни. Это прежде всего рабочие, постоянно или большую часть времени проживавшие в сельской местности. По профессиональному составу к ним относились работники различных рассеянных мануфактур: текстильщики, игольщики, ножовщики, а также шахтеры многих угольных бассейнов Франции, металлурги и масса деревенских ремесленников. Совмещение промышленного и сельскохозяйственного труда для них носило регулярный характер.

В России XIX в. населенные пункты, в которых в основном жили такие полурабочие-полукрестьяне, называли промышленными селами или рабочими поселками. Во Франции XIX в. подобные промышленные села и рабочие поселки в изобилии встречались на Шампанской равнине и в долинах Юры, в Провансе и в Нормандии, в окрестностях Рубе и Гренобля. В деревнях вблизи Ножана (деп. Об) около 3—4 тыс. человек занимались производством ножей. Каждое воскресенье их продукция скупалась крупными торговцами. Помимо набора простейших инструментов эти рабочие имели домашний скот и крошечные участки земли, на которых они выращивали картофель, кормовые травы, а также пшеницу или рожь¹⁴⁹. На юге Франции значительное время уделяли сельскому хозяйству шахтеры. С мая по июнь число забойщиков на шахтах Кармо сокращалось почти вдвое. Часть шахтеров обрабатывала свои собственные участки земли, другие нанимались на близлежащие фермы в качестве батраков¹⁵⁰. Такое же положение наблюдалось на металлургических заводах Декавиля, Крезе, Ля Машин, на железоделательных предприятиях каталонского типа в Пиренеях, на горнорудных разработках Рансье¹⁵¹. О сельских ткачах (работниках рассеянной мануфактуры) Виллерме писал: «Эти парии промышленности, которым она обеспечивает совершенно недостаточные доходы, становятся сушильщиками сена и сборщиками урожая у фермеров»¹⁵². В кантоне Сен-Жуар в 40-е годы свыше 6 тыс. ткачей и прядильщиков каждое лето посвящали сельскохозяйственным работам. На сезонных предприятиях Воклюза, производивших органический краситель марену, работали почти исключительно крестьяне-горцы, точно так же на сезонные шелкомотальные фабрики нанимали на 3—4 месяца женщин-крестьянок, которые, получив причитавшиеся им гроши, спешили вернуться к своим хозяйствам¹⁵³.

Данные об уровне «двойного» дохода полукрестьян-полурабочих заставляют предположить, что большинство их жило в постоянной нужде. Промышленные предприниматели, рассчитывая на дополнительные приработки эксплуатируемых ими рабочих, доводили их заработную плату до минимальных размеров. Так, в 30-е годы льнопрядильщики в окрестностях Аббвиля за день работы получали от 40 до 60 сантимов. С введением же механического льнопрядения их заработка упали до 25—30 сантимов в день¹⁵⁴.

Превосходный знаток сельской Франции, агроном Леклерк Туэн отмечал в своей книге «Сельское хозяйство Восточной Франции», что многие деревенские ткачи «часто вынуждены бороться с нищетой»¹⁵⁵. В несколько лучшем положении находились рабочие металлургической промышленности. Литейщик в провинции получал 60 франков в месяц, его помощник — 50, а «внешние», вспомогательные рабочие — 30 франков¹⁵⁶. Но даже при самых благоприятных обстоятельствах достаток рабочих-металлургов был очень шатким. Французский историк Ж.Вьяль писал по этому поводу: «На процветающем предприятии в условиях полной занятос-

ти имелись (у рабочих-металлургов. — *Е.К.*) даже вклады в сберегательных кассах, особенно если к заработной плате главы семейства добавлялись доходы от земельного участка, заработки жены и детей... Но сам тот факт, что достаток рождался вследствие дополнительных доходов и полностью зависел от случайностей: безработицы или болезни — доказывает, что экономическое положение большинства рабочих было незавидным»¹⁵⁷.

Специфика образа жизни полурабочих-полукрестьян проявлялась не только в совмещении промышленного и сельскохозяйственного труда, но и в ряде особенностей в восполнении затраченных жизненных сил. Различия в этой области между сельским промышленным пролетариатом и городским имелись и в рационе питания, и в характере проведения досуга, и в самом режиме свободного времени. В большинстве своем городские рабочие чаще ели мясо, чем их сельские собратья, но потребляли меньше хлеба и молочных продуктов¹⁵⁸. Одежда деревенских жителей была хуже и грубее. Предприниматели с выгодой для себя использовали более низкий уровень потребностей сельчан, предлагая им работу за ту оплату, на которую не согласились бы городские рабочие. Полицейские власти Нима (деп. Гар) сообщали о местных фабрикантах, что они нанимали рабочих в сельской местности, так как те имели гораздо меньшие расходы и потребности и соглашались работать за более низкую плату, чем городские рабочие¹⁵⁹. Продолжительность трудового дня полукрестьян-полурабочих точно определить невозможно, ибо она никак не фиксировалась. Чаще всего, видимо, работа длилась целый световой день¹⁶⁰. Подобная продолжительность рабочего дня была возможна только вследствие того, что рабочая сила частично компенсировалась в ходе самого трудового процесса, что обеспечивалось его саморегулируемостью, сравнительно (с фабричным трудом) небольшой интенсивностью, чередованием работы, допустим, у ткацкого станка или в шахте и работы по уходу за скотом или в поле. Свободного же времени, досуга почти не было.

Серая монотонность будней создавала потребность в сильной психологической разрядке. Однообразие жизни порождало эмоциональный голод, утоление которого приходило лишь во время шумных и веселых праздников. Кюре Обри из сельской коммуны Фюто писал об обитателях своего прихода, в основном состоявшем из стеклодувов и лесорубов, что их жизнь не подчинялась строгому недельному режиму; они месяцами трудились без отдыха, нарушая тем самым христианский обычай, осуждающий воскресный труд. С тем большей энергией и страстью (выражение Обри) отмечались всевозможные праздники: профессиональные, семейные, христианские. Пораженный священник описывал крики, игры, фарсы «толпы, в часы веселья придававшей Фюто вид индейского поселения Нового света, вроде тех, о которых сообщают в своих донесениях миссионеры»¹⁶¹. Чередование многодневного и даже многонедельного непрерывного труда и недолгих, но очень ярких

и шумных праздников — характерная особенность образа жизни полукрестьян-полурабочих. Подобный ритм жизни неизбежно накладывал отпечаток на психику сельских пролетариев. Крестьянская привычка терпеливо переносить любые лишения неразрывно связана с покорностью судьбе. Зависимость от капризов природы приучает стоически относиться и к социальным невзгодам. Слепой крестьянский фатализм проявлялся в ощущении предустановленности природного и общественного миропорядка. Традиционные, освященные обычаем методы эксплуатации воспринимались сельскими тружениками (сельский промышленный пролетариат в этом плане не исключение) как неизбежное зло, столь же естественное, как засуха или заморозки. Ощущение предустановленности бытия порождало социальную покорность. Рабочий активист в эпоху II Империи Ж.-Б.Дюме рассказывал о своем отчине, много лет отработавшем на заводе в Крезе: «Перрен, как и мать, не умел ни читать, ни писать. То был отличный работник, но основная забота его жизни сводилась к стремлению быть на хорошем счету у руководства завода. Великолепно зная свою профессию кочегара, он думал, что необязательно уметь читать и писать, чтобы стать хорошим рабочим... — Если бы не было богатых, что дают нам работу, что с нами бы стало?» — вопрошал Перрен¹⁶².

Современники из буржуа, отмечавшие превосходство сельских тружеников над городскими в моральном плане, под моралью рабочих понимали не только бытовые привычки, но и характер их отношения к хозяину и в целом к состоятельным людям. Как показывает статистика массовых движений, рабочие из сельской местности гораздо более безропотно сносили эксплуатацию, чем пролетарии города.

Но безграничного терпения не бывает, и как на смену тяжким будням приходил раскрепощающий душу и тело праздник, так долгие годы покорности прерывались бунтом. Предел терпения есть даже у работников, казалось бы, совершенно забитых и задавленных чрезмерным трудом на часто незримых и неизвестных эксплуататоров. Попытки ухудшить и без того нищенское существование полукрестьян-полурабочих не раз вызывали с их стороны сопротивление.

Вследствие попыток сократить заработную плату рабочих-металлургов разразились стачки в Крезе в 1833 г. и в Деказвиле в 1847 г.¹⁶³ Значительный рост цен на продукты питания в кризисный 1840 г. привел к падению реальной стоимости заработков шахтеров Ля Машин (деп. Ньевр). Доведенные до отчаяния работники взбунтовались: избили учетчика, перебили стекла в административном здании. От директора шахты они потребовали увеличения оплаты труда, а местного мэра принудили дать согласие на таксацию цен на хлеб. В апреле 1844 г. на металлургическом заводе Ля Вульта (деп. Гар) рабочие забастовали в ответ на незаконную задержку зарплаты, попутно рабочие потребовали увеличения ее. Стачка была прекращена после выплаты рабочим денег, но расчет

был произведен по прежним расценкам¹⁶⁴. В январе 1848 г. Дюваль, бывший нотариус в сельской коммуне Эрке (деп. Сомма), объявил жителям своей коммуны, хранившим у него свои скудные сбережения, что он сможет выплатить только 25% их вкладов. Из 150 его клиентов большинство составляли рабочие. Возмущенные, они перебили стекла в доме Дюваля, взломали дверь¹⁶⁵.

Формой защиты своих жизненных условий являлось и участие интересующей нас категории работников в антифискальных выступлениях. В 1841 г. совместно с крестьянами рабочие-металлурги, ткачи, речники оказывали сопротивление проводившейся властями переписи. В департаментах Авейрон и Од происходили столкновения с линейными войсками и жандармами, фискальным агентам не раз угрожала расправа. В Ливенак-ле-О (деп. Авейрон) налоговому инспектору, а вслед за ним и заместителю мэра пришлось укрываться в здании муниципального совета от разъяренной толпы, в Пеннотье (деп. Од) представители власти вынуждены были проводить перепись под защитой конных стрелков¹⁶⁶.

Живя бок о бок с крестьянами, еще очень немногим отличаясь от них по образу жизни, промышленные рабочие из деревень и заводских поселков сохраняли в значительной степени крестьянскую психологию, для которой характерны неспособность к планомерной организационной деятельности, импульсивность, резкие переходы от покорности к бунту, и наоборот. Эти черты во многом были свойственны и французским полурабочим-полукрестьянам первой половины XIX века.

Второй рассматриваемый нами отряд французского пролетариата состоял преимущественно из городских неквалифицированных рабочих. К этой же социальной группе тяготели некоторые рабочие, проживавшие в сельской местности, но занятые исключительно промышленным трудом. Таковы были шахтеры угольных бассейнов Рив-де-Жье, Валансьена и некоторых других.

При попытке очертить границы данного отряда пролетариата, пожалуй, наибольшую сложность представляет собой дифференциация квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Можно выделить несколько показателей, характеризующих труд с точки зрения его квалифицированности. Во-первых, квалифицированность труда измеряется количеством и сложностью выполняемых операций. Трудовые функции большинства рабочих прядильных, ситцепечатных, хлопчаткацких фабрик, сахароваренных заводов, землекопов и массы разнорабочих отличались предельной простотой. Выполняемые ими операции были столь немногочисленны и столь несложны, что с ними могли успешно справляться нередко даже дети¹⁶⁷. Вторым показателем уровня квалифицированности труда является длительность обучения, необходимого для осуществления той или иной производственной деятельности. Ни обслуживание бранкоброшной или «волк»-машины, ни контроль за фильтрованием свекловичного сока не требовали специальной

длительной подготовки. Новичок мог войти в курс дела всего за несколько дней.

Во второй отряд пролетариата следует включить и некоторых рабочих, владевших сложными профессиональными навыками, но фактически деквалифицировавшихся вследствие внедрения более прогрессивных машинных методов труда. Их квалификация как бы стала излишней, общественно бесполезной. Такой труд, хотя технологически он оставался сложным и квалифицированным с точки зрения его стоимостных параметров был уравнен с неквалифицированным трудом. Иначе говоря, себестоимость производимой этими ремесленниками и мануфактурными рабочими продукции была намного ниже ее рыночной цены. С формально политико-экономической точки зрения эта категория работников должна была немедленно исчезнуть вследствие невозможности воспроизводства затрачиваемой рабочей силы. В действительности исчезновение подобных жертв капиталистического прогресса растягивалось подчас на долгие годы¹⁶⁸. Особенно это характерно для Франции, имевшей сравнительно (с Англией) медленные темпы машинизации и сравнительно невысокую динамику внутреннего рынка. К тому же подчас предпринимателям было выгодно искусственно поддерживать рассеянное производство.

В Руане, одном из крупнейших центров текстильного производства Франции, в 30—40-е годы XIX в. сосуществовали и ткачи-надомники со своими ручными станками, безуспешно пытавшиеся противостоять конкуренции машин, и надомники, купившие или арендовавшие у предпринимателей полумеханические жаккарды, и, наконец, масса рабочих, трудившихся на текстильных фабриках, оснащенных передовой по тем временам техникой. Трудно сказать, у какой из этих категорий работников положение было предпочтительнее. Лидер руанского пролетариата в 1848 г., сам ткач по профессии, Ш. Нуаре считал положение руанских ткачей бедственным. Он писал о своих братьях по труду: «Чаше всего они столь бедны, что как только их дети начинают ходить, они их отправляют на фабрики, чтобы заработанные ими крохи помогли хотя бы с грехом пополам обеспечить прокорм семьи»¹⁶⁹. В конце 40-х годов в Руане ткачи-надомники зарабатывали от 7 франков 5 сантимов до 7 франков 80 сантимов в неделю¹⁷⁰, т.е. немногим более франка в день. Не лучшим было положение ткачей в Вандее. В связи с выступлениями пролетариата в Шолле (деп. Мен и Луара) полицейские власти сообщали: «...Местное рабочее население отличается такой нищетой, заработной платы столь скудной, что беспорядки могут разразиться вновь в любой момент. Уже долгое время шолльтезская промышленность едва сводит концы с концами, она задыхается вследствие конкуренции дешевых товаров и отсутствия рынков... В то время как сельскохозяйственное население Вандеи процветает, положение рабочих — хуже некуда»¹⁷¹.

В Дижоне, текстильном центре Бретани, вследствие механизации предложение на рынке труда явно превосходило спрос, констатировала рабочая газета «Atelier». Ткач за 12—14-часовой рабочий день получал 1,5—2 франка, но часто он вообще оставался без заработка. Питание ткачей сводилось к картофелю и похлебке из дешевой ржаной муки¹⁷².

В хлопкопрядении, где процент неквалифицированных рабочих был особенно высок, средняя заработная плата рабочих мужчин во Франции 40-х годов составляла 1 франк 96 сантимов, в шерстопрядении — 1 франк 78 сантимов¹⁷³.

В разговоре с Виллерме один из руанских фабрикантов, владелец крупной хлопкопрядильни, признался, что в период кризиса начала 30-х годов у более чем 60% его рабочих заработка не хватало для удовлетворения даже самых насущных нужд. Тогда в целях экономии рабочие объединили свои скудные ресурсы и жили своеобразной коммуной.

Предельно низким уже в годы Реставрации был заработок рабочих сахароваренной промышленности. Они получали от одного до полутора франков в день¹⁷⁴ (исключение составлял лишь труд ремонтника-наладчика оборудования). За период Июльской монархии их доходы повысились едва-едва: средняя заработная плата работника предприятий по получению сахара из свеклы — 1 франк 56 сантимов¹⁷⁵. В Марселе, по подсчетам Сьюелла, в среднем зарплата неквалифицированных рабочих равнялась 2 франкам 20 сантимам, диапазон ее колебаний был от 1 франка 75 сантимов до 3 франков, в то время как у квалифицированных рабочих — от 2 франков 50 сантимов до 4 франков 50 сантимов в день¹⁷⁶. В Нанте в начале 30-х годов XIX в. местный врач А.Гэпен выделял следующие две категории рабочего населения: 1) рабочие, обладавшие относительным достатком (плотники, каменщики, печатники, столяры); 2) нищие рабочие (надомники, преимущественно ткачи). Первые зарабатывали от 500 до 1000 франков в год, вторые — лишь порядка 300 франков¹⁷⁷.

Если уровень заработной платы почти полностью предопределял характер питания промышленных рабочих, не связанных непосредственно с сельским хозяйством, то жилищные условия зависели в значительной степени также от длительности пребывания работника в данной местности. В числе неквалифицированных рабочих было особенно много пришлых людей. Среди квалифицированных рабочих Марселя уроженцы других мест составляли приблизительно половину, а среди неквалифицированных — три четверти¹⁷⁸. Мизерная заработная плата и отсутствие своего или родительского крова заставляли тружеников фабрично-заводской промышленности ютиться в рабочих казармах при предприятиях. Ф.В.Потемкин в книге о промышленной революции привел описание подобной казармы: «Кровати были расставлены там с такой теснотой, что в проходах можно было лишь с трудом продвинуться одному человеку; постели взрослых и детей, мужчин и женщин

были перемешаны, и местный инспектор... с иронией говорил о неизбежности "общности" в подобном "фаланстере"»¹⁷⁹.

Теснотой и грязью отличались не только фабричные казармы. Антисанитарные условия являлись почти всеобщей «привилегией» жилищ неквалифицированных рабочих. В ответе на анкету 1848 г. о промышленном и сельскохозяйственном труде следующим образом характеризовались жилищные условия интересующей нас категории рабочих в департаменте Луара: «Жильем для работниц текстильных фабрик служат затхлые чердаки, куда свет проникает через одно или два маленьких отверстия, пробитые почти на уровне пола. Женатые шахтеры обычно со всем своим семейством помещаются в одной грязной комнате. Так как прежде всего они стремятся найти жилище по самой дешевой цене, то селятся исключительно в скверно освещенных, а часто и влажных помещениях»¹⁸⁰. Бедственное положение кварталов, в которых сосредоточивалось рабочее население наиболее промышленно развитых городов Франции: Лилля, Руана, Амьена, Мюлуза, — не раз отмечалось современниками¹⁸¹. Эта скученность и антисанитария привели к тому, что во время вспышки холеры в 1831—1832 гг. смертность в бедных кварталах была намного выше чем в кварталах «буржуазных»¹⁸². Медицинская комиссия, исследовавшая причины распространения холеры, была поражена видом лилльских рабочих и их детей. Тела их были покрыты грязью, а истощенные дети с искривленными позвоночниками, с кривыми ногами, страдали от насекомых, изобиловавших в их одежде и на теле¹⁸³.

Продолжительность рабочего дня для ткачей-надомников и других тружеников рассеянных мануфактур ограничивалась лишь наступлением полного истощения физических сил работника. Чрезмерной длительностью (от 12 до 16 часов) отличался рабочий день и на фабриках¹⁸⁴.

Каждый из неквалифицированных работников в любой момент мог быть выгнан на улицу за малейшую провинность или просто вследствие изменения ситуации на рынке. Заменить такого рабочего для предпринимателя не составляло никакого труда. Недостатка в неквалифицированной рабочей силе не было. Текстильщики, шахтеры департаментов Нор, Па-де-Кале, Луара, землекопы, трудившиеся на строительстве железных дорог, чувствовали себя тем более подавленными, что им казалось, что их судьбой распоряжается некая безликая сила. То явление, о котором писал А.Кошен в 1862 г.: «Хозяин — это существо, выдуманное законом, его никто не видит, это нечто безличное»¹⁸⁵, было знакомо рабочим уже в 30—40-е годы XIX в. Утверждалась анонимная капиталистическая эксплуатация как полукрестьян-полурбочих, занятых в рассеянных мануфактурах, так и пролетариев крупных промышленных предприятий. Если до 1837 г. месторождения угольного бассейна Луары, обеспечивавшего половину годовой добычи угля во Франции, были распределены между 65 концессиями, а крупнейшие из них к тому же были разделены и отданы в эксплуата-

цию мелким частным хозяевам, то после 1837 г. почти весь Луарский бассейн стал собственностью трех крупных компаний¹⁸⁶. А в 1844 г. была образована «Compagnie générale de Loire», которая контролировала 85% добычи угля района Рив-де-Жье, Сент-Этьенна и Фирмини. К 1847 г. на шахтах компании трудилось 3875 работников¹⁸⁷. Хозяева нередко не занимались непосредственным руководством производства. Их заменяли управляющие, сами исполнители чужой воли. Вмешательство крупного торгового капитала в промышленную деятельность ускоряло этот процесс обезличивания¹⁸⁸.

Разрыву личных отношений между хозяином и работниками способствовали также перестройка крупных промышленных городов, создание особых буржуазных и пролетарских кварталов. Уже Э.Бюре, обследовавший в 30-е годы XIX в. положение пролетариев Франции и Англии, отмечал: «Хозяева и рабочие в моральном плане отделены настолько, насколько это возможно. Они больше не имеют между собой даже отношений, рождающихся из простого факта соседства. Часто патрон живет очень далеко от своего предприятия, и все управление осуществляется за него служачими»¹⁸⁹. Известный в первой половине XIX в. врач и публицист Гэпен также писал, что если ремесленные рабочие, обитатели преимущественно старых городских кварталов, живут часто бок о бок с мелкой и даже крупной буржуазией, то труженики фабрик и мануфактур сосредоточены в основном в новых районах, где они составляют почти однородную массу¹⁹⁰.

Землекопы, чернорабочие на фортификационных работах и железнодорожном строительстве, рабочие текстильных фабрик и сахароварен в социально-психологическом плане не составляли еще коллективов, т.е. сообществ с развитой внутренней структурой формальных и неформальных отношений. Из рассматриваемой нами группы остальных рабочих несколько обгоняли в этом шахтеры Рив-де-Жье, Живора, Валансьена¹⁹¹.

Можно лишь догадываться о той безысходности, что ощущали некалифицированные рабочие в начальную эпоху промышленного переворота. Авторы 1-го тома многотомного исследования «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории» писали о фабричных рабочих интересующей нас эпохи: «Выходцы из деревень и местечек, близких и дальних, зачастую даже из других стран, земледельцы, ремесленники и подмастерья, собранные в одном здании, чувствовали себя крайне неудобно... Выбитые из привычного образа жизни, чужаки по отношению друг к другу, они первое время были подавлены обрушившимися на них невзгодами и не сразу могли приспособиться к новым производственным распорядкам, к новой социальной среде»¹⁹². Именно среди работников таких динамично развивавшихся отраслей, как хлопчатобумажное производство, сахароварение, шерстоткачество, железнодорожное строительство, было особенно много пришлых людей, в том числе иностранцев. В текстильных центрах департаментов

Нор, Па-де-Кале работало множество бельгийцев, в Эльзасе — немцев, швейцарцев. В рабочем пригороде Лилля, Ваземме, бельгийцы составляли 38% жителей, в Рубе — 40%¹⁹³. Среди землекопов на строительстве железных дорог было много пьемонтцев. Царившая среди рабочих конкуренция служила благоприятной почвой для вспыхивания национальных конфликтов. Так в Рубе рабочие-французы неоднократно летом 1819 г. нападали на рабочих-фламандцев, приходивших на заработки из Бельгии¹⁹⁴. Впрочем, в периоды депрессии национальная вражда давала о себе знать и в среде квалифицированных ремесленных рабочих¹⁹⁵.

Задерживалось спланирование неквалифицированных работников вследствие их очень разнородного половозрастного состава. Общеизвестно, что именно на текстильных фабриках наряду со взрослыми мужчинами трудились женщины и дети. Среди работников хлопкопрядильной промышленности на их долю приходилось 64%, в шерсто- и льнопрядении — соответственно 57 и 53% рабочей силы¹⁹⁶. Среди 10 тыс. шахтеров угольного бассейна Валансьена более половины составляли дети от 10 до 15 лет и юноши от 15 до 20 лет¹⁹⁷. В целом по Франции в промышленности было занято приблизительно 593 тыс. женщин и детей¹⁹⁸. Подавляющее большинство из них относились к неквалифицированным работникам.

И тем не менее в этой разнородной массе в процессе каждодневного совместного труда, под влиянием необходимости сопротивления гнету хозяев складывались отношения товарищества и взаимовыручки. Взаимопомощь являлась столь настоятельной жизненной необходимостью для бесправных неквалифицированных работников, что легла в основу не только нравственных правил значительной части пролетариев, но и стала духовной базой их первых организаций, которые так и назывались — обществами взаимопомощи.

Первые общества взаимопомощи фабричных рабочих возникли еще в годы Империи. Известно о существовании в Мюлузе (деп. Верхний Рейн) с 1804 по 1848 г. кассы взаимопомощи рабочих-ситцепечатников¹⁹⁹. В том же департаменте в 1823 г. пытались создать мютюэлистское общество работники хлопкопрядильных фабрик²⁰⁰. По свидетельству доктора Пено, одного из основателей филантропической организации промышленников «Société Industrielle», в 1830 г. в Эльзасе рабочие почти всех текстильных предприятий имели общества взаимопомощи²⁰¹. Насколько можно судить по анкетам Виллерме, Одиганна, книге де Жерандо, в 30—40-е годы такие общества получили широкое распространение и в других районах Франции.

Виллерме описал их бесхитростную деятельность: она сводилась в основном к сбору взносов и проведению собраний, на которых члены организации решали, прежде всего, кому выделить вспомоществование из общей кассы. Общественные деньги хранились обычно у владельца кабачка, в котором проводились собра-

ния. Виллерме упоминает о совместном обществе взаимопомощи шерстопрядильщиков и рабочих механических мастерских Лодера²⁰². По его же словам, в Лилле, одном из наиболее фабричных городов Франции, в 1836 г. насчитывалось 106 подобных обществ, объединявших 7329 человек²⁰³.

Каторжные условия жизни, постоянная угроза безработицы, отупляющий, изматывающий духовно и физически труд ставили неквалифицированный пролетариат перед выбором: или полная духовная деградация или возрождение через борьбу. Об этой дилемме Ф.Энгельс писал: «Нечего говорить о том, какое деморализующее, обескураживающее действие оказывает эта неуверенность в завтрашнем дне, вытекающая из непрерывного развития техники и связанной с ним безработицы, на рабочего, положение которого и без того уже достаточно шатко. Чтобы не впасть в отчаяние, рабочему остается только два пути: внутренний и внешний протест против буржуазии, или пьянство и вообще беспутство»²⁰⁴.

На первых порах промышленной революции потребность вырваться любой ценой из бесконечных кругов фабричного ада толкала рабочих к выходу совершенно иллюзорному. Наиболее доступным средством избавления от ощущения полной безысходности являлся алкоголь. Еженедельное, если не каждодневное пьянство было особенно широко распространено среди неквалифицированных работников. Резко контрастируют в этом отношении материалы П.Венсара, посвященные в основном квалифицированным ремесленным рабочим, и анкеты Виллерме, Бюре, Биго де Морога, в которых преимущественно дается характеристика текстильных отраслей с их массой неквалифицированных работников. Пьянство и связанная с ним преступность очень часто упоминаются на страницах этих анкет.

И все же даже в страшные 30—40-е годы XIX в. даже наиболее обездоленным рабочим удалось противостоять полной деморализации. Первое тому доказательство — общества взаимопомощи; второе — та стачечная борьба, которую вели работники текстильных фабрик, шахт, железнодорожных строек. Имеются сведения о 136 выступлениях неквалифицированных рабочих Франции с июля 1830 г. по февраль 1848 г.²⁰⁵

Основную массу работников третьего отряда французского пролетариата составляли ремесленные рабочие города; к нему также относились некоторые сравнительно немногочисленные категории квалифицированных мануфактурных и фабрично-заводских рабочих: граверы, наладчики станков, токари, слесари, механики и некоторые другие.

Для овладения трудовыми навыками рабочих профессий данной социальной группы требовался длительный срок ученичества. Производственные функции плотника или камнереза, каменщика или токаря-машиностроителя отличались сложностью и многообразием. В письме в газету «Enquête sociale» рабочий-плотник Веллю дал любопытное перечисление знаний и навыков, необхо-

димых для успешного выполнения плотницких работ. Эти знания включали: 1) определенное представление об архитектуре, необходимое для чтения чертежей и перерисовки их деталей; 2) понимание характерных особенностей различных пород дерева; 3) усвоение элементов статики для правильного закрепления тяжестей на точках опоры и элементов стереотомии для точного рассечения твердых тел различной геометрической формы. При этом Веллю отмечал, что плотникам, работающим в сельской местности и участвующим в возведении водяных и ветряных мельниц, гидравлических машин, бумажных прессов и волочилен, требуются дополнительные знания из области механики, гидростатики и даже алгебры²⁰⁶. Значительным объемом знаний и умений должен был обладать и рабочий-ювелир. Эта профессия требовала и ясного представления о всех тонкостях плавки ценных металлов, и умения рисовать, моделировать, чеканить, гравировать²⁰⁷. В труде ювелиров, краснодеревщиков, как и рабочих ряда других ремесленных специальностей, имелись элементы художественного творчества. «Мебельное дело — это почти искусство»²⁰⁸, — писал П.Венсару рабочий-краснодеревщик.

Срок обучения квалифицированного рабочего занимал обычно несколько лет. Камнерезанию начинали обучаться довольно поздно — с 18 лет, в совершенстве овладевали этим ремеслом лишь по прошествии 7—8 лет. Ученичество у булочников длилось от года до 18 месяцев. Но молодой рабочий становился после этого обычно лишь третьим помощником булочника, пекарем, на которого возлагались самые несложные операции²⁰⁹. Дообучение осуществлялось в ходе каждодневной работы. В среднем, по данным Торговой палаты, в Париже в большинстве ремесленных профессий ученичество длилось от 2 до 5 лет²¹⁰. В 1848 г. из 19 114 парижских учеников-рабочих 3482 имели контракт об обучении на 5 лет, 4434 — на 4 года и 3501 — на 3 года²¹¹.

В ремесленных специальностях повышение профессионального мастерства не заканчивалось с периодом ученичества. При этом мы не имеем в виду характерную для ремесленного производства возможность самоусовершенствования в ходе самого трудового процесса. У каменщиков, плотников, столяров и ряда других профессий существовали специальные школы, которые вели наиболее опытные рабочие и мастера. А.Пердигье и М.Надо, рабочие вожаки в годы Июльской монархии и II Республики, некоторое время являлись преподавателями подобных школ²¹². В первой половине XIX в. профессиональные школы такого рода были широко распространены. Во всяком случае, об этом говорят источники, исходящие из среды самих пролетариев. Парижанин, рабочий-плотник в письме в редакцию газеты «Reforme», делая расчет бюджета работника своей профессии, в качестве обязательной статьи расхода указал и плату за месяц обучения в подобной школе²¹³. Свидетельство такого же рода имеется и в незаконченной книге Венсара. Он писал о профессии камнереза: «Часть заработка уходит на

уроки по прикладному черчению и геометрии: на преподавателя, инструменты, бумагу, краски, карандаши — а все это недешево!.. Сколько времени и сил приходится затратить, чтобы обучиться этому богом проклятому ремеслу! Сколько вытерпеть мук, прежде чем можно будет с гордостью сказать: я — камнерез!»²¹⁴ В анкете о положении рабочих Парижа, опубликованной в газете фурьеристов «*Démocratie sociale*», отмечалось, что «среди рабочих-плотников практически нет таких, которые на протяжении нескольких лет не посещали бы школу с целью изучения прикладного черчения, почти все они совершили также Тур де Франс»²¹⁵.

Работники квалифицированного труда, насколько это было в их силах, боролись против деквалификации. Они пытались задерживать или вообще не допустить внедрения машин в своих отраслях, выступали против использования необученных рабочих, не отбывших срока ученичества. Так, в Вальбенуате, коммуне близ Сент-Этьенна, рабочие-красильщики потребовали удаления с предприятия подобного работника. Так как хозяин отказался удовлетворить их требование, разразилась стачка²¹⁶.

Несмотря на сопротивление рабочих, процесс деквалификации продолжался. Стоимость квалифицированной рабочей силы в одних отраслях падала вследствие внедрения машинного производства, в других — из-за изменения ситуации на рынке труда, из-за обострения конкуренции между рабочими. Краснодеревщик Перно, хороший знакомый Пьера Венсара, подробно рассказал ему в письме о прошлом и настоящем своего ремесла. По его мнению, наибольшего роста мебельное дело достигло в первой половине XVIII в. Именно тогда творил великий краснодеревщик Буль. Затем с точки зрения художественной ценности, отмечал Перно, творения парижских краснодеревщиков деградируют. Но вплоть до 30-х годов XIX в. зарабатывали они неплохо. В 30-е же годы начинается и экономический упадок мебельного дела. Падают заработки рабочих, разоряются хозяева, прекращается набор учеников...²¹⁷ Обнищавших ремесленных рабочих было много даже в Париже, несмотря на то, что этот огромный по тем временам город постоянно нуждался в очень значительных объемах продукции самого разного рода. Описание жилища парижского бедняка эпохи Реставрации сохранилось благодаря входившим в моду в 20-е годы XIX в. «физиологическим очеркам». Анонимный автор одного из таких очерков писал: «Целая семья, состоящая из отца, матери и нескольких ребятишек, теснится в комнатухе не более 9 квадратных футов. Там стоит ветхая кровать, на ней простыни из мешковины, вместо одеяла потрепанный коврик, три хромоногих стула, тухлый стол, потрескавшаяся посуда. Свет попадает в комнату только через дверной проем. Несчастные, чтобы вдохнуть свежего воздуха, должны выходить на улицу. Но что это за улица! Ее воздух насыщен зловонием, которое никогда не развеивается из-за отсутствия малейшего ветерка в этих тесных трущобах»²¹⁸. И все же в среднем жизненный уровень большинства квалифициро-

ванных рабочих был выше чем неквалифицированных пролетариев.

О характере воспроизводства рабочей силы квалифицированными работниками некоторое представление дает уже отмеченный выше полный перечень расходов рабочего-плотника, который был приведен в газете «Реформ». По мнению автора письма, каждый год работник должен был тратить 16 франков на покупку 2 пар обуви, 4 франка на ее починку, 15 франков — на приобретение брюк из драпа, 4 франка 50 сантимов — на 2 галстука, 2 франка 40 сантимов — на 6 пар носков; раз в 4 года надо было обновлять пальто и раз в 2 года — жилет, тратя, соответственно, в пересчете на год — 18 и 10 франков; 5 франков — на картуз, 2 франка 50 сантимов — на рабочую блузу, 18 франков — на 2 рубашки, 5 франков — на две пары рабочих штанов. Ежедневные траты на питание должны были выглядеть следующим образом. Завтрак: 15 сантимов — бульон, 20 сантимов — порция вареного мяса, 20 сантимов — стакан вина (250 г); обед: 25 сантимов — сыр, 20 сантимов — вино; ужин: 30 сантимов — порция мяса с овощами, 20 сантимов — вино; а также приблизительно 35 сантимов в день на хлеб²¹⁹. Данный бюджет отражал, правда, скорее уровень потребностей рабочего-плотника, чем его реальное потребление. Указанные в письме расходы в сумме составляют приблизительно 1000 франков в год, в то время как годовая заработная плата плотника в среднем равнялась 850 франкам²²⁰, т.е. рассчитанный автором письма бюджет представлял собой как бы норму потребления с точки зрения рядового парижского плотника. Но эта норма отнюдь не являлась чистой фантазией рабочего. Она сложилась под влиянием того факта, что некоторые рабочие других профессий получали более высокую заработную плату и могли себе позволить такое потребление, которое для парижских плотников было еще недоступно, но которого они добивались путем стачки. В частности, цель составления бюджета и цель самого письма в «Реформ» — доказать справедливость требования стачечников об увеличении на 1 франк поденной оплаты в плотницком деле.

Что же касается уровня зарплаты других квалифицированных рабочих, то, действительно, многие из них зарабатывали больше плотников. Например, выше была годовая заработная плата даже у каменщиков низшего разряда, так называемых лимузенцев. В день они получали приблизительно 3 франка 75 сантимов, но так как у каменщиков сезонная безработица длилась в среднем 2 месяца в год, а у плотников — 4—5 месяцев, в сумме лимузенцы получали больше. Каменщики же, полностью закончившие срок обучения и достигшие определенного мастерства в своем ремесле, зарабатывали 4 франка 25 сантимов — 4 франка 50 сантимов в день. Рабочие-кровельщики в Париже получали по 5 франков в день, а высококвалифицированные металлисты на заводе Каве — от 5 до 10 франков²²¹. Как отмечал Левассер, подсобники (неквалифицированные рабочие) разного рода получали в Париже в среднем от 2 франков

50 сантимов до 3 франков в день²²². Самая высокая средняя заработная плата в масштабе всей страны была у типографских рабочих. По подсчетам Моро де Жоннеса, она равнялась 4 франкам 18 сантимам в день²²³.

Помимо лучшего питания, более добротной одежды и лучших жилищных условий в воспроизводстве обученной рабочей силы (по сравнению с необученной) имелся еще один специфический момент. Часть квалифицированных работников могла себе позволить культурные развлечения иного рода, чем посещение местного кабачка. В источниках, относящихся к рассматриваемой группе пролетариата, есть неоднократные упоминания о посещении рабочими театров. Об этом писали столь разные авторы, как А.Пердигье, А.Корбон, Монфалькон²²⁴.

Сохранились сведения о маленьком театре для рабочих, который открыл весной 1804 г. в Лионе в квартале Бротто Лоран Мурге, сам в прошлом шелкоткач. В его театре сценки разыгрывались куклами. Основными персонажами были Полишинель и его приятель, весельчак-сапожник Няфрон. В 1820 г. появился Гинель, кукла, изображавшая старого грубоватого шелкоткача, смеявшегося над собой и над окружающими²²⁵.

Театры парижских бульваров «Амбигю Комик» и «Порт Сен-Мартен», учитывая симпатии своей пролетарской аудитории, поставили в начале 40-х гг. пьесы писателей-республиканцев Ф.Сульте «Рабочий» и Ф.Пиа «Два слесаря». Еще ранее в театре «Порт Сен-Мартен» шел пользовавшийся успехом водевиль «Фабрика» по мотивам сборника «Рассказы мастерской» писателя из рабочих М. Массона²²⁶. Когда в 1848 г. закрылся парижский театр Бомарше, его директор объявил, что банкротство объясняется тем, что вследствие промышленного кризиса театр перестали посещать его постоянные зрители, пролетарии из предместья Сент-Антуан²²⁷. В воспоминаниях поэта-демократа В.Желю есть упоминание о том, как он в молодости (в 20—30-е годы XIX в.) посещал театральные представления, устраивавшиеся рабочими обществами Марселя. Тогда же В.Желю вместе со своими друзьями, портовыми грузчиками²²⁸, пытался поставить ко дню Карнавала пьесу Шиллера²²⁹. Участвовали рабочие и в певческих обществах²³⁰. Массовая культура в ту пору еще только-только зарождалась, она еще не могла подчинять своим нормам и своему изощренному примитивизму народное сознание.

Хотя квалифицированный труд вызывал нередко серьезные психологические перегрузки, все же он не действовал на человека столь отупляюще, как тяжелый непрофессиональный труд типа чисто мускульных усилий землекопа или однообразная, механическая работа, состоявшая из постоянного набора простейших операций, которые приходилось выполнять прядильщику у мюль-машин²³¹. После дня, проведенного у печатного станка, перед столярным верстаком или просто за столом с портняжной иглой в руках, обратиться вечером к книгам было все-таки легче, чем

после того, как человек 12 часов отмахал лопатой, сооружая железнодорожную насыпь, или простоял у «волк»-машины, совершая операцию, для выполнения которой требуется всего 3—4 простейших движения. Притом если одним неквалифицированным рабочим постоянно приходилось страдать от капризов погоды: жары, дождя, холода, то другим — от духоты или излишней влажности, пыли, зловонных и вредных испарений, постоянного грохота в тесных и мрачных цехах фабрик и заводов. Условия труда квалифицированных работников в среднем были несколько лучше.

Но помимо того, что квалифицированный труд не был столь отталкивающе бездуховным (и уже в силу этого приводящим к деградации человека) и осуществлялся нередко в более или менее сносных условиях, интеллектуальному развитию квалифицированных работников в некоторой степени способствовала сформировавшаяся за годы овладения профессией привычка к обучению. Обязательные годы обучения при всей его ущербности не могли не наложить отпечатка на личность. Характерный пример в этом отношении дневник молодого сапожника Беро. Его записки охватывают период с сентября 1839 по июль 1846 г. После пятилетнего ученичества в провинции юноша пришел в Париж, где быстро обнаружили изъяны в его профессиональном умении. Изготовленные им туфли хозяин забраковал, а самого юношу уволил. Несколько месяцев он оставался без работы, перебиваясь случайными заработками. В конце концов ему удалось все-таки устроиться в одну мастерскую. Старшие рабочие помогли ему советами, когда он изготавливал пробный экземпляр. Мечта исполнилась: Беро стал парижским сапожником. Но постоянная работа не избавила его от лишений. В декабре 1839 г. он записал в дневник: «Ясно как божий день: в ближайшем будущем я никак не смогу жениться. Я слишком мало зарабатываю, чтобы прокормить жену и детей»²³².

Выполнив первое условие вхождения в мир парижских сапожников, доказав свою профессиональную пригодность, Беро во всем остальном остался наивным провинциалом, не поднявшимся до уровня своих товарищей по работе. Что касается серьезных общественных тем, возбуждавших интерес окружающих Беро пролетариев, то их юноша просто не понимал. В те годы парижские сапожники собирались каждый вечер на мосту Дю Шанж, обсуждали самые жгучие проблемы. Место своих постоянных собраний под открытым небом сапожники называли «палатой депутатов». Беро с изумлением описывал, как, возвращаясь к себе в меблированные комнаты, работники до 3 часов ночи с жаром продолжали дискуссию, начатую в «палате депутатов»²³³. Невзгоды, усталость, страх перед будущим в итоге все-таки преодолевались, если хватало сил посещать «палату депутатов» на мосту Дю Шанж, помогать незадачливому провинциалу овладеть азами профессии и даже просто изо дня в день вести дневник.

У части работников складывалось понимание необходимости положительных знаний ради того, чтобы изменить свое место в жизни. В некоторых же пробуждалась настоящая страсть к учению. Именно страсть могла заставить усталого, часто регулярно не высыпавшегося человека приходить вечером на какие-либо курсы, слушать лекции, читать трактаты по физике или истории.

Молодой эльзасец, рабочий-кожевник, совершая Тур де Франс, писал отцу из Безансона, что каждый день он работает с половины пятого утра до восьми вечера, но тем не менее регулярно занимается французским языком и географией, а в Боне ему удалось посещать вечерние курсы чтения, письма и арифметики²³⁴.

Неизвестно, насколько широка была в провинции сеть курсов, подобных тем, которые посещал в маленьком городке департамента Кот д'Ор любознательный эльзасец²³⁵. Что же касается Парижа, то в 20—40-е годы там насчитывалось несколько добровольных обществ, занимавшихся образованием трудящихся классов. Еще в 1824 г. в «Консерватории искусств и ремесел» открылись курсы публичных лекций, посещавшиеся и рабочими²³⁶. С января 1831 г. действовала «Политехническая ассоциация», которую возглавляли либеральные профессора В. де Траси, О.Конт и Пердонне. Именно посещая бесплатные лекции «Политехнической ассоциации», совсем еще юный Пьер Венсар пытался компенсировать недостаток образования²³⁷.

В середине 1831 г. изгнанные за политическую агитацию из «Политехнической ассоциации» Лешевалье и Рокур основали «Ассоциацию бесплатного обучения народа», члены которой успешно соединили преподавание естественных наук и пропаганду республиканских идей. После роспуска этой ассоциации из-за массового участия ее членов в восстании 5—6 июня 1832 г. она вскоре была воссоздана под названием «Свободная ассоциация народного просвещения». Генеральным секретарем ее стал Э.Кабе, а председателем — Дюпон де л'Эр²³⁸.

О том, что лекции, устраивавшиеся всеми этими ассоциациями, посещались в основном квалифицированными рабочими, свидетельствуют источники разного рода. М.Надо, сам постоянный слушатель лекций «Ассоциации бесплатного обучения народа», указывал, что на них он встречал многих каменщиков, уроженцев его департамента Крез²³⁹. Рабочий-столяр Ф.Манен, выступая на банкете, посвященном 21-й годовщине со дня смерти О.Конта, вспоминал, как он вместе с небольшой группой рабочих посещал в начале 40-х годов лекции в «Консерватории искусств и ремесел». А с 1843 г. Манен и 6 его товарищей, по совету золотых дел мастера П.Бюиссона, стали слушать лекции Конта. В то время помимо лекций Конт проводил особые занятия по философии для троих рабочих: портного, типографа и часовщика²⁴⁰.

Некоторое представление о социально-профессиональном составе «Свободной ассоциации народного просвещения» дает письмо группы ее членов в газету «Bon Sens». Это письмо подписали

2 краснодеревщика, 2 ювелира, токарь, токарь-оптик, эмалищик, 7 рабочих, изготовлявших бижутерию, 2 рабочих, занимавшихся производством несесеров, работник корсетной мастерской, полотор, студент, весовщик, собственник (propriétaire) и человек, который подписался просто «ouvrier»²⁴¹. Конечно, даже среди квалифицированных рабочих активно занималось самообразованием лишь меньшинство²⁴². В Париже это меньшинство, видимо, было гораздо более значительным, чем в провинции.

Специфическим моментом в социальной психологии квалифицированных работников являлось их отношение к труду. Для них, в отличие от неквалифицированных рабочих, труд — не проклятие и не просто способ заработать деньги на жизнь, а предмет гордости, а подчас и радости. Настроения подобного рода особенно ярко проявились в поэзии и песнях шансонье из рабочих. Каменщик из Тулона Ш.Понси посвятил целый сборник стихов воспеванию труда рабочих разных профессий. В одном из стихотворений этого цикла есть характерные строки:

В тени своей кузни живу
Счастливей короля.
Можно гордиться собой,
Когда польза всем от тебя²⁴³.

В стихотворении Ш.Жилля «Рубанок» красочно описывается работа столяра; работник, его инструменты и послушное его мыслям и рукам дерево — вот «действующие лица» этого стихотворения, почти идиллического. Строки:

Древесной основы касаясь слегка,
Рубанок мой бодро снует.
И стружка, как локон, легка и тонка,
И дерево звонко поет.
Все движется, дышит, и в этот момент
Себя я считаю главой
Оркестра, где важен любой инструмент
И голос у каждого свой²⁴⁴,

особенно обращают на себя внимание контрастом по отношению к созданному тем же Жиллем описанию труда на химической фабрике²⁴⁵ и ко всему трагическому настроению его поэзии (замученный нищетой, Ш.Жиль повесился в 1856 г. в возрасте 36 лет).

Вряд ли имеет смысл цитировать все известные нам стихи и песни рабочих, в которых выражены чувства гордости своим трудом, радости от процесса труда и создания всего самого необходимого для людей, наконец, понимания своей значимости в мире. Это и «Песня каменщика из Креза»²⁴⁶, и «Песня тружеников» Э.Пети («Позор тому, кто не хочет трудиться! Слава трудящемуся каждый день!»)²⁴⁷, и «Советы старого мастера Трубадура юному плотнику» Эйрра-старшего²⁴⁸.

Квалифицированный труд не только обеспечивал возможность нормальной самореализации личности, но и мог послужить трам-

пийном для социального возвышения. Благодаря своему умению и профессиональной ловкости каменщик или токарь-универсал мог выделиться из среды своих товарищей. Сложная профессиональная деятельность выявляла фактическое неравенство человеческих способностей, в то время как машинное производство, наоборот, насильно уравнивало сильных и слабых, интеллектуально более и менее развитых. Неквалифицированные работники почти не имели реальных шансов на индивидуальное улучшение своего положения. Трудно определить, насколько велики были шансы на возвышение по социальной лестнице у массы квалифицированных рабочих, но некоторые факты заставляют предположить, что, во всяком случае, их социальная мобильность была выше, чем у неквалифицированных работников. Основатель династии парижских фабрикантов-мебельщиков К.Мерсье начинал свою карьеру в качестве подмастерья Тур де Франс²⁴⁹. Другой «парвеню» — О.Пеккер в детстве помогал своим родителям-землепашцам, в юности был учеником часовщика, в зрелые же годы благодаря счастливому сочетанию предпринимательской жилки и выдающихся способностей механика и конструктора стал основателем и владельцем оснащенного по последнему слову техники сахароваренного завода²⁵⁰. Многие парижские строительные подрядчики говорили Ж.Мишле, что, приехав в столицу, они сначала работали каменщиками или плотниками²⁵¹. Анонимный автор отмечал в 1844 г., что «ремесленник-одиночка имеет больше возможностей добиться независимого положения, чем рабочие крупной промышленности»²⁵². Сопоставленные этим автором две категории работников частично совпадают с выделенными нами группами городских квалифицированных и неквалифицированных рабочих: ремесленники-одиночки являются составной частью первого отряда пролетариата, а рабочие крупной промышленности в большинстве своем относятся ко второму.

Надежда на возможность путем труда, экономии, а подчас и хитрости добиться жизненного благополучия жила в сознании части высокооплачиваемых квалифицированных работников. Индивидуализм, утверждавшийся особенно со времени революционных преобразований конца XVIII в. в качестве нормативного мировоззрения, был усвоен этими рабочими людьми. Была этой категорией рабочих воспринята и стоимостная оценка значимости труда, согласно которой тот вид труда, который обеспечивает наибольший доход и отличается наибольшей общественной полезностью. В итоге уровень дохода выступает в качестве мерила общественной ценности производственной деятельности индивидуума. Так, рабочий Деловье в письме к Пьеру Венсару писал: «Обычно кровельщики — народ малообщительный, от рабочих из других корпораций вообще держатся в стороне, так как считают себя выше других, исходя исключительно из того, что им хорошо, лучше многих, платят...»²⁵³ Именно рабочие, склонные к индивидуализму, переходящему в эгоизм, особенно часто отказывались

участвовать в стачках, объявляли себя сторонниками порядка и собственности²⁵⁴.

Но индивидуализм рабочей элиты XIX в. чаще всего имел свои пределы. В статье, опубликованной в «*Ruche populaire*», рабочий-слесарь Жером-Пьер Жийан писал: «Мне кажется, не мое это призвание ковать железо, хотя в этом ремесле нет ничего низменного, наоборот...»²⁵⁵ И Жийан действительно хотел иного в своей жизни, он опубликовал впоследствии книгу, к которой предисловие написала Жорж Санд, он стал депутатом парламента, но после бонапартистского переворота 1851 г. он вернулся к своей профессии слесаря.

Даже высококвалифицированных рабочих гораздо чаще волновала проблема, как выжить, чем проблема социального возвышения. А. Корбон выделял в среде парижского пролетариата три группы. По его данным, половину рабочих, а в революционное время даже более составляли люди, которые не только занимаются производительным трудом, но и «заставляют правительство идти по пути прогресса»; $\frac{3}{10}$ работников приносили пользу обществу только своим трудом, общественные интересы для них оставались или непонятными, или неизвестными; в так называемый нижний класс рабочего населения Парижа Корбон включал тех, кого, К. Маркс называл люмпен-пролетариатом. В рамках второй группы Корбон выделял «*l'arriere-ban de la bourgeoisie laborieuse*» («резерв трудящейся буржуазии»). Эту категорию рабочих он характеризовал следующим образом: «Так как они любят реальное и зримое благополучие, больше всего они заняты удовлетворением своих потребностей. Они избегают многодетности, их образ жизни сформировался под влиянием безмерного развития самолюбия»²⁵⁶. Как видим, по мнению этого человека, очень хорошо знавшего парижский пролетариат, обуржуазивание затронуло к середине XIX в. лишь очень незначительную часть рабочих. В основной массе квалифицированных рабочих, как и в среде других групп французского пролетариата, происходило стихийное отторжение буржуазной системы ценностей.

Становление классового сознания каждой из рассмотренных групп пролетариата — полукрестьян-полурабочих, городских неквалифицированных и квалифицированных работников — имело свою определенную специфику. Полукрестьяне-полурабочие по своей психологии, по широте своего кругозора, по самоидентификации лишь только начинали отрываться от крестьянского мира. Правоммерно предположить, что формирование пролетарского классового сознания у полукрестьян-полурабочих начиналось с того, что они превращались просто в рабочих. Промежуточное же классовое положение лишь в определенной степени подготавливало их к перемене социального статуса и социальной ориентации.

Городские неквалифицированные рабочие в своем подавляющем большинстве — это вчерашние крестьяне. Только крестьянство, составлявшее $\frac{2}{3}$ населения Франции и постоянно страдавшее от нехватки земли, могло поставить всю эту промышленную армию труда для динамично развивавшихся текстильной, сахароваренной, каменноугольной промышленности, для очень значительного в 40-е годы железнодорожного строительства. Ремесленники, будучи гораздо более грамотными и ориентированными в городской жизни, даже разоряясь, значительно реже переходили в разряд неквалифицированных работников²⁵⁷, к тому же на их долю приходилось всего 10% населения Франции. Впрочем, капиталистическое горнило, в которое попадали неквалифицированные или дисквалифицированные рекруты промышленности, быстро всех уравнивало. Проблема хлеба насущного на долгое время вытесняла все иные проблемы, а также старые привычки, предрассудки; оставалась лишь смутная горечь воспоминаний. Унаследованная от предков традиционалистская культура была настолько несовместима с новыми условиями жизни и труда, что быстро и безвозвратно утрачивалась. Религиозные и нравственные устои рушились. Лишенная каких бы то ни было средств существования, полностью бесправная масса неквалифицированных тружеников из всех слоев населения должна была в особенно резкой форме испытать, как при господстве буржуазии разрываются все привычные, традиционные связи между людьми, в том числе между собственниками и неимущими. Отрезанный от всего культурного мира неквалифицированный пролетариат, пролетариат во всех смыслах этого слова, тем не менее постепенно вырабатывал свои собственные нормы человеческого общежития. Эти-то нормы во многом и легли в основу классового сознания, послужили его социально-психологическим фундаментом. Коллективизм, товарищество явились характерными моментами формировавшейся классовой психологии — важного компонента классового сознания. Поднимались подчас неквалифицированные работники и до понимания общности интересов рабочих различных местностей и разной квалификации. Об этом свидетельствует стачка землекопов на постройке фортификаций в Нуази, под Парижем, в декабре 1831 г. Они потребовали увеличения заработной платы, угрожая в случае отказа выступить в количестве 10 тыс. человек, «чтобы последовать примеру лионских рабочих»²⁵⁸. В июне 1848 г. в Шомон (деп. Верхняя Марна) прибыл вооруженный отряд землекопов из Лангра с целью отправиться далее в Париж. Местные власти задержали отряд, не без оснований заподозрив рабочих в том, что они собираются встать на сторону восставших²⁵⁹. Тогда же в Эссоне рабочие-бумажники построили баррикады, чтобы не пропустить направлявшиеся в Париж воинские подразделения²⁶⁰.

Важнейшее отличие становления классового сознания у квалифицированных рабочих от этого же процесса у их необученных собратьев состояло в том, что промышленная революция во Фран-

ции не привела к быстрому исчезновению тех неписаных, освященных временем и традицией законов, которые во многом регулировали повседневную жизнь, труд и даже отношения с хозяевами работников, имевших высокую квалификацию; жизнь же неквалифицированных работников регулировалась преимущественно законом спроса и предложения.

Обученные работники хранили как передававшиеся из поколения в поколение старые обычаи городского ремесленничества, так и воспоминания об участии их старших родственников в Великой буржуазной революции. Духовная преемственность у этой группы пролетариата не была нарушена.

§ 3. ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ РАБОЧЕГО ВОПРОСА

Великая французская революция освобождала личность. Все ее деятели от фейянов до якобинцев образца 1794 г. трактовали нацию как совокупность свободных личностей. Власть для них выступала как эманация политической воли нации. Институциональным конституированием власти даже Робеспьер глубоко не интересовался. Разрыв между принятой, но не исполнявшейся конституцией 1793 г. и реальным устройством государства существовал не только в практической деятельности якобинцев. Робеспьеристов скорее можно заподозрить в революционном фанатизме, чем в цинизме. Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон явно не могли последовательно и целеустремленно воздвигать здание революционной диктатуры, оставаясь в душе искренними демократами. Относясь фаталистически к своей собственной судьбе, Робеспьер к самому себе относился как к инструменту революции, а не как к высшей ценности в системе власти. Якобинская диктатура, наводившая страх на всю Европу, в качестве своей институциональной базы имела Конвент, то есть парламент, в котором сохранялись легальные возможности для деятельности оппозиции и для свободного обсуждения ключевых политических вопросов.

В ходе революции не была создана модель устойчивой политической системы, и в то же время принципы эффективного государственного управления были заложены. Парадоксальным образом французское государство первой половины XIX в. сочетало в себе нестабильность и эффективность. Эта особенность была связана с созданной в годы революции и закрепленной Наполеоном государственной системой управления финансами. Никогда ранее государство во Франции не могло решиться на целенаправленное осуществление инфляционной политики, ибо не обладало возможностью самостоятельного выпуска бумажных денег — ассигнатов, их беспрецедентное обесценивание явилось формой необъявленного дополнительного налога на все население Франции. «Без национального дохода — нет нации, — говорил в Законодательном

собрании Лебрен. — Не может быть свободы, если доходная часть госбюджета, утвержденного нацией, не поступает в казначейство, регулярно и активно инспектируемое и контролируемое представителями нации»²⁶¹. В прошлом ученик канцлера Мопу, консерватор до мозга костей Лебрен лучше чем кто бы то ни было знал, что управление государственными финансами должно осуществляться эффективно организованной бюрократией, и государственные финансы должны быть строжайшим образом защищены от какой-либо возможности вмешательства в их непосредственное управление частных лиц и их эксплуатации в частных интересах.

Настоящим архитектором государственных институтов явился Наполеон. Предложенная и созданная им конструкция государственного устройства в наиболее принципиальных своих моментах организации исполнительной власти просуществовала весь период бедного капитализма, а многое сохраняется вплоть до наших дней. Так Наполеон создал круговой контроль своих спецслужб друг за другом. Министерство полиции во главе с Фуше, а затем генералом Савари следило за всем населением империи, другая полиция, еще более закрытая, следила за ведомством Фуше и за ним самим, наконец, Лавалетт, директор почт, следил за тайной полицией, а за ним соответственно доглядывал Фуше.

Система же законодательной власти, созданная первым консулом, могла быть принята даже имущими классами лишь на непродолжительное время, так как лишала их каких-либо реальных возможностей воздействия на механизм принятия политических решений.

Конституция 1799 г. (VIII года Республики) обеспечивала не прямое избирательное право для мужского населения страны. Участвовать в выборах в качестве избирателей могли мужчины старше 21 года, являвшиеся гражданами, проживавшие постоянно в одном и том же месте на протяжении не менее года. Избирательного права лишались домашние слуги и банкроты. Из 7 млн взрослого мужского населения только 5 млн соответствовали установленному цензу. Взрослые мужчины каждой коммуны, обладающие правом голоса, избирали своих нотаблей, численность которых соответствовала одной десятой части избирателей. В свою очередь нотабли коммун избирали нотаблей департамента, численность которых также составляла одну десятую часть нотаблей коммун, объединенных в этот департамент. Нотабли департаментов избирали делегатов в количестве одной десятой части своей численности, из которых формировался национальный список, примерно около 5 тыс. человек. Из этого списка Сенат, назначаемый Наполеоном, формировал легислатуру и назначал на некоторые другие государственные посты. Назначение на должности местного уровня нотабли коммун и департаментов осуществляли совместно с правительством.

На каждом уровне был единственный избирательный тур, победившим объявлялся депутат, набравший наибольшее количество голосов.

Парламент состоял из двух палат, члены которых назначались Сенатом: Трибуната из 80 человек и Законодательного корпуса численностью 300 человек. Существовало только одно формальное ограничение свободы Сената в процессе формирования Парламента из членов национального списка — в Законодательном корпусе у каждого департамента должен был быть хотя бы один представитель. На практике среди членов этой палаты оказывалось большое количество парижан и представителей соседних департаментов. Ежегодно одна пятая часть депутатов каждой палаты освобождала свои места, Сенат переизбирал их. Такая избирательная система была тщательно продуманным фасадом, который прикрывал механизм отбора нужных людей, который осуществлял Наполеон и его доверенные лица. Когда внесенный в феврале 1801 г. законопроект, предоставлявший правительству право учреждать в департаментах чрезвычайные суды, вызвал резкие возражения в Трибунате и Законодательном корпусе (в итоге закон был утвержден незначительным большинством), Сенат 18 марта 1802 г. принял постановление — 240 членов Законодательного собрания и 80 членов Трибуната были объявлены не подлежащими переизбранию. А Наполеон все чаще стал игнорировать и Законодательный корпус и Трибунал²⁶².

В 1802 г. он промульгировал следующую конституцию, которая мало что внесла принципиально нового. Разве что контроль за нотаблями, заседавшими в избирательных коллегиях округов и департаментов, еще более ужесточился за счет права первого консула назначать 10 членов в каждую окружную избирательную коллегию и 20 членов в каждую департаментскую. В итоге в окружные коллегии входило около 31 300 избранных и 3500 назначенных членов, а коллегии департаментов состояли из 23 000 избранных и 1700 назначенных членов. Коллегия представляла двух кандидатов на каждое освободившееся место в парламенте, а Сенат выбирал одного из них. Степень, до которой Наполеон пренебрежительно относился даже к своему ручному электорату и хорошо-управляемым выборам, иллюстрируется тем фактом, что на протяжении нескольких лет он требовал от Сената назначения в Законодательный корпус лиц, которые не были даже представлены коллегиями²⁶³.

Местные органы власти при Наполеоне также не обладали даже минимальной автономией. Закон от 28 плювёоза VIII года Республики (17 февраля 1800 г.) вводил генеральные советы департаментов, которые состояли от 16 до 24 членов, назначавшихся первым консулом, опиравшимся на департаментские списки нотаблей. Конституция 1802 г. изменила принцип комплектования генеральных советов: теперь выборщики представляли две кандидатуры на каждое из мест генерального советника и одного из них

Бонапарт назначал сроком на 15 лет. В эпоху I Империи Генеральные советы занимались прежде всего вопросами обложения прямыми налогами. Они создавали комиссии, имели право формулировать пожелания. Реставрация сохранила принцип назначения генеральных советников.

Наполеон проводил меры в поддержку французской промышленности и торговли. Через год после установления консульского режима при поддержке Бонапарта и по инициативе ученого химика, крупного предпринимателя, а с 21 января 1801 г. министра внутренних дел Шапталя было основано «Общество поощрения национальной промышленности». Его руководителями стали ученые — Бертолле, Конте, Монж, Шаптал. Министерство внутренних дел его щедро субсидировало. В декабре 1802 г. были вновь созданы, но уже на новых основаниях двадцать три Торговые палаты, в 1803 основана Палата мануфактур. В 1801 г. в Париже открылась первая промышленная выставка. Но главное, Наполеон последовательно осуществлял политику протекционизма, защищая интересы французской промышленности.

При Наполеоне был создан Банк Франции. Первоначально его капитал составлял 30 млн франков, представленные 30 тыс. акций, стоимостью 1 тыс. франков каждая. Правительство открыло в нем свой расчетный счет и купило 5 тыс. его акций, заручившись при этом гарантией генеральных сборщиков. В феврале 1800 г. из 15 регентов Банка Франции восемь являлись банкирами: Перрего, Малле, Рекамье, Жермен, Карье, Бастерреш, Севен, Барийон, шесть — негоциантами и один был нотариусом, последний в октябре того же года был заменен на Бастида — профессионального банкира²⁶⁴.

В ту пору Банк Франции не обладал никакими исключительными правами и частные банки во всем могли ему составлять конкуренцию. Но закон от 14 апреля 1803 г. даровал Банку Франции на 15 лет исключительную привилегию на эмиссию банковских банкнотов (*billets a vue et au porteur*). Тогда же капитал банка был доведен до 45 млн, а в 1806 г. он был увеличен вдвое²⁶⁵. При Наполеоне, особенно к концу его правления, правительством часто практиковались займы у Банка Франции, в результате чего сокращение запасов звонкой монеты становилось столь угрожающим, что Банк был вынужден вводить отсрочки в обналичивании собственных ценных бумаг (*remboursement des billets*)²⁶⁶. Впоследствии правительство Реставрации также использовало Банк Франции для собственного кредитования.

Преобразовывалась система образования. В 1808 г. Наполеон создал Университет, который включил в себя преподавателей высшей и средней школ. Начальное образование осталось вне университетской системы. Наполеон даровал Университету значительную собственность. Доходы от нее плюс прибыль от реализации произведенного в стенах самого Университета обеспечивали его существование.

Рабочий вопрос при Наполеоне еще не обрел масштабности, но некоторые подходы в отношении бедного городского населения также были определены в эпоху Консулата и I Империи. Бонапартизм характеризовался сочетанием репрессивности и патернализма.

Система контроля и запретов закреплялась законодательно. 1 декабря 1803 г. был принят закон о «рабочих книжках», а закон от 12 апреля 1803 г. воспроизвел основные положения закона Ле Шапелле. Рабочие книжки впервые были введены королевскими указами в сентябре 1781 г. Учредительное собрание отменило их в 1791 г., как и все прочие юридические формальности, стеснявшие свободу торговли и промышленности, но при Наполеоне рабочие книжки были восстановлены, с января 1813 г. они были распространены и на шахтеров, ранее свободных от этого полицейского документа²⁶⁷. Даже поддерживая сугубо экономическое стремление предпринимателей увеличить продолжительность рабочего дня, наполеоновские чиновники аргументировали это необходимостью уменьшить свободное время работников, которое могло быть употреблено на организацию происков против предпринимателей и подготовку стачек²⁶⁸.

О патерналистском подходе к рабочему вопросу в наполеоновскую эпоху красноречиво говорит записка, подготовленная Реньо де Сен-Жан-д'Анжели и представленная в январе 1804 г. в Законодательный корпус: «У всех народов и во всех больших городах существует класс граждан, одинаково далеких как от богатства, так и от нужды; — писал законодатель, — класс, который просит у Бога лишь здоровья и силы, а у общества труда и охраны труда: я имею в виду ремесленников и рабочих. Но если здоровье им изменяет, если работа отсутствует, если они недостаточно предусмотрели необходимость сбережений, а многочисленность семьи сделала брешь в этих сбережениях, или тяжелые времена и особые несчастья поглотили их, — тогда уже создается для такой семьи затруднительное положение; она начинает нуждаться, не впадая еще в нищету, она нуждается в вспомоществовании, но не в общественной благотворительности; и если ее несчастье вызывает о помощи и благословит подавшего ее, то чувство собственного достоинства, то гордость ее отвергнет всякое подаяние. В этом положении обстоятельства принуждают пожертвовать часть обстановки, одежду излишнюю или менее полезную, а иногда даже и необходимую, и приходится примириться с этим. А между тем эта мебель, эта одежда, пушенная наскоро в продажу, так как деньги нужны немедленно и ожидаются с нетерпением, продаются за бесценок сегодня, чтобы быть затем вновь купленными гораздо дороже. В этом случае насколько было бы счастьем для владельца этих вещей иметь возможность отдать их в залог за умеренную ссуду, с надеждой погасить ее в ближайшем будущем. В этом случае взамен необходимой ему помощи он будет принужден лишь к временному лишению, получить облегчение в своей нужде, не страдая в своем самолюбии, получить помощь, оставаясь независимым; в том слу-

чае, наконец, когда менее тяжелые и более прибыльные дни прольют луч утешения на эту семью, — желание вернуть себе заложенное имущество, уплатив ссуду, подскажет ей необходимость быть бережливой; некоторые временные, легко забываемые лишения позволят ей скопить ту небольшую сумму, которая помогла ей во время болезни или безработицы, и так вскоре изгладится всякий след страдания, нужды и печали»²⁶⁹. Реньо добивался реорганизации ссудного дела в Париже — закрытия всех частных ссудных касс и сосредоточения выдачи ссуд под заклад в руках правительственного учреждения, которое возглавил бы префект департамента Сена. Его идеи были услышаны и поддержаны.

Наполеон своими декретами укрепил в 1805 г. положение полублаготворительного парижского ломбарда «*Mont-de-Piété*», который выдавал ссуды под очень умеренные проценты и, как считалось, не обманывал своих клиентов, что было столь свойственно для частных ссудных касс и ростовщиков. А утвержденный им закон от 16 плювёза XII года Республики гласил, что учреждения, выдающие ссуды под залог, могут действовать «только в интересах бедных и только получив разрешение правительства»²⁷⁰.

С точки зрения организации государственной власти Реставрация мало принесла принципиально нового по сравнению с Империей. Согласно Хартии 1814 г. король обладал правом законодательной инициативы, он же утверждал принятый палатами закон и его промульгировал. Король созывал палаты на сессии и в любой момент мог прервать заседания парламента, он мог распустить палату депутатов. Статья 14 Хартии предоставляла монарху право издавать ордонансы, то есть в необходимых случаях вершить законодательную власть помимо парламента. Члены высшей палаты — пэры назначались королем. Звание пэра было объявлено наследственным. Председателей палат парламента также назначал король. В выборах имели право участвовать только французы, платившие в качестве прямого налога более 300 франков и достигшие 30-летнего возраста, т.е. 72 тыс. из 29 млн проживавших во Франции в то время. В выборах 1815 г. приняли участие 42 тыс.²⁷¹ Правом быть избранным обладали только лица старше 40 лет и платившие не менее 1000 фр. прямого налога. В соответствии с «Конституционной хартией» все ступени исполнительной и судебной властей контролировались королем не менее жестко чем при Наполеоне. Король назначал и смещал министров, префектов, прокуроров, судей, командовал вооруженными силами страны, присваивал офицерские звания. Система в значительной степени осталась прежней, изменился режим.

Именно сохранение авторитарной сути позволяло консервативному меньшинству благодаря своему влиянию на короля обретать в государстве позиции не соответствовавшие его реальному весу в обществе. Создавалась патовая ситуация, которую бескомпромис-

сно обрисовал Франсуа Гизо в на шумевшем в 1821 г. политическом памфлете «Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France». К тому времени Гизо был не только известным историком, но и человеком, имевшим большой административный опыт, он успел побывать госсекретарем Министерства внутренних дел в период первой Реставрации Бурбонов, а в 1819—1820 гг. возглавлял администрацию по управлению департаментами и коммунами в рамках министерства внутренних дел — до того, как по политическим причинам не был отправлен в отставку²⁷².

По мнению Франсуа Гизо, правительство не могло выжить, не восстановив «старого порядка», но на его восстановление у него не было сил. Обреченное на бездействие, оно выдвигало в качестве самооправдания хаотическое состояние общества и само же его порождало, задавливая свободу прессы и ассоциаций²⁷³.

Суверенный разум должен определять государственное устройство, а не народ-суверен, — считал Гизо. Великий историк и один из вождей умеренных Гизо точно передавал настроения, характерные для большинства в среде легально действовавшей оппозиции режиму Реставрации. Гизо исходил из того, что никто не верит ни в возможность прямого и постоянного отправления власти всей совокупностью граждан, ни в перспективу избрания всех органов власти на основе всеобщего избирательного права. Суверенитет народа, в его интерпретации, это управление в соответствии с общими интересами, в отличие от управления в частных интересах. Власть должна была считаться и солидаризироваться с наиболее сильными интересами, проявлявшимися в обществе. То есть наиболее активная часть общества должна была передавать свою силу власти, то есть государству, которое должно было в ответ указывать этой части общества ее призвание к управлению. Без лишних обиняков Гизо идентифицировал эту динамичную часть общества, включив в нее «собственников, адвокатов, нотариусов, капиталистов, мануфактуристов, негоциантов...»²⁷⁴ Принципиальный антиэгалитаризм был широко распространен среди обеспеченных людей времен Реставрации. Бюрократы различных уровней в этом плане редко составляли исключение.

Государственными чиновниками рабочие в эпоху Реставрации воспринимались как обездоленная, но в целом покорная своей судьбе масса. Мэры городов, полицейские чины, администраторы Министерства внутренних дел обращали на рабочих внимание в связи со стачками, актами луддизма или «возмутительными высказываниями» политического характера. В отношении между предпринимателями и рабочими власти в ту пору предпочитали не вмешиваться без особой необходимости, при всем том исходили из принципов, установленных в годы Революции и Империи. Префект департамента Об, отчитываясь в декабре 1822 г. перед министром внутренних дел, сообщал, что он в своих действиях следовал духу закона от 16 фруктидора 4 года (Республики. — Е.К.), направ-

ленного на запрет всякого рода ассоциаций и поддержание сугубо индивидуального характера взаимоотношений между хозяевами и рабочими²⁷⁵. Попытки рабочих организовать ради защиты своих интересов жестко пресекались: особенно если рабочие осмеливались устроить какую-либо демонстрацию, против них направлялись силы не только полиции и жандармов, но часто и армии.

Правда в тех случаях, когда стовор имелся и со стороны рабочих, и со стороны предпринимателей, а к тому же позиция рабочих освещалась традицией, власти подчас проявляли колебания или даже возникали межведомственные споры. В Анжере во время конфликта между предпринимателями и рудокопами префект, входивший в систему Министерства внутренних дел, решительно поддержал хозяев, а местный прокурор, подчинявшийся Министерству юстиции, склонен был прислушаться к мнению рабочих. Не продемонстрировал готовности применить статью 415 Уголовного кодекса, предусматривавшую наказания за стачки, и местный прокурор, когда к нему обратились хозяева угольных копей Бланзи в связи со стачкой углекопов в марте 1820 г. Прокурор сослался на «недостаточность данных» представленных ему предпринимателями²⁷⁶.

Гораздо чаще власти оперативно выступали на стороне предпринимателей. К тому же хозяева, добиваясь желаемого, могли опираться на структуры традиционно лоббировавшие их интересы перед государственными органами. Когда в Амьене рабочие-красильщики попытались установить минимум оплаты своего труда, воспротивившиеся предприниматели задействовали амьенскую торговую палату, которая с помощью префекта департамента Сомма убедила министра внутренних дел применить к виновным 415-ю статью. Чтобы избежать судебного преследования рабочие отказались от своего соглашения²⁷⁷.

Так как рабочие демонстрировали большей частью безразличие к политическим страстям, о чем сигнализировали чины полиции, власть могла особенно не утруждать себя патерналистскими акциями. Известно лишь о деятельности герцога Беррийского: в качестве президента Филантропического общества он патронировал рабочие общества взаимопомощи²⁷⁸. В то же время понимая особую значимость Парижа, правительство и муниципалитет сдерживали цены на хлеб, а в периоды спада экономической активности начинали общественные работы для того, чтобы поддержать хотя бы часть тех, кто лишился заработка. Но понимания настроений рабочего люда даже у людей, по долгу службы призванных следить за этими настроениями, явно не хватало. Префект парижской полиции и в 1829, и в первой половине 1830 г. вплоть до июльских дней рокового для династии Бурбонов года сообщал главе Кабинета министров, что рабочее население столицы не интересуется делами политики и озабочено только работой и развлечениями.

Интеллигенты даже самых радикальных взглядов в эпоху Реставрации еще не видели в рабочих силу, которая могла послужить достижению их политических целей. Имелись лишь некоторые ис-

исключения из этого правила. Так в обвинительном акте палаты пэров по поводу августовского заговора 1820 г. говорилось о существовании трех комитетов: бонапартистского под руководством герцога Ровиго, республиканского, под председательством Лафайета, и «гренобльского», названного так по месту рождения его президента Жозефа Рэ. Последний комитет помогал комитету Лафайета, вербуя ему сторонников среди студентов и рабочих²⁷⁹. Эти исключения облегчили в июле 1830 г. организацию буржуазными элементами революционных действий рабочих.

...Королевские ордонансы были обнародованы 26 июля 1830 г., это немедленно вызвало возмущение среди либерально настроенных парижских предпринимателей. Они начали закрывать свои предприятия, объясняя рабочим, что государственный переворот, учиненный Карлом X лишает их возможности продолжать работу. Первыми закрылись газеты и типографии. Прошли собрания с участием студентов и рабочих. Вечером 27 июля в предместье Сен-Марсо члены тайного общества «Трибуны» организовали первые уличные выступления, началось строительство баррикад²⁸⁰. Количество людей, взявшихся за оружие, было очень невелико, но на их стороне были симпатии подавляющего большинства парижан. Восставшие не посягали на собственность, подчинялись приказам своих руководителей. Состоятельных граждан успокаивал тот факт, что вожди инсургентов были одеты либо в буржуазное платье, либо в мундиры слушателей Политехнической школы.

Власти оказались абсолютно неподготовленными к отпору. Численность войск, находившихся в распоряжении правительства, была недостаточной. Вскоре выяснилось, что войскам не хватает боезарядов и провианта²⁸¹. Мармон осуществлял командование без всякого энтузиазма и при первой возможности вступил в переговоры с руководителями баррикад. Линейные части фактически уклонялись от участия в боевых действиях, а на третий день противостояния отдельные подразделения отказались продолжать борьбу. Рабочие составляли основную часть инсургентов. В ходе уличных боев более 1500 человек были ранены и убиты, среди них около 80% относились к рабочим²⁸².

К власти пришли либеральные политические группировки, наконец, получившие широкие возможности для реализации своих проектов государственных и общественных реформ. При этом, как и во времена Великой революции конца XVIII в., буржуазия, прибегая к революционному насилию, вынуждена была искать поддержку у народных масс города²⁸³. Но революция 1830 г., как известно, привела отнюдь не к тем последствиям, которых ожидали ее наиболее активные участники. Осуществленная рабочими, радикальными элементами интеллигенции и мелкой буржуазией, она имела своим результатом переход власти от консервативных дворянских группировок к кругам крупной либеральной буржуазии.

1 августа Луи-Филиппу его консервативные сторонники предложили список членов Временной комиссии, в задачи которой входили чисто административные функции. Наиболее масштабные дела государства переходили в ведение Совета, в составе которого были Дюпен, Себастьяни, Перье, Брольи, позже вошел и Моле. Никто из них не был близок к народному движению. Гизо был назначен министром внутренних дел, став в этом качестве членом Временной комиссии, а не членом Совета.

3 августа состоялось заседание парламента. Речь наместника заменила традиционное выступление короля. В ней принц Орлеанский был представлен как средство против анархии, а стране обещалась честная и справедливая администрация, преданная интересам нации и идее поддержания мирного сосуществования с другими государствами. Однако столь умеренная и неопределенная программа орлеанистов вызвала волнение вне стен палаты — среди республиканцев и радикальных представителей старой оппозиции. Было принято решение не принимать Луи-Филиппа в качестве короля без гарантий дальнейших либеральных реформ. Известный оратор левого крыла либералов Берар внес предложения по пересмотру Хартии. Однако консерваторам удалось устроить так, что действительной работой по изменению Хартии занялись Бролье и Гизо. Последние изменили план Берара и поправки оказались более консервативными, чем ожидалось.

6 августа Берар зачитал измененный проект на заседании палаты, добавив собственные контрпоправки. Однако обсуждение было прервано демонстрациями республиканцев, протестовавших против произошедшего, по их мнению, незаконного захвата власти сторонниками Луи-Филиппа. Гизо предложил перенести обсуждение на следующий день, предотвратив тем самым поспешное принятие или отклонение поправок.

В итоге проект поправок к Хартии был принят после небольшой дискуссии и с очень незначительными изменениями. Он включал в себя декларацию о том, что трон номинально и фактически свободен, и предложение наместнику занять его с измененной конституцией. Основные поправки к Хартии были следующими:

- были изъяты преамбула, в которой документ был представлен как милость, пожалованная монархом, и статья, декларирующая католицизм государственной религией;

- было ограничено право короля на издание указов и декретов;

- были усилены гарантии свободы прессы;

- право законодательной инициативы закреплялось за королем и парламентом;

- возраст, позволяющий баллотироваться в депутаты, был снижен до 30 лет, а позволяющий принимать участие в голосовании — до 25 лет, остальные положения избирательного ценза должны были быть установлены дальнейшим законодательством;

- создание чрезвычайных трибуналов запрещалось²⁸⁴.

Политический режим, возникший благодаря Июльской революции, получал достаточно двусмысленное обоснование. Если режим Реставрации с точки зрения права зиждился на историческом «божественном праве королей», и государство Людовика XVIII и Карла X могло опираться на многовековую традицию, то законность правления Луи-Филиппа подвергалась сомнению и с точки зрения последовательных сторонников династического принципа (они говорили, что «новый король был избран не потому, а несмотря на то, что он Бурбон»²⁸⁵), и с точки зрения последовательных сторонников народного суверенитета.

Конституция 1830 г. наделяла короля исключительно широкими полномочиями, он являлся главой государства и ему принадлежала вся полнота исполнительной власти, законодательная власть отправлялась палатами и королем. Личность короля объявлялась священной и неприкосновенной, признавался он и высшей судебной властью. Сама монархия не устанавливалась Конституцией, а признавалась как историческая данность²⁸⁶. Члены палаты пэров назначались королем. И только палата депутатов избиралась на основе цензового избирательного права. Электорат палаты в 1830 г. состоял из 166 тыс. человек, в 1846 г. он составил 241 тысячу.

Успешное участие многих парижских рабочих в Июльской революции породило в рабочем населении столицы надежды на новое отношение к их проблемам как со стороны властей, так и со стороны их хозяев. С предпринимателями их, казалось бы, объединило общее дело борьбы за свободу. По городу прокатилась волна рабочих манифестаций. И быстро выявилось полное отсутствие взаимопонимания между рабочими и новыми властями.

Когда каменщики Парижа обратились к префекту Сены, управляющему департаментом, в который входил и Париж, с просьбой запретить сдельную работу и сократить рабочее время, он ответил им воззванием, в котором упрекнул в этом «необдуманном, поспешном, опрометчивом» предложении, которое он охарактеризовал как недостойное «их поведения в последнее время и их традиционной лояльности». Они, по его мнению, «забыли на мгновение все принципы, ради которых боролись и которые некоторые из них омыли своей кровью... Они упустили из виду тот факт, что свобода труда не менее священна, чем все другие наши свободы». Другое воззвание, выпущенное недавно назначенным префектом полиции, хорошо известным либералом Жиро де л'Эном (Girod de l'Ain), предупреждала рабочих, что их демонстрации впредь будут рассматриваться как нарушения общественного порядка, а сами рабочие рискуют подвергнуться преследованию согласно Уголовному кодексу за незаконные собрания.

«Если, верные своей сентиментальности, которая оживляет героическое население Парижа, они не совершают ни одного акта насилия, их встречи, более или менее шумные, сами по себе создают угрожающий беспорядок... Если у рабочих Парижа есть хорошо обоснованные требования, им следует представить их инди-

видуально и в официальной форме компетентным властям... Любое требование, адресованное нам, с просьбой нашего вмешательства в отношения хозяина и рабочего по поводу установления заработной платы или продолжительности рабочего дня, или выбора рабочих не может быть принято, поскольку противоречит тем законам, которые освятили принцип свободы промышленности»²⁸⁷.

В этих двух официальных обращениях определенно отражена интерпретация свободы правительством. Свобода была атрибутом индивидуума, а массовые митинги и демонстрации, даже мирные, были «угрожающим беспорядком». На этих демонстрациях выдвигались требования от лица собравшихся в одно целое рабочих, занятых в торговле, в то время как государство признавало лишь индивидуальных граждан. Только если бы требования были представлены индивидуально компетентным органам, они могли бы быть вообще рассмотрены. Но и тогда требования, которые были заявлены в тот момент, были абсолютно неприемлемы, поскольку навязывание коллективных правил лишило бы индивидуумов их священного права вести свое производство как они считали нужным. «Свобода труда» и «свобода производства» были неотделимы от других свобод, освященных Июльской революцией; посягнуть на эти свободы означало бы предательство самих принципов рабочих Парижа, которые они совсем еще недавно «оросили своей кровью».

Для либералов нового режима действия и требования рабочих были не только неприемлемыми, но и совершенно иррациональными. Именно этим можно объяснить покровительственный тон обращений парижских властей. Если «сентиментальность» рабочих была «героической», а их «лояльность» — «традиционной», то их действия были поспешными и необдуманными. Скорее как дети, нежели взрослые, они «забыли» или «потеряли из виду» свои принципы и совершили «угрожающий беспорядок» несмотря на хорошие намерения. Следовательно, их более рациональные наставники должны напомнить им об их обязанностях. И если отеческих лекций окажется недостаточно, рабочие будут подвергнуты наказанию — преследованию по закону. Таким образом, когда типографские рабочие с криками «Да здравствует Свобода!» громили механические прессы, которые лишили их возможности трудиться, или когда они доказывали, что механический пресс служит «только интересам нескольких индивидуумов и противоречит настоящей свободе», на эти демонстрации очевидной иррациональности можно было ответить только силой — лидеры печатников были арестованы и преданы суду за организацию незаконного сговора.

Твердый ответ властей рабочим вскоре достиг желаемого результата. Поток демонстраций в августе и сентябре превратился в ручеек к октябрю и ноябрю и совсем прекратился к декабрю. Отчасти это произошло из-за безработицы, которая была высокой уже до Июльской революции, а теперь выросла еще больше в ре-

зультате политической нестабильности. В период высокой безработицы и слабого порядка единственное, на что надеются рабочие, это вмешательство правительства; как только вероятность этого уменьшается, забастовки против хозяев имеют небольшой шанс на успех. И хотя волнения рабочего класса после Июльской революции были интенсивными, в то же время они были очень непродолжительными. Однако репрессивность ответных действий властей нового режима и непонимание с их стороны того, что происходит, имело и другой результат, который они не предвидели. Некоторые из числа наиболее грамотных и активных рабочих попытались переформулировать и более убедительно изложить точку зрения своего класса. Решающий шаг к рождению нового типа сознания был сделан. Помимо этого радикальные элементы из числа интеллигенции, имея организации в лице тайных обществ, выступили не только за республиканскую форму государственного устройства, но и все настойчивее стали пропагандировать всеобщее избирательное право, а в наиболее радикальном из тайных парижских обществ — в обществе Друзей Народа стала звучать мысль, что судьба пролетариев должна составлять одну из постоянных забот государственной власти. Рабочий вопрос как никогда ранее оказался на повестке дня французского государства.

В структурах государственной власти Июльской монархии было достаточно людей, обладавших острым социальным зрением, но проблема была не в постановке проблемы, а в том, как ее решать. Гизо и часть консервативно настроенных сторонников новой монархии уповали, прежде всего, на репрессивные меры. Являясь с августа по октябрь 1830 г. министром внутренних дел, Ф.Гизо активно занялся реорганизацией Национальной гвардии. Комиссию, которой Гизо поручил подготовку двух законопроектов на эту тему, возглавил Лафайет. Старый генерал сохранял некоторую популярность среди народа и в то же время был вполне лоялен по отношению к новым властям. Помимо создания эффективного инструмента для подавления возможных выступлений, нельзя было допустить, чтобы рабочие обрели учителей из числа образованных смутьянов.

26 сентября 1830 г. в палату депутатов поступило требование о пресечении деятельности республиканских и социалистических обществ, в подражание клубам 1792 г. проводивших частые заседания, на которых чрезвычайно свободно критиковали правительство. Представители среднего класса были обеспокоены той агитацией, которая вдохновляла необузданный энтузиазм студентов-республиканцев на проведение шумных демонстраций. С трибуны Гизо заявил, что страх считает преувеличенным, в то же время он допустил, что политические клубы на самом деле раздувают и восхваляют «революционный дух». «Мы осуществили, — говорил он, — ...счастливую и славную революцию, но мы не намерены ввергать Францию в состояние революции...» Он говорил о себе, что желает движения вперед, как никто другой, но «беспорядок — это не раз-

вите, агитация — это не прогресс». Гизо предложил ужесточить статью 291 Уголовного кодекса, которая запрещала основание какого-либо религиозного, политического или литературного общества с числом членов более 20 человек для регулярных собраний без разрешения правительства. Но предложение Гизо не прошло²⁸⁸.

Полномочия Министерства внутренних дел были по-прежнему, как и в период Реставрации, чрезвычайно широкими. Администрация департаментов и коммун, полиция, Национальная гвардия, общественные работы, общественные благотворительные институты, сельское хозяйство, промышленность, коммерция, наука, литература и искусство — короче, все, что представляло материальный и моральный интерес для страны, или все, что волновало правительство — было под контролем министерства внутренних дел. Июльская революция парализовала деятельность министерства и внесла неизбежные изменения в персонал армии функционеров. Новый министр вставал на рассвете, чтобы встретиться с назойливыми искателями места, которые заполнили Париж. Затем следовали рутинные дела департамента и работа с огромной корреспонденцией, посещение Совета, обязанности в парламенте. Заседания проходили ежедневно, кроме воскресенья, с полудня или с двух часов дня и длились до пяти, шести и даже позже. Он позволял себе лишь четыре—пять часов сна...

Проблема должностных назначений осложнялась тем, что на министра внутренних дел оказывалось чрезвычайное давление. От Гизо требовали более решительных действий по замене чиновников времен Реставрации на сторонников нового режима. Годы, проведенные Гизо в общении с либералами различных оттенков, членами филантропических обществ и членами «Aide-toi» сослужили ему хорошую службу. Гизо пытался найти умеренных, интеллигентных и энергичных людей. Кроме того, он сопротивлялся политике массового увольнения назначенцев эпохи Бурбонов; также он пытался, хотя и безуспешно, спасти некоторых из чиновников департамента народного образования которые отказались присягнуть на верность новому правительству.

Чтобы сбить волну рабочих выступлений правительство, в лице Министерства внутренних дел запросило у парламента 5 млн франков на открытие общественных работ для безработных, пенсии для раненых в ходе июльских боев и компенсации вдовам убитых. Тогда же были уменьшены таможенные тарифы на зерно с целью снизить цены на хлеб²⁸⁹.

Либералы, доминировавшие в правительствах Луи-Филиппа, готовы были решительно бороться против того, что они считали анархией, подрывом устоев государства и общества, в то же время, верные последователи идей Просвещения, они готовы были тратить усилия и деньги на народное образование. Бюджет Министерства образования с 1829 по 1837 г. возрос более чем в два раза. При этом в основном финансовые ресурсы увеличились за счет

начального образования. Генеральные советы департаментов воти-ровали определенные суммы, которые передавались префектами в Париж для включения в государственный бюджет. Создавалась единая система образования под контролем государства. Закон от 28 июня 1833 г. превращал преподавателей начального цикла в го-сударственных служащих и интегрировал их в систему Универси-тета. Таким образом государство получало дополнительную воз-можность воздействия на подданных из числа простолюдинов, ко-торые ранее соприкасались с публичной властью только в лице сборщиков налогов, полицейских и жандармов.

Но средства и усилия требовались действительно титанические. Хотя на одно начальное образование шло порядка одного миллио-на франков в год, в 1833 г. не менее семи тысяч коммун остава-лось без школ²⁹⁰. Во многих французских деревнях учителями и в конце 30-х годов были инвалиды наполеоновских войн, непригод-ные для какой-либо иной деятельности или даже владельцы вин-ных магазинов, которые пополняли свой доход тем, что прямо в своих лавках проводили занятия. И тем не менее прогресс был на лицо. За 1832—1847 гг. число учащихся начальных школ увеличи-лось с 1936 тыс. до 3 млн 530 тыс., т.е. на 1594 тыс., за 1847—1863 гг. оно выросло лишь на 806 тыс., достигнув 4336 тыс. В ре-зультате за годы Июльской монархии количество неграмотных су-щественно сократилось. Если в 1830 г. на 100 рекрутов приходи-лось лиц, не умеющих ни читать, ни писать порядка 50 (точнее 49,73%), то к 1847 г. произошло снижение на 15% (34,91%). В пе-риод II Империи бюрократы ощутили опасность образования, и темпы обучения бедняков, в том числе рабочих упали. В 1862 г. неграмотных среди рекрутов — 27,49%, снижение с 1847 г. всего на 7,4%²⁹¹.

Хотя главной целью закона 1833 г. стала задача создать обще-ственную начальную школу, Гизо не стремился разрушить уже действующие школы, если они отвечали новым требованиям. По отношению к церковным школам, которые уже несли бремя на-чального образования, и особенно к образованным в предшест-вующие десятилетия (протестантским и католическим) Гизо испы-тывал искреннее уважение. Более того, он полагал, что общество только выиграет от множества школ и соревновательности мето-дов. Закон вслед за Хартией признавал принцип «свободы образо-вания». Любой человек 18 лет и старше мог открыть начальную школу при единственном условии — наличии диплома, позволяю-щего вести преподавание и полученного после сдачи определен-ных экзаменов, и сертификата о добронравии.

Сменявшие друг друга правительства Луи-Филиппа лавирова-ли, прибегали к репрессиям, шли на уступки, многократно обви-ненные оппонентами в беспринципности они тем не менее шли курсом, обеспечивавшим Франции экономическое, технологичес-кое, социальное и институциональное развитие. Непопулярные министры приучали страну жить по правилам правового государ-

ства. Они не пытались передергивать карты и менять систему выборов. Хотя выборы, начиная с 1831 г., часто давали совсем не те результаты, которые устраивали бы короля и его министров.

Так прошедшие в 1831 г. выборы в палату депутатов привели в законодательный орган и, соответственно, в большую политику людей демократических убеждений. Среди них был молодой адвокат, сын ремесленника Этьен Кабе. В 1832 г. он опубликовал свою первую книгу «Революция 1830 г. и текущая ситуация» («*Revolutions de 1830 et situation presente*»), в ней он доказывал, что революцию совершили рабочие, а буржуазия присвоила ее плоды.

Рождались новые социалистические и коммунистические теории, которые после революции 1830 г. стали пропагандировать в рабочей среде. 31 октября 1831 г. префект Парижа Жиске предписал всем комиссарам парижской полиции регулярно посещать все публичные проповеди сенсимонистов, фиксируя все, что покажется им враждебным по отношению к правительству либо направленным против общественного спокойствия. В январе 1832 г. он вновь направил циркуляр всем полицейским комиссарам столицы, в котором сообщал о новых опасностях, исходивших от сенсимонистов. Первое, согласно поступившей к нему информации, сенсимонисты начали создавать организацию из рабочих, второе — они привлекали в свои ряды людей богатых, а также молодых людей из «уважаемых семей»²⁹².

Орлеанисты были приверженцами «золотой середины» и постепенности во всем, но даже тяжелейшие потрясения в виде рабочих и республиканских восстаний²⁹³ не заставили их отказаться от своих принципов. Гизо считал, что «централизация умов хуже, чем централизация дел», и не отказывался от этого убеждения ни будучи министром внутренних дел, ни будучи министром образования и министром иностранных дел, ни заняв пост главы кабинета. Этот принцип Франсуа Гизо сформулировал в бытность свою министром внутренних дел в письме к префекту Верхней Соны. Он объяснял префекту, своему старому знакомому: «Не колеблясь меняй мэров, которых отвергает народ и которые стесняют тебя, вместо того, чтобы поддерживать. Все, что имеет слепую и подострастную реакцию будет иметь плохой результат; все, что говорит о стремлении делать дело и верно служить народу даст силу и доверие. Ищи людей, которые умеют думать и действовать в соответствии со своими убеждениями. Первое, что необходимо нашей стране, это повсеместное развитие независимых мнений и влияний. Централизация умов хуже, чем централизация дел»²⁹⁴. В 1833 г. правительство сделало важный шаг в сторону создания местного самоуправления. 22 июня 1833 г. был утвержден закон о выборности генеральных советников. Общество получило еще один легальный и институализированный канал для непосредственного взаимодействия с государством.

Суды присяжных нередко выносили оправдательные приговоры людям, которых в правительстве считали опасными смутьяна-

ми. За свои публикации «Что такое собственность?» и «Предупреждение собственникам» в 1842 г. был отдан под суд Прудон, но суд присяжных его оправдал, а его речь на суде была в том же году опубликована²⁹⁵. Человек, объявивший публично, что «собственность есть кража», получил возможность продолжать пропаганду своих крамольных идей. После того как на процессе в Тулузе суд оправдал группу рабочих, сторонников коммунистических идей, прокурор воскликнул: «Бедная французская буржуазия!»²⁹⁶ Независимость судов, без чего немыслимо правовое государство, в период Июльской монархии утвердилась как никогда ранее.

Идея прогресса в качестве центральной идеи человеческой истории именно в 30—40-е годы обрела общепризнанность. Но при всех несомненных успехах общества ощущение кризисности переживаемого времени не отпускало всех думающих людей той эпохи. Проблема рабочего класса, обострявшаяся год от года, не находила своего разрешения.

Были поиски паллиативов. Внимательно изучалась проблема бедности в целом. 31 июля 1840 г. министр внутренних дел своим циркуляром предписал префектам собрать всю необходимую информацию для составления полного статистического обзора о ситуации с пауперизмом во Франции. По оценкам экономистов в ту пору каждый двадцатый из числа обитателей Франции относился к нуждавшимся, а на 166 граждан приходилось по одному нищему²⁹⁷. По инициативе промышленников государственные чиновники обратились к проблеме ограничения детского труда.

В 1833 г., подготавливая законопроект о всеобщем начальном образовании, правительство разослало анкету о возможности организации начального образования для детей, работавших на фабриках. В ответ некоторые члены Мюлузского промышленного общества поставили вопрос о необходимости законодательного ограничения детского труда. По просьбе этого общества Мюлузская торговая палата и Генеральный совет департамента Верхний Рейн обратились к министру торговли. В мае 1837 г. эльзасские фабриканты подписали петицию адресованную трем министрам и членам законодательных палат с предложением ограничить детский труд на фабриках. 31 июля 1837 г., когда министром торговли был Мартэн, появился правительственный циркуляр, учредивший большую анкету по вопросу о детском труде. Все совещательные палаты мануфактур, торговые палаты, советы приюдомов должны были ответить, с какого возраста дети поступают на фабрику, как велика их заработная плата и продолжительность их рабочего дня; принуждаются ли дети к ночной работе, посещают ли школы, не подвергаются ли дурному обращению и т.д. В то же время чиновники Министерства торговли внимательно изучали английское фабричное законодательство, отчеты фабричных английских инспекторов. 11 января 1840 г. министр торговли Кюнен-Гриден, бывший депутат от департамента Арденн, сам фабрикант, представил на обсуждение палаты пэров законопроект, длительное обсуждение которо-

го в палатах закончилось принятием закона 22 марта 1841 г., предусматривавшего меры по ограничению детского труда.

Вскоре стало ясно, что закон плохо исполняется. Неоплачиваемые инспекторы, призванные осуществлять контроль за соблюдением норм закона, оказались неэффективными. Тогда зимой 1847—1848 гг. еще до возобновления парламентских прений, правительство Луи-Филиппа предложило торгово-промышленным организациям высказаться о желательных изменениях текста закона 1841 года.

Увы, ни репрессии, ни меры в пользу народного образования, ни попытки ограничить детский труд не приносили результата в плане смягчения рабочего вопроса.

Просвещенные либеральные бюрократы не смогли предотвратить Февральскую революцию 1848 г., осуществленную, прежде всего, руками рабочих.

¹ Blanc L. Organisation du travail. 9e éd., 1850; цит. по: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 2.: Игры обмена. М., 1988. С. 228.

² Цит. по: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 2. С. 228.

³ «Ce sera., non pas 314 millions comme on l'annonce, mais environ 409 millions qui devront se transporter, dans une seule année, des mains des capitalistes dans les caisses du trésor», — заявлял 10 февраля 1817 года Лафит на заседании палаты депутатов. (Opinion de M.Laffite, député de la Seine, sur le Projet de Loi relatif aux Finances pour 1817. P., 1817. P. 4.

⁴ Religion saint-simonienne. Leçons sur l'industrie et les finances, prononcées à la salle de l'Athénée par J.Pereire, suivies d'un projet de banque. P., 1832. P. 47.

⁵ Gille B. La Banque en France au XIX siècle. Geneve—P., 1970. P. 113—114.

⁶ Ibid. P. 125.

⁷ Ibid. P. 92.

⁸ Ibid. P. 93.

⁹ Kaufmann E. La Banque en France. P., 1914. P. 12—13.

¹⁰ Ibid. P. 13.

¹¹ Histoire du ministère de l'Intérieur de 1790 à nos jours. P., 1993. P. 64.

¹² Характерно, что один из сенсимонистов М.Шевалье уже в 1832 г. предлагал создать пост министра промышленности. (Religion saint-simonien. [Chevalier] M. Politique industrielle et système de la Méditerranée. P., 1832. P. 7.)

¹³ Statistique de la France, publiée par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837.

¹⁴ Statistique de la France publiée par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837. P. 125.

¹⁵ Annuaire statistique et historique du département de la Haute-Saone. Vesoul, 1833. P. 102—104.

¹⁶ Statistique de la France par le ministre de l'intérieur de l'agriculture et du commerce. Vol. 1—4. P., 1847—1852. В издании, как и в «Statistique de la France...» (P., 1837), приводятся сведения только о провинциальной промышленности.

¹⁷ Moreau de Jonnes. A. Statistique de l'industrie de la France. P., 1856.

¹⁸ Statistique de la France. Industrie. P., 1847, p. XVIII. Авторы обследования не всегда строго следовали этому критерию: на первых же страницах «Statistique de la France» в списке предприятий Лилльского округа указаны промышленные заведения с числом рабочих менее 12.

¹⁹ Так как наибольший интерес для нас представляет социальный аспект истории промышленности, важнейшими отраслями мы считаем те, в которых было сосредоточено наибольшее количество рабочих.

²⁰ Статистический словарь. М., 1989. С. 401.

²¹ Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 a 1870. Vol. II. P., 1904. P. 100.

²² Gille B. Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste» (1815—1848). P., 1959. P. 27.

²³ См.: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1. М., 1971. С. 266—281.

²⁴ Sapin G. Les structures familiales dans les petites villes de Loire-Inférieure (Première moitié du XIX siècle) // Les petites villes françaises du XVIII au XX siècle. Actes du Colloque de Mamers organisé par l'Association d'Histoire des Petites villes. 1998. P. 188.

²⁵ Ure. Philosophie des manufactures. Additions faites par l'auteur... Vol. I. P. 308.

²⁶ Verley P. Entreprises et entrepreneurs du XVIII siècle au début du XIX siècle. P., 1994. P. 74—75.

²⁷ Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 322—323.

²⁸ Villermé L.-R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. Vol. I. P., 840. P. 16.

²⁹ Dupin Ch. Forces productives et commerciales de la France. Vol. I. P., 1827. P. 147—148; Encyclopedie du commercant. Dictionnaire du commerce et des marchandises. Vol. 1. P., 1855. P. 75.

³⁰ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. 1. P. 207.

³¹ Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 348—349.

³² Эти отрасли традиционно рассматриваются как единое целое в силу почти полной идентичности их технологических характеристик.

³³ Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. 1.

³⁴ См.: Кожокин Е.М. К истории фабрично-заводского пролетариата во Франции в 30—40-е годы XIX в. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979. С. 117.

³⁵ Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 330—331.

³⁶ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 19.

³⁷ См.: Ерофеев Н.А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962. С. 97.

³⁸ Цит. по: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. I. С. 326.

³⁹ Sapin G. Les structures familiales dans les petites villes de Loire-Inférieure (Première moitié du XIX siècle) // Les petites villes françaises du XVIII au XX siècle. Actes du Colloque de Mamers organisé par l'Association d'Histoire des Petites villes. 1998. P. 188.

⁴⁰ Gaspard P. La fabrique au village // Mouvement social. 1976. № 97. P. 17

⁴¹ Vanier H. La mode et ses métiers. P., 1960. P. 34.

⁴² См.: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. I. С. 381—382.

⁴³ Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole Vol. 7. P., 1838. P. 361—363.

⁴⁴ Vial J. L'industrialisation de la siderurgie française 1814—1864. P.—La Haye, 1967. P. 144.

⁴⁵ Hardach G.H. Der soziale Status des Arbeiters in der Fruhindustrialisierung. Berlin, 1969. S. 27.

⁴⁶ Золя Э. Собрание сочинений. Т. 18. М., 1957. С. 120.

⁴⁷ Demidoff A. de. Voyage dans la Russie. P., 1840. P. 8.

⁴⁸ См.: Золя Э. Собрание сочинений. Т. 18. С. 40; Reybaud L. La Fer et la Houille. P., 874. P. 20.

⁴⁹ Flachet E., Barrault A., Petiet J. Traité de la fabrication de la fonte et du fer. Vol. 2. Liege, 1852. P. 283.

⁵⁰ Vial J. Op. cit. P. 145. (Подсчитано на основании данных его таблицы).

⁵¹ См.: Данилевский В.В. Очерки истории техники XVIII—XIX вв. М.—Л., 1934. С. 192—193.

⁵² Vial J. Op. cit. P. 115.

⁵³ Ibid. P. 114. Металлургические предприятия имелись в 46 департаментах Франции (см.: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. I. С. 365). Постепенно нарастала региональная концентрация производства. Так, если в 1840 г. 15% всего производства стали во Франции осуществлялось в районе Сент-Этьена, то к 1869 г. уже 45% (Schnetzler J. Les industries et les hommes dans la region de Saint-Etienne. Saint-Etienne. 1975. P. 67; Aminzade R. Ballots and Barricades. Class formation and republican politics in France, 1830—1871. Princeton—New Jersey, 1993 P. 81).

⁵⁴ Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1852 P. 292—293.

⁵⁵ Цит. по: Vial J. Op. cit. P. 149.

⁵⁶ Gossez R. Diversité des antagonismes sociaux vers le milieu de XIX siècle // Revue économique. 1956. Mai.

⁵⁷ Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 296—297.

⁵⁸ Ballot Ch. L'Introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille—P., 1923. P. 493.

59 Colmont A. de. Histoire des Expositions des produits de l'industrie française. P., 1855. P. 263; Тарле Е.В. Сочинения: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 63.

60 Schnitzler J.-H. Statistique générale de la France comparée aux autres grandes puissances de l'Europe. Vol. III. P., 1846. P. 312.

61 Moreau de Jonnes A. Op. cit. P. 245.

62 Gaillard J. Les usines Cail et les ouvriers métallurgistes de Greffelle // Mouvement sociale. 1961. № 33/34. P. 31.

63 Daumard A. L'évolution des structures sociales en France à l'époque de l'industrialisation. (1815—1914) // Revue Historique. 1972. № 502. P. 327.

64 Журнал мануфактур и торговли. 1843. Ч. IV. № 11—12. С. 437—438.

65 Техника в ее историческом развитии. М., 1979. С. 202.

66 Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 296—297.

67 Valicour E. de. Nouveau manuel complet du tourneur. P., 1848. P. VI.

68 Borgnis J.-A. Traité complet de mécanique appliquée aux arts. P., 1819. P. 177—178; Jariez J. Cours élémentaire de mécanique industrielle. P., 1851. P. 168—169.

69 См.: Черепнев А.И. Из истории металлообработки (технология производства токарного режущего инструмента в XVIII в.) // Труды Ин-та истории естествозн. и тех. Т. 29. М., 1960.

70 Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 296—297.

71 Schnitzler J.-H. Op. cit. Vol. II. P. 314.

72 Именно вследствие этого де Валикур в своем учебнике уделил столь значительное место описанию обработки металла с помощью простейших инструментов: напильника, метчика, винтовальной доски т. п. (Valicour E. de. Op. cit.).

73 Schnitzler J.-H. Op. cit. Vol. III. P. 303.

74 Dubrunfaut. Art de fabriquer le sucre de bettraves. P., 1825.

75 Подсчитано на основании таблицы 1 «Крупнейшие отрасли французской промышленности».

76 Baudrimont A. Traité de chimie générale et expérimentale. Vol. II. P., 1846. P. 660.

77 Helot J. Le sucre de bettraves en France de 1800 à 1900. Cambrai, 1900. P. 47; Baudrimont A. Op. cit. Vol. II. P. 660.

78 Helot J. Op. cit. P. 56.

79 Dubrunfaut. Op. cit. P. 489—490.

80 Первые предприятия с паровым централизованным подогревом появились еще в эпоху Реставрации (Reynier E. Les industries de la soie en Vivarais. Grenoble, 1921. P. 27).

81 Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 342.

82 Ibid. P. 343.

83 Reybaud L. L'industrie en Europe. P., 1856. P. 118.

84 См.: Таблицу 1 «Крупнейшие отрасли французской промышленности».

- ⁸⁵ Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. 1. С. 309.
- ⁸⁶ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 344.
- ⁸⁷ См.: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. 1. С. 313.
- ⁸⁸ Sombart W. Der moderne Kapitalismus. 15 aufl. 1928. II. S. 731—732.
- ⁸⁹ Atelier. 1846. Mai. № 8.
- ⁹⁰ Burat A. Geologie appliquée ou traité de la recherche et de l'exploitation des minéraux utiles. P.—Leipzig, 1843. P. 404.
- ⁹¹ Ibid. P. 420—423.
- ⁹² См.: Таблицу 1 «Крупнейшие отрасли французской промышленности».
- ⁹³ О лампочке Дэви см.: Потемкин Ф.В. Указ. соч. Т. 1. С. 333—335.
- ⁹⁴ См.: Aminzade R. Ballots and Barricades. Class formation and republican politics in France, 1830—1871. Princeton—New Jersey, 1993. P. 80.
- ⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 333.
- ⁹⁶ Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. Вып. X. М., 1957.
- ⁹⁷ См.: Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971. С. 67.
- ⁹⁸ Подсчитано по: Statistique de la France. Industrie. P., 1847.
- ⁹⁹ Audiganne A. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX siècle. Vol. I. P., 1854. P. 17.
- ¹⁰⁰ Levasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 180.
- ¹⁰¹ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 8; см. также: Levasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 178.
- ¹⁰² Vidalenc J. Le peuple des villes et des bourgs. P., 1973. P. 186—187.
- ¹⁰³ Lasserre A. La situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la monarchie de Juillet. Lausanne, 1952. P. 53.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 50.
- ¹⁰⁵ Levasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 184.
- ¹⁰⁶ Dupin Ch. Op. cit. Vol. I. P. 143—144.
- ¹⁰⁷ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 319—320.
- ¹⁰⁸ Exposé de la situation du commerce et de l'industrie, soumis au roi, par le ministre du commerce et des travaux publics. P., 1832. P. 15.
- ¹⁰⁹ Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 216.
- ¹¹⁰ См.: Потемкин Ф.В. Лионские восстания. М., 1937. С. 62—66, 153—155.
- ¹¹¹ Audiganne A. Op. cit. Vol. I. P. 227.
- ¹¹² Reybaud L. Op. cit. P. 148.
- ¹¹³ Шерстоткацкий и шелкоткацкий станки значительно различались по своему устройству, хотя оба носили название «жаккардов».
- ¹¹⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 6. С. 68—70.
- ¹¹⁵ «Первоначально известная минимальная величина индивидуального капитала являлась. необходимой для того, чтобы число одно-

временно эксплуатируемых рабочих, а следовательно, и масса производимой ими прибавочной стоимости были достаточны для освобождения самого эксплуататора от физического труда, для превращения мелкого хозяйчика в капиталиста, для того, чтобы формально создать капиталистическое отношение» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 342).

¹¹⁶ Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 355—356. Следует отметить, что критерии отличия фабричного производства от мелкотоварного, предложенные самим В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», отличались исключительной произвольностью и полным отсутствием их обоснования. Политическая страсть и политическая целесообразность — вот краеугольные камни ленинских «научных» построений. О чем бы он не писал, в конечном счете он писал всегда об одном — о том, как завоевать власть или ее удержать. Побочными продуктами оказывались невольная фальсификация статистических данных и необоснованность (с научной точки зрения) концепции в целом.

¹¹⁷ Подсчитано по: *Statistique de l'industrie à Paris, resultant de l'enquete faite par la Chambre de commerce pour les années 1847—1848*. P., 1851.

¹¹⁸ *Statistique de l'industrie à Paris. 1860. Enquête de la Chambre de Commerce*. P., 1864. P. XX.

¹¹⁹ Chaline J-P. *Les bourgeois de Rouen. Une elite urbaine au XIX siècle*. P., 1982. P. 24.

¹²⁰ Rolley J. *La structure de l'industrie textile en France en 1840—1844 // Histoire des entreprises*. 1959. № 3—4; Rolley J. *Structure de l'industrie siderurgique en France en 1845 // Revue d'histoire de la sidérurgie*. 1960. № 2.

¹²¹ Vidalenc J. *Le peuple des villes...* P. 80.

¹²² Perdiguer A. *Memoires d'un compagnon*. Moulins, 1914. P. 174.

¹²³ Цит. по: Vidalenc J. *Le peuple des villes...* P. 81.

¹²⁴ Lasserre A. *Op. cit.* P. 45—46.

¹²⁵ Vial J. *La coutume chapelière. Histoire du mouvement ouvrier dans la chapellerie*. P., 1941. P. 46—47.

¹²⁶ Сами грузчики называли свою организацию как Ассоциацией портовых грузчиков (*association des portefaix*), так и Обществом святого Петра и святого Павла и Нотр-Дам де Грас (*Société de Saint-Pierre et Saint-Paul et Notre-Dame de Grace*).

¹²⁷ *Reglement pour l'exercice de la profession de portefaix de la ville de Marseille*. Marseille, 1817. P. 22. Этот устав действовал без существенных изменений до середины 60-х годов XIX в., когда ассоциация начала приходить в упадок вследствие конкуренции со стороны капиталистической компании складских помещений. В 1868 г. был принят новый устав (*Reglement de l'association des portefaix de Marseille*. Marseille, 1868).

¹²⁸ В 1848 г. ассоциация насчитывала 2500 членов (Nguyen V. *Les portefaix marseillais // Provence historique*, 1960. Т. XII. № 49—50. P. 363).

- 129 Reglement pour l'exercice de la profession de portefaix... P. 5—7
- 130 Sewell W. La classe ouvrière de Marseille sous la Seconde République: structure sociale et le comportement politique // Mouvement sociale 1971. № 76. P. 42—43.
- 131 Reglement pour l'exercice de la profession de portefaix... P. 25.
- 132 Office du travail. Le placement des employés, ouvriers et domestiques. P.—Nancy, 1893. P. 104; Aguet J.-P. Les grèves sous la monarchie de juillet. Genève, 1954. P. 74, 128—129, Тарле Е.В. Рабочий класс в первые времена машинного производства (1815—1834). // Указ. соч. С. 95—96.
- 133 Sauzay A. La verrerie depuis les temps les plus reculés jusqu' à nos jours. P., 1869. P. 60.
- 134 Sewell W. Op. cit. P. 42—43.
- 135 Aboucaya C. Les structures sociales et économiques de l'agglomération lyonnaise à la veille de la Révolution de 1848. Lyon, 1963.
- 136 Statistique de l'industrie à Paris... P., 1851; Statistique de l'industrie à Paris... P., 1864.
- 137 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- 138 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7; Le Pays. 25.7.1865.
- 139 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
- 140 История изобретения и распространения швейной машины. М., 1867. С. 13—14.
- 141 Vanier H. Op. cit. P. 59—60.
- 142 Perdiguer A. Op. cit. P. 54—57, 71—72, 91.
- 143 Moreau de Jonnes A. Op. cit. P. 338.
- 144 Цит. по: Gabriel de Broglie. Guizot. P., 1990. P. 80.
- 145 Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France. P., 1836. P. 6. См. Далин В.М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981. С. 14.
- 146 Изложение учения Сен-Симона. М.—Л., 1947. С. 227.
- 147 Цит. по: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789—1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 277.
- 148 Gurvitch G. Proudhon. Sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie. P., 1965. P. 32.
- 149 Vidalenc J. Le peuple des villes et des bourgs. P., 1973. P. 188.
- 150 Treppe R. Les mineurs de Carmaux, 1848—1914. Vol. I. P., 1971 P. 191—192.
- 151 Vidalenc J. Le peuple des villes... P. 41; Hardach G.H. Op. cit. S. 62—63.
- 152 Villermé L.-R. Op. cit. Vol. II. P., 1840. P. 24.
- 153 Vigier Ph. Seconde République dans la région alpine. Vol. I. P., 1963. P. 114.
- 154 Levasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 254.
- 155 Цит. по: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. II. М., 1971. С. 67.
- 156 Vial J. L'industrialisation... P. 150.

157 Ibid. P. 159.

158 Bigot de Morogues P. Du pauperisme, de la modicité et des moyens d'en prévenir. P., 1834; Vidalenc J. Le peuple des villes... P. 83; Garmy R. «mine aux mineurs» de Rancié. 1789—1848. P., 1943. P. 241.

159 Aguet J.-P. Op. cit. P. 151—152.

160 Газета «Reforme» писала 4 сентября 1847 г. о рабочих-лесорубах в Бретани: «Несчастливые работают то под палящим солнцем, то под проливным дождем с 4 часов утра до 8 часов вечера и получают в неделю франков».

161 Цит. по: Bonnet S. et al. Verriers et bucherons d'Argonne aux VIII et XIX siècles // Mouvement social. 1966. № 57. P. 160.

162 Dumay J.-B. Mémoires d'un militant ouvrier du Creusot (1841—1905). Grenoble, 1976. P. 79.

163 Vial J. L'industrialisation... P. 159.

164 Gazette des Tribunaux. 17.5.1840; 22.5.1840; Aguet J.-P. Op. cit. 194, 269.

165 National. 27.1.1848.

166 См.: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. II. С. 177—178.

167 Исключение составляет труд землекопов и некоторых категорий разнорабочих. Хотя их работа была также предельно проста, она требовала значительной физической силы и потому оставалась в основном делом мужчин.

168 См. об их положении: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. I. С. 61; Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1959. С. 39.

169 Цит. по: Guenif G. Charles Noiret et l'enquête de 1848 sur la profession de tisserand // Revue d'histoire économique et sociale, 1971. Vol. 49. № 1. P. 106.

170 Ibid. P. 102.

171 Цит. по: Aguet J.-P. Op. cit. P. 337.

172 Atelier. 1845. Decembre. № 3.

173 Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 322—323, 330—331.

174 Dubrunfaut. Op. cit. P. 490.

175 Statistique de la France. Industrie. P., 1852. P. 314—315.

176 Sewell W. Op. cit. P. 38.

177 Dolléans Ed. Histoire du mouvement ouvrier. 1830—1871. P., 1936. 15—16.

178 Sewell W. Op. cit. P. 36.

179 Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. II. 9.

180 Цит. по: Guillaume P. La situation économique et sociale du département de la Loire d'après «L'Enquête sur le travail agricole et industriel» du 25 mai 1848. — Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1963. X. P. 26.

181 Blanqui A. Des classes ouvrières... Vol. I. P., 1849. P. 98; Thouvenin. De l'influence que l'industrie exerce sur la sante des populations dans les grands centres manufacturiers // Annales d'hygiene publique et de medecine legale. 1846. Juillet. P. 24.

182 Valentin M. Louis-René Villermé. 1782—1863. Le Mans, 1993. P. 48—49.

183 Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 41.

184 Aperçu sur la condition des classes ouvrières et critique de l'ouvrage de M. Buret. P., 1844. P. 21.

185 Cochin A. De la condition des ouvriers d'apres les derniers travaux. P., 1862; Цит. по: Dolleans Ed. Op. cit. P. 25.

186 Les associations professionnelles ouvrières. T. I, P., 1899. P. 330—331.

187 Aminzade R. Op. cit. P. 80.

188 Например, в начале XIX в. парижский торговый дом Буагов являлся совладельцем железорудной компании Сент-Этьена, а также металлургического комплекса Фуршамбо. Торговый капитал принимал участие в эксплуатации металлургических предприятий в Монтатэре, Эмпи (см. подробнее: Thuillier G. Georges Dufaud et les débuts du grand capitalisme dans la métallurgie en Nivernais au XIX siècle. P., 1959. P. 37 et suiv.).

189 Buret E. De la misere des classes laborieuses en Angleterre et en France. Vol. II. P., 1840. P. 187.

190 Цит. по: Aguet L.-P. Op. cit. P. XII.

191 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 6. С. 291—318; Guillaume P. Greves et organisations ouvrières chez les mineurs de la Loire au milieu du XIX siècle // Mouvement social. 1963. № 43.

192 Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 1. М., 1976. С. 130.

193 Chanut A. et autres. Aspects industriels de la crise: le departement du Nord // Aspects de la crise et de depression de l' économie française au milieu du XIX siècle. 1846—1851. P., 1956. P. 102.

194 Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 6. С. 98.

195 См.: РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7, 20/2 (в обложке с надписью Caractère, moeurs, habitudes).

196 Statistique de France. Industrie. P., 1852. P. 322—323, 330—331.

197 Chanut A. et autres. Op. cit. P. 99.

198 Moreau de Jonnes A. Op. cit. P. 43—44.

199 Bopp M.-J. L'oeuvre sociale de la haute bourgeoisie haut-rhinoise // La bourgeoisie Alsacienne. Strasbourg, 1967. P. 392.

200 См.: Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. Т. 6. С. 181.

201 Bopp M.-J. Op. cit. P. 392.

202 Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 329.

203 Ibid. P. 104.

204 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 370.

- 205 Подсчитано на основании данных, опубликованных в «Gazette des Tribunaux» и в кн.: Aguet J.-P. Op. cit.
- 206 Enquête sociale. 20.10.1846.
- 207 Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole. Vol. 2. P.—L., 1834. P. 268.
- 208 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7.
- 209 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/2—5. Л. 48; Vincard P. Les ouvriers de Paris. P., 1863. P. 44.
- 210 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/2—5. Л. 52.
- 211 Lévasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 253.
- 212 Perdiguier A. Biographie de l'auteur du livre du compagnonnage et réflexions diverses. P., 1846; Nadaud M. Memoires de Leonard. Ancien garçon, maçon. Bourgneuf, 1895. P. 107.
- 213 Réforme. 9.8.1845.
- 214 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/2—5. Л. 50.
- 215 Démocratie pacifique. 8.7.1845.
- 216 Aguet J.-P. Op. cit. P. 296.
- 217 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 7. Л. 67.
- 218 Nouveaux tableaux de Paris ou observations sur les moeurs et usages des parisiens au commencement du XIX siècle. P., 1828. Vol. I. P. 7—8.
- 219 Réforme. 8.1845.
- 220 Réforme. 16.6.1845.
- 221 Démocratie pacifique. 8.7.1845; Lévasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 255; Rapport de la commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai. P., 1848. P. 258.
- 222 Lévasseur E. Op. cit. Vol. II. P. 278.
- 223 Moreau de Jonnes A. Op. cit. P. 278.
- 224 Perdiguier A. Memoires d'un compagnon. P. 159; Corbon A. Le secret du peuple de Paris. P., 1863. P. 64; Monfalcon. Histoire des insurrections de Lyon en 1831 et 1834. P., 1834.
- 225 Recits et contes populaires de Lyon, reunis par Jacques Vallerant chez les canuts lyonnais. Editions Gallimard. 1978. P. 20.
- 226 См.: Якимович Т.К. Французский реалистический очерк. 1830—1848. М., 1963. С. 51—52.
- 227 Dautry J. 1848 et la II République. P., 1957. P. 37.
- 228 Как уже отмечалось, марсельские грузчики представляли собой очень специфическую группу рабочего класса. По уровню заработков, культуры, организованности они вполне могли быть причислены к квалифицированным работникам.
- 229 Gelu V. Marseille au XIX siècle. P., 1971. P. 153.
- 230 Сообщения о существовании в среде рабочих певческих обществ имеются у Виллерме (Villermé L.-R. Op. cit. Vol. I. P. 103—104).
- 231 «Машинный труд, — писал Ф. Энгельс, — до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и

отнимает у человека всякую возможность свободной физической и духовной деятельности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 404).

232 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 20/2.

233 Там же.

234 Braun J. Tour de France d'un artisan alsacien sous la Restauration // Artisans et ouvriers d'Alsace. Strasbourg, 1965. P. 228.

235 Имеются также сведения о существовании в Эльбефе в 30—40-е годы XIX в. подобных бесплатных курсов для рабочих. Их основал инженер, один из первых теоретиков индустриальной технологии М.Алькан (Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Т. 1. P., 1964. P. 86).

236 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 6. С. 169—170.

237 См.: Vinçard P. Les ouvriers de Paris. P., 1863. P. XXI.

238 Guinot J.-P. Formation professionnelle et travailleurs qualifiés depuis 1789. P., s.a. P. 90—92.

239 Nadaud M. Op. cit. P. 100.

240 Comte A. Le proletariat dans la société moderne. P., 1946. P. XXXVI.

241 Bon Sens. 11.11.1832.

242 Например, о каменщиках П.Венсар писал: «Кроме деревни, в которой он родился, семьи и своего ремесла каменщик ничего не знает и знать даже то, что происходит вокруг него, не хочет... Его безразличие ко всему на свете почти непобедимо». Далее Венсар отмечал безнадежный консерватизм каменщиков, которые в любой затруднительной ситуации ссылались на то, что книг они не читали, да и старики прекрасно управлялись с кирпичами без помощи книг. Лишь меньшинство каменщиков, признавал Венсар, не соответствовало этой характеристике (РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/6, л. 17).

243 Réforme. 16.1.1845.

244 La chanson française, Le pamphlet du pauvre, P., 1957. P. 111.

245 Там же. P. 92.

246 В этой песне есть такие строки: «Взгляни на эти набережные, на эти изящные дома, на эти храмы и дворцы... Посмотри на эти крепости, все это создано руками каменщика из Креза» (РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/6. Л. 97).

247 La chanson française. P. 156.

248 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/1. Л. 22.

249 Prat J.-H. Histoire du faubourg Saint-Antoine. P., s.a. P. 171—173

250 О.Пеккер изобрел арифмометр, усовершенствовал ряд металлообрабатывающих станков (Eude E. Histoire documentaire de la mécanique française. P., 1902. P. 58—59).

251 См.: Мишле Ж. Народ. М., 1965. С. 51.

252 Aperçu sur la condition des classes ouvrières... P. 7.

253 РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11.

254 См., например, письмо двух рабочих, бывших бригадиров национальных мастерских, в котором они во имя «порядка и собствен-

ности» осуждают Июньское восстание парижского пролетариата (*Le Nouvelliste. Journal de Paris. 1.7.1848*).

255 Цит. по: Rancière J. *La nuit des prolétaires*. P., 1981. P. 16.

256 Corbon A. *Op. cit.* P. 19—25, 62—63.

257 Это в определенной степени подтверждает (правда, для более позднего времени) исследование американского историка Дж. Скотта, который тщательно изучил судьбы высококвалифицированных рабочих-стеклодувов, ремесло которых пришло в упадок вследствие утверждения машинного производства (*Scott J.W. The Glassworkers of Carmaux. French Craftsmen and Political Action in Nineteenthcentury City. Cambridge, 1974*).

258 Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 6. С. 210.

259 *L'ère nouvelle*. 8.7.1848.

260 История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 306—307.

261 Цит. по: Bosher J.F. *French Finances 1770—1795: from Business to Bureaucrasy*. Cambridge, 1970. P. 25.

262 Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. С. 351.

263 Peter Campbell. *French Electoral Systems and Elections since 1789*. London, 1958. P. 54—55.

264 Sedillot R. *Les deux cents familles*. P., 1988. P. 33.

265 Gourdon de Genouillac H. *Paris à travers les siècles. Histoire nationale de Paris et des parisiens depuis sa fondation de Lutèce jusqu'à nos jours*. P., 1882. P. 323.

266 Kaufmann E. *La Banque en France*. P., 1914. P. 4.

267 *Annales du Travail. Moniteur des sociétés cooperatives*, 1867. P. 143.

268 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 43—44.

269 Цит. по: Дюваль Э. Исторический очерк возникновения во Франции и учреждения в Париже правительственных ссудных банков *Mont-de-Piete*. СПб., 1913. С. 95—97.

270 Blaize A. *Des Monts-de-Piete et des banques de pret en France et dans les divers etats de l'Europe*. P., 1856. Vol. 1. P. 155.

271 De Waresquiel E. *Un paradoxe politique. La chambre «introuvable» et la naissance du parlementarisme francais (octobre 1815 — avril 1816) // Commentaire*. 1992. № 58. P. 410.

272 См.: Gabriel de Broglie. Guizot. P., 1990. P. 70.

273 Lefort C. Guizot theoricien du pouvoir // *Francois Guizot et la culture politique de son temps*. (P.) 1991. P. 97.

274 Guizot F. *Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'etat actuel de la France*. P., 1821. P. 265—266; Lefort C. *Op. cit.* P. 104.

275 См.: Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 86, 677.

276 Там же. С. 96, 100.

277 Там же. С. 104—105.

278 Gossez R. *Introduction // Un ouvrier en 1820. Manuscrit inedit de Jacque Etienne Bedé*. P., 1984. P. 14.

279 Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М., 1906. С. 14.

280 См.: Вейль Ж. Указ. соч. С. 26—27.

281 Girard L. La troupe face aux insurrections parisiennes. (1830—1848) // *Maintien de l'ordre et polices en France et en Europe au XIX siècle*. P., 1987. P. 54.

282 Pinkney D.H. The Crowd in the French Revolution of 1830 // *American Historical Review*. 1964. October. P. 3—4.

283 См.: Завитневич И. К вопросу о руководстве массовым движением во время Июльской революции // *Летописи марксизма*. III (XIII). М.—Л., 1930.

284 Brush E.P. Guizot in the early years of the Orleanist monarchy. NY, 1974.

285 Цит. по: Вейль Ж. Указ. соч. С. 35.

286 *Constitutions de la France depuis 1789, textes presentés par J.Godechot*. P., 1979.

287 Sewell W.H. Jr. *Work and Revolution in France. The Language of Labor from the Old Regime to 1848*. Cambridge University Press. 1980. P. 196.

288 Brush E.P. Guizot in the Early Years of the Orleanist Monarchy. N-Y, 1974. P. 86.

289 Brush E.P. Op. cit. P. 82.

290 Brush E.P. Op. cit. P. 148.

291 Фрумов С.А. Французская школа и борьба за ее демократизацию 1850—1870. М., 1960. С. 25.

292 Religion saint-simonienne. Poursuites dirigés contre Notre Pere supreme Enfantin et contre Notre Pere Olinde Rodrigues. (P.) s.a. P. 9—10.

293 В период Июльской монархии революционные выступления в Париже стали столь частым явлением, что они вторгались подчас самым неожиданным образом в сугубо частную жизнь. Герцог Орлеанский, старший сын короля, встречался с одной из своих возлюбленных на улице Тикетонн. Свидание было прервано барабанным боем и оружейной стрельбой, которые раздались недалеко от дома, в котором находился наследник престола. Тот бросился к окну и увидел, что улица заполнена вооруженными инсургентами, которые строят баррикаду. Принца в Париже хорошо знали в лицо, и он легко мог стать пленником восставших. Тем не менее, подняв высоко воротник своего пальто он вышел на улицу. И тут же столкнулся с группой инсургентов, тащивших тяжелую повозку. Они хотели ее опрокинуть на бок, сделав из нее центральное звено баррикады. Не колеблясь герцог Орлеанский взялся помогать строителям баррикады и делал это с таким энтузиазмом, что ни у кого не возникло подозрений по поводу его персоны. Затем, улучив момент он скрылся, чтобы вскоре вернуться на то же место во главе отряда преданных королю войск и взять штурмом возведенную с его помощью баррикаду (*Le dix-neuvieme siècle. Les Moers. Les Arts. Les Idees*. P., 1901. P. 90—91).

294 Brush E.P. Op. cit. P. 80.

²⁹⁵ Gurvitch G. Proudhon. Sa vie, son oeuvre, avec un exposé de sa philosophie. P., 1965. P. 2—3.

²⁹⁶ Aminzade R. Op. cit. P. 112.

²⁹⁷ Les français peints par eux-memes. Encyclopédie morale de dix-neuvième siècle. P., 1841. T. IV. P. 100.

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ТИПЫ РАБОЧЕГО СОЗНАНИЯ

Франция первой половины XIX в. оставалась страной с явным преобладанием сельской местности над городом. В середине 30-х годов из 37 252 коммун лишь 1377 считались городскими. Даже некоторые из департаментских и окружных центров получали статус городов только за свое административное значение. По подсчетам известного статистика той эпохи Ж.-А. Шнитцлера, всего в 1102 коммунах численность населения превышала 3 тыс. человек¹. Провинция жила неторопливо, бережно сохраняя старые традиции. Ф.Энгельс писал о Франции тех лет: «Местные налоги во всех городах с населением свыше 1000 человек являются косвенными и взимаются с ввозимых туда продуктов. Таким образом, даже внутри страны свобода торговли через каждые 10—15 миль наталкивается на препятствие в виде своеобразных внутренних таможен»².

Экономическая разобщенность усугублялась социально-культурными различиями, сохранявшимися особенно в народной среде. Немало способствовала разъединению тружеников живучесть во многих районах Франции патуа и диалектов. Даже о столь промышленно развитом департаменте, как Верхний Рейн, географ А.Гюго писал: «Диалект немецкого языка, на котором говорят в департаменте, очень похож на немецкий язык, употребляемый в Швейцарии. В округе Бельфор говорят на патуа, состоящем из кельтских, латинских, древнегерманских и французских слов. В кантонах, расположенных вдоль цепи Вогезских гор, объясняются на лотарингском патуа, имеющем грубое и сложное произношение, этот патуа различается от кантона к кантону и даже от деревни к деревне»³.

В период Июльской монархии лишь три города — Париж, Лион и Марсель — насчитывали более 100 тыс. жителей. Обилие маленьких городков с застойной сонной жизнью очень характерно для Франции тех лет. В сотнях этих бургов проживали ремесленные и мануфактурные рабочие, сознание которых в полном соответствии с окружавшей их жизнью в значительной степени сохра-

Было следы прошедших эпох. Впрочем, и в крупнейших городах Франции архаический менталитет был характерен для многих пролетариев.

Подобно тому, как в XVII—XVIII вв. интересы подавляющего большинства наемных работников физического труда не выходили за границы корпорации, мануфактуры, компаньонажа или братства, в XIX в. столь узкий горизонт общественного видения оставался уделом значительного числа пролетариев. Это была отличительная особенность сохранявшегося и в XIX в. архаического, партикуляристского типа рабочего сознания. Разобщенность общественной жизни, еще не достаточно унифицированной капиталистической цивилизацией, — вот почва, порождавшая этот архаический тип сознания.

«Мы» рабочего человека, обладавшего данным типом сознания, охватывало лишь членов микрогруппы, с которой была непосредственно связана его трудовая деятельность. Правда, подобная микрогруппа необязательно являлась постоянно функционирующим производственным коллективом. Для рабочих ряда ремесленных профессий в качестве таких микрогрупп выступали или тайные союзы подмастерьев — компаньонажи, или братства, или неформальные сообщества типа повсеместно существовавших объединений земляков. Роль компаньонажей, братств, объединений земляков в организации труда и во всей жизнедеятельности множества ремесленных и мануфактурных рабочих была огромной. Наем на работу осуществлялся не прямо путем заключения сделки с предпринимателем, а через посредничество должностного лица или просто влиятельного члена микрогруппы⁴. Более того, неписаными правилами компаньонажа строжайше запрещалось его членам самостоятельно искать работу. Хотя ремесленный подмастерье часто менял место работы и, следовательно, то и дело попадал в новый коллектив, неизменно его товарищами по труду оказывались члены именно той микрообщины, к которой принадлежал и он сам.

Это объяснялось тем, что отношения между различными микрогруппами очень часто характеризовались отчужденностью или прямой враждебностью. Так, нередко и в XIX в. члены различных компаньонажей вступали в жестокие драки⁵. Груз профессиональных, национальных, сословных и сугубо местных предрассудков повелевал над сознанием многих рабочих. В провинции, да и в крупных промышленных городах рабочие еще нередко делились на «пришлых» и «коренных», на потомственных, гордившихся полученными когда-то привилегиями, и новобранцев промышленности⁶. В ходе стачек довольно часто выдвигалось требование удаления из города иностранных рабочих⁷. Даже среди уроженцев одного департамента сохранялось деление на враждовавшие местные кланы. Редко кто из строительных подрядчиков Парижа рисковал нанять на одну и ту же стройку выходцев из Сантеррена и Понта-ньона, близлежащих местностей департамента Крез⁸. Никогда не

работали совместно и члены разных компаньонажей. В том случае, если хозяин нанимал поочередно то гавотов, то деворанов, в мастерской при смене рабочего персонала совершался очистительный обряд: вновь прибывшие жгли серу, одеколон, смолу, на инструменты брызгали уксусом⁹.

Партикуляристский тип сознания воспроизводился из поколения в поколение с минимальными видоизменениями. Представления об обществе, как и трудовые навыки, диктовались традицией. Столярный подмастерье, неутомимый реформатор компаньонажей А.Пердигье писал: «Как только молодой человек попадал в какое-либо общество (Имеется в виду компаньонаж. — *Е.К.*), оно становилось для него его родиной, его любовью... Те же, кто находился в другом объединении и подчинялся другим правилам, превращались в его врагов»¹⁰. Рабочие партикуляристского типа сознания строго следовали нормам своей микрогруппы. Часть этих норм впоследствии исчезла вместе с самим партикуляристским типом, одна же из них — коллективизм, солидарность, — претерпев определенные изменения, утвердилась и в рамках классового сознания пролетариата.

В первой половине XIX в. представление о микрогрупповой общности отличалось очень большой интенсивностью. Солидарность в рамках микрогруппы проявлялась не спорадически, а являлась строгим моральным законом внутренней жизни. Хорошо осведомленная о жизни пролетариата газета «Reforme» писала, например, о таком давнем обычае рабочих-плотников: в том случае, если в каком-либо городе плотничьи работы хорошо оплачивались и рабочих туда стекалось слишком много, город добровольно покидали давно в нем трудившиеся подмастерья, чтобы дать возможность подзаработать вновь прибывшим¹¹. О силе рабочей солидарности свидетельствует тот факт, что стачки принимали насильственный характер чаще всего тогда, когда власти пытались арестовать кого-либо из забастовщиков¹². Тем более можно говорить о настоящем культе товарищества в рамках рабочих организаций.

«У матери компаньонов (владелицы кабачка, где регулярно столовались, проводили свои собрания, хранили общественные деньги члены определенного компаньонажа. — *Е.К.*) я увидел молодых людей, пришедших со всех концов Франции, во всем помогавших друг другу, живших как братья... Спокойствие, честность и взаимное уважение царили в этом доме...»¹³ — таковы были первые впечатления пребывания Пердигье среди членов объединения компаньонажа «Девуар де Либерте». Взаимная выручка была характерной особенностью взаимоотношений внутри компаньонажей.

Значение этих организаций для ремесленных рабочих было очень велико. Даже в конце 40-х годов XIX в., когда лучшая пора их была уже позади (она приходилась на период Реставрации), по оценке Пердигье, они насчитывали до 100 тыс. членов¹⁴. Целый

ряд других организаций мануфактурных и ремесленных рабочих по внутренней структуре, обычаям и самому духу напоминали, а часто просто копировали компаньонажи¹⁵.

В производственных коллективах, в компаньонажах и подобных им организациях царил дух братства, но отнюдь не равных между собой индивидов. Одной из характерных особенностей партикуляристского видения мира являлся иерархизм. В компаньонажах он проявлялся в жестком различии между полноправными компаньонами и новичками («аспирантами»).

В особенно резкой форме иерархизм был свойственен членам компаньонажа «Девуар». О порядках в нем Пердигье писал: «Компаньоны и аспиранты не имеют общих собраний... за обеденным столом и во время отдыха держатся раздельно. По отношению к «аспирантам» компаньон ведет себя как офицер: он выдерживает подобающее расстояние, старается не жить бок о бок с простым солдатом, который должен ему подчиняться»¹⁶. Взрослые рабочие подчас даже не допускали учеников к участию в традиционных профессиональных праздниках. По всей Франции специальной церемонией «посадки букета» каменщики всякий раз отмечали завершение строительства¹⁷. Этот ритуальный и в то же время очень веселый праздник разыгрывался в ночь после окончательного возведения здания. В ближайшее воскресенье праздник возобновлялся. Но ученики всегда отстранялись от участия в общем веселье. В знак особого благорасположения взрослые подмастерья могли выдать своим помощникам небольшую сумму денег, чтобы те по своему усмотрению отметили завершение строительства. Хотя деньги на празднование «посадки букета» сами подмастерья получали в виде специального дара от предпринимателей, они отнюдь не считали себя обязанными делиться ими с учениками¹⁸. Сохранились данные о неполноправном положении учеников, о пренебрежительном отношении к ним со стороны подмастерьев в среде бумажников Тьера и конопатчиков Гавра, в среде кузнецов, шляпников, ситцепечатников¹⁹.

Косвенным свидетельством живучести иерархизма даже среди пролетариев столицы может служить одно из писем в леволиберальную газету «Bon Sens». Молодой рабочий отмечал, что до сих пор публиковались лишь послания работников, имеющих квалификацию, но он надеется, что и ученикам предоставят слово²⁰. Характерен тон этого письма, в нем явно сквозит настороженность: нет ли и в газете дискриминации в отношении «неполноценных» рабочих. Иерархизм рабочего мышления являлся отражением существовавшей на протяжении веков четкой градации работников внутри ремесленной мастерской на низших, неполноправных (ученики), и высших (подмастерья). Подобное разделение в основных чертах было унаследовано и мануфактурой²¹.

Традиционализм изучаемого типа сознания был глубоким, и редко кто из ремесленных рабочих смел задумываться о смысле передававшихся от поколения к поколению установок. Можно

лишь предполагать, что непримиримая враждебность компаньонажей, объединений земляков и т.п. по отношению друг к другу имела своим исходным пунктом существовавшую между ремесленными рабочими конкуренцию. Сами же рабочие экономической подопплеки своих кровавых побоищ не сознавали. Ненависть гавотов к деворанам или бигаро к бруля²² была немотивированной, традиционной и иррациональной. Пердигье описывает, как часто схватки между членами враждебных компаньонажей начинались где-нибудь на дороге во время совершения Тур де Франс; все противники при этом видели друг друга первый раз в жизни²³. К особенностям партикуляристского типа сознания следует отнести и мистицизм, который пронизывал многие обычаи, ритуалы рабочих организаций и даже правила трудовой деятельности.

При индифферентном отношении значительного числа рабочих к религии тем не менее немало пролетариев оставалось людьми верующими. Можно предположить, что именно труженики партикуляристского типа сознания чаще других сохраняли веру. Оказывало влияние на религиозность рабочих поведение патрона-та, моральный авторитет местного клира. Так на севере Франции долгое время исключительным влиянием пользовался архиепископ Камбре монсеньер Жиро²⁴.

Партикуляристское сознание по природе своей является неполитическим. Именно этим объясняется отсутствие сколько-нибудь точных данных о политической активности компаньонажей даже в годы революций 1789—1799 и 1830 гг., а партикуляристский дух нашел наиболее полное воплощение именно в сознании компаньонов. Для этого типа сознания значимость микрогрупповых ценностей намного превосходила значимость ценностей общенациональных. Но некоторые реалии политической жизни все-таки находили свое отражение в партикуляристском сознании. В эпоху «старого режима» естественным следствием партикуляризма, можно даже сказать его органической частью, выступало не критическое восприятие некоторых традиционных символов. В то время национальная идея находила свое органическое воплощение в наивном, народном монархизме. Неспособность защищать свои интересы на общенациональном уровне приводила рабочих к тому, что они уповали на справедливость и доброту монарха. Политическая ориентация различных отрядов французских рабочих начала XIX в. зависела часто и от того, какие люди осуществляли лидерство, иначе говоря, духовную гегемонию над той или иной локальной группой рабочего класса. Так крупная буржуазия сохраняла подобного рода гегемонию в промышленных анклавах северо-востока: рано сложившаяся практика патернализма в отношениях предпринимателей с рабочими в промышленных городках и поселках Эльзаса и Лотарингии — в сочетании с конфессиональной и языковой спецификой региона — создавали своеобразные условия развития пролетариата²⁵.

В первой половине XIX в. и легитимизм, и орлеанизм, находящие своих приверженцев в среде рабочего класса Франции.

В полицейских донесениях содержится описание происшедшей в мае 1831 г. в Тулоне (деп. Вар) уличной драки по политическим мотивам. Подрались двое рабочих: один из них был карлистом, другой — либералом. Толпа, состоявшая в основном также из рабочих, пришла на помощь первому²⁶. Есть сведения о легитимистских настроениях среди пролетариев и в «*Gazette des Tribunaux*». Во время собрания национальной гвардии коммун Сен-Симон (деп. Эна) рабочий-портной Рифле начал кричать, «что он плевать хотел на национальную гвардию... и пусть она катится к чертовой матери вместе с генералом Лафайетом и что в трехцветном знамени... есть только один достойный цвет — белый»²⁷. В Сент-Омере (деп. Па-де-Кале) был задержан столяр, выкрикивавший на улице: «Да здравствует Карл X! Да здравствует герцог Бордосский! Долой Луи-Филиппа! Я — роялист, и никто мне этого запретить не может!»²⁸. Имеются свидетельства о довольно широком распространении карлистских настроений среди членов ряда компаньонажей²⁹. Даже в период революции 1848 г. среди некоторых групп пролетариата сохранялись легитимистские настроения. В письме одного марсельского рабочего к секретарю Клуба демократов Л.Комбу говорилось о той опасности, которую представлял собой батальон национальной гвардии портовых грузчиков, в большинстве своем являвшихся карлистами³⁰.

О значительной стабильности в партикуляристском сознании образа «короля-защитника» может свидетельствовать тот факт, что некоторые рабочие перенесли этот образ и на Луи-Филиппа. В Париже на Гревской площади (туда обычно приходили пролетарии в поисках работы) 2 марта 1831 г. из толпы раздались возгласы: «Король не знает о нашем положении!» Прибывшие национальные гвардейцы принудили рабочих разойтись, но через час снова собралось около 60 рабочих и снова раздались крики: «Да здравствует король! Да здравствует свобода! Работы и хлеба или смерть!»³¹. На следующий день на той же площади уже около 400 рабочих громко провозглашали: «Да здравствует король! Работы, вот чего мы требуем!»³². В этих выкриках рабочих проявилась характерная логика партикуляристского мышления: король — защитник простого люда не знает о наших бедах; узнав, он обеспечит нас работой и хлебом.

Но в среде парижских пролетариев в 30—40-е годы XIX в. задавали тон отнюдь не партикуляристски ориентированные рабочие. Недаром во время демонстраций на Гревской площади провозглашали не только «Да здравствует король!», но и «Да здравствует свобода!». А когда в ноябре 1830 г. на Марсовом поле некоторые работники призывали толпу из 1200 человек отправиться в Пале-Рояль³³, кто знает, собирались ли они смиренно обратиться к «доброму королю» с просьбами или требовать у коронованного слуги народа улучшения своего положения?

В первой половине XIX в. для значительной части рабочих вообще не был свойственен партикуляристский тип сознания. У них выработался совершенно иной взгляд на общество в целом. Миф о «добром монархе» в значительной степени утратил свою органичность, сами основы его были сотрясены наличием альтернативности. Для части рабочих партикуляристского типа сознания образ «доброго монарха» ассоциировался с «королем Франции милостью Божьей», то есть с Бурбонами; другие возлагали надежды на Луи-Филиппа. Подобный плюрализм отнюдь не способствовал укреплению монархических настроений. Сама борьба за умы рабочих между различными политическими фракциями правящих классов принуждала рабочих к определенному выбору, т.е., приучала их к политическим размышлениям, а тем самым способствовала разрушению партикуляристского сознания — наиболее благодатной почвы для утверждения монархических иллюзий.

Сознание народных масс в меньшей степени подвержено флуктуациям политической конъюнктуры по сравнению с сознанием господствующих классов, но и оно отличается высокой динамикой в периоды бурных политических событий. К тому же в период Великой французской революции были заложены основы региональных отличий в политических ориентациях населения Франции.

Наполеон, следовавший в первое изгнание на остров Эльба, мог почувствовать смену настроений толпы по мере его продвижения на юг. До Лиона ему устраивали овации, после Оранжа его освистывали. В Авиньоне толпа остановила карету отрекшегося от престола императора. Его оскорбляли, раздавались крики: «Да здравствует король! Да здравствуют союзники! Долой Николая*! Долой тирана, прохвоста, оборванца!» В Оргоне перед гостиницей, в которой должен был остановиться Наполеон, воздвигли виселицу с повешенным чучелом³⁴.

В первой половине XIX в. партикуляристское сознание сохранялось у наиболее отсталых рабочих Франции. Традиционализм, иерархизм, статичность общественных воззрений вступали в противоречие с бурным политическим и все ускорявшимся экономическим развитием страны. Капиталистические товарно-денежные отношения, сплачивавшие страну в единое целое, постепенно приобщали к общенациональному рынку труда самых темных пролетариев и тем самым способствовали формированию в рабочем сознании представлений о нации, о народе. Длительная эволюция самого общества еще в рамках «старого режима», затем перипетии

---

* «Николя» — было оскорбительным прозвищем Наполеона на юге Франции (Campbell N. Napoleon a l'île Elbe. Chronique des événements de 1814 et 1815. P., 1873; Д. де Вильпен. Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003. С. 32).

Великой революции, призвавшей массы к решению коренных политических проблем, создали условия для органического восприятия рабочим сознанием таких понятий, как нация, народ, трудящиеся классы. Становление типа сознания, качественно отличающегося от партикуляристского, продолжалось и в годы Директории, Консулата, Империи. В определенной степени подстегнуло его развитие и унижение национального достоинства в период Реставрации.

Если определяющим моментом для партикуляристского сознания являлась полная включенность в микрокосм той или иной сравнительно узкой группы, то для популистского типа сознания в качестве подобного конституирующего момента выступало ясное представление о причастности индивида к такой широкой общности, как народ. Тема народа затрагивается почти в трети всех известных нам писем рабочих 30—40-х годов XIX в. При этом так или иначе ощущается, что пролетарии пишут не о нейтральной по отношению к ним абстрактной категории: свои собственные, личные переживания, проблемы, идеи они отождествляют с народными. Благодарят ли они газету за патриотическую направленность, скорбят ли о том, что их любимый поэт П.Ж.Беранже решил оставить перо, критикуют ли правительство — неизменно личное и народное в их высказываниях и, соответственно, в мыслях слиты воедино. Начитанный человек, но бедняк из бедняков (ему приходилось выполнять самые грязные и низкооплачиваемые работы: старьевщик, гребенщик, ассенизатор) Понти писал в одном из своих писем: «Друзья, есть ли что-нибудь более интересное для нас, чем *наши* общие чувства, с которыми мы можем ознакомиться в *нашей* газете; да-да, именно в *нашей*... с ее помощью мы слышим друг друга от одного края Франции до другого. Поблагодарим же тех людей, что своими руками патриотов воздвигли для нас эту народную трибуну» (выделено авт. — Е.К.)³⁵. В приписке рабочего-ювелира к коллективному посланию парижских пролетариев в «*Von Sens*» говорилось: «Я с радостью присоединяюсь к этому скромному свидетельству благодарности моих товарищей; давно уже мы чувствовали необходимость создания мощного противоядия, способного нейтрализовать зловерное влияние газетенки, вдохновляемых полицией. Честь и хвала бескорыстным патриотам, которые основали «*Von Sens*» и предоставили *народу* возможность участия в общественной полемике» (выделено авт. — Е.К.)³⁶. Каменщик А.Паливо, выступая в своем письме против чрезмерных налогов, что падают в первую очередь на бедные слои населения, спрашивал, почему не облагают налогами предметы роскоши. Но, видимо, его смутила собственная смелость и в конце, как бы извиняясь, он написал: «Ранее я никогда не говорил о *народных* интересах, но я ведь говорю о своих *собственных* интересах, а о *своих* делах все неплохо судят» (выделено авт. — Е.К.)³⁷. В подобном же духе написаны десятки писем рабочих. Слова «мы», «народ», «наши», «народные» составляют в них единый синонимический

ряд; самоидентификация «мы — народ» очевидна. Но какое содержание вкладывали в слово «народ» французские пролетарии 30—40-х годов. Это можно определить, соотнеся значение слова «народ» с представлениями рабочих о нации и о других макрообщностях, частью которых они себя ощущали.

Чтобы смягчить разрушительные последствия механизации, один из корреспондентов «Bon Sens», рабочий-наборщик, указывал на необходимость ассоциации всех заинтересованных сторон: и хозяев, владельцев машин, и рабочих, страдавших от их распространения. Свое послание в газету он заканчивал призывом. «Пусть ассоциация способствует превращению скопища чуждых друг другу людей, что называют сейчас французской нацией (*nation française*), в подлинное французское общество (*veritable société française*)»³⁸. В этом письме наиболее явно выражено представление рабочих о нации как о совокупности всех классов французского общества. В значении «вся страна», «Франция» употреблено слово «нация» в письмах пролетариев Е.Нарди и Ш.Франсуа. Первый из них выражал свою полную солидарность с Конвентом, «благородным собранием, которое... презрев предрассудки, осудило на смерть короля, предавшего нацию»³⁹. Второй противопоставлял славное прошлое Франции низкой политике правительства доктринеров. Он писал: «При столь посредственном короле, как Людовик XV, мы еще сохраняем свое величие. Мы создаем сеть бесчисленных дорог... и они разносят во все концы великой страны (*dans toutes les parties de la grande nation*) богатства и плоды просвещения»⁴⁰. Значения слов «нация» и «народ» не совпадали ни в одном из имевшихся в нашем распоряжении сочинений рабочих. Ни в одном из них не употребляется и понятие «*tiers état*». Отсутствие в лексике рабочих термина, обозначающего трудящиеся массы и буржуазию как определенное политическое или социальное целое, свидетельствует о том, что хотя в революции 1830 г. буржуа и пролетарии выступали союзниками, это был явно «брак поневоле» и закончился он вскоре после «трех славных дней». В 40-е же годы разрыв между этими классами еще более углубился. Народ, в популистском сознании — это масса трудящегося, обездоленного люда. В письме рабочего-парижанина Деманжо под народом («народными классами» — «*classes populaires*») понимались бедные люди. Деманжо писал: «...Необходимо объяснить народным классам, что именно они особенно должны интересоваться политическими делами... Я считаю, что политика нас касается даже больше, чем так называемого высшего класса общества; если богатые интересуются политикой всего лишь из самолюбия или корысти, то для бедных политика — вопрос жизни и смерти»⁴¹. Рабочие, возмущавшиеся распространением в Париже газет, субсидируемых полицией, определяли народ как «самый многочисленный и самый бедный класс»⁴². В другом коллективном послании под народом подразумевались прежде всего труженики мастерских⁴³.

Представление о причастности к народу не могло устранить микрогруппового «мы» по той простой причине, что микрогруппы всегда играли и продолжают играть огромную роль в социальной жизни простых людей. Впрочем, эта двойная самоидентификация не несла в себе внутренней противоречивости. Изживание же партикуляристского типа сознания осуществлялось прежде всего путем разрушения свойственных ему системы ценностей и особенностей мышления: исключительности микрогруппового «мы», традиционализма, иерархичности. В письмах рабочих в «Bon Sens» и «Reforme» контуры системы ценностей популистского сознания выступают довольно явственно. В основе ее лежат принципы Великой французской революции XVIII в.: Свобода, Равенство, Братство. Но Свобода, Равенство, Братство в понимании рабочих значительно отличались и от трактовки этих принципов в теоретических трудах либеральных мыслителей, и от их интерпретации в массовом сознании буржуа.

Некоторые из наиболее грамотных, интеллектуально развитых работников сами отмечали эти различия. «Всегда находятся злонамеренные люди, которые хотят извратить смысл самых великих понятий, — говорил типографский рабочий на митинге в честь 14-й годовщины Июльской революции. — Вы помните все те бесчисленные несправедливости, которые пытались прикрыть словом "свобода". Во имя свободы подвергали опасности единство нации, во имя свободы личности отбрасывали социальную свободу, во имя свободы торговли и промышленности закабалили тружеников. Сколько раз эгоисты и деспоты рядились в тогу свобододолюбцев!» Правда, свою «народную», «пролетарскую» свободу рабочий сумел охарактеризовать лишь очень расплывчато: свобода — это великое слово, в значении которого чудесным образом сливаются права, обязанности и достоинства человека, свобода «обеспечивает право и возможность делать свое дело, исполняя все то, что должно служить морали и нации»⁴⁴. Большинство же рабочих, вероятно, не пыталось проводить такие сравнения, какие делал типограф, участник политического митинга в Париже, и тем не менее специфичность, своеобразная «классовость» их стихийного понимания Свободы, Равенства, Братства довольно очевидна.

Условием восприятия принципов Великой буржуазной революции выступало то, что они в определенной степени отвечали глубинным интересам трудящихся масс. В глухой провинции шахтеры Рансье (деп. Аржес) в августе 1789 г. выдвинули требование, чтобы им не препятствовали пользоваться свободой продавать руду по той цене, которая будет установлена комиссией, избранной самими шахтерами, и чтобы ни муниципалитет, ни какие-либо другие власти не вмешивались в их дела. Свое право на свободу они аргументировали тем, что «нация неустанно требует свободы, а ее представители прилагают последние усилия для ее установления»⁴⁵. Те же шахтеры Рансье, требуя отмены пошлины с добываемой ими руды, в августе 1830 г. писали в своей петиции о не-

допустимости «столь тяжкого бремени... в эпоху царства свободы»⁴⁶. Рабочие городка Лувье (деп. Эр) собрались 3 сентября 1830 г. перед ратушей, громко требуя, чтобы правительство понизило цены на хлеб. Раздавались крики: «Да здравствует свобода! Да здравствует Хартия! Дайте нам хлеба!» В том же месяце в Мон-де-Марсан (деп. Ланды) произошли серьезные беспорядки. Лозунгами их участников были: «Долой налоги! Да здравствует свобода!»⁴⁷. Явно и бедняки Мон-де-Марсана, и рабочие Лувье (крупного центра текстильной промышленности) восприняли свободу, ими, казалось, завоеванную в июле 1830 г., как отмену налогов, как улучшение их тяжкого положения. Иногда народное понимание свободы принимало раблезианские формы на манер лозунга Телемской обители: «Делай, что хочешь!» Так, возчик из Фонтенбло решил, что после Июльской революции больше не будут штрафовать кучеров, спящих в повозках на проезжей части⁴⁸. А один парижский угольщик, привлеченный к ответственности за ночной дебош в своей комнате, следующим образом оправдывался на суде: «Почему мне мешали петь и танцевать в своей же комнате? Угольщик — хозяин у себя дома. Что, уже нельзя развлекаться и в своих четырех стенах? А как же Хартия? Ладно, как только я выберусь из тюрьмы, я отправлюсь в Марокко, может, там больше свободы, а этой стране, пусть ей будет хуже!»⁴⁹ Свобода — это право жить по-человечески — так можно суммировать представления рабочих об этом великом принципе. Но грамотные, наиболее развитые пролетарии от этого изначального, экономического и экзистенциального понимания свободы приходили к осознанию значимости свободы политической.

Одной из характерных черт популистского сознания стал правовой эгалитаризм. В различных сферах общественной жизни рабочие боролись против проявлений дискриминации, произвола и беззаконий. Рабочие с недоумением и негодованием вопрошали, почему ограничивают их прием в национальную гвардию⁵⁰, почему столь бесправны женщины, почему трудящиеся платят непропорционально большие налоги⁵¹. Останавливалось их внимание и на произволе полиции в отношении бедных цветочниц, и на таких глобальных вопросах, как фактическое неравенство бедных и богатых. «При рождении и смерти равны и богач, и бедняк, граждан отличают, но не разделяют только таланты и человеческие достоинства»⁵², — писал портной Л. Шаррон. Пролетарии требовали, чтобы перед лицом государства все были равны — независимо от происхождения и имущественного положения.

Тем более нетерпимым казалось рабочим популистского типа сознания неравенство в среде самих пролетариев. В брошюре П. Моро, слесаря из Оксерра и духовного руководителя «Союза работников Тур де Франс», прямо говорилось: «Революция провозгласила равенство всех граждан, и современный человек более не может мириться со всяческими кастами... которые когда-то, возможно, и имели право на жизнь»⁵³. Несовместимость иерархизма

с идеалами равенства не раз приводила в 20—30-е годы XIX в. к внутренним конфликтам в компаньонажах.

Раскол внутри компаньонажа «Девуар» в 1830 г., например, произошел именно из-за бунта «аспирантов» против их неравноправного положения в организации. Таковы же были истоки конфликта среди столяров и каменотесов «Девуар де Либерте»⁵⁴. В созданном только в 1825 г. марсельском отделении компаньонажа пекарей почти сразу же взбунтовались «аспиранты», потребовавшие участия в собраниях наравне с полноправными членами⁵⁵.

Принцип братства в популистском сознании играл не менее существенную роль, чем свобода и равенство. Он послужил одним из краеугольных камней своеобразной просвещенческой утопии, свойственной французским рабочим популистского типа сознания.

Немало строк, полных горького трагизма, посвятили пролетарии описанию своего тяжелого положения. На протяжении полугода страдая от безработицы, часовщик Ш.Беранже писал: «За эти шесть месяцев я даже отвык трудиться, но мои жена, дети, мать и я сам отнюдь не отвыкли есть»⁵⁶. Не менее мрачная картина предстает в письме плотника Менаже. «Признаюсь, — говорилось в его письме, — я частенько проклиная наше правительство, видя жен и детей моих соседей. Особенно зимой, во время мертвого сезона, они вынуждены питаться хуже, чем каторжники, они часто болеют, так как не находится и чашки бульона, чтобы поддержать их силы»⁵⁷.

Рабочие жаловались на дороговизну, на падение заработной платы, на фальсификацию продовольственных товаров. Тяжкая была жизнь, и рабочие не могли не мечтать о ее изменении. Но подобно Сен-Симону и Фурье пролетарии популистского типа сознания надеялись, что общество будет преобразовано совместными усилиями всех классов. Вера в разумность и беспристрастность людей явно ощущается в письмах многих рабочих. Так, сапожник Бросс, видимо, полагал возможным доказать богатым и знатым, что нищета народа в конечном итоге идет им только во вред. Он писал: «Так как есть люди, которые не понимают, что все интересы взаимосвязаны, и которые думают, что нищета одного способствует обогащению другого, то я постараюсь объяснить таким людям, что они совершают серьезную ошибку...» Далее Бросс развертывал свои доказательства, смысл которых сводился к тому, что «вследствие народной нищеты уменьшатся доходы домовладельцев, сократится государственный бюджет, упадет зарплата чиновников»⁵⁸.

Утопическая вера части рабочих в то, что достаточно будет показать высшим классам истинную картину народных бедствий, и состоятельные люди не преминут прийти на помощь бедным и униженным, сохранялась и в 40-е годы. Она вдохновляла тысячи пролетариев, поддержавших идею лидера республиканской оппозиции Ледрю-Роллена о проведении всеобщего обследования положения рабочего класса во Франции⁵⁹. Именно подобного рода

иллюзии объясняют, почему некоторые рабочие столь решительно выступали против тех буржуазных публицистов, которые со страхом и горечью писали о неумолимой борьбе между собственниками и неимущими, богатыми и бедными, буржуа и пролетариями. Обращаясь к редакции «Bon Sens», один из рабочих корреспондентов этой газеты писал: «Все ваши усилия направлены на то, чтобы просветить класс трудящихся (classe laborieuse) и уничтожить в зародыше семена раздора, что зреют в обществе. Это святое, достойное дело. В полную противоположность вам газеты, субсидируемые полицией, похоже, имеют своей задачей раздуть разногласия и способствовать разжиганию гражданской войны. По их словам, все население разделено на два лагеря: с одной стороны — собственники, с другой — трудящиеся... и эти последние якобы угроза собственности»⁶⁰. Написать это письмо рабочего непосредственно побудила опубликованная в официозной газете «Sens Commun» заметка некоего оптового торговца. Пролетарий расценил ее как призыв к буржуазному террору, к «воспоминаниям 93-го года»⁶¹.

Братство людей разных состояний в глазах популистски ориентированных рабочих выступало залогом мирного улучшения положения трудящихся классов.

Но это отнюдь не означает, что популистское сознание в XIX в. полностью лишилось революционного содержания. Дилемма — или инициатива высших классов и государства, или в самом крайнем случае, если жизнь станет совершенно невыносимой — восстание — присутствовала в сознании даже совсем невоинственно настроенных пролетариев. Очень четко она сформулирована в стихотворении лионского рабочего поэта Л.А.Бертози:

Народ умирает от голода,
Оплатите же щедрее его неустанный труд.
Или вы хотите, чтобы пред вами в день битвы.
Вновь предстали огненные слова:
Жить работая или умереть сражаясь⁶²?

В связи с этим следует еще раз обратиться к вопросу понимания пролетариями свободы. Хотя лишь единицы среди рабочих популистского типа сознания смогли бы сформулировать, что такое политическая свобода, посягательства на нее пролетарии умели разглядеть достаточно хорошо. Множество писем в «Bon Sens» содержало протесты рабочих против намерения властей создать систему фортов вокруг Парижа. «В общем-то, я считаю, следует, насколько возможно, сохранять то, что уже существует... Но если правительство ради того, чтобы продлить свое существование, угрожает мне полным обнищанием... мое желание продления его дней быстро ослабевает, в конце концов во время июльской революции мой дом не поджигали, на меня никто не покушался... Я готов пожертвовать частью своей свободы ради спокойствия, но пусть по крайней мере оставшаяся свобода мне будет гарантирована. Но смогу ли я считать себя хоть немного свободным, видя из

своего дома эту цепь крепостей?»⁶³ Так в одном из писем выражено недовольство рабочего перспективой увидеть столицу, окруженную «бастилиями». Этот протест исходит от мирного, говоря современным языком, конформистски настроенного человека. Тем важнее это свидетельство. В других письмах рабочие гораздо энергичнее возмущались этим планом правительства. Какова же связь между свободой и фортификационными работами? У рабочих не вызывало сомнений предназначение крепостей — подавлять огнем артиллерии любую попытку народного восстания в Париже, сделать невозможной новую революцию, т.е. рабочие осознавали, что угроза новой революции является гарантом их свободы, возможности бороться мирными средствами за человеческое существование; в то же время революция, восстание — это их крайнее и последнее средство защиты (в том числе и защиты свободы в ее первом, экономическом значении).

Популистское сознание не было столь пронизано традиционализмом как сознание партикуляристское. Это проявлялось и в стремлении рабочих приобрести положительные, научные знания. О необходимости образования для народа и о боязни высших классов обеспечить возможность для получения его с едким сарказмом писал рабочий-часовщик Ш.Беранже, обращаясь к палате депутатов⁶⁴. В письмах можно найти и личные пожелания рабочих посещать бесплатные курсы или получить профессиональное, или общее образование и вполне осознанное стремление к повышению интеллектуального уровня всего народа, или особо пролетариев. Более 20% корреспондентов «Bon Sens» писали о вопросах просвещения, отмечали необходимость улучшения школ взаимного обучения, требовали заменить религиозное образование светским, расширить систему учебных заведений для женщин, а главное — сделать образование общедоступным.

Многие грамотные рабочие были скептически настроены к проявлениям мистицизма. С интересом следя за теоретической деятельностью сенсимонистов, они осуждали их доктрину за мистицизм и склонность к теологическим построениям. Рабочий-скульптор Стурм писал о сенсимонистах: «Что касается этой секты и ее членов, пусть они испытывают склонность к мистицизму... пусть они совершают ошибки в области философии, не освящайте их, предоставьте общественному мнению заботу о вынесении справедливого суждения — они сами вскоре поймут, что если мы можем испытывать влияние новой морали, то принятие новых догм для нас невозможно: наша вера уже не столь сильна»⁶⁵. В одной из церквей города Седана в феврале 1817 г. рабочий-текстильщик заявил местному священнику: «Все мы — дети Великой революции!». Так он пытался оправдать нехристианское поведение группы своих товарищей-рабочих⁶⁶.

Популистский тип сознания мог сочетаться как с бонапартистскими, так и республиканскими политическими убеждениями, хотя, конечно, жесткой зависимости между типом социальной

ориентации и политическими убеждениями не было. Сам Наполеон, осмысливая в изгнании на острове Святой Елены свою судьбу и судьбу Франции, заявил: «Во Франции есть только две партии — революции и контрреволюции, старого и нового режимов, привилегированного сословия и народа, иностранных армий де Конде, то есть вандейцев, и армии национальной. Нюансы ничего не значат»⁶⁷. Гениальный человек точно определил политический рубеж, разделивший его страну в начале XIX в., но рубеж этот разделял и простой люд Франции. Сторонники императора, бонапартисты, по своим ценностным ориентациям были гораздо ближе к «партии революции», были в большей степени ее духовными детьми, чем их оппоненты.

Бонапартистская легенда получила широкое распространение в умах рабочих первой половины XIX в.⁶⁸ Наличие среди рабочих горячих сторонников Наполеона типа растиральщика красок Лотена, заявлявшего: «Если бы нашлось 20 парней вроде меня, не долго б усидел король на своем месте! Долой правительство! Да здравствует Наполеон!»⁶⁹ — было в частности связано и с тем, что, вероятно, в 30-е годы были живы воспоминания о некоторых патерналистских действиях режима Бонапарта типа поощрения деятельности ломбардов для бедных.

В романе «Красное и черное» Стендаль привел мимолетный разговор трех каменщиков о Наполеоне: «Ну, вот, пришел и наш черед. Новый набор объявили! — Да, когда тот был — что же, в добрый час! Из каменщика ты офицером делался, а то и генералом, видали такие случаи. — Теперь, брат, уж не увидишь! Одна голытьба в солдаты идет. А тот, у кого в кармане позвякивает, дома остается. — Кто нищим родился, тот нищим весь век и останется. — А что, верно говорят, будто тот помер? — Это, брат, толстосумы говорят! Как же, он им нагнал страху!»⁷⁰ Учитывая большую точность и глубину политических характеристик великого писателя, видимо, не стоит игнорировать этот художественный документ эпохи. Бонапартистская легенда в ее народной интерпретации включала в себя и традиционное представление о «короле-защитнике», и высокий пафос национальной гордости, и даже смутные стремления к более справедливому устройству общества⁷¹.

Бонапартизм как феномен массового сознания более отвечал условиям 30—40-х годов XIX в., чем легитимизм. Тем не менее монархизм в любой его форме (даже бонапартистской) в те годы терял свои позиции в рабочей среде.

В своей повседневной практике народные массы почти неуловимым образом отмечают появление новых социально-экономических феноменов и дают им названия. Происходит постоянная эволюция языка и соответственно мышления. Утверждение каждо-

го нового слова в народном сознании — факт, относящийся в равной мере к истории языка и истории социальной психологии данного народа.

Развитие рабочего сознания шло по пути уточнения представления пролетариев о их месте и роли в обществе. Постепенно наряду с традиционным микрогрупповым «мы», наряду с «мы» популистского сознания начинает формироваться представление о такой общности, как «рабочие», «рабочий класс»⁷².

Иногда и в годы Реставрации рабочие демонстрировали чувства, свидетельствовавшие об их понимании того, что они часть большого социального целого. Так неожиданные выкрики раздались во время разгона антиправительственной демонстрации 8 июня 1820 г. В районе бульвара Бонн-Нувель и между воротами Сен-Дени и Сен-Мартен собралось около 300 противников режима Бурбонов, но там же традиционно собирались в ожидании найма рабочие. Когда кирасиры обрушились на толпу, они не стали разбирать, кто и по каким причинам собрался в публичном месте. Многих рабочих ранили, кожевника Гравело убили. Тогда-то и раздались крики «Да здравствуют наши братья в Манчестере!»⁷³ Парижские рабочие вдруг обнаружили не только осведомленность о недавней расправе над английскими пролетариями вблизи Манчестера, но и понимание общности их судеб.

Сразу после Июльской революции в сентябре 1830 года в Париже начали издаваться три газеты, целиком подготовленные рабочими. Это были «Ремесленник, газета рабочего класса» («L'Artisan, journal de la classe ouvrière»), «Газета рабочих» («Le Journal des ouvriers») и «Народ, всеобщая газета рабочих, издаваемая ими самими» («Le Peuple, journal général des ouvriers, rédigé par eux-mêmes»). Характерен сам факт появления таких газет.

Наибольший интерес из них представляла «Artisan, journal de classe ouvrière». Вышло всего несколько номеров газеты, но они по сути содержали в себе первый документ, написанный с позиций не отдельной группы рабочих, а всего рабочего класса Франции.

Проспект газеты «Artisan, journal de classe ouvrière» гласил: «Безусловно, самый многочисленный и самый полезный класс общества — это класс рабочих. Без него капиталы не представляют никакой ценности, без него нет машин, нет промышленности, нет торговли... Он живет в нищете и рабстве... испытывая все виды унижений от тех, кому он создает состояние»⁷⁴. Это было смелое и откровенное заявление об особой значимости своего класса, к тому же явно напоминавшее по стилю и аргументации знаменитый памфлет Сийеса «Что такое третье сословие?» Авторы газеты утверждали, что рабочие должны иметь возможность напрямую обращаться к правительству, чтобы отстаивать свою позицию. Отсюда вывод — нужна пресса не для рабочих, а самих рабочих. Они доказывали, что Июльская революция изменила их функцию в экономике общества. «Прошли те времена, — утверждалось в газете, — когда наш класс считался в обществе не более чем рукой со-

циального тела». Обращаясь к буржуазии, которую не без издевки и не без намека на участь дворянства, называли «благородной», рабочие, авторы «Artisan» говорили: «Наша промышленность, которую вы столь долго эксплуатировали, принадлежит нам как наша собственность, и свет образования и кровь пролитая нами за свободу дают нам право и возможность для освобождения навсегда от рабства, в котором нас держите»⁷⁵. Но промышленностью даже в виде небольшой типографии один рабочий управлять не сможет, поэтому выдвигалась идея ассоциации рабочих для осуществления совместного, коллективного управления и для составления капитала, достаточного для того, чтобы самим руководить производством («эксплуатировать самим нашу промышленность»).

Идеи производственной ассоциации в конце 20-х годов развивали сенсимонисты и Фурье. Известны тезисы, сформулированные учениками Сен-Симона в лекции, прочитанной 11 марта 1829 г.: «В настоящее время существует тенденция к установлению нового порядка, право наследования, ныне ограниченное пределами семьи, должно перейти к государству, превращенному в ассоциацию трудящихся. Привилегии происхождения, которым в столь многих отношениях уже нанесены такие сильные удары, должны совершенно исчезнуть. Единственное право на богатство, т.е. на распоряжение орудиями производства, будет давать умение применить их к делу»⁷⁶. В октябре 1830 г. эти идеи сенсимонисты развивали на страницах газеты «Globe». Но рабочие подошли к трактовке ассоциации с классовой позиции, а не с точки зрения создания более эффективной экономической системы, не с точки зрения более справедливой, более рациональной новой иерархии, которую предлагали сенсимонисты⁷⁷.

Конечно, очень небольшое количество рабочих в 1830 г. думали и говорили так, как авторы «Artisan», но очевидно, что сознание огромного числа рабочих в ту эпоху уже характеризовалось пониманием особенности их положения, особенности промышленных тружеников физического труда.

Уже в 30-е годы общее самоназвание «рабочие» («ouvriers») было очень широко распространено и не несло в себе разночтений. Приблизительно 45% авторов писем в «Bon Sens», завершая свое послание в газету, рядом с подписью написали простое, но, видимо, очень значимое для них слово «рабочий» («ouvrier»). Некоторые употребили это слово, не называя своей профессии, другие написали: рабочий-ювелир, рабочий-столяр, рабочий-механик. Иногда встречается подпись «пролетарий» (в 9 случаях)⁷⁸. Подмастерьем не называл себя почти никто, хотя среди авторов писем много столяров, плотников, камнетесов, которые традиционно звались подмастерьями. Ни в одном из писем при самоидентификации не встречается слово «санкюлот». О том, что к 30-м годам XIX в. в среде французского пролетариата наиболее распространенным самоназванием стало слово «рабочий», свидетельствуют не только подписи под письмами в «Bon Sens», но и петиция ткачей

Парижа министру торговли и общественных работ, устав Общества позолотчиков, брошюры, песни, памфлеты, написанные рабочими⁷⁹.

Принятие рабочими общего самоназвания говорит о наличии у них психологической потребности вычленить себя из общей массы простого народа. Попытаемся выяснить границы этого самосознания. Не будем останавливаться на отношении рабочих к высшим классам: дворянству, крупной и средней буржуазии. Эта часть общества слишком явно находилась вне мира пролетариев. Проанализируем отношение рабочих к относительно близким к ним классам и социальным группам, т.е. к крестьянству, служащим, мелкой городской буржуазии.

В среде потомственных рабочих иногда наблюдалось несколько пренебрежительное отношение к земледельцам. В документе, относящемся к годам Реставрации, — отмечалось, что в Тьере рабочие бумажной мануфактуры ввели в свою пользу с учеников — выходцев не из среды рабочего класса, которых они называли деревенщиной, 150 ливров в год как бы в качестве платы за науку. Подобная же практика была распространена среди кузнецов, формовщиков, шляпников, ситцепечатников, точильщиков и др.⁸⁰

В то же время многие даже высококвалифицированные рабочие сами были выходцами из деревни. У них не было иллюзий по поводу «сельских идиллий», в то же время они не пытались выстраивать и некую иерархию в народной среде.

Всего лишь в трех из писем, опубликованных в «Bon Sens», говорится о крестьянстве. Член компаньонажа, столярный подмастерье Лоран в своем письме сетовал, что редакция газеты ничего не предпринимает для пропаганды идей Фурье и их реализации. Лоран призывал немедленно начать сбор средств для создания пробного фаланстера. «Созданная затем всеобщая ассоциация, — считал Лоран, — улучшит положение не только рабочего, которое, несмотря на всю бедность, все-таки лучше, чем положение наших родителей, которые не имели средств, чтобы обучиться ремеслу, а потому занимаются землепашеством. Они намного хуже питаются, у них хуже жилища, а работа их гораздо тяжелее, чем у самых последних рабочих в городе»⁸¹. Если Лоран мечтал о полном преобразовании жизни крестьян и рабочих, то уроженец Неля, маленького городка в центре Пикардии, портной Ф.Бернар ратовал за частные, но тем не менее очень важные улучшения. Он обращался к правительству с призывом кардинальным образом изменить систему образования в деревне⁸². Другой рабочий, Бреняр, в своем письме критиковал члена палаты депутатов генерала Демарсе, которого ранее считал защитником народных интересов. Бреняр был удивлен, что во время обсуждения закона о торговле зерном Демарсе занимали лишь интересы крупных собственников, а не среднего и бедных классов. Рабочий выражал надежду, что «в скором времени он (генерал Демарсе. — Е.К.) предоставит рабочим, крестьянам и другим бедным людям случай аплодировать ему»⁸³.

В рассмотренных нами примерах своеобразно преломилось свойственное различным типам сознания отношение к крестьянству. Для партикуляристского сознания упомянутых рабочих бумажной мануфактуры города Тьера была свойственна отчужденность от всего, что находилось за рамками их цеховой общности. У корреспондентов же «Bon Sens» намечалось уже классовое видение общества. Они ощущали определенное единство со всеми бедными классами, но отнюдь не отождествляли их полностью.

Наиболее однозначным было отношение рабочих к служащим. Время от времени сталкиваясь с этой категорией наемных работников в судах, муниципалитетах, нотариальных конторах, где сами они чаще всего выступали в роли обвиняемых, просителей или клиентов низшего порядка, рабочие сохраняли тягостные воспоминания как о длительных, непонятных и уже в силу этого унижительных процедурах, так и об обращении с ними конторских работников. Служащие подчеркивали свое более высокое общественное положение. Женщина-работница писала в «Bon Sens»: «В конторах служащие принимают посетителей в зависимости от того, как они одеты, как будто душа человека находится в его сюртуке»⁸⁴. Но рабочие отнюдь не склонны были признавать справедливость подобного отношения. Наоборот, грамотные, квалифицированные рабочие гордились своей принадлежностью к пролетариату. Парижанин, рабочий-механик Ж.Бомом писал о себе с гордостью: «Я не слуга, не осведомитель, даже не полицейский, короче — я просто человек из народа, пролетарий, как сейчас говорят... Я предпочитаю оставаться тем, кто я есть, ни от кого не зависеть, думать так, как мне хочется, и открыто излагать свое мнение»⁸⁵.

Служащие в глазах пролетариев выступали как представители учреждений не только бесполезных, но и вредных для рабочего класса, а за свою работу они получали вознаграждение более регулярное и более высокое, чем рабочие. Рабочий Бреняр сетовал по этому поводу: «Служащие всегда получают один и тот же оклад вне зависимости от того, мало или много они работают»⁸⁶. Чтобы устранить эту несправедливость, один парижский портной предлагал части чиновников государственного аппарата вообще прекратить выплату заработной платы⁸⁷. Столяр-подмастерье из предместья Сен-Мартен разработал целую систему мер, призванных улучшить экономическое положение рабочих Парижа. Для этого, считал он, необходимо уменьшить таможенные пошлины, а чтобы сокращение доходов города не отразилось опять же на участи рабочих, сократить число бесполезных служащих, а неуволненных заставить работать не меньше, чем рабочие: с 6 часов утра до 8 часов вечера⁸⁸. В то же время госчиновники могли вмешаться в конфликт между рабочими и предпринимателями, и подчас работники обращались к ним, надеясь на их справедливость или просто человеческую жалость и сопереживание их несчастьям. Тяжелой зимой 1818 г. кто-то из рабочих развесил на стенах домов в Клермоне ру-

кописные прокламации. В одной из них говорилось: «Господа администраторы, облеченные высшей властью, с вашей обычной добротой благоволите примирить господ фабрикантов, чтобы мы не покрыли себя позором, совершив покушение, на которое толкает нас нищета. Удостоьте, господа, принять это в соображение, — вы все можете относительно господ фабрикантов, от которых зависит наша судьба»⁸⁹. Приведенные данные позволяют предположить, что служащие представлялись рабочим совершенно чуждой их интересам социальной группой, а часть их они относили к стоящей над ними и даже над хозяевами власти.

Сложнее определить отношение рабочих к мелкой городской буржуазии. Некоторые слои ее почти не отличались от рабочих; границы этого класса всегда были очень подвижны и размыты. Если рабочему удавалось накопить небольшую сумму денег, то часто он сам пытался стать именно таким мелким собственником. Наличие различных форм субподряда в среде рабочего класса в значительной степени усложняло осознание пролетариями отличий своего класса от мелкой буржуазии. К тому же существовала довольно значительная прослойка независимых ремесленников, обходившихся без найма рабочей силы. Все это не могло не оставить следа в сознании рабочих, а следовательно, и в их языке. Так, Блеве, поставивший рядом с подписью под письмом в «Bon Sens» слово «рабочий», начинал свое послание следующим образом: «Я как человек из народа, ремесленник...»⁹⁰ Подобный же тип самоидентификации встречается в ряде других писем.

Для рабочих писем и песен того времени характерно было синонимическое употребление терминов «рабочий» и «ремесленник». При этом заслуживает быть отмеченным, что низшие слои ремесленников сплошь и рядом именовали себя рабочими⁹¹. Это, конечно, не означает, что и хозяева мастерских, которые по формальным признакам являлись ремесленниками, также причислялись к рабочему классу. Однако источники не дают ответа на вопрос, где проходила, с точки зрения рабочих, грань между просто ремесленником (artisan) и ремесленником — хозяином мастерской (maitre de l'atelier).

В ремесле в отличие от крупного капиталистического производства экономические отношения хозяина и работника всегда облечены в причудливую, всякий раз особую, неповторимую форму личных отношений человека с человеком. Когда непосредственно физическим трудом заняты и хозяин, и наемные работники, эта «внешняя» форма играет особенно большую роль. Ремесло, особенно вдали от центров капиталистического предпринимательства, тяготело к архаичным методам производства и сбыта, некоторые люди пытались противопоставить погоне за чистоганом верность моральным принципам⁹². Экономическая патриархальность позволяла сохраняться и патриархальности во взаимоотношениях между наемателем и работником. Дух «моральной экономики», единст-

во хозяина и рабочего как производителей, соседей и просто людей — проникал и в эпицентры капитализма.

Тем не менее обратим внимание на следующий факт. Столярный подмастерье А.Пердигье был противником классовой борьбы пролетариата, осуждал стачки, в своих многочисленных работах никогда не называл хозяев эксплуататорами, и все же из его воспоминаний можно довольно определенно заключить, что между рабочими и нанимателем, хозяином даже совсем небольшой ремесленной мастерской всегда сохранялась определенная дистанция. Буржуа (так ремесленные рабочие в глаза и за глаза в начале XIX в. называли своего хозяина) мог быть плохим или хорошим, лодырем или отличным работником, скупердьяем или относительно щедрым — в любом случае к «своим» рабочие его не причисляли.

Не менее сложными, чем с хозяевами мастерских, были отношения рабочих с мелкими лавочниками, владельцами кабачков и таверен. В одном из писем в «Bon Sens» рабочий-механик из Сент-Антуанского предместья выступал против монополии парижских булочников на торговлю хлебом. Он возмущался тем, что торговцы, злоупотребляя своим привилегированным положением, наживались нечестным путем за счет пролетариев⁹³.

О напряженных отношениях между рабочими и лавочниками свидетельствует и небольшой инцидент, происшедший летом 1845 г. в Париже. Маленький мальчик взял несколько черносливин из корзинки, выставленной у дверей лавочки. Хозяин магазина поймал ребенка и в наказание за «преступление» запер его в темный подвал. Мальчик сперва тихо плакал, но так как его заключение длилось почти целый день, то он начал громко кричать. Прохожие останавливались, узнавали в чем дело (маленькое окошко из подвала выходило на улицу), но никто не вмешивался вплоть до того часа, когда после окончания трудового дня домой повалили рабочие. Возмущенные работники попытались взломать дверь бакалейщика. Характерно, что при этом все окрестные лавочники тоже закрыли свои магазины: они испугались возможного бунта. Спокойствие было восстановлено с помощью полиции⁹⁴. С ядовитым сарказмом писал о бакалейщиках Венсар-старший, обращаясь к бедноте:

Когда Беллона вас призовет
В отряды пехтуры,
Пыла не видно, предпочитаете вы
Растить капусту, тачать штаны!
Слабо вам следовать гордым путем
Детей бакалейщиков, что без ропоту
Смело идут к офицерским чинам,
Купленным к нужному сроку⁹⁵.

Довольно многочисленные в первой половине XIX в. продовольственные волнения, в которых активнейшее участие принима-

ли рабочие, были направлены в значительной степени против лавочников, особенно против бакалейщиков и владельцев булочных⁹⁶. Подчас некоторые сцены, разыгрывавшиеся на улицах французских городов в 30—40-е годы XIX в., поразительно напоминали сцены времен Великой буржуазной революции.

В Париже 30 сентября 1846 г. с беспокойством ожидали предстоявшее на следующий день повышение цен на хлеб. Чтобы сэкономить несколько су, многие бедные семьи закупили побольше. В Сент-Антуанском предместье столь бойкая торговля позволила булочникам закрыть свои заведения раньше обычного, и рабочие, возвращаясь домой после трудового дня, наткнулись на запертые двери, хлеб купить было негде. В нескольких местах собрались возмущенные толпы рабочих: говорили о скупщиках, об угрозе голода, страсти накалялись. Дверь одной из булочных взломали. Лишь вмешательство полиции предотвратило назревавший бунт⁹⁷.

Стремление если не по достатку, то хотя бы по образу и стилю жизни считаться принадлежащим к более высокому классу, чем на самом деле, было уже в немалой степени распространено среди мелких хозяев первой половины XIX в. Желание прыгнуть выше своих возможностей побуждало одних к мелочной скаредности, других к мошенническим проделкам⁹⁸; основными жертвами при этом оказывались зависимые от буржуа рабочие.

В газетах того времени частенько появлялись сентиментальные истории, которые раздражают своей мешанской душещипательностью до тех пор, пока не поймешь и не представишь страшную драму маленького человека, отданного на каждодневное поругание типов наподобие хозяев таверны господ Тенардье из романа В.Гюго «Отверженные».

Мелкие буржуа осознанно и неосознанно подражали крупным, но при этом им было трудно избавиться от чувства зависти (а подчас и ненависти) по отношению к более удачливому классу капиталистов, буржуа в полном смысле этого слова. Мелкий собственник не устал обличать состоятельных людей в безнравственность: это был для него основной пункт обвинения капитала. В своей среде он следовал (или делал вид, что следует) правилам морали, вопрос же о том, что нормы нравственности следует соблюдать и в отношениях с рабочими и прислугой, в мозгу истинного буржуа, не отягощенного предрассудками патриархальщины, вставал не часто. Мелкий буржуа старался всеми силами подчеркнуть свое отличие от «низших классов», а это требовало средств. Он залезал в долги, по крохам обсчитывал работавших у него по найму. В «Истории Бордо» рассказывается о таком человеке. В 1831 г. умер известный в городе мраморщик, владелец дома и мастерской, вполне приличный гражданин с умеренным, но, как казалось, стабильным достатком. После его смерти выяснилось, что он задолжал своим немногочисленным рабочим 565 франков, а его часы и столовое серебро заложены в ломбарде⁹⁹. Презрением и ненавистью расплачивались рабочие с подобными «отцами-благодетелями». На отно-

шение рабочих к лавочникам накладывал отпечаток и тот факт, что даже в динамично развивавшемся Париже рабочему человеку стать владельцем мастерской, трактира или маленького магазина было исключительно сложно. Ж.Ле Юн проанализировал матримонимальные записи парижских семейных пар мелкой буржуазии 1820—1829, 1830—1839, 1840—1849 гг. Оказалось, что более 54% мелких предпринимателей были выходцами из этого же социального слоя. Определенный процент приходился на выходцев из крестьян (используемый в матримонимальных записях термин *agriculteur* отличается большой неопределенностью, но скорее всего речь идет именно о крестьянах) и слуг, доля же рабочих, ставших лавочниками, была более чем скромной¹⁰⁰.

Но надо отметить, что к отдельным лавочникам и трактирщикам рабочие питали вполне братские чувства, ведь именно из числа этой категории лиц выбирались «матери» и «отцы» компаньонажей, у них же обычно хранились фонды рабочих обществ взаимопомощи, в их помещениях происходили часто тайные собрания этих организаций. Но в целом мелких собственников как социальную группу рабочие отделяли от своего класса. Экономические противоречия между лавочниками и покупателями (последние были часто должниками первых) оказывались в итоге доминирующим фактором. Даже утопически предлагая привести к полному согласию интересы мелких буржуа и рабочих, как это делал в своем письме в «*Bon Sens*» часовщик Ш.Беранже¹⁰¹, пролетарии говорили о торговцах, как об особой группе. Более того, хотя диапазон взаимоотношений между мелкими буржуа и рабочими был очень широк и выводить среднюю этих взаимоотношений чрезвычайно трудно, все же с довольно большой уверенностью можно сказать, что отчужденность между этими социальными группами на протяжении первой половины XIX в. возрастала.

Итак, можно констатировать, что у французских рабочих в 30—40-е годы XIX в. было определенное осознание специфики своего положения. Они довольно четко отделяли близкие и даже родственные в некоторых социально-экономических аспектах группы от, собственно, пролетарской массы. Представление о существовании рабочего класса как особой общности было устойчивым в сознании уже довольно многих пролетариев. Употреблялось ими и само сочетание слов «рабочий класс». В одном из писем пролетариев в газету говорилось: «С точки зрения влияния на судьбы рабочего класса (*classe ouvrière*) значительную серьезность представляет вопрос о внедрении машин...»¹⁰² В 1848 г., в период подготовки к выборам в Учредительное собрание группа квалифицированных рабочих Тулузы создала организацию «*Société des travailleurs*» («Общество трудящихся»), ее целью было избрание рабочих депутатами нового законодательного собрания. При этом характерно, что в документах «Общества трудящихся» откровенно говорилось о необходимости «объединения всех профессий во всеобщую ассоциацию рабочих»¹⁰³.

Не менее существенным моментом в процессе становления классового сознания пролетариата являлось постепенное формирование у рабочих понимания основных характерных черт противостоящего класса.

Борьба с хозяином по вопросам заработной платы, длительности рабочего дня, условий труда была явлением более чем очевидным. Соответственно не только в начале XIX в., но и в эпоху «старого режима» в сознании рабочих, ориентированных партикуляристски либо популистски, не могло не существовать представление об определенных враждебных социальных силах. Но имелись отличия в образе этих сил, свойственном для классового, популистского и партикуляристского типов сознания. Видимо, наиболее характерным для популистского и партикуляристского типов сознания являлось представление о личностной основе производственных отношений между хозяином и работником. Совместный труд, проживание под одной крышей, приблизительно одинаковые культурные интересы и развлечения служили реальной базой для подобного представления. Например, в эпоху Реставрации еще справлялись ежегодные осенние праздники ремесленных корпораций, в которых принимали совместное участие хозяева и их подмастерья¹⁰⁴. Сведений об этих праздниках в годы Июльской монархии нам уже не удалось обнаружить. В условиях узкого рынка труда патрон дорожил своими квалифицированными работниками и неизбежные конфликты старался уладить таким образом, чтобы не растерять ценную рабочую силу. Иногда даже переводя предприятие из одной местности в другую, хозяин старался перевести на новое место и своих рабочих. Именно так поступил в середине XVIII в. известный мануфактурист Оберкампф, вывезший из Швейцарии во Францию не только оборудование, но и ситцепечатников. Впоследствии Оберкампф подчас платил наиболее квалифицированным рабочим, фактически не используя их (из конъюнктурных соображений он частично свертывал производство), так как это казалось ему более предпочтительным, чем позволить уйти специалистам с редкой квалификацией к другому предпринимателю¹⁰⁵. Тем не менее силу антагонизма между рабочими и хозяевами и в эпоху «старого режима» не следует преуменьшать. Правда, этот антагонизм являлся как бы «семейным» и проявлялся скорее спорадически, чем постоянно.

Определенная патриархальность в отношениях между нанимателями и наемными работниками была вполне типична и для 30—40-х годов XIX в. и особенно на небольших предприятиях. Пролетариям нередко казалось, что путем соглашений и создания совместных с предпринимателями органов можно будет восстановить разваливавшиеся «человеческие» отношения. Именно по этому пути некоторое время шли парижские печатники. В 1842 г. они договорились с хозяевами о введении единого тарифа, тогда же была создана комиссия для улаживания всех споров, касавшихся оплаты труда. Комиссия состояла из равного количества рабо-

чих и хозяев. Каждый год в сентябре обе стороны соглашения принимали участие в банкете, собиравшем не менее 700—800 человек для празднования «счастливых» установлений 1842 года¹⁰⁶.

Часто при характеристике предпринимателей работники подразделяли их на хороших и плохих. Печатник Ж.-Ф.Барро в брошюре «Суждения пролетария» (1833) громил Б.Эне, главного редактора «Journal de Debats», за его выпады против рабочего класса. В то же время в своей критике Барро опирался на мнения «хороших» буржуа. Он так и писал: «Множество мануфактуристов и хозяев мастерских, находясь со своими рабочими, считают, что они среди друзей; когда некоторым из них мы показали ваше (Б.Эне. — Е.К.) макиавеллевское писание, со справедливым возмущением они отбросили его...»¹⁰⁷ Эне казался печатнику тем более зловредной фигурой, что он пытался «влиять в сердца собственников ту злобу, которой была переполнена его собственная душа, и разжечь ненависть к пролетариям среди всех тех, кто хоть чем-нибудь владел»¹⁰⁸. «Что выиграет общество от того, что трудящееся большинство будет вечно являться жертвой тунеядствующего и корыстного меньшинства?» — вопрошал один из руководителей стачки парижских портных Гриньон¹⁰⁹. Подобно тому как в социалистических учениях той поры морально-этическая характеристика капиталистов преобладала над политико-экономической, так и среди самих рабочих, независимо от того, были они знакомы с идеями утопического социализма или нет, большое распространение имел морально-этический подход к буржуазии.

В то же время противоположность экономических интересов буржуа и пролетариев в ту пору сильно давала себя знать. Горечью несбывшихся надежд полны многие послания рабочих того времени. Так типограф О.Колен писал: «Мы живем без особых претензий, желаем добиться счастья только своим трудом, но мы воображали, что являемся предметом забот богатых капиталистов, крупных предпринимателей, которых обогащают наши руки; но не о нас они думают, их заботят лишь продукты нашего труда; если б они могли обойтись без нас, для них мы тотчас же стали бы столь же презренными созданиями, что и для «благородного сословия»¹¹⁰.

В материалах, относящихся к 40-м годам XIX в., гораздо чаще, чем в источниках 30-х годов, содержатся высказывания рабочих о классе капиталистов. Кстати, само слово «капиталисты» получило широкое распространение именно в 40-е годы. Постепенно в сознании пролетариев представление о враждебной социальной группе («они») приобретало общенациональный масштаб. Становилась более резкой и сама характеристика буржуазии. Шахтер из Анзенских копей писал в «Atelier»: «Эти несчастные рабочие проводят большую часть своей жизни под землей, добывая уголь и тем самым обогащая множество бессердечных капиталистов, которые постыдным образом наживаются за счет заработной платы ра-

бочих...»¹¹¹ Откровенной ненавистью пронизан образ буржуа в некоторых песнях пролетарских шансонье.

На хозяев своих
Скупых и злых
Мы полжизни кладем
И у мира крадем
Себя самих.
Будем пить, друзья, нам нельзя трезветь:
Каждый день труда приближает смерть¹¹²,

писал Ш.Жилль, вспоминая о днях, проведенных им на фабрике свинцовых белил, где воздух был настолько пропитан вредными испарениями, что работник очень скоро оказывался перед выбором: или бросать работу и голодать, или умереть от отравления.

В апреле 1846 г. предприниматели Парижа решили учредить жюри для поощрения особо примерных рабочих. «Reforme» и рабочие газеты «Atelier» и «Union» первоначально поддержали эту патерналистскую идею, но вскоре в их редакции стали приходить письма с протестами рабочих. Так, в письме рабочих-медеплавильщиков, под которым стояло 200 подписей, ясно выражалось недоверие к этой затее предпринимателей¹¹³. Проекты «ассоциации труда и капитала» среди части пролетариев встречались со скептицизмом. Высказывались идеи о полной невозможности сотрудничества с буржуазией.

В 1845 г. группа рабочих пыталась создать широкую производственную ассоциацию («Compagnie des Industries Unies»). Их план не удался, но характерны те цели, которые ставили перед собой эти рабочие. Они собирались наладить производство, не прибегая к помощи ни предпринимателей, ни коммерсантов. Объединенные рабочие должны были на свой страх и риск производить изделия, заниматься поисками сырья и сбытом готовой продукции. Их отношение к капиталистам было очень четко сформулировано в проекте устава предполагавшейся ассоциации: «Интересы хозяина находятся в фатальном противоречии с интересами рабочего... поэтому он будет заменен обществом акционеров, которые из своей среды изберут управляющих». Каждый акционер должен был обязательно участвовать лично в производительном труде¹¹⁴.

Классовое сознание является сложным духовным феноменом. Рождаются и получают распространение первоначально те его структурные элементы, которые как бы навязываются индивидам самими условиями их жизни. В сознании большинства людей легче всего закрепляются те представления, для усвоения которых не требуется сложной умственной деятельности.

Из элементов классового сознания наибольшей очевидностью отличается представление о том, что общество состоит из двух частей: «мы — рабочие, они — фабриканты, капиталисты, эксплуататоры». Именно поэтому процесс формирования этого представления и обрел наибольший масштаб. В той или иной степени подоб-

ное видение общества было свойственно огромному множеству работников французской промышленности. Помимо уже приведенных выше доказательств, это подтверждается самим характером, а также многообразием причин; обусловивших возникновение и распространение данного воззрения.

Глубокое и всестороннее воздействие на сознание рабочих оказала промышленная революция. Партикуляризм мышления является естественной формой отражения партикуляризма общественной жизни. Промышленная революция уничтожала всевозможные перегородки и разграничения. Недостаточно было законодательным путем ликвидировать цехи, надо было уничтожить саму почву их существования. Это приносила только промышленная революция.

Менялись взаимоотношения между рабочими и хозяином. В эпоху промышленного переворота рабочий все чаще сталкивался уже не с человеком, который мог быть плохим или хорошим, скупым или щедрым, а с персонифицированным проявлением неумолимого закона капиталистической конкуренции. В XIX в. отчуждение личности становилось всеобщим явлением. Утверждалось функциональное мировоззрение, роль подчиняла человека, диктовала свои нормы. Жестокость и бесчеловечность принимали облик рациональности. «Рабочие фабрики, состав которых все время меняется, кажутся предпринимателю безликой массой; для него это не люди, а человекоединицы, живые машины, менее послушные и не такие надежные, как настоящие»¹¹⁵, — писал французский историк Ж.Мишле, воочию наблюдавший осуществление промышленной революции во Франции.

В 1836 г. в Лилле — городе, где, по оценке Э.Бюре, существование пролетариев было самым нищенским во всей Франции, крупный предприниматель Мимерель писал: «Участь рабочих плохой не назовешь, их труд не чрезмерен, так как рабочий день длится не более 13 часов. Кому надо жаловаться на судьбу, так это мануфактуристам, которые получают сейчас малые прибыли»¹¹⁶. Автор этих строк просто не понимал их вопиющего цинизма, так как он полностью «абстрагировался» от представления о рабочих как о ему подобных индивидах. Чаще всего подобное «абстрагирование» предпринимателей длилось на протяжении всей их жизни.

Несоблюдение законов конкуренции автоматически жестоко каралось. В одном из номеров «Gazette des Tribunaux» за 1835 г. сообщалось, что на предприятии по выплавке цинка и меди в Бове был уволен директор за излишне мягкое отношение к рабочим. Рабочие потребовали отмены этого решения и объявили забастовку. Добиться желаемого им не удалось, наоборот, бывший дирек-

тор, обвиненный в том, что способствовал организации коалиции рабочих, был приговорен судом к тюремному заключению¹¹⁷.

Эпоха, когда обиженный на скупость и мелочные придирки хозяина подмастерье брал расчет и уходил полный уверенности, что работу он везде найдет, отступала в прошлое. Унифицировались и хозяева, и рынок труда. И более всего этому способствовала механизация производства.

По мере того как повсеместно стали рассыпаться патриархальные, «человеческие» отношения между хозяевами и их работниками, у последних стало складываться представление не о противостоящих им «плохих» хозяевах, а уже о классе капиталистов. Практика экономической борьбы учила рабочих понимать сущность явлений. «Рабочие, страдающие от внедрения машин, отрицают, что механизация — это благодеяние для общества; владельцы станков отрицают другую истину, что механизация обрекает на нищету множество остающихся без работы печатников...» — четко заключал наборщик Паран¹¹⁸. Парижские ткачи писали в петиции министру торговли и общественных работ: «В Париже на протяжении последних лет значительно возросла выделка кашемировых, шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, так что теперь этот город в определенной мере может рассматриваться как важный центр производства подобной продукции. В этой отрасли занято значительное число рабочих, и численность их должна еще возрасти, но вследствие конкуренции, которую развязали между собой фабриканты, цены на рабочую силу ужасно упали; последнее время зарплаты не хватает для удовлетворения самых элементарных потребностей рабочих...»¹¹⁹ В этих двух документах пролетарии здраво, с вполне экономической точки зрения судят о предпринимателях своих отраслей промышленности. Представления о классе капиталистов в целом еще нет. Оно еще только складывается. И тем не менее, пусть общественный кругозор рабочих ограничен рамками профессии или отрасли, в их текстах иногда явно отражается одна из тенденций становления классового сознания, которому свойственно не столько морально-этическое, сколько политико-экономическое видение общества.

Немаловажное значение для складывания представления «мы — рабочие» имел специфический юридический статус большинства работников крупной промышленности и ремесленного производства. В конце XVIII — первой половине XIX в. каждый промышленный рабочий обязан был иметь особую книжку, в которой отмечалось имя, описание его внешности и место работы. При переходе с одного предприятия на другое хозяин подписывал книжку, без его подписи, а тем более без книжки рабочий не мог быть вновь нанят на работу. Кроме предпринимателей, книжку визировали также полицейские чины. Хозяева имели право записывать в нее долги, оставшиеся за рабочим, так что на новом месте из зарплаты работника вычитались причитавшиеся старому хозяину суммы¹²⁰. С помощью книжки и системы долгов пред-

приниматель мог привязать к себе рабочего на долгие годы. Хотя не все драконовские постановления о рабочих книжках строго соблюдались, дискриминация в отношении пролетариев была очень явной. Ни крестьян, ни независимых ремесленников постановления о рабочих книжках не касались. Рабочая книжка предоставляла обширное поле для проявления хозяйского произвола: так, вполне можно было выгнать рабочего с предприятия и не подписать ему при этом книжки, лишив его тем самым работы не только в настоящем, но и в будущем¹²¹.

В целом рабочая книжка как бы выделяла промышленных пролетариев из общей массы лиц, занимавшихся ручным трудом.

Сформированность и широкое распространение представления «мы — рабочие» подкреплялись и наличием некоторых общих ценностных ориентаций.

В наиболее полной монографии о забастовочном движении периода Июльской монархии рассматриваются 382 стачки; 40% из них носили наступательный характер¹²²: пролетарии требовали увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня.

Наступательный характер стачек рабочих — факт заурядный. Но сравним данный «заурядный факт» с крестьянским движением того же периода истории Франции. Подавляющее большинство требований, выдвинутых крестьянами в ходе довольно многочисленных волнений, носило или оборонительный (против введения новых налогов, против фискальных переписей), или консервативный (отстаивание различных сервитутов, общинных прав на землю, пастбища) характер¹²³. Стремление добиться увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня свидетельствовало о росте потребностей пролетариата. Рабочие, выдвигая, например, требование повышения заработной платы, ссылались на то, что в какой-либо другой местности за тот же труд кто-то получает больше или что рабочие другой специальности, выполняющие работу приблизительно равной с ними сложности, имеют заработную плату выше. Так, когда в сентябре 1845 г. забастовали плотники Сент-Этьена, они добивались того, чтобы им платили столько же, сколько их товарищам в Лионе. В сентябре следующего года руанские кровельщики аргументировали свое требование повышения заработной платы тем, что каменщики получали больше их — 3 франка в день¹²⁴.

По мере того как стачки становились все более обычным явлением в жизни французских рабочих, вырабатывался и получал широкое распространение определенный стереотип поведения стачечника. Контур этого стереотипа очень четко вырисовывается в диалоге, состоявшемся на процессе по делу о стачке 1844 г. в Ривде-Жье. Рабочий рассказывал: «20 апреля, как обычно, я шел со своим товарищем Раулем на шахту Шато, тут мы встретили нескольких рабочих, которые сказали, чтобы мы не шли работать. — И вы повернули назад? — спросил председатель суда. — Да, месье. — Но почему? — Нам же сказали... — Вы, наверное, испугались? —

Нет, месье. — Вам не угрожали? — Нет. — Что же, первый встречный вам скажет не идти работать и вы ему подчинитесь? — Нет, месье. — А сейчас вы работаете? — Нет, месье. — Почему? Вам угрожают? — Нет, месье. — Так почему же тогда, еще раз спрашиваю, вы не работаете? — Я не могу работать без остальных. — Но вы знаете, что многие рабочие уже возобновили работу и что их охраняют от тех, кто хотел бы им помешать. Значит, вы остаетесь дома по собственной воле? — Да, месье, я не хочу работать без остальных...»¹²⁵ Так думал и говорил отнюдь не руководитель, а рядовой участник стачки, который был на процессе не обвиняемым, а свидетелем. Если судить только по его ответам на суде, то этот рабочий даже не очень ясно представлял цель стачки, но он понимал, как он должен был себя вести, если забастовали его товарищи. Отличительные черты стереотипа поведения забастовщика налицо: это подчинение коллективной воле, верность по отношению к товарищам, внутригрупповая дисциплинированность, активность при достижении коллективных целей.

Насколько принятие этого стереотипа было императивным, свидетельствуют многочисленные факты насилия работников по отношению к их товарищам, не соблюдавшим неписаный кодекс стачечника — прежде всего принцип подчинения личных интересов интересам коллективным. Единство — вот эффективное оружие, которое могли противопоставить своим угнетателям рабочие. В рамках стачечных коллективов квалифицированные и неквалифицированные работники добивались единства всеми силами¹²⁶, и это приводило к тому, что даже в сложнейших условиях бедного капитализма рабочим подчас удавалось добиваться победы в своих выступлениях, прежде всего, в стачках.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

В годы Реставрации и Июльской монархии можно выделить 5 основных типов организаций, в которые входили рабочие. Это компаньонажи, общества взаимопомощи, общества сопротивления (*sociétés de resistance*), тайные республиканские общества, объединения рабочих — сторонников той или иной утопической социальной системы.

В XIX в., в отличие от XVIII, выделялись не две, а три основные группы компаньонажей. Первая — это камнетесы — компаньоны «этранже» по прозвищу «волки», и столяры и слесари «Девуара де Либерте» (гавоты). И те и другие основателем своих компаньонажей считали царя Соломона. «Дети» одного и того же основателя обычно поддерживали дружеские отношения и в междоусобных драках приходили друг другу на помощь. Вторая группа — это столяры и слесари «Девуара» (девораны) и камнетесы — «волки-гару». Третья группа — «Дети отца Субиза» — плотники по прозвищу «весельчаки» («drilles»)¹²⁷. Помимо этих трех групп су-

ществовали еще компаньонажи кузнецов, сапожников, лудильщиков, пекарей. Пожалуй, самыми активными в первой половине XIX в. были компаньонажи строительных рабочих, во всяком случае, именно они чаще всего упоминаются в судебных и полицейских документах.

Структура, обычаи и традиции компаньонажей оставались такими же, какими они были в XVIII в. Каждый из компаньонажей имел свои символы, свой праздник в день какого-либо святого. Отправляясь в путь или в день праздника, подмастерье украшал шляпу лентами цветов своего компаньонажа. В каждом городе Тур де Франс (компаньонажи действовали не во всех городах; почти нет сведений о них на севере Франции) существовало руководство местного отделения: первый компаньон, рулер, отвечавший за найм работников, а также «мать» или «отец» — хозяева кабачка, в котором столовались, а часто и жили компаньоны. В случае необходимости компаньоны одного города могли вступить в переписку со своими товарищами из других городов. И даже получить поддержку в лице опытного организатора, которого делегировали в город, где местный компаньонаж вел тяжелую борьбу за права своих членов. Так было в Марселе у булочников, вынужденных в 1823—1826 гг. трижды бастовать. Первоначально они опирались на свое общество взаимопомощи, но после того, как оно было закрыто, бывшие руководители общества взаимопомощи и вожаки стачки решили присоединиться к компаньонажу. После переписки с булочниками-членами компаньонажа в Париже, Лионе и Блуа, для организации в Марселе компаньонажа был прислан рабочий Тражан по прозвищу Победа. При его содействии марсельцев приобщили ко всем ритуалам компаньонажа, а затем были отправлены делегаты в Блуа, где было утверждено формальное включение марсельской организации в компаньонаж пекарей¹²⁸.

Раздоры между компаньонажами, несмотря на все попытки реформаторов (А.Пердигье, П.Моро, Госсе)¹²⁹ положить им конец, продолжались на протяжении всех лет Реставрации и Июльской монархии. Правда, после революции 1848 г. прогрессивные тенденции, казалось, восторжествовали. В Париже был создан «Клуб компаньонов всех деуваров», его члены выдвинули проект слияния всех ветвей «строителей Храма». В марте 1848 г. конституировался комитет для выработки федерального устава, который санкционировал бы слияние¹³⁰. А вскоре Париж увидел красочную манифестацию единства, около 10 тыс. работников со знаками своих компаньонажей прошли по площади Республики. И все же старый партикуляристский дух не был изжит полностью. Менее чем через два месяца после вселявшей столь большие надежды демонстрации между камнетесами — членами разных компаньонажей — вновь произошла крупная потасовка¹³¹. В годы II Империи, приходя уже в полный упадок, компаньонажи продолжали свои нелепые распри. Внутреннего перерождения этих архаических организаций так и не произошло. Составляя существенный элемент в ор-

ганизационной структуре рабочего класса первой половины XIX в., компаньонажи фактически препятствовали тому, чтобы эта структура обрела классовый характер.

Выше уже говорилось о деятельности обществ взаимопомощи в среде неквалифицированных рабочих. Подобного рода простейшие экономические организации имелись и у работников, занимавшихся квалифицированным трудом. Так, в числе парижских мютюэлистов барон А. де Жерандо в книге «Общественная благотворительность» называет объединения краснодеревщиков, типографов, ювелиров, сапожников, механиков, граверов¹³². Всего в Париже, по его подсчетам, было 228 обществ взаимопомощи, в которые входило приблизительно 17 тыс. рабочих¹³³.

В создании некоторых обществ взаимопомощи принимали участие священники и легитимисты, но рабочие очень скоро постарались избавиться от опеки этих непрошенных друзей. В целом эти общества держались в стороне от политики и являлись легальными, полиция, со своей стороны, бдительно охраняла их политическую девственность. Некоторые из них сохранили свой аполитизм даже во время Февральской революции. Об этом сообщает А.Одиганн, в этом плане вполне заслуживающий доверия, так как он особо интересовался проникновением «зловредных» идей в рабочую среду. Характеризуя общества взаимопомощи лильских рабочих, Одиганн с удовлетворением подчеркивал, что социалистическая пропаганда их не затронула. О четырех же мютюэлистских ассоциациях текстильных рабочих Кале и Сен-Пьер-ле-Кале он отзывался довольно неопределенно: «Хотя эти общества остались вне политики, каждое из них легко могло послужить гнездом для социалистической агитации»¹³⁴. Об участии обществ взаимопомощи в стачечном движении известно немного: лишь иногда их скромные денежные фонды, использовались забастовщиками. Как раз одним из важнейших отличий этих организаций от обществ сопротивления являлось то, что в цели первых борьба с хозяевами отнюдь не входила. Во всяком случае, так считали сами предприниматели, иногда даже поощрявшие развитие мютюэлизма. Подобной же точки зрения придерживались либеральные исследователи рабочего вопроса — Виллерме, Одиганн и, наконец, столь сведущие люди, как чины полиции¹³⁵.

Совершенно иным было отношение властей к обществам сопротивления. Впрочем, до того момента, как начиналась стачка, посторонним лицам общество сопротивления от общества взаимопомощи отличить было почти невозможно. Правда, некоторые из обществ сопротивления не пытались принимать легальную мютюэлистскую оболочку и действовали тайно. В любом случае, деятельность обществ сопротивления не ограничивалась работой по оказанию помощи больным и безработным товарищам. Тайно эти организации пытались наладить взаимоотношения с им подобными рабочими организациями. Целью этих контактов чаще всего была координация стачечных действий, выражавшаяся в основном

в финансовой поддержке бастовавших товарищей. Так, в письме, перехваченном полицией, рабочие фарфоровых заводов Лиможа заранее предупреждали коллег в Сен-Дени о готовящейся стачке. Вероятно, подобного рода предупреждения были разосланы и в другие города, так как во время длительной стачки 1837 г. лиможские фарфористы получали финансовую помощь от своих товарищей из различных мест Франции¹³⁶. Была оказана денежная поддержка и бастовавшим в апреле 1843 г. кожевникам Парижа. Их стачка также заранее готовилась обществом сопротивления¹³⁷.

Одной из наиболее известных организаций подобного рода в эпоху Июльской монархии являлось Филантропическое общество портных. Именно о членах этого общества писал генеральный прокурор Ренна: «(Их) явная и непосредственная цель — помощь больным и безработным, цель на ближайшее будущее, которую они скрывают, но о которой говорят среди своих и о которой известно из перехваченной переписки, — добиться путем стачки повышения заработной платы. В письмах более осторожные сдерживают нетерпеливых, советуют сохранять выдержку и прежде всего вносить вклады в резервную кассу, чтобы во время согласованной остановки работ можно было использовать ее фонды... Наконец, третья цель, рассчитанная на длительную перспективу, — это одновременное и всеобщее наступление на социальный порядок, в основе которого лежит принцип частной собственности. Запись протоколов их заседаний открывается двумя преамбулами, в которых излагаются идеи общего порядка об эксплуатации человека человеком и которые представляют собой не что иное, как... поношение всех собственников»¹³⁸. В середине 30-х годов XIX в. филантропические общества портных, имевшие единый тип организации (они переняли его у республиканского «Общества прав человека и гражданина») и поддерживавшие друг с другом отношения, действовали в Париже, Лионе, Марселе, Пуатье, Ниме, Нанте, Анжере¹³⁹. Со временем, возможно, из сети этих организаций мог бы развиваться боевой профессиональный союз, но государственной машине удалось уничтожить рождавшееся объединение французских рабочих-портных.

Враждебность политического режима Луи-Филиппа интересам рабочих была слишком явной, чтобы взоры пролетариев, задумывающихся об общих вопросах, вскоре не обратились на республиканскую оппозицию орлеанизму. Приход рабочих в республиканские общества начался в первые же годы Июльской монархии¹⁴⁰. Еще в «Обществе друзей народа» (1830—1833) имелись секции, состоявшие из рабочих. Они были созданы по инициативе неоякобинца О.Кона. В «Обществе прав человека и гражданина» в 1833—1834 гг. действовала специальная комиссия по пропаганде среди рабочих. В нее, в частности, входил лидер стачки парижских сапожников в 1833 г. Эфраэм. Известно, что членами «Общества прав человека и гражданина» также были: руководители стачки портных 1833 г. Гриньон, Тронсе и Морен; рабочий Герино, автор

одной из пропагандистских брошюр этого общества; пролетарии-корреспонденты «Bon Sens», Стурм и Ш.-М.Анне; один из будущих редакторов рабочей газеты «Atelier» Ш.-Ф.Шеве¹⁴¹. Прекрасный знаток истории Франции XIX В.Ж.Вейль считал, что численности в 4 тыс. человек «Общество прав человека и гражданина» достигло прежде всего благодаря значительному притоку пролетариев в эту организацию¹⁴².

В определенной степени точка зрения Вейля подтверждается анализом социального состава свидетелей, выступавших на суде по делу о восстании 13 апреля 1834 г. Среди свидетелей было 16 членов «Общества прав человека и гражданина» и лишь двое из них не принадлежали к рабочему классу (торговец П.Лятур и художник Л.Ривулен). Остальные четырнадцать — это сапожники (2), портные (4), столяры (2), повара (3), маляр, типограф и чеканщик. Двое из рабочих: портной Ипполит Сандоз и столяр Дусе — являлись к тому же руководителями секций (Сандоз — секции Монтаньяров). А повар Фр.Казимир в своем выступлении на суде говорил о том, что многие из его товарищей по профессии, так же как и он сам, входили в «Общество прав человека и гражданина»¹⁴³.

В 30-е годы XIX в. особая ситуация сложилась в Лионе, и особенно здесь стали развиваться рабочие организации. Одноородная в профессиональном и социо-культурном отношении масса шелкоткачей составляла значительную долю всего рабочего населения города. Духовный «костяк» этой общности, состоявшей из мастеров и подмастерьев, представляли мастера, владевшие двумя—тремя станками, но трудившиеся бок о бок со своими подмастерьями. Хотя те и другие нередко конфликтовали между собой, их конфликты по сути имели семейный характер. И мастера, и подмастерья ощущали единство своих интересов перед лицом крупных предпринимателей, скупщиков их продукции — негоциантов. В отличие от последних, мастера считали себя рабочими, настоящими тружениками. Они гордились своим профессиональным умением, сознавали значимость своего труда для общества и были убеждены, что общество обязано считаться с их интересами и жизненными нуждами. Эти люди не стеснялись высказывать свое мнение по любому так или иначе касавшемуся их вопросу¹⁴⁴.

«L'Echo de la Fabrique» писала 25 ноября 1832 г.: «Покойтесь в мире, жертвы ноября! Пусть земля будет для вас пухом... Ваша кровь оросила почву, на которой должно произрасти древо освобождения пролетариев!»¹⁴⁵

К 1834 г. шелкоткачи, как особая социальная группа, достигли весьма высокой степени сплоченности. Профессиональные организации обеспечивали единство их действий в кризисных ситуациях. Еще в годы Реставрации ткачи-хозяева основали Мютюзелистское общество. Его официально объявленные цели сводились к поддержанию порядка внутри мастерских и к оказанию помощи больным и престарелым, однако ни для массы членов ассоциации,

ни для властей не составляло тайны и другое, истинное назначение мютюэлизма — борьба против крупных предпринимателей в шелковой промышленности. Первоначально представляя собой объединение наиболее имущих ткачей-хозяев, к 1834 г. Мютюэлистское общество значительно демократизировалось. Его численность достигла 3 тыс. человек. Сменилось руководство: консервативно настроенных «стариков» в Исполнительном совете потеснили люди более молодые и радикально настроенные¹⁴⁶.

Двумя годами ранее возникла Ассоциация феррандиньеров, объединившая ткачей-подмастерьев. Судя по различного рода косвенным данным, ее численность приблизительно равна была численности мютюэлистов¹⁴⁷.

Ткачи дорожили тем, что их профессиональные организации заставляют считаться с ними и городские власти, и негоциантов, выступая гарантом человеческого достоинства и определенного экономического достатка работников. Их сплочению в значительной степени способствовали две рабочие газеты — «Эко де ля фабрик» и «Эко де травайэр», регулярно выходившие в 1831—1834 гг. Подобного рода печатных органов в те годы не имели даже парижские пролетарии.

Когда правительство в марте 1834 г. начало проталкивать через палату депутатов законопроект о полном запрещении различного рода политических и профессиональных союзов («закон против ассоциаций»), известие об этом вызвало волну негодования в среде лионских тружеников. На страницах газеты «Эко де ля фабрик» появились грозные статьи.

«Люди, стоящие у власти... хотят создать себе закон о подозрительных, но народ разобьет их законы, — говорилось в одной из статей. — Правительство сеет семена грозы. Ну, что ж, пусть оно пожнет бурю, и новый... июль отлично может во второй раз дать Европе зрелище драмы, не менее славной и еще более плодотворной по своим результатам, чем июль 1830-го»¹⁴⁸.

Обсуждение в палате депутатов закона, грозившего уничтожить организации лионских ткачей — их силу и гордость, совпало с особо напряженной ситуацией в городе. Еще в феврале 1834 г. закончилась поражением всеобщая пятидневная стачка работников шелкоткацкой мануфактуры. Ткачи (как и многие другие рабочие Франции того времени) испытали разочарование в чисто экономических методах борьбы¹⁴⁹. Многие стали поговаривать о необходимости политических преобразований. Именно в первые месяцы 1834 г. происходит увеличение численности республиканцев за счет притока к ним пролетарских элементов. Двое из членов Исполнительного совета Мютюэлистского общества — Жирар и Карье — одновременно входили в республиканскую организацию «Общество прав человека и гражданина». В Лионе ее первые секции были образованы в октябре 1833 г., к концу года она включала приблизительно 200 человек. Используя в первую очередь свой печатный орган, газету «Гланзэ», это объединение республиканцев

(его причисляли к радикальному крылу) вело пропаганду среди рабочих.

В конце марта 1834 г. по инициативе мютюзелистов создается Объединенный комитет для координации деятельности всех организаций, выступавших против принятия закона об ассоциациях. Председателем комитета «сопротивления» был избран член руководства «Общества прав человека и гражданина», преподаватель лицея Э.Бон, от «Общества мютюзелистов» был делегирован Жирар, от ассоциации рабочих-портных — Маринье, в комитет также вошел Лягранж, состоявший в «Обществе прогресса» — организации умеренных республиканцев¹⁵⁰.

Тогда же, в конце марта, мютюзелисты и феррандиньеры произвели смотр своих сил. Провожая в последний путь одного из товарищей, ткачи прошествовали через город мощной колонной. Более чем двухтысячная похоронная процессия произвела впечатление и на самих ее участников. Ощущение возможности успеха восстания перерастало в уверенность. Рабочим казалось, что пришло время братья за оружие: решительный натиск — и город вновь, как в ноябре 1831 г., будет в их руках. «Рабочие организации, — писал по свежим следам событий Луи Блан, — были одушевлены в этот момент неописуемым энтузиазмом. Они обвиняли комитет "Общества прав человека и гражданина" в мягкости, неповоротливости; они пламенно желали захватить руководство в свои руки. "Берегитесь! — говорили вожди мютюзелистов господам Бону, Мартену и Альберу (руководители "Общества прав человека и гражданина". — Е.К.). — Если ваши секции не выйдут на улицу, мы появимся на арене борьбы без вас". И когда кто-нибудь говорил: "Но у нас не хватает оружия", тысячи голосов отвечали: "Оно имеется у солдат. И, как это бывало в июле и в ноябре, солдаты откажутся убивать своих братьев"»¹⁵¹. Этот оптимизм рабочих основывался на реальных фактах. Известно было, что республиканские настроения проникли и в армию, особенно в унтер-офицерский состав и в расквартированную в городе артиллерийскую часть. Во время февральской стачки и сопровождавших ее беспорядков на площади Терро произошло братание драгун и ткачей.

В то же время постоянно продолжавшееся увеличение численности лионского гарнизона возмущало рабочих. Они горели желанием помериться силой с противником.

5 апреля должны были предстать перед судом шестеро мютюзелистов, арестованных за организацию февральской стачки. Утром этого дня огромная толпа собралась на площади Сен-Жан перед Дворцом правосудия и на его дворе. Многие мютюзелисты и члены «Общества прав человека и гражданина» проникли в зал заседаний суда. Бурные изъявления симпатии к подсудимым заставили председателя прекратить слушание дела. Заседание было перенесено на 9 апреля. Дата восстания оказалась «назначенной», таким образом, королевским чиновником.

Атмосфера в городе накалялась. Богатые люди бросали дела, паковали вещи и уезжали. Из соседних департаментов прибывали дополнительные контингенты войск. 6 апреля в связи со смертью одного из членов организации мютюзелисты вновь устроили грандиозное шествие. К ним присоединились республиканцы из «Общества прав человека и гражданина», а также члены других профессиональных объединений. 10 тыс. человек, готовых к решительным действиям, продефилировали по городу.

Столкновение становилось неизбежным. 9 апреля вновь, как и четыре дня назад, толпы народа заполонили площадь Сен-Жан; одновременно рабочие в большом количестве собрались перед зданиями мэрии и префектуры. Среди рабочих блуз выделялись сюртуки служащих и интеллигентов: рядовые члены «Общества прав человека и гражданина» и некоторые из умеренных республиканцев на деле подтверждали верность своим убеждениям. В толпе по рукам ходили прокламации, их тут же зачитывали вслух. «В настоящее время закон против ассоциаций обсуждается в палате пэров, — говорилось в одной из них. — Все мы знаем, что он будет немедленно утвержден... Вы видите, граждане, что они (правители Франции) хотят погубить не только нашу национальную честь и свободу, но что они покушаются и на нашу жизнь, на самое наше существование. Упраздняя общественные союзы, они хотят помешать рабочим поддерживать себя в нужде и болезнях, особенно же оказывать друг другу взаимную помощь для борьбы за улучшение своей несчастной доли»¹⁵².

На площади Сен-Жан жандармы попытались помешать оглашению республиканской прокламации, но толпа воспротивилась аресту чтеца. В ходе столкновения раздались выстрелы. На близлежащих улицах участники демонстрации стали возводить баррикады. Против одной из них был направлен отряд солдат. Вскоре первого тяжелораненого принесли в здание Дворца правосудия, где он и скончался. Апрельское восстание началось.

Несмотря на проводившуюся Мютюзелистским обществом и «Обществом прав человека и гражданина» работу по подготовке выступления, несмотря на создание Объединенного комитета, восстание разразилось, в сущности, стихийно. Не было ни штаба восстания, ни единого плана действий. В первый же день вся масса восставших оказалась разделена между несколькими почти не связанными друг с другом очагами сопротивления. В центральной части города восставшие закрепились в кварталах вблизи площади Кордельеров; штаб этой группы инсургентов помещался в церкви св. Бонавентуры. На правом берегу Роны баррикады опоясали предместья Сен-Жюст и Сен-Жорж, но даже в этих соседствующих районах единое командование отсутствовало. Правительственные войска воспрепятствовали соединению отрядов из северной части города (район площади Сатонэ) с важнейшим оплотом повстанцев — рабочим предместьем Круа-Русс.

Отдельные баррикады и опорные пункты восставших возглавили если не случайные лица, то, во всяком случае, и не заранее назначенные командиры. Локальными руководителями выступали начальники секций «Общества прав человека и гражданина», известные мютюзелисты, руководители других рабочих организаций, или просто энергичные люди из числа республиканцев. В районе площади Сатонэ инсургентами командовал один из лидеров Ассоциации феррандиньеров Ж.Дидье, вместе с ним осуществлял командование Л.Маринье — глава «Филантропического общества портных» (профессиональной организации рабочих-портных)¹⁵³. В квартале Сен-Жюст боевыми действиями восставших руководил в прошлом офицер, поляк Рочинский, в предместье Сен-Жорж командовал ткач Мюгэ, начальник мютюзелистской ложи (ложами мютюзелисты называли подразделения, из которых состояла их организация). Повстанцев предместья Круа-Русс возглавили член Исполнительного совета мютюзелистов Э.Карье, начальник секции «Общества прав человека и гражданина» учитель Тион, член этого же общества, бывший секретарь мэрии Готье, мютюзелисты братья Депасьо, а также мютюзелист Бюиссон, сыгравший заметную роль еще в дни ноябрьского восстания 1831 г. В центре города — в штабе инсургентов, разместившемся в церкви св. Бонавентуры, распоряжался республиканец Лягранж. Любопытно, однако, что никто из основных лидеров «Общества прав человека и гражданина» не принял непосредственного участия в руководстве боевыми действиями.

Подлинность революционных убеждений теперь проверялась смертью. Шел человек на риск — это революционер; оставался в стороне от схватки (а раньше он же рассуждал о необходимости свержения режима) — значит, это не более чем революционный фразер или демагог. В отличие от ноябрьского восстания 1831 г., когда успех первых столкновений с национальной гвардией и войсками окрылил и увлек многих, в апреле 1834 г. с первых же часов вооруженного выступления инсургенты натолкнулись на ожесточенное сопротивление и умело организованные контратаки правительственных войск. Сомнение в успехе предприятия быстро проникло в души многих сочувствовавших повстанцам. Присоединиться к делу, успех которого более чем сомнителен, — на это бывает трудно решиться даже мужественному человеку.

Простых, мирных людей заставляет выходить на улицу и рисковать жизнью безвыходность ситуации или сильное чувство. Холодный рассудок — нередко плохой союзник для массы в экстремальных обстоятельствах; именно трезвый анализ сил противника удерживал многих рабочих от активных действий.

Очевидец событий, врач Ж.-Б.Монфалькон, первый историк обоих лионских восстаний, писал: «Тайная враждебность подавляющего большинства рабочих Лиона (к силам порядка. — Е.К.) являлась фактом совершенно очевидным, их враждебность сдерживалась единственно неопределенностью ситуации, она бы обяза-

тельно прорвалась, если бы гарнизон потерпел сколько-нибудь существенное поражение»¹⁵⁴. О силе рассудочности свидетельствует то, что в восстании приняло участие сравнительно небольшое число рабочих. По данным русского военного агента, генерал-майора А.Голицына, специально занимавшегося этим вопросом, инсургентов было около 6 тыс. человек¹⁵⁵ — цифра незначительная, если учесть, что в городе (по данным на 1833 г.) проживало около 180 тыс. человек, из которых одних только работников шелкоткацкого производства было более 52 тысяч¹⁵⁶.

Тем больше мужества и силы духа требовалось смельчакам, которые не только решились 9 апреля на революционный акт, но и продолжали неравную борьбу на протяжении шести дней. Борьба эта, в отличие от происходившей в ноябре 1831 г., велась под республиканскими лозунгами. По городу распространялись прокламации с призывом: «Свобода, равенство, братство — или смерть!» С лозунгом «Республика или смерть!» шли рабочие в бой. Над баррикадами реяли красные знамена¹⁵⁷.

Борьба была действительно неравной. Против плохо вооруженных, испытывавших недостаток в боеприпасах повстанцев было сосредоточено более 13 тыс. отлично экипированных солдат, к тому же постоянно получавших подкрепления. И тем не менее последний очаг восстания был подавлен лишь 15 апреля, когда власти восстановили контроль над рабочим предместьем Круа-Русс; отдельные группы рабочих продолжали там оказывать сопротивление и в последний, седьмой, день восстания.

Выступление лионских рабочих закончилось поражением. Акт революционного протеста против усиления авторитарности в политике Июльской монархии не увенчался успехом. На некоторое время либеральный конституционно-монархический режим, утвердившийся в результате революции 1830 г., укрепился и обрел устойчивость, политическое наступление республиканцев оказалось приостановленным. Социально-политическая обстановка в стране стала хуже, чем была за месяц или даже за десять дней до того.

Приблизительно в середине 30-х годов в истории республиканских обществ во Франции наступил новый этап развития. Во-первых, рабочие стали основным элементом этих организаций¹⁵⁸. Во-вторых, целью республиканских обществ теперь выступала уже не только политическая, но и социальная революция. В 1834 г. один из признанных лидеров республиканцев, Огюст Бланки, написал статью «Кто варит суп, тот пусть и ест его», в которой он совершенно четко выступил за уничтожение частной собственности и за переустройство общества на принципах всеобщей ассоциации¹⁵⁹. Своими новыми взглядами Бланки не мог не делиться со своими соратниками. И действительно, в составленном им вопроснике «Общества семейств» (1835—1837), хотя и ничего не говорится о

характере наилучшей системы распределения собственности, признается необходимость именно социальной революции¹⁶⁰. В 1835—1836 гг. в Лионе сложилась одна из первых в ту пору тайных коммунистических организаций — «Общество цветов». Инициаторами ее создания были шелкоткачи Ж.Бенуа, Ж.-М.Перре, учитель Гринан, предприниматель Г.Эдан, а также Морен, Шале, Гранже, А.Блан. Спустя некоторое время к ним присоединились помощник нотариуса Ф.Блан, шелкоткачи К.Бретонвиль и С.Коммиссер, рабочий по бархату П. Шейлан; всего сохранились сведения о 19 членах этого общества¹⁶¹. В 1838 г. оно присоединилось к парижскому «Обществу семейств», одновременно переименовавшемуся в «Общество равных». К лионскому отделению «Общества семейств» около 1840 г. аффилировалась ранее самостоятельно возникшая организация коммунистов под названием «Будущее»¹⁶². В 1841 г. в рабочих предместьях Лиона Бротто и Круа-Русс начала действовать другая тайная необабувистская организация «Реформированные карбонарии». Между «карбонариями» и «равными» существовала определенная связь. Во всяком случае, в числе коммунистов, пославших коллективное письмо в газету «*Démocratie lyonnaise*», были активный участник «Реформированных карбонариев» Ж.-У.Нажлен и Фр.Бургинен из «Общества равных»¹⁶³.

О «Реформированных карбонариях» во время судебного процесса в сентябре 1844 г. комиссар полиции сообщал, что эта организация состояла более чем из 30 секций, каждая из которых включала по 18—19 человек, и секции поддерживали контакт друг с другом посредством связных. Ежемесячно уплачивались членские взносы в размере 25 сантимов. 14 июля 1844 г. организация устроила банкет, на который допускались только имевшие билет с написанными на нем начальными буквами слов: Единство, Братство, Общность, Равенство. Целью общества было установление коммунизма. Перед судом по делу об этой организации предстали 12 человек. За исключением одного кабатчика и одного сапожника, все это были шелкоткачи-рабочие (именно не хозяева мастерских, а просто «*ouvriers en soie*»¹⁶⁴).

Идей революционного коммунизма придерживалась значительная часть участников тайных парижских республиканских обществ, таких, как «Унитарии», «Работники-эгалитарии», «Революционные легионы», «Новое общество времен года». Их деятельность приходилась на конец 30-х и 40-е годы XIX в.¹⁶⁵ Коммунистическим по своей программе и пролетарским по составу было также малоизвестное «Общество коммунистов-материалистов».

Дело о парижском «Обществе коммунистов-материалистов» слушалось в июле 1847 г. Эта организация, видимо, была совсем малочисленной. Во всяком случае, на суде говорилось только об 11 ее участниках; 10 из них сидели на скамье подсудимых, один, сапожник Ж.Сан, сбежал. Деятельность «Общества» заключалась в изучении работ Кабе, Дезами, Констана, сочинения Прудона «Что такое Собственность?». Эти книги передавались из рук в руки, а

также читались вслух на общих сходках. Для революционных целей члены «Общества коммунистов-материалистов» считали возможным прибегать к экспроприациям, но ни одной ими не было совершено¹⁶⁶.

Имелись существенные различия между тайными обществами рабочих республиканцев и теми формами объединения пролетариев, которые предложили социалисты-утописты, противники революционного насилия. Тайные республиканские общества сторонников различных революционных коммунистических систем (Бланки, Бабефа, Дезами, Пийо) готовились к осуществлению непосредственно политической деятельности в виде восстания. В отличие от них объединения рабочих сенсимонистов и икарыйцев были ориентированы на мирную реформаторскую деятельность по преобразованию общества. Сенсимонисты рассчитывали на то, что большинство людей в скором будущем обратится в их религию и затем перестроит общество в согласии с сенсимонистскими принципами. Кабе, человек, довольно гибкий в вопросах тактики, в течение нескольких лет испробовал сенсимонистский вариант мирной пропаганды; разочаровавшись в нем, он решил создать показательную коммунистическую колонию в Америке. Этот путь привел его к полному фиаско¹⁶⁷.

В целом организационная структура рабочего класса Франции в 30—40-е годы XIX в. представляла собой конгломерат разнородных микрогрупп, различных по принципам их образования, по целям их деятельности и по мировоззрению их членов, и, тем не менее, сам факт наличия этой структуры в критические моменты способствовал солидарным действиям французских рабочих. С наибольшей очевидностью это продемонстрировали события февраля 1848 года.

После февральской революции 1848 г. началось быстрое преобразование и переориентация этой структуры (появление организаций нового типа, объединение старых организаций)¹⁶⁸.

§ 3. ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДА В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ

Свободомыслящие люди времен Реставрации в своем подавляющем большинстве не видели необходимости в подключении работников физического труда к политическому процессу. Так теоретик либерализма Бенжамен Констан настаивал на невозможности дарования политических прав несобственникам. Самая абсолютная демократия, писал он, всегда отстраняла от политики иностранцев и детей: «...Люди, которых бедность держит в вечной зависимости, осуждая их на поденную работу, не более детей посвящены в общественные дела и не более иностранцев заинтересованы в национальном благосостоянии, составных элементов которого они не знают и выгодами которого пользуются лишь косвен-

но»¹⁶⁹. Когда в 1825 г. один рабочий был осужден за участие в стачке, сопровождавшейся беспорядками в Гульме, возле Руана, то никто из либеральной партии не согласился помочь ему¹⁷⁰.

Сен-Симон и его ученики, интересовавшиеся судьбой рабочих классов (как говорили тогда — во множественном числе), но в ту пору не ставили перед собой широких пропагандистских задач.

Некоторое распространение во Франции в эпоху Реставрации и в первые годы Июльской монархии получили взгляды английского социалиста Роберта Оуэна, их пропагандой занимался кружок Жозефа Рея, а впоследствии Жюль Гей¹⁷¹. Но идеи сенсимонистов гораздо шире обсуждались во французской прессе. Еще в середине 20-х годов в связи с очень резким памфлетом Стендаля «О новом заговоре против промышленников» многие газеты и журналы вступили в дискуссию о сенсимонизме¹⁷². Впрочем, разве что далекие отголоски этого интеллектуального спора могли выйти до рабочих.

Революция 1830 г. продемонстрировала политическую значимость рабочего люда. Среди части образованной публики родился живой интерес к народным массам, заговорили о правах простого народа, а саму революцию 1830 г. стали трактовать как проявление тесного союза классов трудящихся и средних классов». На рабочих стали обращать гораздо больше внимания люди, стремившиеся к глубоким преобразованиям.

Так первоначально сенсимонистская школа объединяла исключительно лиц из буржуазных и интеллигентских слоев общества. Мы знаем, каково сейчас наше влияние на народ, — в августе 1830 г. с горечью отмечал Б.-П.Анфантен, — оно равно нулю»¹⁷³. Осмысление опыта революции 1830 г. привело Б.-П.Анфантена и ряд его соратников к пониманию необходимости добиваться влияния в среде рабочего люда.

В конце 1830 г. сенсимонисты приобрели популярную в то время газету «Globe». С 18 января 1831 г. она открыто стала органом школы. На тот момент газета имела порядка 1600 подписчиков¹⁷⁴. Подавляющее большинство из них относилось к людям состоятельным. Тогда в результате обсуждения сенсимонистами вопроса о способах распространения доктрины среди пролетариев родился проект создания бесплатной политехнической школы для рабочих¹⁷⁵. Документ о политехнической школе начинался с констатации: «Отцы Симон и Оливье нам сообщили, что мы еще очень мало продвинулись в сближении с бедными классами...» Далее анонимный сенсимонист предлагал создать бесплатную школу, в которой учили бы письму, арифметике, элементарной геометрии, черчению. Занятия в ней проводились бы после окончания рабочего дня. В качестве преподавателей автор проекта собирался привлечь математиков, инженеров, архитекторов, а также

хозяев мастерских различных специальностей. Он рассчитывал, что благодаря этому интеллектуальному предприятию у людей из бедных классов сложится физическое благополучие, и затем можно будет им начать изложение сенсимонистской доктрины.

Сенсимонистам не удалось привлечь к просветительской деятельности интеллектуалов и предпринимателей, не разделявших их убеждений. Политехническая школа для пролетариев не была создана, но от идеи пропаганды в рабочей среде сенсимонисты не отказались.

Начиная с мая 1831 г. на улице Монсиньи под руководством А.Фурнеля и К.Базар открылись образовательные курсы для парижских работников. Сперва приходило не более 20 человек. По воскресеньям для них с мая 1831 г. в зале на улице Тэтбу читались лекции, освещавшие один из аспектов сенсимонистской доктрины. Плана лекций не было, чаще всего они увязывались с каким-либо из текущих событий общественной жизни. Далее минут 40 отводилось на оглашение своеобразных письменных деклараций о принятии тем или иным пролетарием сенсимонистской веры. Каждый из вновь обращенных должен был написать нечто вроде автобиографии и декларации своих новых сенсимонистских взглядов. Наконец, последняя часть занятий посвящалась ответам на вопросы слушателей. Слушатели могли задавать учителям-сенсимонистам любой интересовавший их вопрос. С августа 1831 г. помимо воскресных лекций были организованы занятия по понедельникам для рабочих, уже несколько продвинувшихся в усвоении сенсимонизма. Число слушателей быстро увеличилось. Учитывая этот факт, организаторы разделили Париж на 12 секторов (по числу округов) и в каждом из них создали сенсимонистский центр для рабочих и работниц. Уже в августе 1831 г. 220 рабочих (из них 100 женщин) объявили о том, что они принимают сенсимонистскую веру. От 300 до 400 рабочих посещали занятия сенсимонистской школы, не выражая как-либо своего мнения об учении своих наставников¹⁷⁶. В октябре 1831 г. Фурнель, генеральный директор «Ступени рабочих» (такое название в сенсимонистской иерархии получило созданное специально для пролетариев объединение), рассказывал членам сенсимонистской церкви, что в их веру обратилось 330 посещающих занятия, а 151 человек собираются в недалеком будущем также исповедоваться и тем самым формально вступить в число неофитов¹⁷⁷. В большинстве своем слушателями сенсимонистских чтений в Париже были высококвалифицированные рабочие¹⁷⁸. Среди них был и Пьер Венсар. Он родился в 1820 г. на одной из узких парижских улочек, где ютились рабочий люд, мелкие торговцы, ремесленники. Еще подростком Пьер Венсар начал работать резчиком в ювелирной мастерской. В юные годы он, видимо, испытал большое влияние своего дяди, известного рабочего-шансонье Жюля Венсара. Жюль придерживался сенсимонистских убеждений и в 1833 г. даже возглавлял группу адептов этого социально-религиозного учения. Он ввел

совсем еще юного племянника в круг сенсимонистов. В 1837 г. вместе с тридцатью другими последователями «верховного отца» Анфантена Венсар-младший пожертвовал в пользу главы сенсимонистской церкви, путешествовавшего в то время по Египту, небольшую сумму.

Помимо публикаций, лекций, филантропической деятельности сенсимонисты обращали на себя внимание яркими афишами и торжественными, очень своеобразными процессиями по улицам Парижа. В афишах сенсимонисты возвещали о своих собраниях, балах, лекциях. Одна из таких афиш с крупным заголовком «Сенсимонистская религия» в конце 1831 г. украшала стену парижского Дворца правосудия. Она попала на глаза молодому ремесленнику и сочинителю песен Жюлю Венсару. Много лет спустя он вспоминал о том впечатлении, которое произвела эта афиша на публику, всегда толпившуюся вблизи Palais de Justice. «Эти слова («сенсимонистская религия». — *Е.К.*), отпечатанные крупным шрифтом, привлекали взгляды прохожих, и все высказывались по их поводу, удивленные странным сочетанием слова религия и имени святого, который не являл собой ничего необыкновенного по сравнению со многими другими, канонизованными католической церковью. — Большинство из тех, кто, подобно мне, целиком прочитал этот манифест, решили, что данный призыв к религиозному совершенствованию — еще одна уловка клерикальной партии, которая добивалась расширения своего влияния среди парижского люда»¹⁷⁹.

Ругань, споры, пересуды вызывали красочные процессии сенсимонистов. В начале 30-х годов они нередко проходили по городу в своих странных одеяниях: красных беретах, синих куртках с кожаными поясами, жилетах, застегивающихся сзади; у каждого на жилете было вышито его имя. «Несколько дней тому назад сторонники учения (Сен-Симона. — *Е.К.*) проходили недалеко от моего дома... — рассказывал в одном из своих писем в газету «*Von Sens*» рабочий-модельщик Стурм. — Они шли по двое, свободным и легким шагом, мирно, не заговаривая ни с кем из встречающих. Как вдруг на них обрушились мерзкие и оскорбительные насмешки, повод для которых был настолько же ложен, насколько и абсурден...»¹⁸⁰ Подобного же рода сцена описывалась в листовке, выпущенной человеком, не разделявшим убеждений сенсимонистов, но явно с благожелательным интересом относившимся к их философским поискам¹⁸¹.

Сенсимонисты пытались осуществить пропаганду своих идей и в других городах Франции. Их общины появились в Лионе, Тулузе, Монпелье, Марселе, Бресте и даже в Алжире. Известны попытки небольшой группы страсбургских сенсимонистов вести работу среди рабочих¹⁸².

Особенно большой активностью отличались лионские сенсимонисты. Так, им, видимо, удалось установить некоторые контакты с членами мютюзелистского общества ткачей. В апреле 1832 г.

посланный Анфантеном в Лион сенсимонистский миссионер Риб составил список лиц, достойных получать «Globe» (журнал сенсимонистов). В этом списке фигурировали и лидеры лионских мятежистов Буври и Шарнье. Сенсимонист и один из ближайших друзей Анфантена Арлес-Дюфур в 1832 г. сотрудничал в лионской газете «Echo de la fabrique», издававшейся на паях ткачами-хозяевами. В 1832 г. эта газета регулярно печатала сообщения о деятельности сенсимонистов в Лионе¹⁸³.

В январе 1833 г. несколько сенсимонистов, следуя призыву своего «отца» Анфантена переходить от теоретической к практической политике, нанялись в качестве простых рабочих в мастерские и на стройки Лиона. Спустя некоторое время в донесении лионской полиции отмечалось: «...Нескольким сенсимонистам удалось приискать себе работу в различных мастерских. Везде их появление вскоре ознаменовалось стачками или иными какими-либо беспорядками. Так совершенно справедливо им приписывается возмущение рабочих-литейщиков. Малоприспособленные к столь тяжелому труду, они (сенсимонисты. — Е.К.) убедили рабочих... в недостаточности заработка и необходимости его увеличения. Именно в этом причина коалиции, имевшей целью принудить хозяев повысить заработную плату»¹⁸⁴. С другой стороны, влияние сенсимонистской пропаганды на лионских рабочих отмечал столь объективный наблюдатель, как Л.-Р.Виллерме. В 1835 г. в Лионе в кабачках, которые посещались преимущественно ткачами, Виллерме приходилось слышать, как работники заявляли, что часть передаваемого по наследству имущества богачей должна переходить в общественную казну, в результате чего уменьшились бы налоги, а полезные учреждения получили бы дополнительные дотации. Так как подобные высказывания лионских пролетариев не раз доходили до слуха исследователя, то он пришел к выводу, что «сенсимонизм, сам того не желая, в некоторой степени подготовил печальные события... 1831 и 1834 гг.»¹⁸⁵

Верные пацифистским принципам своей доктрины, лионские сенсимонисты не встали ни на чью сторону в ноябре 1831 г. Правда, находясь в самой гуще событий, они продолжали пропаганду своих идей и в дни восстания. Двое из них — Пейфер и Франсуа — перевязывали раненых: и инсургентов, и солдат¹⁸⁶.

В начале 30-х гг. сенсимонисты добились широкой известности в среде наиболее грамотных, общественно активных пролетариев крупных городов и особенно Парижа. В значительной степени под влиянием сенсимонистской критики капитализма свободной конкуренции формировались общественные воззрения многих из тех работников, которые в конце 30-х и в 40-е годы составили кадры редколлегий уvrierистских газет «La Ruche Populaire», «L'Union», «Fraternité de 1845», «La Travail», «Atelier», тайных республиканских организаций¹⁸⁷, икарийского движения.

Рабочие брали из учения сенсимонистов то, что соответствовало их собственным смутным, внутренним устремлениям, но не желали создавать новую церковь. К тому же даже наиболее верные ученики сенсимонистов из рабочих с трудом воспринимали проповедь братской любви к капиталистам. Слишком уж эта любовь шла вразрез со всем жизненным опытом пролетариев. Так, С.Флаша, работник-сенсимонист, которого собирались назначить директором одного из подразделений в сенсимонистской иерархии, заявил одному из руководителей «Ступени рабочих»: «Отец мой, когда в прошлое воскресенье вы говорили о тяготах привилегированного класса... говорили, что он тоже страдает... рассказывали, что в его среде есть великодушные сердца, вы причинили мне такую боль, что я почувствовал себя неспособным выполнять те обязанности, которые вы собираетесь на меня возложить. Я рабочий и вы можете поставить меня как миротворца перед строем таких же, как я, рабочих, и в день восстания вы найдете меня живого или мертвого там, куда вы меня поставили, но если вы меня с той же целью поставите перед строем буржуа и они выступят с оружием в руках, я предупреждаю вас, я вырву у них штыки и, возможно, поверну это оружие против них самих. В моем сердце живет такая ненависть к привилегированным, что для меня просто невозможно обращаться к ним со словами мира, которым вы нас учите. С самого моего детства они мучили меня, и я их ненавижу столь же сильно, сколь и презираю. Так что я не чувствую в себе достаточно сил, чтобы стать директором округа»¹⁸⁸.

С интересом воспринимая идеи сенсимонистов об ассоциации, о новой морали, о необходимости отмены права наследования, рабочие ставили под сомнение их план преобразования мира. Упоования на возникновение новой вселенской церкви, которая путем обращения человечества в новую сенсимонистскую религию восстановит справедливость и органическое единство людей, представляли в виде утопии, утопии тем более сомнительной в глазах французских работников, что в душе у многих из них глубоко укоренился антиклерикализм. Церковь любого рода представлялась им институтом подозрительным.

Восприятие столь сложной и многогранной доктрины, как сенсимонизм, даже теми 200 или 300 рабочими, которые прямо объявили себя сенсимонистами, было противоречивым, часто неадекватным. Ж.Венсар считал, что «многие пролетарии, испытывая отвращение к жизни наемного работника, пришли к сенсимонизму с единственной надеждой — распрощаться навсегда со своим пролетарским прошлым»¹⁸⁹. В определенной степени с суждением Венсара совпадает вывод Д'Альмана, единственного исследователя, ознакомившегося с «исповедями» рабочих. Он писал: «В этих иногда наивных, но всегда искренних символах веры (*professions de foi*) ощущается стремление, приобщившись к новой вере, обрести в ней не только спасение, но и счастье в самом прямом смысле этого слова»¹⁹⁰. И Венсару, и Д'Альманю явно казалось,

что прозелиты из пролетариев надеялись через сенсимонизм прежде всего улучшить свое собственное положение.

Однако было бы ошибкой считать, что все рабочие-сенсимонисты приняли новую «веру» или просто посещали занятия в «Ступени рабочих» только ради индивидуального избавления от пролетарского статуса. Этому противоречит и пример самого Ж.Венсара, неутомимого подвижника в деле повышения интеллектуального уровня рабочих, и его племянника П.Венсара, и М.Бернара, коммуниста, возглавившего вместе с О.Бланки и А.Барбесом республиканское восстание 12 мая 1839 г.¹⁹¹, и рабочего публициста, автора первой демократической хартии французского пролетариата Ш.Беранже. Все четверо в начале 30-х годов, будучи в ту пору еще никому не известными работниками, пришли к сенсимонистам и приняли их веру. Явно не индивидуалистическими побуждениями руководствовались эти люди, отдавшие столько сил общественному делу.

¹⁹¹ Возникнув как плод творческих усилий одного или нескольких мыслителей, идеологическая система получает свое развитие и распространение благодаря пропагандистской деятельности самих идеологов и их непосредственных адептов, а также благодаря воспроизведению основных положений данной доктрины не только в сочинениях ее создателей и их последователей, но подчас и в произведениях ее противников. Ведь случается, что негативные опровержения нового учения имеют эффект, противоположный ожидаемому «опровергателями». Трудно проследить все пути распространения учения сенсимонистов. Во всяком случае, следует отметить, что сенсимонистские образы и понятия встречаются не только в текстах рабочих, приверженцев доктрины¹⁹². Многие идеи сенсимонистов: об организующей роли банковской системы, о распределении благ и обязанностей в соответствии с принципом компетентности, о необходимости религиозного обновления мира — или оставались пролетариям непонятными, или вызывали у них недоверие.

Отход еще в начале 30-х годов части интеллигентов и рабочих от сенсимонизма и обращение к фурьеризму, возможно, в некоторой степени объяснялись тем, что в социетарной теории Ж.Лешевалье, А.Трансон, Рокур, Д.Вере, Р.Гендорф¹⁹³ увидели логическое развитие и завершение сенсимонистской доктрины. В учении Фурье подкупало внимание к нуждам и потребностям каждого индивидуума. Возбуждала энтузиазм гармония человеческих отношений, которая должна была воцариться в фаланстерах. Общественный идеал, красочно описанный Ш.Фурье в полуфантастических и в то же время поразительно захватывающих трудах, отличался почти чувственной осязаемостью.

Привлекал рабочих и предложенный Фурье утопический способ перехода к лучшему устройству общества. Во всяком случае, некоторым он казался очень ясным и простым. В письме столярного подмастерья Лорана в редакцию газеты «Bon Sens» говори-

лось: «Я удивлен, что вы до сих пор ничего не сказали о системе Фурье, которую, мне кажется, можно легко и просто претворить в жизнь, так как Фурье вместо того, чтобы нападать на собственность, предлагает увеличить доходы богатых людей. Из его работ я знаю всего несколько номеров «Phalanstere». Но вы, господа, должно быть, читали и оценили все то, что есть хорошего в его системе. Почему бы вам не обратиться с призывом к вашим подписчикам? Я уверен, что вскоре были бы собраны необходимые средства для создания пробной фаланги. Я верю, что это лучший способ прийти к всеобщей ассоциации»¹⁹⁴.

Ш.Беранже в 1833 г. также проявил большой интерес к фурьеризму и, подобно Лорану, отмечал, что фурьеристская идея сельскохозяйственной ассоциации указывает практически возможный путь к улучшению материального положения рабочего класса и к переходу к лучшему социальному строю в целом¹⁹⁵. В 30-е годы пролетарии могли ознакомиться с идеями Фурье на основе его собственных сочинений и публикаций его учеников в журнале «Phalanstere». Есть сведения о газете фурьеристской направленности «l'Impartial», редакторы которой пытались привлечь к сотрудничеству в 1832 г. молодого типографского рабочего П.-Ж.Прудона, но он отказался¹⁹⁶. Изложению этого нового учения, как и характеристике сенсимонизма, посвящала свои страницы газета лионских ткачей «Echo de la fabrique». Мариус Шастен, главный редактор «Эко де ля фабрик», вплоть до мая 1833 г. (когда он основал «Эко де травайер») опубликовал несколько статей о фурьеризме. Относясь скептически к интеллектуальным экстравагантностям Шарля Фурье, в то же время Шастен поддерживал идеи мэтра об ассоциациях работников, о наделении каждого труженика минимумом всего необходимого. В сентябре, а затем в декабре 1833 г. верный ученик Фурье Бербрюгжер выступил в Лионе с лекциями о социетарной теории.

В сентябре 1833 г. в Париже на улице Сюлли ремесленник-гравер Фюжер открыл курс бесплатных и общедоступных лекций о социетарной теории. Лекции проводились по вечерам в помещении мастерской Фюжера¹⁹⁷. Время от времени устраивались банкеты для рабочих, симпатизировавших идеям фурьеризма. Председательствовал на них обычно Виктор Консидеран¹⁹⁸, наиболее активный и талантливый из учеников Фурье. К сожалению, ни о характере этих банкетов, ни о численности присутствовавших на них рабочих сведений не сохранилось. Идеи Фурье подчас пропагандировались и через художественную литературу.

В 1837 г. был опубликован роман «Ложь» Рэймона Брюккера, писателя, вышедшего из рабочей среды. Среди действующих лиц: бывший офицер-республиканец, спекулянт-либерал и врач-фурьерист. В их споре симпатии автора явно на стороне врача Делабержа, который доказывает превосходство фурьеристской доктрины над принципами либерализма и над «кровавыми» методами левых республиканцев и лионских инсургентов 1834 года¹⁹⁹.

Отход рабочих от сенсимонизма шел не только к сторонникам Фурье и коммунистических идей. Небольшое число парижских рабочих проявили интерес к позитивизму Огюста Конта, который все более склонялся к созданию новой религии²⁰⁰. В 30—40-х годах появились во Франции первые группы рабочих — сторонников социального католицизма. Еще в декабре 1829 г. от сенсимонистской школы отделился П.Ж.-Б.Бюше²⁰¹, который создал свою школу. Школа начала пропаганду идей своего учителя: были открыты публичные курсы на улице Шабане (Chabanais) и запущено издание журнала «l'Europeen». Журнал выходил с декабря 1831 по октябрь 1832 г., затем после перерыва с октября 1835 по сентябрь 1838 г. Под влиянием Бюше был создан в 1834 г. производственный кооператив. Но главным детищем рабочих — сторонников этого мыслителя стал выпуск газеты «l'Atelier»²⁰². Ее авторами и редакторами были исключительно рабочие. О своих симпатиях к доктрине Бюше они откровенно не заявляли, что за них сделал их идеологический оппонент, автор знаменитого романа «Икаррия» Э.Кабе, опубликовавший специальную брошюру с критикой доктрин новой рабочей газеты. «l'Atelier» защищала работников, попадавших на скамью подсудимых за участие в стачках, критиковала правительство Гизо, призывала к проведению демократической реформы избирательной системы. В февральские дни 1848 г. редакторы «Ателье» с оружием в руках вышли на баррикады.

В конце 30-х и в 40-е годы XIX в. в среде рабочего класса продолжалось распространение сенсимонистских и фурьеристских идей. Хотя сенсимонистская церковь распалась и большая часть ее приверженцев отказалась от своих прежних убеждений, глубокая критика капитализма свободной конкуренции, некоторые черты социалистического идеала менильмонтанских мудрецов продолжали привлекать людей.

В декабре 1839 г. после самороспуска сенсимонистской церкви группа рабочих во главе с Венсаром-старшим начала издавать газету «Ruche Populaire» («Народный улей»). Большинство членов ее редакции в прошлом входили в сенсимонистскую «Ступень рабочих»²⁰³. Однако газета не стала рупором сенсимонизма, а явилась просто органом группы рабочих, искавших пути улучшения жизни не только для себя, но и для всех бедных и обездоленных. Помимо сенсимонистов, в комитет, призванный осуществлять руководство газетой, вошли рабочие — последователи Фурье, примкнули к нему и некоторые сторонники коммунистических идей²⁰⁴. Директором издания стал Жюль Венсар. Именно в «Ruche populaire» были опубликованы первые статьи Пьера Венсара. Сам Ж.Венсар, как и его племянник Пьер, вплоть до конца 30-х годов не только сохранили верность сенсимонистским идеалам, но и личную привязанность к «отцу» Анфантену. В 1838 и даже в 1839 г. продолжа-

до еще существовать объединение сенсимонистов, о чем свидетельствуют списки внесших взнос в общую кассу. Каждый список (всего их известно пять) начинался словами: «Подписной лист пролетариев в пользу Отца». Под тремя списками стоят даты: 8 августа 1837 г., 8 февраля 1838 г. и 8 августа 1839 г. В списке 1837 г. указан 31 человек, среди них — будущие редакторы «Ruche Populaire» Л.-М.Понти и оба Венсара. В списке 1839 г. — всего 11 фамилий, и уже нет ни П.Венсара, ни Понти²⁰⁵.

Возможность изменения социально-политической системы Франции сугубо мирным путем представлялась Пьеру Венсару все более сомнительной. Не прекращая отношений с товарищами, группировавшимися вокруг «Ruche populaire» и сменившей ее газетой «Union» («Союз»), Венсар завязывает новые знакомства среди более радикально настроенных рабочих. Вскоре, после конфликта с редакционным комитетом газеты, отказавшимся поместить его статью, Венсар уходит из «Ruche populaire» и становится сотрудником газеты «Fraternité de 1845», выступавшей с позиций коммунизма необабувистского толка.

Если сенсимонистское движение после расколов 1830—1832 гг. и судебного процесса над его руководителями явно пришло в упадок и слабые попытки нескольких энтузиастов не могли его возродить, то фурийеризм вплоть до революции 1848 г. сохранялся именно как движение. Его усилению, в частности, способствовало то, что, как указывалось, некоторые сенсимонисты пересмотрели свои взгляды и стали активными проповедниками учения Фурье.

После смерти Фурье в 1837 г. признанным главой этой школы стал В.Консидеран, человек, не отличавшийся интеллектуальной и бытовой экстравагантностью, но зато гораздо лучше мэтра разбиравшийся в текущей политике. Современники, впрочем, и как теоретика оценивали Консидерана очень высоко. Об этом говорит хотя бы свидетельство его интеллектуального конкурента Б.П.Анфантена. «Мой дорогой Консидеран, — обращался к нему в октябре 1834 г. духовный вождь сенсимонистов, — я ожидал твою книгу с нетерпением и вот теперь, наконец, прочитал ее с огромным интересом (речь идет о книге: *Destinée sociale*. Т. I—III. Р., 1834. — Е.К.)... это, безусловно, вещь захватывающая и убедительная. Без сомнения, до сих пор ничего лучше не было написано в защиту социетарной теории... Я бесконечно восхищен критической частью твоей работы (рассмотрением основных пороков современного общества); мне понравились все главы о развитии цивилизации, интересно все, что ты говоришь об ассоциации...»²⁰⁶ И все же прежде всего Консидеран был практиком-пропагандистом. Он находил деньги для издания трудов Шарля Фурье, публикуя те, которые считал нужными и отсекая слишком эпатажные с точки зрения общественного мнения середины XIX века²⁰⁷. Красочные фантазии мэтра, мечтавшего о всеобщей гармонии и проводившего свободное время в обществе лесбиянок, Консидеран превращал в идеологию. Он сумел наладить регулярный выпуск фурийеристских

изданий: брошюр, различных популярных экспозе, журнала. Наибольшее значение из них имела газета «*Démocratie pacifique*». В середине 40-х годов за месяц распространялось от 41 до 77 тыс. экземпляров этой газеты²⁰⁸.

Поддерживали контакты с рабочими и фурьеристы, настроенные оппозиционно по отношению к Консидерану, входившие преимущественно в Гармонический союз Я.Чинского. Рабочие-фурьеристы этого объединения в июне 1838 г. приобрели на кооперативных началах пекарню, которая в своем первоначальном социетарном виде просуществовала около трех лет²⁰⁹.

К 40-м годам относится попытка создать социетарную промышленную ферму. О чем возвещала выпущенная в парижской типографии Лакура листовка. Средства для создания фермы искали управляющие дома промышленного обучения в Ментре (*Main-tre*) господина Жоанн (*Joanne*) и Жевен (*Geavain*)²¹⁰.

Группы фурьеристов имелись в провинции: в Реймсе (деп. Марна), Вьенне (деп. Изер). В 1848 г. в Гренобле образовался Социетарный клуб, куда входили и лица физического труда²¹¹. Либеральный экономист А.Одиганн отмечал, что в годы революции 1848 г. в Седане среди рабочего населения наряду с идеями Луи Блана получил распространение и фурьеризм. Рабочие даже создали кооперативную лавку под названием «социетарная бакалея»²¹².

Хотя распространение фурьеризма и сенсимонизма продолжалось в 40-е годы, тем не менее обе эти доктрины постепенно оттеснялись на второй план интеллектуальной жизни Франции.

Начиная с 1840 г., с публикации быстро ставшего знаменитым памфлета «Что такое Собственность?», растет популярность и влияние Прудона. В сороковые годы выходят одна за другой его работы: в 1842 «Предупреждение собственникам» (или письмо к Консидерану), «Порождение Порядка в Человечестве» (1843), «Система экономических противоречий. Философия Нищеты» (1846). В конце 1847 г. Прудон начал издавать ежедневную газету «*Le Peuple*», вскоре переименованную в «*Le Representant du Peuple*». Но как утверждали современники: писатель-социалист Э.Сю, пролетарий, участник июньского восстания 1848 г. Пенар, умеренный республиканец Э.Пельган²¹³ — в 40-е годы наибольшей популярностью среди рабочих пользовались икарийский коммунизм Э.Кабе и социалистическое учение Л.Блана²¹⁴. Что касается Кабе, соглашался с этим мнением и префект департамента Сена Делессер. Он представил королю длинный список «зловредных книг», который начинался с брошюрок Кабе, которые, по словам префекта, «распространялись с бесконечной настойчивостью». Далее среди книг, имевших социалистическую направленность и оказывавших наибольшее влияние на народ, Делессер отметил «Евангелия» Ламенне, «Истинное христианство» Кабе, «Организацию свободы и всеобщего благополучия» Дезами, «Экономические противоречия» Прудона, «Очерк о свободе, рассматриваемой как принцип и цель человеческой деятельности» Д.Стерн²¹⁵.

Мнение Пенара дошло до нас в пересказе рабочего-активиста времен Третьей республики, который записал рассказ ветерана пролетарской борьбы начала XIX в. Пенар говорил: «Среди рабочих было в то время много коммунистов... Но нельзя было найти двух рабочих, которые понимали бы коммунизм одинаковым образом. В 40-х годах среди рабочих были и фурьеристы, и сенсимонисты, последователи Пьера Леру, Видаля и Пеккера, а больше всего рабочие шли за Луи Бланом и Кабе»²¹⁶. В Кабе видели возможного союзника молодые коммунисты из Германии. Один из них, доктор Эвербек, предлагал Карлу Марксу в июне 1847 г.: «...Установить более тесное взаимодействие со стариком Кабе. Я придерживаюсь этого мнения, — убеждал он Маркса. — Так как я полагаю, что я порядком знаю старого сатану. Лучше всего, если бы ты, выказав самую минимальную вежливость, подписался на его "Populaire", когда он станет еженедельником... Не удивляйся моему предложению, это произведет на Кабе благоприятное впечатление. Мне кажется, он считает себя и нас союзниками в борьбе против фурьеристов и прудонистов. Так как теперь обстоятельства не дают нам возможности сблизиться с ним каким-либо впечатляющим образом, то я думаю, что подписка для подобных добрых господ старого закала — наилучший ход»²¹⁷.

В немалой степени популярность икарийской доктрины объяснялась большой известностью во Франции личности самого Э.Кабе. После Июльской революции Кабе некоторое время на Корсике исполнял обязанности генерального прокурора. С 1831 по 1834 г. он являлся одним из самых левых членов палаты депутатов. Уже в те годы Кабе отличался пониманием значения политической пропаганды и широкого просвещения народа. В мае 1833 г. он писал редактору органа лионских ткачей «Echo de la fabrique», что, создавая историю революции 1830 г., надеялся представить сочинение, полезное народу. Руководствуясь этой же целью, он постарался второе издание книги выпустить очень значительным для того времени тиражом — 12 тыс. экземпляров²¹⁸. После возвращения Кабе из эмиграции в 1839 г. на него вновь вскоре обратились взоры грамотных рабочих, особенно парижан. С позиций истинного демократа Кабе повел непримиримую борьбу против проекта построения фортов вокруг Парижа, против сверхосторожной внешней политики Луи-Филиппа, против все более смещавшейся вправо газеты «чистых» республиканцев «National». Часть рабочих считала Э.Кабе «народным заступником» еще до того, как он опубликовал в 1840 г. свой знаменитый роман «Путешествие в Икарию».

Весной и летом 1839 г. Кабе безвыездно жил в Дижоне. Тем не менее вскоре после республиканского восстания 1839 г. одна консервативная газета сообщила, что он незадолго до «беспорядков» несколько раз предпринимал подозрительные поездки в Париж. Редакция газеты явно желала внушить своим читателям мысль о причастности Кабе к восстанию²¹⁹.

Вся предшествующая деятельность Кабе и сложившееся о нем мнение способствовали тому, чтобы его коммунистическая проповедь была встречена рабочими с большим интересом. Популярности икарийского коммунизма немало способствовал и тот факт, что Кабе излагал свои взгляды очень простым, понятным языком. Он умел привлекать к себе людей и подчинять их своей воле. Тот же Эвербек предостерегал Маркса: «Энгельсу самому не стоит вступать с Кабе в более близкий контакт; за 4 недели одно свидание, не более, а не то черт его ухватит»²²⁰.

С 18 марта 1841 г. Кабе начал издавать газету «Populaire». В 1846 г. тираж ее в среднем равнялся 3500 экземпляров. Число постоянных подписчиков достигало 2745. Известен социальный статус 497 подписчиков: из их числа приблизительно 85% приходилось на рабочих²²¹. Накануне революции 1848 г. в Лионе насчитывалось 252 подписчика «Populaire», во Вьенне (деп. Изер) — 62, в маленьком Живоре (деп. Рона) — 24²²². Эвербек, возглавлявший до января 1850 г. парижскую общину Союза коммунистов²²³, писал о Кабе: «Совершенно ясно, что каждодневно он расширяет свою деятельность. Все рычания Прудона и Грюна бессмысленны, как бы последний не возмущался, что «Популер» идет, а газета Прудона топчется на месте»²²⁴.

Сторонники икарийского коммунизма представляли собой своеобразное объединение, духовным вождем и одновременно верховным главой которого являлся сам Э.Кабе. Значительные группы икарийцев были в 22 городах Франции, в том числе в таких крупных центрах промышленности, как Мюлуз, Руан, Рив-де-Жье²²⁵. В каждой группе имелся один или несколько постоянных корреспондентов Кабе. Благодаря письмам своих единомышленников он мог постоянно следить за ходом коммунистической пропаганды в провинции. Так, его гренобльский корреспондент Гонтье сообщал об успехе брошюры Кабе «Guide du Citoyen» и просил подготовить еще одно издание. Кабе тут же откликнулся на это предложение²²⁶. Икарийцы поддерживали в финансовом отношении газету «Populaire». Кабе писал Гонтье в Гренобль, что он разослал всем своим корреспондентам циркуляр, цель которого — собрать для залога за газету как можно большую сумму²²⁷.

Сторонники Кабе в Тулузе активно участвовали в июле 1841 г. в выступлениях против переписи. Местные лидеры икарийцев: мастер-камнерез Этьен Роллан и столяр Жозеф Сагансан, в ходе волнений привлекли внимание множества строительных рабочих к коммунистическим идеям. Через год икарийцы вывели около 600 рабочих на демонстрацию, требуя, чтобы был отслужен торжественный молебен по убитому во время бунта против переписи. Полиция заподозрила тулузских коммунистов в подготовке вооруженного восстания, в 1843 г. были проведены аресты. Икарийцы отвергли предложения республиканцев либерального крыла по оказанию юридической помощи и пригласили Э.Кабе в качестве своего защитника, добившись тем самым еще большего привлече-

ния внимания к доктрине своего вождя и учителя, хотя Кабе и не разрешили выступить на суде²²⁸. Мирный икарийский коммунизм способствовал формированию политической культуры, ориентированной на ниспровержение существовавшего социально-экономического строя. Это хорошо понимали полицейские чиновники по долгу службы, следившие за пропагандистской и теоретической деятельностью Этьена Кабе. Так в аналитической записке, подготовленной в полиции в январе 1848 г. говорились: «...Утопии Кабе внушают рабочим глубокое отвращение к их статусу и положению, а также вызывают в них ненависть к иерархической организации общества, в котором им приходится жить. Подобные теории активно расшатывают общество, и какие бы предосторожности Кабе не принимал в своих сочинениях, рекомендуя своим сторонникам не прибегать к мятежам... люди, которых убеждают в том, что общественные учреждения им враждебны, весьма предрасположены к тому, чтобы стать революционерами»²²⁹.

Связь между икарийцами сохранялась и в период Февральской революции. Икариец А.Понсе 27 апреля 1848 г. сообщал Кабе из Лиона: «...Наша доктрина теперь как никогда подвергается нападкам со стороны слепцов и злонамеренных людей». С целью противодействия этим нападениям он предлагал в каждом крупном городе, и особенно в Лионе, основать чисто коммунистический клуб, но допускать туда и коммунистов — сторонников других систем. Понсе считал, что свободные дискуссии в этих клубах будут способствовать распространению доктрины²³⁰.

Созданное Кабе объединение пролетариев, несмотря на его разветвленность и продолжительность существования, было, как и сенсимонистская «Ступень рабочих», образованием довольно эфемерным. Хотя в отличие от Анфантена Кабе не претендовал на звание «верховного отца», по существу он был для икарийцев не менее авторитарным главой, чем Анфантен для сенсимонистов. Более того, Анфантен никогда не прибегал к такой ожесточенной критике в адрес сенсимонистов, выражавших свое несогласие с его мнением, какую очень часто обрушивал на головы слушников Кабе. Так, своими резкими ответами в «*Rapports*» он, по существу, заставил замолчать типографского рабочего Марколино-Пра, который выступил против проекта создания икарийской колонии в Америке²³¹. Объединение рабочих-икарийцев могло эволюционировать только в той степени, в какой был способен к развитию его глава Э.Кабе.

В 30-е и особенно 40-е годы XIX в. все большее влияние в рабочей среде получали идеи революционного коммунизма. Еще в 1830 г. в Париже была опубликована книга Ф.Буонаротти «Заговор во имя равенства». Десять лет спустя Г.Гейне среди книг, читаемых парижскими рабочими, наряду с сочинениями Робеспьера и Марата, называл «Учение и заговор Бабефа» Буонаротти, а также пасквиль Корменена, «Историю революции» Кабе²³². Именно знакомство с книгой Буонаротти сделало из лионского ткача

Ж. Бенуа коммуниста. В год обращения его в «новую веру» Бенуа работал в Кальюиере, небольшом селении близ Лиона, там он и пытался излагать знакомым работникам принципы учения Бабефа, но не встретил понимания²³³. Все же в 1835—1836 гг. появилась группа рабочих-коммунистов, основной целью которой являлась пропаганда «нового» учения. Эта группа впоследствии оформится в виде тайного «Общества цветов». На рубеже 30—40-х годов в Лионе и его окрестностях возникли тайные коммунистические общества «Будущее» и «Реформированные карбонарии»²³⁴. Рабочие могли ознакомиться с идеями бабуизма не только благодаря книге Буонаротти. С сентября 1837 по март 1840 г. выходила газета Лапоннерэ «Intelligence», в которой с большим сочувствием и довольно подробно излагалась эта коммунистическая доктрина. Систематическую легальную пропаганду идей революционного коммунизма вести не удавалось. Все газеты этого направления «L'Egalitaire», «Humanitaire», «Fraternité de 1841» в Париже, «Travail» в Лионе — издавались очень незначительными тиражами и существовали недолго²³⁵. Тем большее значение приобретали банкеты, которые устраивались коммунистами. На Бельвилльском банкете 1 июля 1840 г. присутствовало более тысячи рабочих, вслед за ним прошли коммунистические митинги подобного же рода в Лионе и Руане²³⁶.

К 1848 г. часть (следует добавить: часть, которая исчислялась тысячами) грамотных работников крупных городов, особенно Парижа и Лиона, придерживалась коммунистических и социалистических убеждений. Сравнительная малочисленность этой группы не должна вводить в заблуждение. То были образованные, активные, часто самые влиятельные пролетарии. В принципе они могли повести за собой широкую массу рабочего класса. И действительно это случилось в июне 1848 года²³⁷.

Не говоря уже о доктринах Дезами, Бланки, Прудона, Пийо, даже пацифистские теории Кабе, Фурье, Сен-Симона и его учеников несли в себе большой революционный заряд. Все эти утописты стояли на позициях неприятия существовавших общественных порядков. Они заявляли, что общество должно быть изменено самым радикальным образом и как можно скорее. Подобные утверждения способствовали революционизированию сознания рабочих. Но как соотносились искренние желания помочь пролетариям и стремления с их помощью обрести власть и влияние трудно определить. Июньское восстание закончилось поражением, проверку властью пришлось проходить другим идеологам в другую эпоху и в другой стране.

¹ Schnitzler J.-H. Statistique générale de la France, comparée aux autres grandes puissances de l'Europe. T. I. P., 1846. P. 329, 333.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 44. С. 5.

³ Hugo A. France pittoresque. T. III. P., 1835. P. 43.

⁴ Perdiguier A. *Memoires d'un compagnon*. Moulins, 1914. P. 70, 83, 84; Office du travail. *Le placement des employés, ouvriers et domestiques*. P.—Nancy, 1893.

⁵ *Democratie pacifique*. 23.7.1844; *Reforme*. 7.11.1847.

⁶ Bonnet S. et al. *Les «uvages» de Futeau, verriers et bucherons d'Arbonne aux XVIII et XIX siècles* // *Mouvement social*. 1966. № 57; Garmy R. *La «ine aux mineurs» de Rancié. 1789—1848*. P., 1943. P. 50.

⁷ См.: Тарле Е.В. *Соч.*: В 12 т. Т. 6. М., 1959. С. 196; Fasel G. *Urban Workers in provincial France* // *International Review of Social History*. 1972. № XVIII. Part 3. P. 665.

⁸ Nadaud M. *Mémoires de Leonard, ancien garçon maçon*. Bourgneuf, 1895. P. 94.

⁹ Perdiguier A. *Op. cit.* P. 74.

¹⁰ *Ibid.* P. 137—138.

¹¹ *Reforme*. 12.6.1845.

¹² *Gazette des Tribunaux*. 13.11.1831; 7—8.3.1831.

¹³ Perdiguier A. *Op. cit.* P. 60.

¹⁴ Perdiguier A. *Les compagnons du devoir. Origine, causes des dissensions, reconciliation générale*. P., 1848. P. 5.

¹⁵ См.: Потемкин Ф.В. *Лионские восстания 1831 и 1834 гг.* М., 1937. С. 114—115; Coornaert E. *Les compagnonnages en France du moyen âge à nos jours*. P., 1966. P. 6.

¹⁶ Perdiguier A. *Mémoires d'un compagnon*. P. 141.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/6. Л. 29—30; Agulhon M. *Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique. Toulon de 1815 à 1851*. P.—La Haye, 1970. P. 115.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 9/6. Л. 30.

¹⁹ Vidalenc J. *Le peuple des villes et des bourgs*. P., 1973. P. 356.

²⁰ *Bon Sens*. 14.10.1832.

²¹ Характеризуя структуру рабочей силы на мануфактуре, К.Маркс писал: «Хотя мануфактура создает... наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным в силу преобладающего значения первых» (Маркс К. и Энгельс Ф. *Соч.* Т. 23. С. 379).

²² Бигаро и бруля — названия враждовавших группировок рабочих, уроженцев департамента Крез.

²³ Perdiguier A. *Mémoires d'un compagnon*. P. 125; Perdiguier A. *Les compagnons du devoir*. P. 10—11.

²⁴ См.: Courtheoux J.-P. *Naissance d'une conscience de classe dans le proletariat textile du Nord? 1830—1870* // *Revue économique*. 1957. Janvier. № 1. P. 129—130.

²⁵ Leuilliot P. *Vie et mentalité ouvrière en Alsace au XIX siècle* // *Revue d'Alsace*. 1948. Vol. 88. P. 214.

²⁶ Agulhon M. *Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique: Toulon de 1815 à 1851*. P., — La Hague, 1970. P. 131.

²⁷ *Gazette des Tribunaux*. 3—4.1.1831.

- 28 *Gazette des Tribunaux*. 7.9.1830.
- 29 См.: Benoist L. Les compagnons de «Tour de France» P., 1971. P. 73.
- 30 См.: Молок А.И. Восстание рабочих Марселя 22—23 июня 1848 года // Новая и новейшая история. 1965. № 1. С. 76.
- 31 *Gazette des Tribunaux*. 3.3.1831.
- 32 *Gazette des Tribunaux*. 4.3.1831.
- 33 *Gazette des Tribunaux*. 23.2.1831.
- 34 Вильпен Д. де. Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003.
- С. 32.
- 35 *Bon Sens*. 3.2.1833.
- 36 *Bon Sens*. 2.9.1832.
- 37 *Bon Sens*. 23.9.1832.
- 38 *Bon Sens*. 30.9.1832.
- 39 *Bon Sens*. 3.2.1833.
- 40 *Bon Sens*. 2.6.1833, supplement.
- 41 *Bon Sens*. 9.12.1832, supplement.
- 42 *Bon Sens*. 23.9.1832.
- 43 *Bon Sens*. 3.3.1833.
- 44 *Reforme*. 8.8.1844.
- 45 Цит. по: Garmy R. Op. cit. P. 45.
- 46 Garmy R. Un mythe: «La mine aux mineurs» de Rancié (Ariège) de 1805 à 1848 // *Mouvement social*. 1963. № 43. P. 34.
- 47 Newman E. What the crowd wanted in the French Revolution of 1830 // 1830 in France. NY—L., 1975. P. 21.
- 48 *Gazette des Tribunaux*. 12.1.1831.
- 49 *Reforme*. 30.6.1845.
- 50 *Bon Sens*. 14.10.1832.
- 51 *Bon Sens*. 11.11.1832.
- 52 *Bon Sens*. 9.12.1832, supplement.
- 53 Цит. по: Bruhat H. Le mouvement ouvrier français au début du XIX siècle et les survivances d'Ancien Régime // *Pensée*. 1968. № 142 P. 48.
- 54 Dautry R. Compagnonnage par les compagnons du tour de France. P., 1951. P. 44.
- 55 Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 118—119.
- 56 Beranger Ch. *Petition d'un proletaire à la Chambre des Deputés*. P., 1831. P. 13.
- 57 *Bon Sens*. 9.9.1832.
- 58 Ibid.
- 59 *Reforme*. 9.10.1847.
- 60 *Bon Sens*. 14.10.1832.
- 61 Ibid.

⁶² Echo de la Fabrique. 16.6.1833. (Цит. по: Bezucha R. The Lyon uprising of 1834. Social and Political Conflict in the Early July Monarchy. Cambridge, 1974. P. 216. Подстрочный перевод).

⁶³ Bon Sens. 7.7.1833, supplement.

⁶⁴ Beranger Ch. Op. cit. P. 12—13.

⁶⁵ Bon Sens. 11.11.1832.

⁶⁶ Les patrons, les ouvriers et l'état. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. P., 1912. Т. 1. P. 57.

⁶⁷ Цит. по: Вильпен Д. де. Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003. С. 65.

⁶⁸ О значительном влиянии бонапартизма в среде французских рабочих 30-х годов свидетельствуют материалы «Gazette des Tribunaux» от 7.1.1831, 8.1.1831, 6.3.1831, 18.3.1831, а также десятки полицейских донесений и воспоминаний современников, выявленных американским историком Э.Ньюменом, который специально изучал политические настроения народных масс в период революции 1830 г. (Newman E. What the Crowd Wanted in the French Revolution of 1830 // 1830 in France. NY—L., 1975; см. также: Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Т. I. P., 1964. P. 265).

⁶⁹ Gazette des Tribunaux. 7.1.1831.

⁷⁰ Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. Т. I. М., 1978. С. 241.

⁷¹ Подобная противоречивость в определенной мере объяснялась социальной неоднозначностью политики самого Наполеона.

⁷² Как уже отмечалось, в XVIII в., а возможно и ранее, партикуляристское сознание не исключало полностью сознание макрогрупповое. Просто представление о микрогрупповом «мы» отличалось гораздо большим постоянством и интенсивностью по сравнению с представлением о причастности индивида к той или иной макрогруппе: народу, нации, классу. С этой точки зрения становление популистского и классового типов сознания следует рассматривать как процесс постепенного возрастания в глубинах рабочего сознания значения макрогрупповых представлений и ценностей в ущерб микрогрупповым.

⁷³ Un ouvrier en 1820. Manuscrit inedit de Jacques Etienne Bédé. P., 1984. P. 13.

⁷⁴ La parole ouvriere... P. 215.

⁷⁵ Sewell W.H. Work and Revolution in France. The Language of Labor from the Old Regime to 1848. Cambridge University Press, 1980. P. 198.

⁷⁶ Изложение учения Сен-Симона. М.—Л., 1947. С. 244—245.

⁷⁷ Сенсимонисты вслед за своим учителем мечтали об ассоциации всех деятельных профессионалов: банкиров, промышленников, рабочих. А свою ассоциацию они подчас называли государством: «Перенесемся в новый мир. Там выбор предприятий и судьбу трудящихся определяют уже не отдельные собственники, не капиталисты, по своим привычкам чуждые промышленному труду. Этими функциями, столь плохо выполняемыми в настоящее время, облечено общественное учреждение, оно является хранителем всех орудий производства, оно стоит во главе всей материальной эксплуатации, благодаря этому оно

занимает позицию, с которой можно сразу обозреть все стороны промышленной мастерской. Посредством своих разветвлений оно вступает в контакт со всеми местностями, со всеми видами промышленности, со всеми работниками (Изложение учения Сен-Симона. М.—Л., 1947, 253—254. С. 253—254).

⁷⁸ В период Реставрации слово «пролетарий» употреблялось еще очень редко. Одно из первых упоминаний известных нам относится к 1817 г: тогда в «*Journal de Commerce*» (4.08.1817) появилось изложение брошюры «Письмо пролетария к господам избирателям».

⁷⁹ *La chanson française. Le pamphlet du pauvre (1834—1851)*. P., 1957; *La parole ouvrière 1830—1851*. P., 1976.

⁸⁰ *Les patrons, les ouvriers et l'état*. P., 1912. P. 9—11.

⁸¹ *Bon Sens*. 14.10.1832.

⁸² *Bon Sens*. 5.5.1833.

⁸³ *Ibid*.

⁸⁴ *Bon Sens*. 9.12.1832.

⁸⁵ *Bon Sens*. 5.5.1833, supplement.

⁸⁶ *Bon Sens*. 7.4.1833, supplement.

⁸⁷ *Bon Sens*. 9.12.1832, supplement.

⁸⁸ *Bon Sens*. 23.9.1832.

⁸⁹ Цит. по Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 92, 678.

⁹⁰ *Bon Sens*. 7.4.1833, supplement.

⁹¹ *Bon Sens*. 4.11.1832; *La chanson française...* P. 110—112.

⁹² В автобиографических заметках П.-Ж.Прудон рассказывал о своем отце, небогатом пивоваре из Безансона: старик продавал пиво почти по себестоимости, не стремясь получить причитавшегося ему за труд, и в конце концов разорился (*Carnets de P.-J. Proudhon*. Vol. I. 1843—1846. P., 1960. P. 4—5).

⁹³ *Bon Sens*. 9.12.1832, supplement. Спустя 13 лет о мошенничестве тех же парижских булочников будет писать в «*Atelier*» (1845. № 1) другой рабочий.

⁹⁴ *Reforme*. 21.8.1845.

⁹⁵ *La chanson française...* P. 29. (Подстрочный перевод).

⁹⁶ Pulbeam P. Popular violence in provincial France after the 1830 Revolution // *English Historical Review*. 1976. Vol. 91. № 359.

⁹⁷ *Atelier*. 1846. Octobre. № 1.

⁹⁸ Чаще всего «маленькие хитрости» хозяев становились предметом разговоров только среди обманываемых ими рабочих и их близких, но иногда дело доходило до суда, и тогда во всеуслышание раздавались голоса о бесчеловечном отношении к самому нуждающемуся классу. Именно в таких выражениях говорил на процессе в Бельфоре в июне 1836 г. заместитель прокурора, когда судили пятерых мясников за систематическое обвешивание покупателей (*Gazette des Tribunaux*. 20—21.6.1836).

⁹⁹ *Histoire de Bordeaux*. Т. 6. Bordeaux au XIX siècle. Bordeaux, 1969. P. 79.

- ¹⁰⁰ Le Yaoung J. Trajectoires sociales à Paris au XIX siècle: le monde de la boutique // Centre Pierre Leon d'histoire économique et sociale. Bulletin. 1993. № 4. P. 26—27.
- ¹⁰¹ Bon Sens. 11.11.1832.
- ¹⁰² Bon Sens. 7.4.1833, supplement.
- ¹⁰³ Aminzade R. Ballots and Barricades. Class formation and republican politics in France, 1830—1871. Princeton—New Jersey, 1993. P. 74.
- ¹⁰⁴ Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie. T. I. P., 1903. P. 664.
- ¹⁰⁵ Chassagne S. et al. Les ouvriers de la manufacture de toiles imprimées d'Oberkampf à Jony-en-Joses (1760—1815) // Mouvement social. 1976. № 97.
- ¹⁰⁶ Reforme. 20.9.1847.
- ¹⁰⁷ La parole ouvrière... P. 63.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 67.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 81.
- ¹¹⁰ Atelier. 1846. Mai. № 8.
- ¹¹¹ Ibid.
- ¹¹² La chanson française... P. 92 (Перевод Е.Райской).
- ¹¹³ Atelier. 1846. Juin. № 9.
- ¹¹⁴ Reforme. 19.8.1845.
- ¹¹⁵ Мишле Ж. Народ. 1965. С. 54.
- ¹¹⁶ Цит. по: Rioux J.-P. La révolution industrielle. 1780—1880. P., 1974. P. 176.
- ¹¹⁷ Gazette des Tribunaux. 28,12.1835; 30.1.1836.
- ¹¹⁸ Bon Sens. 30.9.1832.
- ¹¹⁹ Bon Sens. 13.1.1833.
- ¹²⁰ Bon Sens. 2.1.1835; Zeldin Th. France 1848—1945. Ambition, Love and Politics. Oxford, 1973. P. 198—199.
- ¹²¹ Подобного рода расчет приводил иногда к кровавым драмам. Так, зимой 1834 г. в г. Вилльфранше, услышав, что хозяин отказывается подписать ему книжку, обреченный на голодную смерть ситцепечатник ударом ножа отправил патрона на тот свет (Bon Sens. 10.1.1835).
- ¹²² Подсчитано на основании: Aguet J.-P. Les grèves sous la monarchie de juillet. (1830—1847). Geneve, 1954.
- ¹²³ См.: Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 2. М., 1971. С. 77—91, 173—178, 184—188.
- ¹²⁴ Aguet J.-P. Op. cit. P. 315, 320.
- ¹²⁵ Gazette des Tribunaux. 1.5.1844.
- ¹²⁶ Gazette des Tribunaux. 13.6.1839; 12.10.1843; Reforme. 21.8.1845.
- ¹²⁷ Perdiguier A. Les compagnons du devoir. P. 6—7.
- ¹²⁸ Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1959. Т. 6. С. 117—119.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 101—102; Marillier J. Pierre Moreau et l'Union // Actualité de l'Histoire. 1953. № 5; Puech J. La vie et l'oeuvre de Flora Tristan. P., 1925. P. 127, 141—146.

¹³⁰ Coornaert E. Les compagnonnages en France... P. 75.

¹³¹ Dautry R. Compagnonnage par les compagnons... P. 45.

¹³² Gerando A. de. De la bienfaisance publique. Vol. III. P., 1839 P. 91.

¹³³ Ibid. P. 90.

¹³⁴ Audiganne A. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX siècle. Vol. I. P., 1854. P. 33—36, 45.

¹³⁵ Bopp M.-J. L'oeuvre sociale de la haute bourgeoisie haut-rhinoise // La bourgeoisie Alsacienne. Strasbourg, 1967. P. 392; Coornaert E. Les compagnonnages... P. 64.

¹³⁶ Aguet J.-P. Op. cit. P. 142—143.

¹³⁷ Gazette des Tribunaux. 12.10.1843.

¹³⁸ Цит. по: Aguet J.-P. Op. cit. P. 140.

¹³⁹ Ibid. P. 75—87, 130—133.

¹⁴⁰ См.: Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1960. С. 102; Киссельгоф И.С. Республиканское восстание 5—6 июня 1832 г. в Париже // Французский ежегодник. 1974. М., 1976; Moss B. Parisian Workers and the origins of Republican socialism, 1830—1833 // 1830 in France. NY, 1975.

¹⁴¹ Guérineau. Société des Droits de l'Homme. Pourquoi nous sommes republicains, et ce que nous voulons, par le citoyen Guérineau, ouvrier, membre de la société des Droits de l'homme. (P.) s.a.; Cuvillier P. Un journal d'ouvriers «l'Atelier». P., 1954. P. 56; Aguet J.-P. Op. cit. P. 77.

¹⁴² См.: Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814. по 1870 г. М., 1906. С. 86—87.

¹⁴³ Gazette des Tribunaux. 11—12.1.1836; 13.1.1836.

¹⁴⁴ Так, в 1823 г. шелкоткачи устроили театрализованное представление, в котором недвусмысленно осудили контрреволюционную интервенцию французского правительства в Испании. См.: Recits et contes populaires de Lyon. Reunis par J. Valleront chez les canuts lyonnais. P., 1978. P. 94—96.

¹⁴⁵ Цит. по: Chevaillier R., Girardon B., et al. Lyon: les traboules du mouvement ouvrier. P., 1980. P. 94.

¹⁴⁶ Bezucha R.J. The Lyon Uprising of 1834, Social and Political Conflict in the Early July Monarchy, Cambridge, 1974. P. 101, 111.

¹⁴⁷ См.: Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937. С. 194—195.

¹⁴⁸ Цит. по: Festy O. Le mouvement ouvrier au debut de monarchie de juillet (1830—1834). P., 1908. P. 319.

¹⁴⁹ См.: Aguet J.-P. Les greves sous la monarchie de juillet (1830—1847). Genève, 1954. P. 86.

¹⁵⁰ Cour de Pairs. Affaire du mois d'avril 1834 Rapport fait à la Cour par Girod (de l'Ain). P., 1834. Vol. 1. P. 215.

151 Blanc L. Histoire de dix ans 1830—1840. P., 1846. Vol. IV. P. 245—246.

152 Цит. по: Потемкин Ф.В. Указ. соч. С. 222.

153 Bezucha R.J. Op. cit. P. 166.

154 Monfalcon J.-B. Histoire des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834. D'après des documents authentiques. Lyon—P., 1834. P. 248.

155 Документы о лионском восстании 1834 года // Новая и новейшая история. 1959. № 4. С. 117.

156 Bezucha R, Y. Aspects du conflit des classes à Lyon 1831—1834 // Mouvement social. 1971. № 76. P. 6.

157 См.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 1. М., 1976. С. 294.

158 De la Hodde L. Histoire des sociétés secretes et du parti republicain de 1830 à 1848. Bruxelles, 1850.

159 См.: Бланки О. Избранные произведения. М., 1952. С. 105—106, 113—114.

160 См.: Там же. С. 117.

161 Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Vol. 1—III. P., 1964—1966.

162 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983. С. 135—138.

163 Democratie lyonnaise. Revue mensueile politique, sociale, industrielle et litteraire. 1.3.1840.

164 Reforme. 23.9.1844; 24.9.1844.

165 См.: Вейль Ж. Указ. соч. С. 182—183.

166 Gazette des Tribunaux. 14.7.1847, supplement.

167 Rude F. Voyage en Icarie. Deux ouvriers viennois aux Etats-Unis en 1855. P., 1952.

168 См.: Застенкер Н.Е. Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г. // Французский ежегодник. 1975. М., 1977.

169 Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. С. 5—6.

170 La Tribune. 20.09.1833; Вейль Ж. Указ. соч. С. 19—20.

171 См.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. С. 80—82.

172 Rudé F. Stendal et les Saint-Simoniens. — Saint-simonisme et pari pour l'industrie XIX—XX siècles. 1970. № 6. P. 265—272.

173 Oeuvres de Saint-Simon et d'Anfantin... Vol. 27. P. 157.

174 Goblot J.-J. Pierre Leroux apres trois glorieuses // La Pensée. № 186. Avril. 1976. P. 43, 46.

175 См. полный текст проекта: Из истории утопического социализма во Франции в 30—40 гг. XIX в. / Вступительная статья, публикация и перевод Е.М.Кожокина // История социалистических учений. М., 1985. С. 235—236.

176 D'Allemagne H.-R. Les saint-simoniens. 1827—1837. P., 1930. P. 120—121.

177 Bouglé P. Chez les prophètes socialistes. P., 1918. P. 19.

178 (Voilquin S.). Souvenirs d'une fille du peuple ou la saint-simonienne en Egypte par Mme Suzanne V... P., 1866. P. 78.

179 Vinçard — ainé. Mémoires épisodiques d'un vieux chansonnier saint-simonien. P., 1878. P. 35—36.

180 Bon Sens. 11.11.1832.

181 В листовке рассказано, как на сенсимонистов, одетых в их своеобразную форму, с любопытством взирали прохожие; впрочем, никто не позволял себе высказываний в адрес странных путников, и лишь один господин вскричал: «Это сумасшедшие! Хуже того!» Анонимный автор листовки (один экземпляр ее хранится сейчас в отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве) попытался убедить излишне экспансивного и категоричного хулителя сенсимонистов, что необходимо прежде разобраться в новом учении, а потом уже выступать с какой-либо критикой (ОПИ ГИМ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 188).

182 Emerit M. Les saint-simoniens à Strasbourg (1830—1836) // Annales de l'Est. 1976. № 1. P. 69.

183 Rude F. Les saint-simoniens et Lyon // Congrès des sociétés savantes. Lyon, 1964. P., 1965. P. 339 et suiv.

184 Ibid.

185 Villermé L.-R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers dans les industries de coton, de laine et de soie. T. I. P., 1840. P. 368.

186 См.: Тарле Е.В. Указ. соч. С. 257—258; Walch J. Michel Chevalier, économiste saint-simonien, 1806—1879. Lille, 1974. P. 103.

187 Когда в марте 1836 г. на улице Лурсин в Париже полиция застигла за приготовлением пороха в подпольной мастерской пятерых республиканцев, двое из них — Бофур и Робер — оказались рабочими, ранее принадлежавшими к сен-симонистам (Sencier G. Le babouvisme apres Babeuf. P., 1912. P. 81—82).

188 Religion saint-simonienne. Enseignement des ouvriers. P., 1831. P. 16.

189 Vinçard — ainé. Mémoires épisodiques... P. 112.

190 D'Allemagne H.-R. Op. cit. P. 120.

191 Вейль Ж. История республиканской партии... С. 145—146.

192 Bon Sens. 16.9.1832; La parole ouvrière... P. 74.

193 Все они на протяжении нескольких лет являлись очень активными приверженцами сенсимонистов (Voilquin S. Op. cit. P. 96; Desanti D. Les socialistes de l'utopie. P., 1971. P. 103, 203).

194 Bon Sens. 14.10.1832.

195 Bon Sens. 2.6.1833, supplement. См. также: Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. С. 193.

196 Bourgin H. Proudhon. P., 1901. P. 8.

197 Bon Sens. 25.8.1833. В «Bon Sens» Фюжер заранее поместил извещение о своей инициативе.

198 Bourgin H. Victor Considerant. Son oeuvre. P., 1909. P. 85.

199 См.: Якимович Т.К. Французский реалистический очерк. 1830—1848 гг. М., 1963. С. 49.

200 О.Конт в молодости работал некоторое время секретарем Сен-Симона, но недолго шел за учителем. Разрабатывая собственную теорию, он был немало озабочен поиском ее последователей. В свою веру он пытался обратиться не только небольшую группу рабочих, но и столь диаметрально противоположных во всем людей как российский император Николай I и вечный узник, несгибаемый революционер Огюст Бланки. 13 января 1853 г. Конт писал матери Бланки, находившегося в заключении на острове Бель-Иль: «Мадам, до сих пор я не получил официального ответа на составленный от моего имени запрос, который был сделан с целью получения специального разрешения на легальную посылку в Бель-Иль по почте или каким-либо иным путем книг, предназначенных для Вашего благородного, несчастного сына. У меня есть основания опасаться, что подобная затяжка с ответом означает решительный отказ; я думаю, что нет смысла более ждать, и я обращаюсь к Вашему содействию, которое Вы столь любезно обещали мне оказать. Именно поэтому на днях я Вам отослал два уже опубликованных тома моей «Позитивной политики» вместе с «Катехизисом позитивиста», для того чтобы Вы передали бы их г-ну Огюсту Бланки тем способом, который Вы найдете наиболее подходящим» (Madame, je n'ai reçu jusqu'à présent aucune décision officielle sur la demande faite en mon nom, pour obtenir l'autorisation spéciale d'envoyer ouvertement a Belle-Il^e, par la poste ou suivant toute autre voie les livres que je destine a votre noble et malheureux fils. Un tel retard me faisait craindre un refus définitif, je ne crois pas devoir attendre davantage pour invoquer a cet égard la précieuse intervention que vous avez bien voulu me promettre. C'est pourquoi je vous ai récemment envoyé les deux volumes déjà publiés de ma Politique positive avec mon Catéchisme positiviste afin que vous veuillez bien les transmettre à M. Auguste Blanqui, d'après le mode que vous jugerez convenable) (Французский ежегодник 1984. М., 1986. С. 225—226). Оригинал хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (Ф. 228. Оп. 1. Д. 30).

201 См.: Cuvillier A. Un schisme saint-simonien; les origines de l'école Buchesienne // Revue du mois. 1920. Mai—juin.

202 См.: Cuvillier A. Un journal d'ouvriers «l'Atelier» (1840—1850). P., 1954.

203 Gossez R. Presse parisienne a destination des ouvriers 1848—1851 // La presse ouvrière. 1819—1850. P., 1966. P. 131.

204 См.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. С. 139.

205 РГАСПИ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 53.

206 РГАСПИ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 39.

207 Так рукопись «Новый любовный мир» была издана лишь в 1967 г. в разгар сексуальной революции на Западе, провозвестником которой был объявлен Шарль Фурье (Fourier Ch. Le nouveau monde

amoureux. P., 1967; см. также: Debout S. «Griffe au nez» ou donner «have on art». *Ecriture inconnue de Charles Fourier*. P., 1974).

²⁰⁸ Gossez R. *Presse parisienne...* P. 124.

²⁰⁹ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. T. I. P. 99.

²¹⁰ РГАСПИ. Ф. 471. Оп. 1. Д. 18.

²¹¹ Leon P. *La naissance de la grande industrie en Dauphiné*. Vol. II. P., 1954. P. 764.

²¹² Audiganne A. *Les populations ouvrières...* Vol. I. P. 53.

²¹³ См.: Жамен Л. Воспоминания рабочего-столяра. М., 1925. С. 39—40; Jonson Ch.H. *Utopian communism in France*. Cabot and the Ikarians. 1839—1851. L., 1974. P. 145.

²¹⁴ Следует отметить, что Л.Блан, в отличие от Кабе, пользовался в годы Июльской монархии определенной поддержкой не только среди пролетариев, но и среди буржуазии (и даже ее верхнего слоя — цензовых избирателей). Как явствует из письма Блана редактору дижонской газеты Данжелье (Dangeliers), им были получены сведения от друзей, что значительное число дижонских избирателей выражали готовность поддержать его кандидатуру на ближайших выборах в палату депутатов (см. письмо Л.Блана к Данжелье: РГАСПИ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 44). Тогда же кандидатуру Л. Блана выдвинули избиратели Вильфранш-де-Лоранж (Renard E. Louis Blanc. *Sa vie — son oeuvre*. P., s.a. P. 65).

²¹⁵ Цит. по: Gros J.-M. *Le mouvement littéraire socialiste depuis 1830*. P., (1904). P. 3—4.

²¹⁶ Жамен Л. Воспоминания рабочего столяра. М., 1925. С. 39—40.

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1.

²¹⁹ См.: Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 6. С. 588.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

²²¹ Johnson Ch. H. Op. cit. P. 149.

²²² Duhart Jean, Duhart Janine. *La révolution de 1848 à Givors*. P., 1973. P. 89.

²²³ См.: Михайлов М.И. Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата. М., 1960. С. 93.

²²⁴ РГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 11.

²²⁵ Johnson Ch.H. Op. cit. P. 149.

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 20, письмо Э Кабе к Гонтье от 2.9.1846.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Aminzade R. *Ballots and Barricades. Class formation and republican politics in France, 1830—1871*. Princeton, 1993. P. 112

²²⁹ Цит. по: Ревякин А.В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М., 1999. С. 139—140.

²³⁰ РГАСПИ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 14, письмо А.Понсе к Э.Кабе.

²³¹ РГАСПИ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 15, письмо Марколино-Пра к Кабе.

²³² См.: Гейне Г. Собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 31. (Гейне долгое время жил в Париже, посещал собрания республиканцев, рабочие мастерские в предместьях.)

²³³ Benoit J. Confession d'un proletaire. P., 1968. P. 56—59.

²³⁴ См.: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. С. 135—146.

²³⁵ См.: Бернштейн С. Необабувистская печать 1837—1848 гг. // Французский ежегодник. 1960, М., 1961.

²³⁶ Le premier banquet communiste. P., 1840; Johnson Ch. Н. Op. cit. P. 74.

²³⁷ Bouton V. Profils revolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848—1849. P. 131; Молок А.И. Некоторые вопросы июньского восстания // Вопросы истории. 1952. № 12; История Франции. Т. 2. М., 1973. С. 300—301. В восстании принимали участие, прежде всего, рабочие, но были среди инсургентов также лица свободных профессий и даже перешедшие на сторону восставших солдаты, полицейские и мобили. Среди арестованных мятежников 62,7% составляли рабочие, более всего строители (14,82% или 1725 в абсолютных цифрах), работники по металлу и рабочие механических мастерских (11,27% или 1312). Сохранились данные об арестованных за участие в июньском восстании 216 солдатах и полицейских и 163 мобильных гвардейцах (Agulhon M. Les quarante — huitards. P., 1975. P. 32).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доминирование классов в структуре гражданских обществ Англии, Франции, Германии, Северной Италии было очевидным в Западной Европе XIX века. Теория Маркса была во многих отношениях адекватной для определенного исторического периода времени. Это время давно закончилось.

Теории не умирают, они принадлежат либо настоящему и будущему, либо прошлому, то есть истории. Но история это всегда незавершенный процесс, она зримо и незримо продолжается в каждом новом поколении. И ее лучше не забывать и не отбрасывать.

Классы являются особой формой социальной самоорганизации макрогрупп. Становление данной формы самоорганизации приходится на эпоху промышленного переворота. Но теоретическая постановка вопроса о классовой структуре общества во Франции была осуществлена в конце XVIII в. физиократами. В то же время развитие капитализма еще в рамках «старого режима» привело к созданию предпосылок для конституирования класса буржуазии. Формирование пролетариата в качестве класса развернулось в основном уже после Великой французской революции, заложившей юридические основы для его становления.

Своеобразие духовного облика рабочего класса каждой конкретной страны в значительной степени определяется тем, что представляли собой социальные группы, исторически предшествовавшие пролетариату в сфере промышленного производства. Для Западной Европы, в частности для Франции, это прежде всего вопрос о духовном облике ремесленных и мануфактурных рабочих XVIII века.

Промышленность Франции доиндустриальной поры, т.е. эпохи «старого порядка», являла собой сложное переплетение капиталистического и мелкотоварного укладов, опутанных архаическими установлениями, генетически связанными с феодальной регламентацией производства. Французские работники эпохи «старого порядка» не обладали сознанием общности их интересов. Господствовал партикуляристский тип видения общественных отношений, рабочие были разбиты на множество независимых друг от друга микрогрупп, находившихся нередко во враждебных отношениях.

Идеал справедливого общественного устройства городского плебса конца XVIII в. был пронизан надеждами на повсеместное утверждение экономического режима равной мелкой собственности, покровительствуемой государством. Наиболее полное воплоще-

ние эти мечты получили во время Великой буржуазной революции в русле движения санкюлотов. В XVIII в. бытовала и определенная идеализация внутрицеховых отношений между мастерами и подмастерьями.

Партикуляристское сознание не исчезло в XIX в. Сохранение ряда свойственных ему представлений и психологических установок обуславливалось существовавшей на протяжении веков корпоративной организацией ремесла, определенной разобщенностью общественной жизни, традициями архаичных организаций ремесленных рабочих — компаньонажей. Для партикуляристского сознания были по-прежнему характерны узость общественного кругозора, традиционализм, аполитичность, сопровождавшаяся верой в доброго монарха. Товарищей по классу рабочие этого типа жестко делили на «своих» (членов одного компаньонажа, земляков) и «чужаков».

Но, начиная с эпохи Великой буржуазной революции, партикуляристское сознание не могло соответствовать бурному политическому и все ускорявшемуся экономическому развитию страны. Осуществленное революцией преобразование правовых отношений привело к исчезновению архаических добуржуазных норм юрисдикции. Ликвидация сословий и корпораций, местных привилегий, утверждение принципа равенства всех граждан перед законом уничтожили множество перегородок между различными группами рабочего люда. Запрет корпораций в 1791 г. освободил рынок труда от множества архаических ограничений. Рабочие обрели свободу, которая оказалась обременительной для большинства и благотворной для активного меньшинства. Но революция в период якобинской диктатуры ввела и новые формы регулирования экономической жизни. Политический и социальный опыт французских рабочих благодаря Великой революции стал опасно богатым.

На смену партикуляристскому шло популистское сознание с характерным для него ясным представлением о причастности индивида к такой общности, как народ.

Популистское сознание явилось в значительной степени плодом преобразования сознания трудящихся масс в ходе революции конца XVIII в. Система общественных ценностей популистского типа сознания органично связана с великими принципами этой революции. Но в рабочем сознании свобода — это прежде всего право жить по-человечески: не голодать, не страдать от притеснений богачей и власть имущих, а принцип равенства — это символ эгалитаризма, как юридического, так и экономического.

Физиократы, а затем доктринеры-либералы теоретически обосновали существование новой социальной матрицы — классов. Затем их бытие было утверждено на уровне массового сознания.

Становление классового сознания французского пролетариата развернулось в первой половине XIX в. Хотя во Франции той поры было велико еще значение мелкотоварного уклада, большинство промышленных наемных рабочих было уже включено в сис-

тему капиталистических отношений. Накануне революции 1848 г. французский пролетариат уже обладал довольно сложной и разветвленной организационной структурой. Рабочие имели сеть разнообразных организаций, которые в той или иной степени отстаивали их интересы. То были общества взаимопомощи и сопротивления, объединения мирного утопического социализма и тайные республиканские организации. Благодаря им далеко продвинулось политическое воспитание существенной части рабочих и были сформированы кадры активистов, которые сыграли свою роль в ходе революции 1848 г. В то же время следует сказать, что 40-е годы XIX в. ознаменованы новым этапом идеологической дифференциации среди рабочих. Новый водораздел прошел даже не столько между сторонниками различных коммунистических, социалистических, социал-католических школ, сколько между работниками, признававшими законность и необходимость насильственных действий, и теми, кто рассчитывал добиваться своих целей иными методами.

К середине XIX в. французские рабочие не только конституировались в качестве особой социальной макрогруппы, но в критические моменты могли выступать солидарно, отстаивая свои жизненные интересы. Рабочий класс являлся органической частью гражданского общества Франции. Он не только поставлял рядовых, сержантов и унтер-офицеров для армии борцов за всеобщее избирательное право и республику, но и добивался гуманизации капиталистических отношений в эпоху еще незавершенной промышленной революции.

Промышленный переворот в первой половине XIX в. быстро увеличил численность рабочих, но у этой новой массы постоянно сохранялось культурное, политически и социально активное ядро. Мощная социальная сила не могла не привлекать внимания. Многочисленные во Франции в 30—40-е годы XIX в. социальные реформаторы, утописты и прожектеры, помимо гуманистических, имели и вполне практические устремления. Интеллектуалы, превращая аморфное социальное образование в структурированную макрогруппу, добивались освобождения пролетариата путем прихода к власти. Но к власти должны были прийти прежде всего эти самые интеллектуалы. Вопрос о пути получения власти — мирным или насильственным — для многих из них имел тактический характер. Разъединяла их более всего борьба за влияние на умы. Глубокая разобщенность коммунистических и социалистических идеологов и групп их приверженцев не была преодолена и в период максимальной политической свободы, и максимальной влиятельности пролетариата — весной 1848 года.

Февральские дни 1848 г. продемонстрировали, за некоторыми исключениями, высокую дисциплину и самоконтроль парижских рабочих, участников революционных событий. Фантастическая по своим масштабам политическая активность французских рабочих после февральской победы привела к быстрому росту пролетар-

ских и других демократических организаций. Но попытка создания альтернативной экономики и альтернативной социальной организации именно в 1848 г. была профанирована. И Люксембургская комиссия, и национальные мастерские были созданы так, что кроме разочарования они не могли ничего породить. Эксперименты завершились трагедией июньского восстания 1848 г. Французским рабочим пришлось с оружием в руках защищать право на труд и право на иллюзии. Боролись они фактически в одиночестве. Но в любом случае следует признать, что 1848 г. — это один из высших моментов в истории французского рабочего класса. В то же время 1848 г. выявил относительную безопасность всеобщего прямого и тайного голосования для устоев капитализма. Правящие классы увидели, что всеобщие выборы — это механизм, которым можно управлять.

В стратегическом плане все яснее становилось и другое — бедный капитализм должен был либо гуманизироваться, либо погибнуть и уступить место иной социально-экономической системе.

1848, а затем 1871 г. (Парижская Коммуна) дали сильнейший импульс для внутренней трансформации капитализма. В XX в. (а фактически с конца XIX в.) на Западе началось размывание классовой структуры общества.

Классовая структура в наименьшей степени из капиталистических стран первого призыва сложилась в США. И уже на рубеже XIX и XX вв. Америка в социальной сфере выглядела пионером. Но преодоление классовой организации общества совершенно независимо от США происходило и в Англии, и в Германии, и даже во Франции.

Огромная опасность классового устройства общества была особенно остро осознана вследствие Октябрьской революции в России, создания социалистической системы, появления Коминтерна. Классовую самоидентификацию стали целенаправленно вытеснять из общественного сознания. Нацизм в Германии появился в качестве контр-идеологии и контр-практики коммунизма.

В то же время уже в 20-е годы XX в. стал ощутим и заметен скачок в уровне массового потребления. Испанский философ Ортега-и-Гассет, человек из далекого не самой богатой европейской страны писал в те годы: «Массы наслаждаются теми благами и пользуются теми достижениями, которые созданы избранным меньшинством и прежде принадлежали только ему. Стали массовыми те запросы и потребности, которые прежде считались утонченными, поскольку были достоянием немногих»¹. На смену бедному капитализму приходило общество потребления. Прежняя классовая структура оказалась в значительной степени размытой, классовая самоидентификация маргинализировалась. Социальная стратификация существенным образом изменилась, слово и понятие «класс» ушли из обихода повседневной и политической речи. Исчезновение социализма как альтернативной системы довершило дело.

С другой стороны, нынешняя безальтернативность сопровождается демонтажом социальных завоеваний эпохи «холодной войны». В России мы аккумулируем изъяды и пороки бедного капитализма и общества потребления при наличии правящего класса, исповедующего исконно русский, карамазовский символ веры — «все дозволено». США, единственная сверхдержава мира, все более аккумулирует на себе ненависть всех бедных и обездоленных. И вновь, как в XIX в. все более императивным становится вопрос о необходимости новой волны гуманизации капитализма.

¹¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 50.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) (бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)

1. РГАСПИ. Ф. 20.
2. РГАСПИ. Ф. 224.
3. РГАСПИ. Ф. 225.
4. РГАСПИ. Ф. 226.
5. РГАСПИ. Ф. 228.
6. РГАСПИ. Ф. 250.
7. РГАСПИ. Ф. 471.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОПИ ГИМ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 188.

Законодательные акты, статистика, материалы государственных органов

1. Annuaire statistique et historique du département de la Haute-Saône. Vesoul. S. ed., 1833.
2. Archives statistiques du ministère des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P.: Impr. royale, 1837.
3. Cour de Paris. Affaire du mois d'avril 1834. Rapport fait à la Cour par Girod (de l'Ain). P., 1834.
4. Histoire parlementaire de la Révolution française ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815. T. XI. P., 1834.
5. Moreau de Jonnes. Statistique de l'industrie de la France. P.: Guillaumin, 1856.
6. Les patrons, les ouvriers et l'état. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. P., 1912.
7. Procès-Verbaux des comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention, publ. par P. Gerbaux, Ch. Schmidt. T. 1. P., 1906.

8. Schnitzler J.-H. Statistique générale de la France, comparée aux autres grandes puissances de l'Europe. P.: H. Lebrun, 1846. Vol. I—IV.

9. Statistique de la France, publié par le ministre des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P.; Impr. royale, 1837.

10. Statistique de la France. Industrie. P.: Impr. royale, 1847—1852 Vol. I—IV.

11. Statistique de l'industrie à Paris. 1860. Enquête de la Chambre de commerce. P.: Guillaumin, 1864.

Пресса

1. Annales du Travail. Moniteur des sociétés cooperatives. 1867.

2. Atelier. 1845—1846.

3. Babillard. 1791.

4. Bon Sens. 1832—1835.

5. Démocratie lyonnaise. Revue mensuelle politique, sociale, industrielle et littéraire. 1.03.1840.

6. Démocratie pacifique. 1847.

7. Enquête sociale. 1846.

8. Gazette de France. 1786.

9. Gazette des Tribunaux. 1830—1848.

10. La Tribune. 1833.

11. L'ami du peuple. 1791.

12. Le Nouvelliste. 1848.

13. L'ère nouvelle. 1848.

14. L'Humanitaire. № 1. Juillet. 1841.

15. National. 1848.

16. Réforme. 1843—1848.

17. Révolutions de Paris. 1793.

18. Журнал мануфактур и торговли. 1840—1843.

Словари, энциклопедии, технологические трактаты

1. Baudrimont A. Traité de chimie générale expérimentale. P.: J.B. Baillière, 1844—1846. Vol. 1—2.

2. Borgnis J.-A. Traité complet de mécanique appliquée aux arts. P.: Bachelier, 1818—1920. Vol. 1—8.

3. Burat A. Géologie appliquée ou traité de la recherche et de l'exploitation des minéraux utiles. P.: Langlois et Le-clercq Mathias, Leipzig Michelsen, 1843.

4. Des Essarts. Dictionnaire universel de police. P., 1786.

5. Dictionnaire de l'académie française. P., 1762.

6. Dictionnaire de l'Académie française. T. II. P., 1798.

7. Dictionnaire de l'industrie manufacturière, commerciale et agricole. P.—L.: s.ed., 1833—1841. Vol. I—XII.

8. Dictionnaire des proverbes français. Francfort, 1750.

9. Dictionnaire économique. P., 1740.
10. Dictionnaire universel de commerce. Genève, 1750.
11. Dubrunfaut. Art de fabriquer le sucre de betteraves P.: Bachelier, 1825.
12. Encyclopedie du commerçant. Dictionnaire du commerce et des marchandises P.: Guillaumin, 1855. Vol. 1—2.
13. Encyclopedie nouvelle ou dictionnaire philosophique, litteraire et industriel. P.: Renouard, 1836—1843. Vol. 1—8.
14. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. XXIV. Genève, 1778.
15. Flachat E., Barrault A., Petiet J. Traité de la fabrication de la fonte et du fer. Liège. 1852.
16. Furetière A. Le dictionnaire universel. La Haye et Rotterdam, 1690. (Rééd. P., 1978.)
17. Jariez J. Cours elementaire de la mécanique industrielle. P.: Mathias, 1841.
18. Les français peints par eux-memes. Encyclopédie morale de dix-neuvième siecle. P., 1841.
19. Richelet P. Dictionnaire de la langue françoise ancienne et moderne. T. 2. P., 1759.
20. Savary des Brulons. Dictionnaire universel de commerce. Genève, 1750.
21. Valicour de E. Nouveau manuel complet du tourneur ou traité théorique et pratique de l'art du tour... P.: Roret, 1848.
22. История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978.

Труды по философии, экономике, праву, анкеты о положении рабочего класса

1. Atlas du commerce, dédié au Roi/Publ. par M. Le Clerc, écuyer, chevalier de l'Ordre du Roi et par M. Le Clerc, fils, écuyer. P., 1786.
2. Blaize A. Des Monts-de-Pieté et des banques de prêt sur gage en France et dans les divers états de l'Europe. P., 1856. T. 1.
3. Comte A. Le prolétariat dans la société moderne. P., 1946.
4. Du commerce des colonies. S.p., 1790.
5. Dupin Ch. Forces productives et commerciales de la France. P.: Bachelier, 1827. Vol. I—II.
6. Foache S. Réflexions sur le commerce, la navigation et les colonies. S.p. (1787).
7. Mary-Lafon M. Tableau historique et littéraire de la langue parlée dans le midi de la France. P., 1842.
8. Moheau. Recherches et considérations sur la population de la France. P., 1778.
9. Oeuvres complètes de Diderot. P., 1876.
10. Reflexions historiques et politiques sur le commerce de France avec ses colonies de l'Amerique, par M. Weuves, le jeune, négociant, A Genève et se trouve à Paris. 1780.

11. Thierry Aug. *Lettres sur l'histoire de France*. P., 1836.
12. Tolosan. *Mémoire sur le commerce de la France et de ses colonies*. P., 1789.
13. Бабеф Г. *Соч.*: В 4 т. Т. I. М., 1975.
14. Бланки О. *Избранные произведения*. М., 1952.
15. *Изложение учения Сен-Симона*. М.—Л., 1947.
16. Кенэ Ф. *Избранные экономические произведения*. М., 1960.
17. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 24, 26. Ч. I.
18. Монтескье Ш. *Избр. произ.* М., 1955.
19. Тюрго А.Р. *Избранные экономические произведения*. М., 1961.

Наказы, петиции, уставы организаций, публицистика, художественная литература, воспоминания

1. *Aperçu sur la condition des classes ouvrières et critique de l'ouvrage de M.Buret: Bureau, 1844.*
2. L'Ange F.-J. *Ouvres*. P., Editions sociales, 1968.
3. Audiganne A. *Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX siècle*. P.: Capelle, 1854. Vol. I—II.
4. Benoit J. *Confessions d'un prolétaire*. P.: Ed. Sociales, 1968, 310 p.
5. Beranger Ch. *Pétition d'un prolétaire à la Chambre des Députés*. P.: Globe, 1831.
6. Blanqui A. *Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848*. P.: Pagnerre et Paulin, 1849. Vol. I—II.
7. Bouton V. *Profils révolutionnaires par un crayon rouge*. P., 1848—1849.
8. Buret E. *De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*. P.: Paulin, 1840. Vol. I—II.
9. *Cahiers de doléances de la sénéchaussee de Marseille pour les Etats Généraux de 1789*. Marseille, 1908.
10. *Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville d'Alençon pour les Etats Généraux de 1789*. Alençon, 1929.
11. *Cahiers de doléances du Tiers Etat du baillage de Rouen*. t. La ville, P., Presses universitaires de France, 1957.
12. *Cahiers de doléances du baillage de Troyes et du baillage de Bar-sur-Seine pour les Etats Généraux de 1789*. Troyes, 1909. T. 1—2.
13. *Cahiers de doléances du baillage du Havre pour les Etats Généraux de 1789*. Epinal, 1929.
14. *Cahiers de doléances de la sénéchaussee de Rennes pour les Etats Généraux de 1789*. Rennes, 1911. T. III.
15. *Cahiers de plaintes et doléances des dames de la Halle et des marchés de Paris*. P., 1789.
16. *Carnets de P.-J. Proudhon*. Vol. I. 1843—1846. P., 1960.
17. Corbon A. *Le Secret du peuple de Paris* P.: Pagnerre, 1863.
18. Debout S. «Griffe au nez» on donner «have on art». *Ecriture inconnue de Charles Fourier*. P., 1974.
19. Demidoff A. de. *Voyage dans la Russie*. P., 1840.

20. Discours de Danton. P., 1910.
21. Dumay J.-B. Mémoires d'un militant ouvrier du Creusot (1841—1905). Grenoble: Maspero, 1976.
22. Fournier l'Héritier Cl. Mémoires secrets de Fournier l'Américain. P., 1890.
23. Gelu V. Marseille au XIX siècle. P.: Plon, 1971.
24. Gerando A. de. De la Bienfaisance publique. P.: Paulin, 1839. Vol. I—III.
25. Godechot J. Fragments des mémoires de Charles-Alexis Alexandre Sur les journées révolutionnaires de 1791 et 1792 // Annales historiques de la Révolution française. 1952. № 126.
26. Hodde L. de la. Histoire des Sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. Bruxelles: 1850.
27. Hugo A. France pittoresque ou description pittoresque, topographique et statistique des départements et colonies de la France. P.: Delloye, 1835. Vol. 1—3.
28. La chanson française. Le pamphlet du pauvre. P.: Ed. Sociales, 1957.
29. La parole ouvrière. 1830—1851. P.: Union gen. d'éditions, 1976.
30. Le premier banquet communiste. P.: S.ed. 1840.
31. Les élections et les cahiers de Paris en 1789. Doc. recueil. et annot. par Ch.-L. Chassin. Vol. 3. P., 1889.
32. Mémoires de Laffite. P., 1937.
33. Monfalcon J.-B. Histoire des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834. D'après des documents authentiques. Lyon—P., 1834.
34. Nadaud. M. Mémoires de Léonard, ancien garçon maçon. Bourgneuf: Duboueix, 1895.
35. Nouveaux tableaux de Paris ou observations sur les mœurs et usages des parisiens au commencement du XIX siècle. P., 1828.
36. Papiers de Chaumette, publ. avec une introduction et des notes par F. Braesch. P., 1908.
37. Perdiguier A. Biographie de l'auteur du livre du compagnonnage et réflexions diverses. P.: Chez l'auteur.
38. Perdiguier A. Les compagnons du devoir. Origine, causes des dissensions, réconciliation générale. P.: Barba, 1848.
39. Perdiguier A. Mémoires d'un compagnon. Moulins: Ed. des «Cahiers du Centre», 1914.
40. Planche G.L'orfèvrerie et l'ébenisterie à l'exposition universelle. Revue des deux mondes. 1.2.1855. T. XIII.
41. Recits et contes populaires de Lyon. Reunis par J.Valleront chez les canuts lyonnais. P., 1978.
42. Règlement de l'association des porte-faix de Marseille. Marseille: s. ed., 23 p.
43. Règlement pour l'exercice de la profession de porte-faix de la ville de Marseille. Marseille: s.ed. 1817.
44. Religion saint-simonienne. Enseignement des ouvriers. P., 1831.
45. Religion saint-simonienne. Poursuites dirigés contre Notre Père suprême Enfantin et contre Notre Père Olinde Rodrigues. S.p.

46. Reybaud. L'industrie en Europe. P. Levy, 1856.
47. Un ouvrier en 1820. Manuscrit inédit de Jacque Etienne Bedé. P., 1984.
48. (Voilquin S.) Souvenirs d'une fille du peuple ou la saint-simonienne en Egypte par M Suzanne V... P., 1866.
49. Vernes (de Genève). Le Voyageur sentimental en France sous Robespierre. T. I. Genève—P., an VII de la République.
50. Villermé L.R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. P.: Renouard, 1840. Vol. I—II.
51. Vinçard. P. Les ouvriers de Paris. P.: Gosselin, 1863.
52. Vinçard-ainé. Mémoires épisodiques d'un vieux chansonnier saint-simonien. P.: Dentu, 1878.
53. Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г. (Из писем современника) // Красный архив, 1939.
54. Гейне Г. Лютеция // Собр. соч. М., Гослитиздат, 1950. Т. 8.
55. Документы о лионском восстании 1834 года // Новая и новейшая история. 1959.
56. Жамен Л. Воспоминания рабочего столяра. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925.
57. Золя Э. Труд: Собр. соч., М.: Правда. Т. 18.
58. Из истории утопического социализма во Франции в 30—40 гг. XIX в. / Вступительная статья, публикация и перевод Е.М.Кожокина // История социалистических учений. М., 1985.
59. О.Конт и О.Бланки. Письмо Огюста Конта Софии Бланки / Публикация и перевод Е.М.Кожокина // Французский ежегодник. 1984. М.: Наука, 1986.
60. Марат Ж.-П. Избранные произведения. Ч. III. М., 1956.
61. Мерсье Л.-С. Картины Парижа М., Л., 1935—1936. Т. 1—2.
62. Мишле Ж. Народ. М.: Наука, 1965.
63. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
64. Робеспьер М. Избранные произведения. Ч. I. М., 1965.
65. События Великой французской революции в литературной корреспонденции Блен де Сенмора / Публикация Е.И.Лебедевой // Французский ежегодник. 1981. М., 1983.
66. Сочинения Карамзина. Т. 3. М., 1820.

Научная литература

1. 1830 in France. NY: Francklin Watts, 1975.
2. Aboucaya C. Les structures sociales et économiques de l'agglomération lyonnaise à la veille de la Révolution de 1848. Lyon: Libr. Sirey, 1963.
3. Aguet J.-P. Les grèves sous la monarchie de juillet (1830—1847), Genève: Librairie Droz, 1954.
4. Agulhon M. Les quarante huitards. P.: Ed. Gallimard/Julliard, 1975.
5. Agulhon M. Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique. Toulon de 1815 à 1851. Paris—La Haye; Mouton, 1970.

6. Amalric J.-P. La Révolution de 1848 chez les cheminots de la compagnie de Paris-Orléans // Revue d'histoire économique et sociale. 1963. Vol. 41. № 3.

7. Aminzade R. Ballots and Barricades. Class formation and republican politics in France, 1830—1871. Princeton—New Jersey, 1993.

8. Artisans et ouvriers d'Alsace. Strasbourg: Herz, 1965.

9. Aspects de la crise et de dépression de l'économie française au milieu du XIX siècle. 1846—1851. P.: Colin, 1956.

10. Aubert R. En pantoufles sous la terreur. Reflexions et commentaires sur le Journal d'un bourgeois de Paris. 1791—1796. P., 1974.

11. Aurejac J. Les emprunts sous la Révolution // Cahiers de la Révolution Française. № VII. P., s.d.

12. Babeau A. La Ville sous l'Ancien régime. T. I. P., 1884.

13. Babeau A. Les artisans et les domestiques d'autrefois. P., 1886.

14. Ballot Ch. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Lille. Marquont—Paris: Rieder, 1923.

15. Barret P. Gurgand J. N. Ils voyageaient la France. Vie et traditions des compagnons du Tour de France au XIX siècle. P., 1980.

16. Benoist L. Le campagnonnage et les métiers. P., 1975.

17. Bezucha R.Y. Aspects du conflit des classes à Lyon 1831—1834. Mouvement social, 1971.

18. Bezucha R. The Lyon Uprising of 1834. Cambridge: Harvard univ. press, 1974.

19. Bluche F. La vie quotidienne au temps de Louis XVI. P., 1980.

20. Bonnasieux P. La question des grèves sous l'Ancien régime. P., 1882.

21. Bonnet S. et autres. Les «sauvages» de Futeau, verriers et bucherons d'Argonne aux XVIII et XIX siècles // Mouvement social. 1966, № 57.

22. Bopp M.-J. L'œuvre sociale de la haute bourgeoisie haut rhinoise // La bourgeoisie alsacienne. Strasbourg: Sorlin, 1967.

23. Boshier J.F. French Finances 1770—1795: from Business to Bureaucracy. Cambridge, 1970.

24. Bouglé C. Chez les prophètes socialistes. P.: Alcan, 1918. †

25. Bouloiseau M. La mort du tiers état (Rouen, 29 Avril 1789) // Annales de Normandie. 1961.

26. Bourgin H. Proudhon. P., 1901.

27. Bourgin H. Victor Considerant. Son œuvre. P., 1909.

28. Bouton C.A. Les victimes de la violence populaire pendant la Guerre des farines // Mouvements populaires et conscience sociale. P., 1985.

29. Braesch F. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791 // La Révolution française, 1912.

30. Bruhat J. Le mouvement ouvrier français au début du XIX siècle et les survivances d'Ancien Régime // Pensée. 1968, № 142.

31. Brun V. Guerres maritimes de la France: Port de Toulon. Ses armements, son administration depuis son origine jusqu'à nos jours. T. II. P., 1861.

32. Brunet P. Structure Agraire et Économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960.

33. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. T. III. P., 1947.

34. Brush E.P. Guizot in the early years of the Orleanist monarchy. NY, 1974.

35. Buisson H. La police: Son histoire. P., 1958.

36. Bulst N. Vers les états modernes: Le tiers état aux Etats généraux de Tour en 1484 // Représentation et vouloir politiques: Autour des Etats généraux de 1614. P., 1982.

37. Cailly C. Mutations d'un espace proto-industriel: Le Perche aux XVIII—XIX siècles. Fédération des Amis du Perche, 1993.

38. Peter Campbell. French Electoral Systems and Elections since 1789. London, 1958.

39. Caron P. Les massacres de septembre. P., 1935.

40. Carrière Ch. Négociants marseillais au XVIII siècle: Contribution à l'étude des économies maritimes. P., 1973. T. 1.

41. Cavignac J. Le compagnonnage dans les luttes ouvrières au XVIII siècle. L'exemple de Bordeaux. — Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1968.

42. Les Cévennes de la montagne à l'homme. Toulouse, 1979.

43. Chaline J-P. Les bourgeois de Rouen. Une élite urbaine au XIX siècle. P., 1982.

44. Charny P. Le sucre. P.: s.ed. 1965.

45. Chartier R. Les origines culturelles de la Révolution Française. P.: Ed. Du seuil, 1990.

46. Chassagne S. et autres. Les ouvriers de la manufacture de toiles imprimées d'Oberkampf à Jouy-en-Josas (1760—1815) // Mouvement social. 1976. N° 76.

47. Chassagne S. Oberkampf. Un entrepreneur capitaliste au Siècle des Lumières. P., 1980.

48. Chassaigne M. La lieutenance générale de police de Paris. P., 1906.

49. Chaussinand-Nogaret G. La Bastille est prise. Bruxelles, 1988.

50. Chaussinand-Nogaret G. Les financiers de Languedoc au XVIII siècle. P., 1970.

51. Chevailler R., Girardon B., et autres. Lyon: les traboules du mouvement ouvrier. P., 1980.

52. Cobb R. Note sur la repression contre le personnel sans-culotte de 1795 à 1801 // Annales historiques de la Révolution française, 1954.

53. Colomes A. Les ouvriers du textile dans la Champagne Troyenne (1730—1852). P.: Loviton, 1943.

54. Coornaert E. La pensée ouvrière et la conscience de classe en France Studi in onore di Gino Luzzato. Milano: Giunti, 1950. Vol. III.

55. Coornaert E. Les compagnonnages en France du moyen âge à nos jours. P.: Ed. ouvrières, 1966.

56. Cornette J. Un révolutionnaire ordinaire. Benoit Lacombe, négociant 1759—1819. P., 1986.

57. Courtheoux J.-P. Naissance d'une conscience de classe dans le prolétariat textile du Nord? 1830—1870 // *Revue économique*. 1957. № 1.
58. Cuvillier A. Un schisme saint-simonien; les origines de l'école Buchesienne. — *Revue du mois*. 1920. Mai—juin.
59. Cuvillier A. Un journal d'ouvriers «l'Atelier» (1840—1850). P., 1954.
60. D'Allemagne H.R. Les saint-simoniens. 1827—1837. P., 1930.
61. Dansaette A. Naissance de la France moderne. Le Second Empire. : Hachette, 1976.
62. Darnton R. Le grand massacre des chats. P., s.a.
63. Darnton R. The Business of Enlightenment. A Publishing History of the Encyclopedie. 1775—1800. Cambridge, 1979.
64. Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. NY, 1984.
65. Daumard A. L'évolution des structures sociales en France à l'époque de l'industrialisation (1815—1914) // *Revue historique*. 1972. № 502.
66. Daumard A., Furet F. Structures et relations sociales à Paris au XVIII siècle. P., 1961.
67. Dautry J. 1848 et la II République. P.: Ed. sociales, 1957.
68. Dautry R. Compagnonnage par les compagnons du Tour de France. P.: Plon, 1951.
69. De Régis de la Colombière M. Fêtes patronales et usages des corporations et associations qui existaient à Marseille avant 1789. P. Marseille, 1863.
70. Desanti D. Les socialistes de l'utopie. P.: Payot, 1971.
71. Dessert D. Argent, pouvoir et société au grand siècle. P., 1984.
72. Deyon P. Contribution à l'étude des revenus fonciers en Picardie: Les fermages de l'Hôtel-Dieu d'Amiens et leurs variations de 1515 à 1789. Lille. P., s.a.
73. Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. P., 1964—1966. Vol. I—III.
74. Dolleaux E. Histoire du mouvement ouvrier. 1830—1871. P.: Colin, 1936.
75. Duby G. Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978.
76. Duhart J. La révolution de 1848 à Givors. P.: Ed. sociales, 1973.
77. Dunham A.L. La Révolution industrielle en France. (1815—1808). P.: Hachette, 1953.
78. Dupuy R. Les paysans et la politique, 1750—1850 // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 1982.
79. E. De Waresquiel. Un paradoxe politique. La chambre «introuvable» et la naissance du parlementarisme français (octobre 1815 — avril 1816) // *Commentaire*. 1992. № 58.
80. Egret J. La pré-révolution française 1787/1788. P., 1962.
81. Emerit M. Les saint-simoniens à Strasbourg (1830—1836) // *Annales de l'Est*. 1976. № 1.
82. Enaud F. Les émeutes de mars 1793 en Ille-et-Vilaine // *Actes du soixante-seizième congrès des sociétés savantes*. Rennes, 1951; P., 1951.
83. Epsztein L. L'économie et la morale aux débuts du capitalisme industriel en France et en Grande-Bretagne. P.: Colin, 1966.

84. Eude P. Histoire documentaire de la mécanique française. P.: Bachlard, 1902.

85. Fasel G. Urban workers in provincial France, February—June 1848 // International Review of Social History. 1972. Vol. XVIII, part 3.

86. Faure A. Mouvements populaires et mouvement ouvrier à Paris (1830—1834) // Mouvement social. 1974. № 88.

87. Festi O. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet (1830—1834). P., 1908.

88. Francois Guizot et la culture politique de son temps. Colloque de la fondation Guizot-Val Richet. P., 1991.

89. Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973.

90. Gabriel de Broglie. Guizot. P., 1990.

91. Gaillard J. Les usines Cail et les ouvriers métallurgistes de Grenelle // Mouvement social. 1961. № 33/34.

92. Garmy R. La «mine aux mineurs» de Rancié. 1789—1848. P., 1943.

93. Gaspard P. Aspects de la lutte des classes en 1848: le recrutement de la garde mobile // Revue historique. 1974. № 511.

94. Gaspard. P. La fabrique au village // Mouvement social. 1976. № 97.

95. Gaxotte P., Tulard J. La révolution française. P., 1975.

96. Gaziez. Lettres à Grégoire sur les patois en France // Revue des langues romanes, 1874—1879. T. V—XV, série 1—3.

97. Gille B. La Banque en France au XIX siècle. Genève—Paris, 1970.

98. Gille B. La Banque et le crédit en France de 1815 à 1848. P., 1959.

99. Gille B. Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste (1815—1848). P.: SEVPEN, 1959.

100. Girard L. La troupe face aux insurrections parisiennes (1830—1848) // Maintien de l'ordre et polices en France et en Europe au XIX siècle. P., 1987.

101. Goblot J.-J. Pierre Leroux après trois glorieuses // La Pensée. № 186. Avril. 1976.

102. Godart J. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. Lyon—Paris, 1899.

103. Godechot J. La Société Française pendant la Révolution // Histoire de la société française. P., 1953.

104. Godechot J. La prise de la Bastille. P., 1965.

105. Gossez R. Les ouvriers de Paris. La Roche-sur-Yon. 1967.

106. Gossez R. Presse parisienne à destination des ouvriers, 1848—1851 // La presse ouvrière 1819—1850. P., 1966.

107. Goubert P. Beauvais et la Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1960.

108. Gourdon de Genouillac H. Paris à travers les siècles. Histoire nationale de Paris et des parisiens depuis la fondation de Lutèce jusqu'à nos jours. P., (1882).

109. Gros J.-M. Le mouvement littéraire socialiste depuis 1830. P., (1904).

110. Guerif G. Charles Noiret et l'enquête de 1848 sur la profession de tisserand // Revue d'histoire économique et sociale, 1971. Vol. 49. № 1.

111. Guillaume P. Greves et organisations ouvrières chez les mineurs de la Loire au milieu du XIX siècle // *Mouvement social*. 1963. № 43.
112. Guillaume P. La situation économique et sociale du département de la Loire d'après l'Enquête sur le travail agricole et industriel du 25 mai 1848 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1963. T. X.
113. Guinot J.-P. Formation professionnelle et travailleurs qualifiés depuis 1789. P.: s.a.
114. Guiral P., Amargier P. Histoire de Marseille. (P.), 1983.
115. Guiraud P. Patois et dialectes français. P., 1968.
116. Gurvitch G. Proudhon. Sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie. P., 1965.
117. Hampson N. Les ouvriers des arsenaux de la marine au cours de la Révolution Française (1789—1794) // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1961. № 3.
118. Hardach G.H. Der soziale Status der Arbeiter in der Frühindustrialisierung. Berlin, 1969.
119. Harsin P. De quand date le mot «industrie» // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1930. T. II.
120. Hauser H. Les Compagnonnages d'arts et métiers à Dijon aux XVII et XVIII siècles. P., 1907.
121. Helot J. Le sucre de betterave en France de 1800 à 1900. Cambrai, 1900.
122. Histoire de Bordeaux. T. 6. Bordeaux au XIX siècle. Bordeaux, 1969.
123. Histoire économique et sociale de la France. T. II. P., 1970.
124. Histoire générale de la presse française. T. I. P., 1969.
125. Hoffman Ph., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-l. Économie et Politique. Les marchés du crédit à Paris, 1750—1840 // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Janvier—février. 1994.
126. Huard R. La naissance du parti politique en France. Mayenne, 1996.
127. Ibarrola J. Structure sociale et fortune mobilière et immobilière à Grenoble en 1847. P.—La Haye: Mouton, 1965.
128. Jacque J. Vie et mort des corporations: Grèves et luttes sociales sous l'ancien régime. P., 1948.
129. Johnson Ch.H. Utopian communism in France. Cabet and the Icarians. 1839—1851. Ithaca and London: Cornell, univ. press, 1974.
130. Kaplow I. The Names of Kings the Parisian Labouring Poor in the Eighteenth Century. NY, 1972.
131. Kaplow J. Sur la population flottante de Paris à la fin de l'Ancien Régime // *Annales historiques de la Révolution Française*. 1967, № 187.
132. Kaufmann E. La Banque en France. P., 1914.
133. La franc-maçonnerie orléanaise au XVIII siècle // *Annales historiques de la Révolution française*. 1969.
134. La vie populaire en France du Moyen Age à nos jours. P., 1964. T.1, Le Travail.
135. Lagrave H. Le théâtre et le public à Paris de 1715 à 1750. P., 1972.

136. Lassaerre A. La situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la monarchie de juillet. Lausanne: s.ed., 1952.

137. Laurent G. Jean-Baptiste Armonville, conventionnel ouvrier // Annales historiques de la Révolution française. 1924, № 3.

138. Le dix-neuvième siècle. Les Moers. Les Arts. Les Idées. P., 1901.

139. Le Yaoung J. Trajectoires sociales à Paris au XIX siècle: le monde de la boutique // Centre Pierre Léon d'histoire économique et sociale. Bulletin. 1993.

140. Lefebvre G. Etudes sur la Révolution française. P., 1963.

141. Lefebvre G. Les mines de Littry de 1793 à l'an VIII // Annales historiques de la Révolution française. 1926, № 14.

142. Lefebvre G. Les mines de Littry sous l'ancien régime et pendant les premières années de la Révolution (1744—1793). — Annales historiques de la Révolution française. 1926, № 13.

143. Leon P. La Naissance de la Grande industrie en Dauphiné. P.: Gap, 1954. Vol. I—II.

144. Léon P. Structure du commerce extérieur et évolution industrielle de la France à la fin du XVIII siècle // Conjoncture économique: Structures sociales: Hommage à Ernest Labrousse. P.: La Haye, 1974.

145. Les associations professionnelles ouvrières. T. I. P., 1899.

146. Les petites villes françaises du XVIII au XX siècle. Sous la direction de R. Plessix et J.-P. Poussou. Actes du Colloque de Mamers, organisé en septembre 1991. Mamers, 1998.

147. Levasseur B. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. P.: Rousseau, 1903. Vol. I—II.

148. Levy-Bruhl H. Un projet de code de commerce à la veille de la révolution: Le projet Miromesnil (1778—1789). P., 1932.

149. Levy-Leboyer M., Buorquignon F. L'Économie Française au XIX siècle. P., 1985.

150. Lottin A. Chavatte, ouvrier lillois un contemporain de Louis XIV. P., 1979.

151. Lougier L. Turgot ou le mythe des réformes. P., 1979.

152. Lüthy H. La Banque Protestante en France de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution. P., 1961.

153. Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle. T. I. P., 1933.

154. M. de Certeau, D. Julia, J. Revel. Une politique de la langue. la Révolution et les patois. P., 1975.

155. Manuel F.E. L'introduction des machines en France et les ouvriers: la grève des tisserands de Lodeve en 1845 // Revue d'histoire moderne. 1935. № 18. № 19.

156. Marillier J. Pierre Moreau et l'Union // Actualité de l'Histoire. 1953. № 5.

157. Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII siècles. P., 1923.

158. Markovitch T.J. L'industrie française de 1789 à 1964: Analyse des faits // Cahiers de l'JSEA. 1966. Mai.

159. Martin Saint-Léon E. *Histoire des corporations de métiers*. P., 1909.

160. Mathiez A. *La vie chère et le mouvement social sous la terreur*. P., 1927.

161. Mathiez A. *Le club des cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ de Mars*. P., 1910.

162. Mayer J. *L'armement nantais dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle*. P., 1969.

163. Monnier R. *Le Faubourg Saint-Antoine (1789—1815)*. P., 1981.

164. Moriceau Y.-M. *Les vice-rois des campagnes? Autour des quelques dynasties de fermiers-laboureurs XVIe — XIXe siècles // Annales historiques compiegnoises*. 1985. № 31.

165. Morineau M. *Mort d'un terroriste... // Annales historiques de la Révolution française*. 1984, № 252.

166. Mornet O. *Les origines intellectuelles de la Révolution française: (1715—1787)*. P., 1934.

167. Moss B. *Parisian Workers and the origins of Republican socialism, 1830—1833 // 1830 in France*. NY, 1975.

168. Mousnier R. *La plume, la faucille et le marteau*. P., 1970.

169. Mousnier R. *Les Institutions de la France sous la monarchie absolue*. P., 1974.

170. Mousnier R., Labatut J. P., Durand Y. *Problèmes de stratification sociale: Deux cahiers de la noblesse: 1649—1651*. P., 1965.

171. Najor Russell J. *The Deputies to the Estates General in Renaissance France*. Westport, Connecticut, 1974.

172. Naudin M. *Structures et doléances du tiers état de Moulins en 1789*. P., 1987.

173. Nguyen V. *Les portefaix marseillais // Provence historique* 1960. T. XII. № 49.

174. Nicolas Bergasse, avocat au parlement de Paris, député du tiers état de la sénéchaussée de Lyon aux Etats Généraux: (1750—1832). P., 1910.

175. *Niveaux de culture et groupes sociaux*. Paris—La Haye: Mouton, 1967.

176. *Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville*. T. VIII. P., 1865.

177. Palmade G.P. *Capitalisme et capitalistes français au XIXe siècle*. P., 1961.

178. Perrot J.Cl. *Rapports sociaux et villes au XVIIe siècle // Annales ESC*. 1968. № 2.

179. Peter Campbell. *French Electoral Systems and Elections since 1789*. London, 1958.

180. Pierrard P. *Lille et les lillois*. P., 1967.

181. Pitre-Chevalier. *La Bretagne moderne depuis sa réunion à la France jusqu'à nos jours*. P., 1860.

182. Picard R. *Les Cahiers de 1789 et les classes ouvrières*. P., 1910.

183. Pouthas Ch.-H. *Une famille de bourgeoisie française de Louis XIV à Napoléon*. P., 1934.

184. Prat J.-H. *Histoire du faubourg Saint-Antoine*. P.: Ed. du tigre, s.a.

185. Price R. The French Second Republic. A Social History. L.: B.T. Batsford, 1972.
186. Proust J. Diderot et l'Encyclopedia. P., 1962.
187. Puech J. La vie et l'oeuvre de Flora Tristan. P., 1925.
188. Queniat J. Culture et société dans la France de l'ouest au 18-ème siècle. T. I. Lille, 1977.
189. Ralley J. La structure de l'industrie textile en France en 1840—1844. Histoire des entreprises. 1959. № 3—4.
190. Rancière J. La nuit des prolétaires. P., 1981.
191. Recits et contes populaires de Lyon, reunis par Jacques Vallerant chez les canuts lyonnais. Editions Gallimard, 1978.
192. Reed W. History of sugar and sugar yielding plants. L., 1866.
193. Reinhard M. La Population des villes: sa mesure sous la Revolution et l'Empire, «Population». 1954.
194. Renard E. Louis Blanc. Sa vie — son oeuvre. P., s.a.
195. Reuss R. Le sac de l'hôtel de ville de Strasbourg (juillet 1789): Episode de la Révolution en Alsace // Revue historique. 1915. T. CXX.
196. Richet D. Autour les origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme // Annales ESC. 1969.
197. Rigaudias-Weiss H. Les Enquêtes Ouvrières en France entre 1830 et 1848. P.: Colin, 1936.
198. Rioux J.-P. La révolution industrielle 1700—1800. P.: Riviere, 1971.
199. Robiquet J. La vie quotidienne au temps de la Révolution. P., 1938.
200. Roche D. Le peuple de Paris. Essai sur la culture populaire au XVIII siècle. P., 1981.
201. Roche D. Le siècle des lumières en province. Académies et académiciens provinciaux 1680—1789. P.—La Haye, 1978.
202. Rouff M. Une grève de gagne-déniers en 1786 à Paris // Revue historique. 1910, T. 105, № 1—2.
203. Rudé F. Les saint-simoniens et Lyon // Congrès des sociétés savantes. Lyon, 1964; P., 1965.
204. Rudé F. Stendal et les Saint-Simoniens // Saint-simonisme et pari pour l'industrie XIX—XX siècles, 1970.
205. Rudé F. Voyage en Icarie. Deux ouvriers viennois aux Etats-Unis en 1855. P., 1952.
206. Rudé G. La population ouvrière parisienne de 1789 à 1791 // Annales historiques de la Révolution Française. 1967, № 187.
207. Rudé G. La taxation populaire de mai 1775 à Paris et dans la région parisienne // Annales historiques de la Révolution française. 1956. № 143/2.
208. Rudé G. The crowd in the French révolution. L.—NY, 1967.
209. Rocquain F. L'esprit révolutionnaire avant la révolution. 1715—1789. P., 1878.
210. Sainte-Claire Deville P. La Commune de l'an II. P., 1946.
211. Sapin G. Les structures familiales dans les petites villes de Loire-Inferieure (Premiere moitié du XIX siècle) // Les petites villes françaises du

XVIII au XX siècle. Actes du Colloque de Mamers organisé par l'Association d'Histoire des Petites villes. 1998.

212. Sauzay A. La verrerie depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P.; Hachette 1869.

213. See H. La France économique et sociale au XVIII siècle. P., 1933.

214. See H. La vie économique de la France sous la Monarchie Censitaire (1815—1848). P.: F.Alcan, 1927.

215. Sencier G. Le babouvisme apres Babeuf. P., 1912.

216. Sewell W.H. Work and Revolution in France. The Language of labor from the Old Regime to 1848. Cambridge University Press, 1980.

217. Sewell W.H. la classe ouvrière de Marseille sous la Seconde République; structure sociale et le comportement politique // Mouvement social. 1971. № 76.

218. Soboul A. La civilisation et la révolution française. Part II. La Révolution française. P., 1982.

219. Soboul A. La franc-maçonnerie et la révolution française // La Pensée, 1973.

220. Soboul A. La société française dans la seconde moitié du XVIII siècle: Structures sociales et modes de vie. P., 1969.

221. Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962.

222. Soboul A. Problèmes du travail en l'an II // Annales historiques de la révolution française. 1956. № 144.

223. Soreau E. Ouvriers et paysans de 1789 à 1792. P., 1936.

224. Thuillier G. Aspects de l'économie nivernaise au XIX siècle. P., 1966.

225. Thuillier G. Georges Dufaud et les débuts du grand capitalisme dans la métallurgie en Nivernais au XIX siècle. P.: Colin., 1959.

226. Thuillier G. Les saint-simoniens à Nevers en 1831—1832 // Congrès National des sociétés savantes. Rennes., 1966; P.: 1969.

227. Tonneson K. D. La défaite des sans-culottes. Mouvement populaire et réaction bourgeoise de l'an III. Oslo—P., 1959.

228. Toujas R. Le Tiers Etat montalbanais et la seconde assemblée des notables (6 novembre — 12 décembre 1788) // Actes du soixante-seizième congrès des sociétés savantes. P., 1951.

229. Touraine A. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault. P.: Presses univ. de France, 1955.

230. Trempé R. Les mineurs de Carmaux 1848—1914. P., 1971. Vol. I—II.

231. Turgan. Les grandes usines de France. Etablissements Derosne et Cail. P., 1860.

232. Valentin M. Louis-René Villermé. 1782—1863. Le Mans, 1993.

233. Vanier H. La mode et ses métiers. Frivolités et luttes des classes. 1830—1870. P.: Colin, 1960.

234. Varley P. Entreprises et entrepreneurs du XVIII siècle au début du XX siècle. P., 1994.

235. Verlet P. L'art du meuble à Paris au XVIII siècle. P., 1968.

236. Vial J. La coutume chapelière. Histoire du mouvement ouvrier dans la chapellerie. P.: Domat et Monchrestien, 1941.

237. Vial J. L'industrialisation de la siderurgie française 1814—1864. Paris—La Haye: Mouton, 1967.

238. Vidalenc J. La société française de 1815 à 1848. Le peuple des campagnes. P.: Rivière, 1970.

239. Vidalenc J. La société française de 1815 à 1848. Le peuple des villes et des bourgs. P.: Rivière, 1973.

240. Vidalenc J. Le département de l'Eure sous la monarchie constitutionnelle. 1814—1848. P.: Rivière, 1952.

241. Vidalenc J. Quelques remarques sur le rôle des Anglais dans la Révolution industrielle en France, particulièrement en Normandie de 1750 à 1850 // Annales de Normandie. 1958. № 3.

242. Vigier Ph. La seconde république dans la region alpine. P.: Presses univ. de France, 1963. Vol. I—II.

243. Vovelle M. La chute de la monarchie, 1787—1792. P., 1972.

244. Vovelle M. Ville et campagne au 18 siècle: (Chartres et la Beauce). P., 1980.

245. Walch J. Michel Chevalier, économiste saint-simonien, 1806—1879. Lille, 1974.

246. Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. P., 1910.

247. Williams G.A. Artisans and Sans-culottes. L., 1968.

248. Zeldin Th. France 1848—1945. Ambition, love and politics. Oxford: Clarendon press, 1973.

249. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М., 1987.

250. Ардашев П. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774—1789. СПб., 1900.

251. Бендрикова Л.А. Луи Блан как историк. М.. Изд-во МГУ, 1959.

252. Бендрикова Л.А. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции. М.: Изд-во МГУ, 1969.

253. Бендрикова Л.А. Экономический кризис и рабочее движение накануне Февральской революции во Франции // К столетию революции 1848 года. М.: Изд-во МГУ, 1949.

254. Бернштейн С. Необабувистская печать 1837—1848 гг. Французский ежегодник 1960. М.: Наука, 1961.

255. Брюа Ж. История рабочего движения во Франции. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.

256. Владимирова Н.И. Якобинский клуб в дни Вареннского кризиса лета 1791 г. // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962.

257. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.

258. Вебер М. История хозяйства. Пг., 1923.

259. Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М.: Изд. С.Скримунта, 1906.

260. Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX века. М.: Наука, 1976.

261. Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
262. Гобель Г., Собуль А. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма. По альманахам времен Великой французской революции // Французский ежегодник. 1978. М., 1980.
263. Гордон А.В. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая — 2 июня 1793 г. // Французский ежегодник. 1963. М., 1964.
264. Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983.
265. Далин В.М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.
266. Де Вильпен Д. Сто дней или дух самопожертвования. М., 2003.
267. Дементьев И. П., Согрин В.В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США // Новая и новейшая история. 1980. № 6.
268. Дилигенский Г.Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
269. Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса // М.: Наука, 1969.
270. Ерофеев Н.А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850. М., 1962.
271. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1. Кн. 2. М., 1977.
272. Заборов М.А., Хасина Г.В. К предыстории Марксовой концепции пролетариата («Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30—40-х гг. XIX в.) // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.: Наука, 1977.
273. Завитневич И. К вопросу о руководстве массовым движением во время Июльской революции // Летописи марксизма. III (XIII). М.—Л., 1930.
274. Застенкер Н.Е. Революция 1848 года во Франции. М., 1948.
275. Застенкер Н.Е. Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г. // Французский ежегодник. 1975. М.: Наука, 1977.
276. Захер Я.М. Движение «бешеных». М., 1961.
277. Зильберфарб И.И. Социальная философия Шарля Фурье. М.: Наука, 1964.
278. Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983.
279. Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981.
280. История изобретения и распространения швейной машины. М., 1867.

281. Коробочко А.Е. Из истории социальных движений во Франции в первой половине XVIII в. // Французский ежегодник. 1965. М., 1966.
282. Кропоткин П.А. Великая французская революция. 1789—1793. М., 1979.
283. Киссельгоф И.С. Республиканское восстание 5—6 июня 1832 г. в Париже // Французский ежегодник. 1974. М., 1976.
284. Кожокин Е.М. Государство и народ: От Фронды до Великой Французской революции. М.: Наука, 1989.
285. Кожокин Е.М. К истории фабрично-заводского пролетариата во Франции в 30—40-е гг. XIX в. // Проблемы новой и новейшей истории М.: Изд-во МГУ, 1979.
286. Кожокин Е.М. Формирование классового сознания французского пролетариата // Вопросы истории. 1981. № 1.
287. Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе старого порядка // Буржуазия и Великая Французская революция. М., 1989.
288. Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М.: МГУ, 1985.
289. Кожокин Е.М. Французский рабочий класс и утопический социализм (1830—1848) // Социальные движения и идеологическая борьба. М., 1984.
290. Кожокин Е.М. Фронда, кризис французского государства в XVII в. // Французский ежегодник. 1986. М., 1988.
291. Кожокин Е.М. Фурье и идеологическая борьба во Франции (60—70 гг. XX в.) // Французский ежегодник. 1979. М., 1981.
292. Копосов Н.Е. Абсолютная монархия во Франции XVI—XVIII веков. Л., 1984.
293. Копосов Н.Е. Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М., 1987.
294. Кучеренко Г.С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.
295. Лотте С.А. «Дело Ревельона» // Французский ежегодник. 1958. М., 1959.
296. Лотте С.А. «Республиканское» сословие: (Из истории французского предпролетариата XVIII века) // Французский ежегодник. 1960. М., 1961.
297. Лотте С.А. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции: (По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем) // Французский ежегодник. 1962. М., 1963.
298. Лучицкий И.В. Аграрные отношения накануне революции в окрестностях Парижа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 6.
299. Люблинская А.Д. Бастилия и ее архив // Французский ежегодник. 1958. М., 1959.
300. Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978.
301. Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965.

302. Люблинский В.С. Народное движение 1775 г. и проблематика ранних плебейских и крестьянских выступлений // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962.
303. Малов В.Н. К вопросу о складывании единого хлебного рынка во Франции в XVIII—XIX вв. // Французский ежегодник. 1979. М., 1981.
304. Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.
305. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986.
306. Маныкин А.С. История двухпартийной системы США. М., 1981.
307. Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 29 мая 1793 гг.) // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В.И.Ленина. М., 1949.
308. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
309. Михайлов М.И. Союз коммунистов первая международная организация пролетариата. М., 1960.
310. Молок А.И. Восстание рабочих Марселя 22—23 июня 1848 года // Новая и новейшая история. 1965. № 1.
311. Молок А.И. Июльские дни 1830 г. в Париже // Исторические записки. 1946. Т. 20.
312. Молок А.И. Некоторые вопросы истории июньского восстания 1848 г. в Париже // Вопросы истории. 1952. № 12.
313. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
314. Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. 1789—1804. М., 1938.
315. Ону А. Выборы 1789 года во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. I. СПб., 1908.
316. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
317. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.
318. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
319. Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.
320. Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции. Т. 1—2. М.: Наука, 1971.
321. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789—1792. Л., 1982.
322. Ревуненков В.Г. Парижские санкюлоты эпохи Великой буржуазной революции. Л., 1971.
323. Ревуненкова Н.В. К истории свободного ремесла в городах Южной Франции XIII—XV в. // Средние века. Вып. XXI. М., 1962.
324. Ревякин А.В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX века. М., 1999.
325. Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке: 1715—1789 гг. СПб., 1902.

326. Тонкова-Яковлева Р.М. Движение народных масс Парижа в сентябре 1793 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.
327. Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года — 9 термидора II года. М., 1966.
328. Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960.
329. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
330. Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969.
331. Статистика. М., 1969.
332. Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. Т. 1, 2, 6. М.: Изд-во АН СССР, 1957
333. Ташева Р. Якобинците във Френската революция 1789/1794 София, 1989.
334. Техника в ее историческом развитии. М.: Наука, 1979.
335. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1905.
336. Фальккер С.А. Бумажные деньги Французской революции (1789—1797). М., 1919.
337. Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979.
338. Фрумов С.А. Французская школа и борьба за ее демократизацию 1850—1870. М., 1960.
339. Харрис Дж. Расхождение в технологии и промышленном развитии Англии и Франции до 1800 г. М., 1970.
340. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789—1848. Ростов-на-Дону, 1999.
341. Тэн И. История французской революции. Ч. 5. Харьков, 1912.
342. Черепнев А.И. Из истории металлообработки (Технология производства токарного режущего инструмента в XVIII в.) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 29. М., 1960.
343. Чеканцева З.А. К истории народных движений во Франции во время революционной ситуации 1787—1789 гг. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978.
344. Чеканцева З.А. Народные движения во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII в. // Новая и новейшая история, 1981.
345. Чеканцева З.А. Народные движения во Франции в XVIII веке. Новосибирск, 1990.
346. Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.
347. Черкасов П.П. Генерал Лафайет. М., 1987.
348. Эдмонд Дюваль. Исторический очерк возникновения во Франции и учреждения в Париже правительственных ссудных банков Mont-de-Piete. СПб., 1913.
349. Юнг Артур. Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства. СПб., 1996.

350. Якимович Т.К. Сатирическая пресса французской республиканской демократии. 1830—1835. Киев: Изд-во Киевского университета, 1961.

351. Якимович Т.К. Французский реалистический очерк. 1830—1848 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Об авторе

Евгений Михайлович Кожокин родился в 1954 году в Москве. Свой трудовой путь начал в 1971 году контролером ОТК на Опытном заводе НИИ Автоматики и приборостроения. В 1972-1977 гг. учился на историческом факультете МГУ, специализировался на изучении стран Европы и Америки. В 1977-1980 гг. обучался в очной аспирантуре исторического факультета МГУ. Защитил диссертацию по истории Франции XIX века.

С 1980 года работал научным сотрудником Института международного рабочего движения АН СССР, затем Института всеобщей истории АН СССР.

В 1990-1993 гг. был народным депутатом Российской Федерации. Возглавлял подкомитет по международным делам Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета Российской Федерации, затем подкомитет по международной безопасности и разведке Комитета по обороне и безопасности.

В октябре-ноябре 1991 г. являлся руководителем группы наблюдателей от Российской Федерации в Нагорном Карабахе. В октябре 1993 г. был назначен заместителем Председателя Государственного Комитета по делам федерации и национальностей.

В 1994 г. стал директором Российского института стратегических исследований и возглавлял его почти 15 лет. В 2000 г. в Институте сравнительной политологии РАН им была защищена докторская диссертация.

С февраля 2009 г. по июль 2010 г. работал заместителем руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

В июле 2010 года назначен ректором Академии труда и социальных отношений.

Е.М.Кожокин является профессором исторического факультета МГУ, читает курс «Политическая история стран СНГ».

Е.М.Кожокин является автором книг «Французские рабочие от Великой буржуазной революции до революции 1848 г.». (М., 1985), «Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции» (М., 1989), «История бедного капитализма. Франция XVIII – первой половины XIX века» (М., 2005). В соавторстве вышли книги «Буржуазия и Великая французская революция» (М., 1989) и «Частные люди» (М., 2008). Его статьи и книги печатались на английском, французском, китайском, немецком, испанском, словацком, сербском языках.